ГЛЕН КУК

БАШНЯ СТРАХА

Век Дракона

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Клялись они всадниками, мчащимися в грозу, и копытами, высекающими искры.

Не знали они, что когда-нибудь – или когда-то? – будут о клятвах их написаны странные истории, что назовутся Священными писаниями.

Шли путем, назначенным путями меча (или ятагана?) и магии (или предначертанного Слова?).

И были им имена – Аарон, что жил плотником, а стал величайшим из воинов. Лейла, супруга его и умнейшая из женщин шатров. Ариф и Стафа – сыны Аароновы… и многие, многие еще. Воины и маги, убийцы и поэты.

Те, что шли путем пустыни. Путем битвы. Путем власти.

И для каждого – своя Башня Страха, Башня Победы – или Поражения. Башня Силы – или Смерти…

- Глен КУК
  - ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
  - ПРОЛОГ
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23

- ЭПИЛОГ ПЕРВЫЙ
- ЭПИЛОГ ВТОРОЙ

Глен КУК
БАШНЯ СТРАХА

Посвящается Стивену Абрамсу, который знает о Мидкемии больше, чем я.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Место действия – Кушмаррах, захваченный врагами город.

Кушмаррахане, то есть все жители Кушмарраха. Дартары называют их вейдин, в буквальном переводе – “сидящие на камнях”.

Аарон Хэбнд – плотник, участник войны

Лейла – жена Аарона

Ариф – старший сын Аарона

Стафа – младший сын Аарона

Рахеб Сэйхед – теща Аарона

Тамиса (“Миш”) – свояченица Аарона

Тайдики – свояк Аарона, ныне покойный

Билли-козел – друг Аарона, работает вместе с ним – конопатит щели на кораблях

Насиф бар бел-Абек – кузнец, участник войны

Рейха – жена Насифа, лучшая подруга Лейлы

Зуки – сын Насифа

Накар Отвратительный – колдун, ныне покойный, правил Кушмаррахом именем бога Горлоха

Чаровница – жена Накара

Торго – евнух, слуга Чаровницы

Эйзел – профессиональный убийца, не знает ни промаха, ни пощады. Неумолим и многолик.

Мума – содержатель постоялого двора и сообщник Эйзела

Ишабел бел-Шадук – тоже профессиональный преступник, похититель детей.

Генерал – предводитель Союза Живых, борющегося против геродианской оккупации; является атаманом отряда Шу

Генерал Ханко бел-Карба – национальный герой Кушмарраха

Полковник Сису бел-Сидек – адъютант и наследник Генерала, атаман отряда, действующего в районе порта

Мериэль – вдова видного судовладельца и любовница бел-Сидека, сочувствует деятельности Союза

Полковник Салом Эджит – атаман отряда Тро, никак не решит, что важнее – собственная выгода или законы чести

Полковник Дабдад (“Король”) – атаман отряда Эстан, подхалим

Полковник Ортбал Сагдет – атаман отряда Хар, скорее кровожадный убийца, чем патриот

Полковник Карза – атаман отряда Минисиа, фанатик

Полковник Зенобел – атаман отряда Шен, фанатик

Хадрибел – помощник атамана отряда Шу

Дартары – кочевники, живут в пустыне, из корыстных соображений поддерживают Герод

Йосех – молодой воин, только что из пустыни

Ногах – старший брат Йосеха, командир отряда

Меджах – старший брат Йосеха

Махдах – член их отряда, двоюродный брат Йосеха

Косут – член их отряда, двоюродный брат Йосеха

Джуба – член их отряда, приемный сын

Фарук – член их отряда, двоюродный брат Йосеха

Мельхешейдек – отец Йосеха, старый мошенник

Фа'тад ал-Акла по прозвищу Орел – командир наемников-дартар

Джоаб – капитан, командир роты Йосеха, старый друг Фа'тада

Мо'атабар – сержант из роты Йосеха, родственник Джоаба

Геродиане – дартары называют их ферренги, в буквальном переводе – “чужестранец, враг”. Теперь так именуются все, кто подчиняется правительству главного города империи – Герода.

Генерал Лентелло Кадо – завоеватель Кушмарраха, ныне глава военного правительства и главнокомандующий оккупационными войсками

Талига – зять и вестовой генерала Кадо

Полковник Бруда – командующий разведкой Герода в Кушмаррахе

Мартео Сулло – градоначальник, глава гражданского правительства Кушмарраха

Анналайя – ведьма, привезенная в Кушмаррах Сулло

Кулло – надзирает за работой Аарона Хэбида

Ала-эх-дин Бейх – колдун, происхождение неизвестно, именно его победа над Накаром Отвратительным позволила геродианам захватить Кушмаррах

Прочие

Хоркни, султан Аквира – постоянно угрожает восточным границам Геродианской империи

Боги

Горлох – древнее свирепое божество, давно забытое кушмарраханами

Накар – ангел смерти из пантеона Горлоха, его именем называл себя колдун Накар

Эйзел – демон-посыльный, связанный с ангелом Накаром

Арам Огненный – мягкое, сердобольное божество, сменившее Горлоха

Господь Бог – божество геродиан, свирепое, ревнивое и переменчивое. Распространение этого культа – предлог геродианских завоеваний

ПРОЛОГ

Дым изматывал. Он проникал на юг города, в округ Шу, из Шена – там, стоило захватчикам прорваться через Зимние ворота, вспыхнул пожар. Дым порождал хаос. Солдаты не различали, где друг, где враг, где спасающиеся бегством горожане. Люди спотыкались, падали, дым разъедал глаза. Метались обезумевшие животные.

Кушмаррахане, дартары, геродиане – все молились об одном: о дожде. Дождь мог залить огонь и прекратить смертоубийственную панику.

Кушмаррах пал, но солдаты продолжали сражаться: пока Накар жив, они не смели сдаться.

Казалось, город окружают стены огня. Над центром Кушмарраха быстро сгущались тучи. Над акрополем, цитаделью Накара Отвратительного, они были черны, как дыхание Ада; башня крепости иглой вонзалась в нижние тучи.

Огонь рассеял тьму. Удар грома перекрыл шум, сотни слезящихся от дыма глаз устремились к крепости колдуна. Облака над ней начали клубиться, вращаться, в небе образовался водоворот.

Столб пламени, оглушительный грохот – город содрогнулся до основания.

И наконец пошел дождь. Не пошел, а излился потоками, каких не видывали еще глаза человеческие.

* * *

Колдун сидел на своем черном троне в центре последнего храма Горлоха и от души забавлялся. Он подождет еще немного, а потом раздавит захватчиков. Все, все будут корчиться в мучительной агонии – геродиане и предатели-дартары.

Какое-то движение в темном углу привлекло внимание колдуна. Он широко раскрыл глаза, вскочил; взметнулся подол мантии. Накар не узнал пришельца, но сразу понял, кто перед ним.

– Ты!

– Да, Ваше Высокопреосвященство, – с легкой насмешкой в голосе ответил чужак.

Он был в крестьянской одежде, слишком высок для геродианина и слишком смугл для жителя Кушмарраха. Характерный акцент обитателей пустыни слышался в его речи, но

не был он и дартарином.

– Вот и я.

Накар расслабился. Не впервые его пытались свергнуть, но он уничтожал всех врагов.

– Я ожидал этого. – Он усмехнулся. – Кадо невероятно везет.

– Это не моя заслуга, колдун. Это гений Кадо, твои просчеты и ненадежность, изменчивость рода человеческого. Колдун ухмыльнулся опять.

– Огонь пылает. Он сметет прочь слабого бога Арама. Триумф Города обернется против него самого. Горлох вновь засияет во всем блеске своего величия. Иди же сюда. Я нетерпелив. Я прикончу тебя, а потом разделаюсь с ними. – Накар расхохотался. – Иди сюда, маленькая шавка пустыни. Пусть свершится то, чему должно свершиться между нами. Ты остался последним.

– Нет. – Человек медленно приближался, но в медлительности его не чувствовалось колебания. – Другой уже готовится мне на смену. И всегда найдется некто, неизвестный тебе. Всегда, пока ты не покинешь наконец этот мир и не перестанешь докучать ему своим присутствием. – Кинжал сверкнул в руке незнакомца. Лезвие, казалось, излучало силу.

Колдун содрогнулся. Но ярость взяла верх. Он сметет их с дороги своей судьбы.

– Горлох да поможет мне!

Накар бросился на врага. Они встретились перед огромным идолом у алтаря, там, где испускали последний вздох тысячи и тысячи несчастных, дабы доволен был грозный Горлох и апостол его Накар жил вечно.

* * *

Как раз в этот момент в храм вошла Чаровница. Она ахнула, не в силах поверить собственным глазам. Как удалось чужаку прорваться через укрепления? Какой же колоссальный силой он обладает!

Две тени столкнулись перед алтарем – темная и светлая. Немыслимо огромные, они словно выделывали сложные, замысловатые танцевальные па. Бросок – отступление… сверкали волшебные лезвия.

Темное облако понемногу теснило светлое, но Чаровница ничего не замечала – от страха за любимого в голове у нее помутилось. Она видела лишь, что враг пытается убить его – враг, который смог преодолеть непреодолимые укрепления. Она закричала, забилась в истерике.

– Накар!!!

Темная фигура вздрогнула, повернулась к ней.

Светлая нанесла сокрушительный удар.

От рева Накара задрожали стены. Он пошатнулся и вцепился в горло врагу. Они упали прямо на алтарь.

Чаровница в отчаянии ломала руки. Ее вмешательство погубило любимого. Драка продолжалась – смерть еще не выбрала жертву, и Чаровница произнесла сильнейшее из своих заклинаний, связавшее врагов на веки вечные. Когда-нибудь она изыщет способ вернуть возлюбленного.

Она кончила заклятие, и крик боли вырвался из ее груди:

– ЭЙЗЕЛ!!!

Призыв разнесся по крепости, но ответа не последовало. Слишком поздно. Никто не поможет. Сейчас не поможет.

* * *

Ливень прекратился внезапно, как и начался. Ветер нес по небу облака – словно души погибших в этой битве. Небо над Кушмаррахом очистилось. Повсюду в городе солдаты бросали наземь оружие. Накар умер.

* * *

В Шу наступившую тишину нарушил крик новорожденного. Новое существо явилось в мир. А через минуту к нему присоединился и второй младенец.

Война окончилась. Колесо истории повернулось. Начался новый виток.

Глава 1

Шумная компания мальчишек поднималась вверх по улице Чар. За спиной осталась бледная бирюза бухты. Их было человек двадцать, от трех до восьми лет. Они играли в игру, которая отражала неосуществившиеся мечты их отцов. Они были солдатами и с победой возвращались из Дак-эс-Суэтты.

Шалуны привлекли внимание старухи. Она оторвалась от штопки и нахмурилась, морщины на смуглом лице стали еще глубже. Не мешало бы родителям вбить в них хоть чуток ума-разума, подумала она.

Один из мальчиков пнул ногой какой-то предмет размером с дыню. Другой подбежал, подобрал предмет из пыли и с победным криком потряс им над головой.

Старуха нахмурилась еще пуще. Морщины превратились в настоящие рвы. Где юные хулиганы раздобыли череп?

Мальчишка швырнул его на землю, наподдал ногой. Он рикошетом угодил под ноги прохожему. Другой прохожий пнул череп еще раз, страшная игрушка исчезла из виду, потерялась в лесе ног. Улица Чар была деловой и оживленной.

Но старуха успела заметить на черепе следы огня.

Ага. Конечно, ведь сейчас сносят руины Зимних ворот. Несколько сотен захватчиков, прорвавшись через стену, погибли там в огне, в колдовском пламени. Мальчишкам есть чем поживиться.

Компания бросилась вдогонку за игрушкой, расталкивая торговцев, которые отчаянно бранились вслед – кто добродушно, а кто и не очень. Один из мальчишек, паренек лет шести, остановился перед старухой и церемонно поздоровался.

– Добрый день, бабушка Сэйхед.

Старуха улыбнулась, обнаружив отсутствие зубов, и не менее церемонно ответила:

– Добрый день тебе, юный Зуки. Вы ходили смотреть, как разрушают старые здания?

Зуки кивнул и усмехнулся; зубов у него тоже недоставало. Беззубым человек начинает свой путь, беззубым кончает его.

Совсем как Кушмаррах, подумала старуха.

– Ариф выйдет? – спросил мальчонка.

– Нет.

Зуки растерялся.

– Почему?

– Опасные у вас забавы. Пару минут назад вы чисто случайно избежали больших неприятностей.

Старуха отложила работу и махнула рукой в сторону бухты. Мальчик тоже повернул голову. Восемь черных всадников покачивались над толпой, как мачты кораблей в беспокойно бурлящем человеческом море. Сразу видно было, кто командир: лишь он ехал на лошади, остальные на верблюдах. Они поднимались в гору, не обращая на прохожих внимания, предоставляя им самим спасаться из-под копыт. Наемники-дартары.

Они никуда не спешили, ни за кем не гнались. Просто обычный патруль. Но если б они застали мальчишек за кощунственной игрой…

Зуки смотрел на всадников, онемев от ужаса.

– Ступай, Зуки, – сказала старуха. – Не привлекай язычников к нашему дому.

Паренек развернулся и кинулся догонять товарищей, горланивших далеко впереди. Старуха продолжала разглядывать всадников. Они быстро приближались.

Совсем юные. Старше всех командир – года двадцать три. Остальным нет и двадцати. На всех черные маски, скрывающие лица, но не целиком. Одному не больше шестнадцати.

Дартары поравнялись со старухой, и младший встретился с ней взглядом. Глаза старухи жгли, кололи, обвиняли. Юноша вспыхнул и поспешно отвернулся.

– Позор предателю, – пробормотала старуха.

– Полно, матушка. Он не в ответе. Он был ребенком, когда дартары предали нас.

– Дак-эс-Суэтта, – прошипела старуха, оглядываясь на дочь, которая вышла из дома с ребенком на руках. – Ни забвения, ни прощения, Лейла. Никогда. Герод – сегодня есть, завтра нет. Кушмаррах вечен. Захватчики будут повержены во прах, Кушмаррах восстанет. Кушмаррах припомнит дартарам их измену. – Она плюнула вслед наемникам.

Лейла насмешливо передернула плечами и вернулась в дом. Старуха ругалась себе под нос. Вот она – жизнь под пятой захватчиков: дети больше не уважают родителей.

Она взглянула вверх, на вершину холма. Даже с ее места цитадель Накара Отвратительного не разглядеть. И все же холодок пробежал у старухи по спине.

Приходится признать – кое-что хорошее оккупация принесла Кушмарраху. Ничего не скажешь, Ала-эх-дин Бейх – настоящий герой. До его жертвоприношения никто не посмел бы назвать Накара Отвратительным, разве что еле слышным шепотом.

* * *

Зуки проследил взглядом за тощим пальцем старухи. Всадники-дартары напоминали героев тех страшных историй, которыми мальчики постарше пугают по ночам младших братьев. Черные зловещие фигуры, видны лишь глаза и темные, покрытые татуировками щеки.

Он развернулся и принялся отчаянно проталкиваться сквозь толпу, извиняясь перед взрослыми и время от времени выкрикивая:

– Яхуд!

Все, буквально все были выше его, а пыль внизу лежала таким толстым слоем, что Зуки никак не удавалось разглядеть друзей. Ему показалось, что кто-то окликнул его по имени.

Бам! Он налетел на Яхуда. Тот как раз поднял с земли череп.

– Ты, придурок! – огрызнулся Яхуд. – Смотри, куда прешь.

– Яхуд, дартары.

– Что?

– Дартары идут. Прямо за нами.

– Правда что ли?

– Да.

Яхуд нерешительно взглянул на череп.

– Ладно, Зуки. Бери, выбрось его в переулок. Зуки взял череп двумя руками и пошатнулся под его тяжестью. Переулок был недалеко. Яхуд поднял тревогу, и за Зуки пошли еще несколько мальчиков.

Он уже готов был вступить в переулок, но заметил в тени какую-то фигуру и остановился.

– Тащи сюда, парень, – произнес едва слышный голос. – Отдай его мне.

Зуки сделал три шага и остановился. Что-то внушало ему сомнение.

– Ну, пошевеливайся.

Подчиняясь властному голосу, мальчик шагнул еще на три шага вперед. И один шаг оказался лишним. Человек прыгнул вперед и мертвой хваткой вцепился Зуки в плечо.

– Яхуд!

– Ты Зуки, сын Насифа?

– Яхуд!

– Отвечай, сучонок!

– Да! Яхуд!

Послышались голоса вступивших в переулок детей. Человек ухватил Зуки за руку и потащил вглубь, в глубокую тень. Зуки кричал, брыкался, вырывался, по-прежнему не выпуская череп.

* * *

Йосех с трудом преодолевал страх. Страх охватывал юношу, стоило ему покинуть дартарский лагерь. Так много людей. Многие тысячи, еще год назад он представить себе не мог, что на свете вообще существует столько людей. А бухта? Огромная, как Таки, и синяя, словно твердь небесная! Так много воды! А в море, что за Братьями – так называются мысы, охраняющие проход, по которому корабли входят в бухту, – еще больше воды, намного больше.

А дома! Йосех никогда бы не поверил, что ему доведется иметь с ними дело. В его родных горах вообще ничего не строят, нет никаких зданий, кроме остатков древних крепостей, пришедших в упадок много столетий назад.

Впереди в толпе началось какое-то волнение, послышался шум.

– Меджах! – окликнул Йосех. – Мудха-эль-баль! В каньонах гор Хадатха дартары по-прежнему пользовались боевым кличем, но здесь отказаться от этого пришлось даже им.

– И что с того? Нам, по-твоему, надлежит расправиться с ними? – спросил его брат. Меджах прослужил в Кушмаррахе уже год и поднабрался опыта. – Нас восемь человек. Предположим, мы примерно накажем ребятишек, но тут еще пара тысчонок их родичей… Дудки. Если ферренги хотят их наказать, пусть сами этим и займутся. Ты что, хочешь, чтоб дартар ненавидели, как геродиан?

Ногах, их старший брат и командир отряда, повернулся в седле и одобрительно кивнул:

– Хорошо сказано, Меджах. Йосех, мы здесь не для того, чтоб помирать за ферренги. Мы здесь, чтоб получать с них денежки.

Йосех смущенно хмыкнул. Один из мальчишек остановился перед сидевшей на циновке старухой. Старики рядами выстроились по обе стороны улицы. Некоторые сидели на циновках, другие пристроились на ступеньках, кое-кто пытался торговать, а остальные наблюдали за кипевшей кругом жизнью. Удивительно, как прохожие ухитрялись не наступать на них.

Старуха ткнула пальцем в Йосеха и его товарищей. Глаза мальчишки расширились от ужаса, он взвизгнул и нырнул в толпу.

– Видишь? – спросил Меджах. – На улицах Кушмарраха нет места кощунству и мятежу.

Дартары расхохотались, но Йосех не последовал их примеру. По молодости лет он вечно служил мишенью для насмешек. Юноша взглянул на старуху. Лицо ее было бесстрастно, как лицо статуи, но глаза горели мрачным огнем, ненавистью – как озера кипящей расплавленной горной породы на священной горе

Кхаред Дан. Богу горы случалось гневаться, сильно гневаться, – и тогда он извергал раскаленные смертоносные потоки на оказавшегося поблизости несчастного. Старуха напоминала Йосеху священную гору.

Она наверняка потеряла кого-то в Дак-эс-Суэтте.

Горячая волна залила щеки. Йосех оторвал взгляд от старухи и призвал на помощь презрение истинного дартарина к жителям городов. Но смущение его не уменьшилось. Он забылся, и все эти жалкие городские олухи видели, как дартарин опозорил собственное племя.

Йосех остро сознавал свою молодость, неопытность, сознавал, что его пика и татуировка на лице выглядят совсем новенькими. Меджах уверял, что эта неуверенность пройдет, что никто из горожан-вейдин ничего даже заметит.

Йосех понимал, что брат прав. Но понимать головой и понимать сердцем для молоденького наемника вовсе не одно и то же.

Раздался чей-то крик. Йосех увидел, что ватага ребятишек кинулась в сторону. Крик повторился, сбежались и взрослые. Ребята, похоже, порядком напугались.

Ногах тоже закричал, пришпорил лошадь и выхватил пику. Йосех ничего не понимал. Ему с трудом давались диалекты и жаргоны Кушмарраха. Ясно одно – что-то случилось, и Ногах считает, что это по их части. Йосех тоже пришпорил своего скакуна, причем верблюд попытался укусить подвернувшегося под ноги прохожего.

Густая толпа собралась у входа в узенький – шага в четыре в ширину – переулок. Галдели мальчишки, монотонно повторяя какое-то слово вроде “Бедиягха! Бедиягха!”.

Ногах подал знал Фаруку. Фарук затрубил в рог – это был сигнал для всех слышащих его дартар и солдат-ферренги. Толпа мигом поредела.

– Йосех, Меджах, Косут, – велел Ногах, – быстро в переулок, на крики. Остальные обойдут кругом и отрежут пути к отступлению. Эй, парень, покарауль верблюдов.

Дартары с грохотом спешились. Так и не сообразивший что к чему Йосех, Меджах и Косут (тот приходился им двоюродным братом) вступили в темный, сырой, вонючий проулок. Пика Йосеха в этом тесном проходе была бесполезна.

Шагов через пятьдесят они вновь услыхали крик, вернее, эхо. Будто кто-то звал на помощь.

Еще через двадцать шагов от переулка под прямыми углами расходились две дороги. Они остановились, прислушались.

– Сюда, – пожав плечами, решил Меджах и повернул вправо.

Десять шагов. Опять этот крик, сзади. Дартары развернулись и побежали в обратную сторону. На сей раз Йосех оказался впереди и чувствовал себя еще хуже. Он вытянул пику перед собой.

Пятьдесят метров. Сто. Бежать приходилось в гору, они запыхались.

– Помедленнее, – велел Меджах. – Вдруг это ловушка.

Не все вейдин смирились с оккупацией.

Впереди сверху послышалось пыхтение, словно боролись два человека. Переулок опять поворачивал направо. Йосех завернул за угол и ощутил чье-то присутствие. И правда – он разглядел две фигуры. Мужчина тащил куда-то маленького мальчика, тот упирался.

При виде дартар похититель запаниковал, лицо его исказилось от страха, в следующую секунду он резко махнул рукой в сторону Йосеха.

Ослепительный свет залил переулок, стало нестерпимо жарко, отчаянно завопил ребенок. Йосех упал на руки подоспевших сзади Меджаха и Косута. Огонь жег, как адская печь.

* * *

– Хвала тебе, Горлох, – пробормотал Эйзел. Он увидел, как мальчишка постарше что-то вручил жертве, и та заторопилась прямо в переулок, из которого Эйзел наблюдал за улицей. А он-то заранее смирился с долгой, утомительной охотой. Дело требовало осторожности. Но птичка сама летела в силок, ей словно не терпелось быть пойманной.

Что за штука у парнишки в руках? Черт возьми, ведь это же череп! Какого дьявола они его подобрали?

Эйзел отступил на несколько шагов. Он надеялся, что глаза мальчишки привыкли к синеве бухты и в темном переулке он не заметит преследователя.

Нет, не повезло. Малец кое-что увидел. Он остановился шагах в двенадцати от Эйзела.

– Тащи сюда, парень. Отдай его мне. Парнишка подошел ближе. Но недостаточно: он все же осторожничал.

– Ну, пошевеливайся.

Теперь достаточно близко. Эйзел прыгнул, схватил ребенка. Тот завопил. Эйзел заставил его назвать свое имя. Лучше вовсе ничего не сделать, чем ошибиться, сцапав не того сучонка.

Мальчишка вопил, лягался и колотил Эйзела черепом. Тот не обращал внимания. У входа в переулок, не замолкая, горланили приятели жертвы.

И тут появились фигуры в черном, засверкало оружие.

– Дартары. Какие черти их принесли? – выругался Эйзел. Страх сжал сердце. Он изо всех сил яростно сгреб мальчишку – это немного успокоило. Он запутает этих сукиных детей, этих жалких перебежчиков в лабиринте округа Шу, к югу от улицы Чар. Никто на свете не знает те места лучше него.

Мешал лишь мальчишка: он до сих пор сопротивлялся, вопил и брыкался. Эйзел хорошенько шлепнул его, но не так сильно, как хотелось. Вряд ли заказчикам понравится, если он доставит попорченный товар.

Там, в лабиринте, началось самое страшное. Впервые в жизни Эйзелу пришлось прибегнуть к предпоследнему средству.

Придерживая мальчишку одной рукой, другой Эйзел надорвал пакет, высыпал черную пыль и зажмурился. Только бы не дошло до последних, крайних мер.

Жар отбросил его назад.

Дартары ругались, натыкаясь друг на друга. Мальчишка скулил и слабо дергался. Эйзел открыл глаза.

– Вот так-то, маленький ублюдок. Он взглянул на дартар. Если б не приходилось держать жертву, он переколол бы перебежчиков их собственными копьями.

Он схватил затихшего теперь мальчишку за плечо. Ребенок вцепился в череп, точно в защитный талисман.

На сей раз потребовалось все умение Эйзела ориентироваться в этом лабиринте, чтобы сбить охотников со следа. Дартары, геродиане и разгневанные горожане были повсюду. Эйзел петлял, временами почти припадая к земле, примолкший Зуки беспомощно висел у него на руках. Проклятая удача отвернулась от Эйзела: куда бы он ни пошел – всюду натыкался на подлых верблюжатников в черных одеждах.

Это ему урок на будущее: легкие времена миновали. А они едва ли разделались и с половиной списка. Горлох ведает, сколько еще осталось.

Это поручение он выполнит, но о дальнейшем надо поговорить серьезно. Ни в коем случае он больше не согласится на такие условия. Всего лишь щепотка огненного порошка, чтоб защитить собственную задницу!

Эйзел добрался до выхода из лабиринта. Отсюда недалеко и до места назначения. Сучонок опять начал было сопротивляться, но силенок у него осталось немного. И он наконец-то выпустил проклятый череп.

Эйзел смерил взглядом площадь, которую предстояло пересечь. Никаких признаков волнения он не заметил. Он оторвался от погони, но зато слух о похищении ребенка

наверняка разнесся по городу. Рискнуть пересечь площадь сейчас, под прикрытием длинных полдневных теней, или дождаться благосклонной к разбойникам темноты?

Площадь почти пуста. Парнишка снова затих. Горлох знает, какая еще опасность выползет из оставшегося за спиной лабиринта.

Эйзел схватил паренька за руку, быстро потащил вперед, как разгневанный родитель – непослушное чадо. Мальчишка спотыкался и хныкал – и это работало на замысел Эйзела.

Он тяжело топал по площади, время от времени разражаясь страшными ругательствами и давая выход накопившейся ярости.

Это тоже работало на его замысел.

* * *

Аарон с трудом поднимался в гору, дурные предчувствия мучили его. Товарищи по работе считали Аарона сильным, спокойным и педантичным, но сейчас, на бесконечно долгом подъеме от бухты наверх, буря чувств бушевала в его груди; кошмарные видения преследовали его, ноги налились свинцом.

Все давно кончилось. Но остался кое-кто из зрителей, они до сих пор толковали о случившемся. Среди них Аарон заметил нескольких геродианских солдат и дартар на лошадях. Аарон присмотрелся внимательнее. Это не простые наемники, это кто-то из дартарского командования, сообразил он и содрогнулся, встретившись со злобным взглядом старика с хищным лицом и всклокоченной бородой.

Фа'тад ал-Акла собственной персоной! Фа'тад Орел, командир наемников, кровожадный, как вампир, и безжалостный, как голодная змея. Что он здесь делает? Служит мишенью для воинов из Союза Живых?

Он не знает страха, как те пустынные ураганы, что налетают из-за Таков и с севера, с гор Хадатха, засыпают Кушмаррах пылью и пытают горожан невыносимым сухим жаром.

Фа'тад ал-Акла презирал Союз Живых.

Аарон же считал деятельность Союза в лучшем случае пустым прекраснодушием. Но он не сомневался, что Живые и вправду намерены убить Фа'тада. Орлу недолго ждать, скоро ангел смерти коснется его своим призрачным крылом.

Впереди, перед домом, он увидел Лейлу с матерью. Непохоже, что они оплакивают потерю. Сердце Аарона радостно подскочило в груди. А потом просто взлетело от радости: он увидел Арифа.

Его сын не пострадал! Кошмарные предчувствия не оправдались.

Ариф тоже увидел отца и побежал навстречу. Аарон схватил мальчика на руки и сжал в объятиях, почти грубо. Удивленный Ариф завизжал. Люди с любопытством оглядывались на них. Столь бурное проявление чувств считалось неприличным.

Арифу не терпелось поведать папочке новости, но Аарон перевел дух и подошел к жене и теще. Лейла держала на руках Стафу, младшего сынишку Аарона. Стафе исполнилось два с половиной года, и в хорошем настроении это было сущее бедствие. Ариф же, напротив, отличался спокойным нравом и часто казался печальным.

Стафа потянулся к отцу.

– Хочу, чтоб папочка меня тоже обнял. Аарон протянул руку, и Стафа, как обезьянка, перелез на него, уселся напротив Арифа и довольно заулыбался.

– Я слышал о несчастье, – обратился Аарон к Лейле. – Я боялся, что похитили Арифа.

– Нет. Это Зуки. Зуки, сынишка Рейхи, – с горечью, облегчением и чувством вины за него ответила Лейла.

– О!

Мать Лейлы не сводила с Фа'тада бесстрастных холодных глаз. То был тяжелый взгляд стервятника, ждущего, пока остынет труп.

– Они пошли следом за ним.

– Что? – Аарон обернулся.

– Дартарский патруль. Они оказались здесь, когда Зуки схватили. Сами совсем мальчишки. Ребята закричали – бедиягха! – и дартары бросились за похитителем.

В голосе старухи звучало недоумение. Такая человечность со стороны злодеев Дак-эс-Суэтты была выше ее понимания.

– И?

– Трое вошли в переулок Тош, – ответила Лейла. – И настигли его. – Но в голосе ее не было радости.

– Случилось что-нибудь плохое?

– Их всех обожгло. Не до смерти. Ничего серьезного, хотя одежда тлела.

Аарон передернул плечами, хмыкнул.

– Аарон, надо действовать. Надо прекратить это. Он опять заворчал. Кто ж спорит. Но что можно сделать? Мужчины и раньше обсуждали это, но дальше разговоров дело не пошло. В самом деле непонятно, за что ухватиться, непонятно, кто, откуда наносит удар за ударом.

Старуха пробормотала что-то себе под нос.

– Что, матушка? – спросил Аарон.

– Дартары думают, это дело рук Живых.

Вот оно как. Неудивительно, что старуха в себя не может прийти. Для нее дартары – источник всяческого зла. А тут они прилагают все силы, чтоб спасти ребенка, а похитителями считают кушмарраханских партизан.

– Ребята кричали “Бедиягха!”. Статочное ли это дело? Неужели то проделки старых богов?

Выражение “бедиягха” восходило к древнему языку Кушмарраха. Сегодня оно значило “похититель детей”. В Кушмаррахе, как во всех-городах, во все времена и во всех странах, есть люди, которые – с той или иной целью – хотят купить ребенка. Значит, есть другие, которые добывают и продают детей. Но в прежние времена “бедиягха” имело особый, куда более зловещий смысл – “собиратель жертв”.

То были времена Горлоха, давным-давно свергнутого богом Арамом. Последователи злобного божества были рассеяны, храмы их разрушены, жрецам запретили человеческие жертвоприношения. Но Горлох не желал уходить с миром. Свергнутые боги так просто не сдаются.

Арам Огненный принес свет в Кушмаррах, но Горлох цепко держался в тени, и даже с приходом геродиан и их странного безымянного и всемогущего божества не кончилась власть последнего Верховного жреца Горлоха.

Аарон вздрогнул и глянул вверх. Накар Отвратительный. Он в полной мере заслужил свое прозвище, этот колдун, жрец, король, досягаемый в своем акрополе. Хвала Ала-эх-дин Бейху и геродианам, которые положили конец террору.

– Нет, дело не в Горлохе, – возразила Лейла. – Говорят, Накар был последним жрецом, который знал ритуалы. – Мать ее согласно кивнула, не отрывая глаз от Орла. – А Чаровница никогда не была верующей.

– Могли сохраниться манускрипты с описанием ритуалов.

– Опять ты хочешь что-то внушить себе, Аарон. – Лейла улыбкой постаралась смягчить замечание.

Она не ошиблась. Действительно, ему хотелось объяснить свой страх перед неведомым каким-нибудь заговором, найти понятные причины.

Детей за последнее время похитили не больше и не меньше, чем когда-либо. Но каждый такой случай Аарон принимал теперь ближе к сердцу: дети его и его сверстников вступили в опасный возраст. Кроме того, в их районе случилось нескольких наглых похищений чуть не на глазах у всех, средь бела дня. Пошли разговоры, толки, которые, возможно, даже преувеличивали

опасность.

Если б не эти кошмары…

Аарон устал держать сыновей, руки у него затекли.

– Ладно, Стафа, возвращайся к мамочке. Ариф, слезай, у папы руки устали.

Стафа оскалил мелкие белые зубки и замотал головой:

– Не могу.

– Можешь, – увещевала Лейла. – Иди сюда, отец весь день работал…

– Не могу. Папочка мой.

Аарон поставил Арифа на землю. Тот, конечно, обиделся, как всегда, но не показал виду. Он не сомневался, что все любят братишку больше, чем его. Никакие доводы не действовали, напрасно мальчика пытались убедить, что младший ребенок просто требует больше внимания.

Первенцы всегда печальны, подумал Аарон со смутным чувством вины. Наверное, он слишком многого ждет от Арифа.

Лейла пыталась оторвать Стафу от мужа. Стафа смеялся и вопил:

– Нет! Стафа папочкин!

Он схватил в кулачки два клока Аароновых волос. Аарон подавил обычную вспышку гнева и нетерпения и поддержал игру.

Лейле наконец удалось отлепить мальчонку от отца.

Теперь битва переместилась на землю. Лейла ставила Стафу на ножки, а тот не желал стоять. Мать победила. Стафа отошел, надув губы и заявив на прощание:

– Мамочка, я тебя терпеть не могу.

Он побежал к бабушке и вцепился ей в ногу. Но старухе было не до внучонка.

Аарон снова подхватил Арифа и усадил на левое колено, не обращая внимания на боль в руке и плечах.

– Иди сюда, здоровый парнища, посмотрим, что в мире происходит.

Аарон не переставал радоваться, что с Арифом все в порядке. Он больше ничего и никого не замечал и держался куда смелее обычного. Он даже не дрогнул, встретившись глазами с Орлом.

* * *

Бел-Сидек тащился вверх по улице Чар. С каждым днем все хуже. Его гордости приходится сносить все более тяжкие удары. Давно ли это случилось, давно ли он сдался на милость победителя – и вот он уже просто один из сгорбленных,

скрюченных попрошаек-ветеранов.

Как всегда при этой мысли в нем вспыхнул гнев. Нет, он не сдался! Его не купить жалкими подачками, которыми геродиане от щедрот своих подкармливают побежденных кушмаррахан. Подкармливают остатками, объедками награбленного в их же родном городе, в Кушмаррахе!

Порой бел-Сидек склонен был к излишнему нагнетанию драматизма.

Он командовал тысячью человек – а теперь вынужден попрошайничать на улице. От ярости кровь бросилась бел-Сидеку в голову, он позабыл о боли в ноге, о крутизне подъема. Герод и Дартар заставили его подчиниться, сломили силой оружия. За ними – право победителей. Но он не позволит им завершить начатое. Он не деградирует.

– Они не победили, – бормотал он. – Им не сломить меня. Я – один из Живых.

Для истинно верующего эта формула могущественнее колдовского заклинания.

Бел-Сидек заметил на улице вокруг себя какое-то волнение. Он остановился, оторвался от мыслей о собственной горькой судьбине и подозрительно огляделся. Так и есть! Повсюду дартары и геродиане. Как они…

Подожди. Может, ничего такого нет. Что бы ни случилось, случилось это какое-то время назад. И у врагов вовсе не такой уж зловещий вид. Кое-кому будет очень скверно, если они нашли генерала.

И все же…

Все же что-то их очень и очень занимает. Раз сам Фа'тад ал-Акла тут, значит, дело нешуточное.

Не опасно ли ему здесь находиться? Они кого-нибудь ищут? Это обыск?

Нет, вряд ли. Вряд ли Орлу удалось вычислить их со стариком в нынешних обстоятельствах, через десять лет, притом что тропинки их пересекались всего раз и лишь на очень короткое время.

А вот Рахеб Сэйхед с дочерью.

Рахеб сутки напролет торчит на своей циновке; от нее ничто не ускользнет. Бел-Сидек похромал к женщинам.

Из складок юбки Рахеб выглянула улыбающаяся рожица.

– Привет, Стафа, – усмехнулся бел-Сидек. Ему нравился этот постреленок. – Привет, Рахеб, привет, Лейла.

– Приветствую вас, атаман, – ответствовала старуха и чуть заметно наклонила голову, показывая, что она-то по-прежнему почитает его. Потом она снова уставилась на Фа'тада.

Бел-Сидек, вопросительно нахмурившись, повернулся к Лейле.

– Сегодня ее мир был поколеблен до самого основания. – пояснила та.

– Что стряслось?

– Похитили ребенка. Зуки, сына Рейхи. Патруль дартар оказался как раз в том месте. Они пытались спасти Зуки. Три дартарина пострадали.

– Ах вот почему Фа'тад здесь.

– Может быть. Но вряд ли. С ними ничего серьезного. Я слыхала, он тут, потому что думают, будто в этом деле замешаны Живые.

– Какая чушь!

– Чушь?

– Зачем им шестилетний мальчонка?

– А зачем они избивают лавочников и грабят ремесленников? Зачем топят собственных людей и почему палец о палец не ударят для своих так называемых подопечных?

– Ты преувеличиваешь.

– Преувеличиваю? Позвольте мне сказать вам два словечка, атаман. В Кушмаррахе живут обычные, ничем не замечательные, лояльные обыватели. Они ненавидят геродиан и дартар не меньше вашего. И знаете что? Они по горло сыты Союзом Живых, настолько сыты, что почти готовы выдать Фа'таду некоторые имена.

– Лейла… Бел-Сидек обернулся.

– Аарон! Как ты?

– Плохо. У меня маленькие дети, а дартары, похоже, больше обеспокоены их безопасностью, чем кое-кто из наших соплеменников, которые вроде бы претендуют на мое сочувствие. А между тем этим людям следовало бы разобраться, в чем дело, если за похищениями детей стоит какая-то организация.

Бел-Сидек понял. И то, что он понял, ему не понравилось.

– Слышу, слышу Аарон. Ладно, пошли, проводи меня до дома. – И, волоча ноги, он начал подниматься в гору.

Аарон передал сынишку жене и последовал за бел-Сидеком. Догнать калеку было нетрудно.

– Она сказала правду? – спросил бел-Сидек.

– Вы знаете женщин, знаете, что с ними бывает с перепугу. Они собой не владеют, могут сболтнуть первое, что в голову взбредет.

– Да. – Бел-Сидек обернулся на Рахеб, неподвижно застывшую на своем месте. Вид старухи был еще более зловещ, чем угроза ее дочери.

– Я знаю людей, которые знают других людей. Я скажу кое-что кое-кому.

– Спасибо. Как ваш батюшка?

– Много спит. Боль меньше мучит его.

– Хорошо.

– Я передам, что ты справлялся о нем.

* * *

Старик проснулся от хлопанья двери. Она или захлопывалась, или же не закрывалась вовсе.

– Бел-Сидек? – Он сморщился от боли в боку.

– Да, Генерал.

Старик заставил себя встряхнуться и не показать входившему в полутемную комнату атаману своей слабости. Темно было не только от недостатка освещения: зрение Генерала слабело. Он увидел лишь смутный силуэт вошедшего бел-Сидека.

– Удачный день, атаман?

– Начался хорошо. С утренним приливом пристали три корабля. Было много работы. Несколько дней можно не думать о пище.

– Но…

– По дороге домой я столкнулся с неприятной, но весьма показательной ситуацией.

– Политика?

– Да.

– Доложи.

Генерал слушал внимательно, замечая все оттенки. Слух у старика был отличный, время пощадило его. Генерал слышал не только объективную информацию, но и скрытые нюансы, то, что волновало атамана в глубине души.

– Эта женщина – Рахеб? Она тебя беспокоит. Почему?

– У нее был сын. Тайдики. Ее ясное солнышко. Ее полная луна. Она сражался в Дак-эс-Суэтге в моей тысяче. Храбрый молодец. Держался до конца. Он попал в число тех сорока восьми из тысячи, что вернулись домой. Вернулся он в плохой форме. Намного хуже, чем я. Но Тайдики был гордым парнем, он не сомневался, что пострадал не зря, за правое дело.

Мать оплакивала его, но тоже гордилась. Гордилась всеми, кто сражался в неравной битве при Дак-эс-Суэтге. Фанатично гордилась.

– В чем суть, атаман?

– Год назад Тайдики вышел на улицу и начал твердить всем и

каждому то, что сказала сегодня его сестра, но резче, откровеннее. Он недобрым словом поминал наш класс и Союз Живых. Он сказал, что дартары вовсе не предали нас в Дак-эс-Суэтте, что Кушмаррах предал их первым, закрывая глаза на их нужды. Дартары лишь не дали своим детям умереть с голоду. Когда один из членов Союза попытался урезонить парня, Тайдики принялся поносить его. Тот перешел к угрозам – и тогда соседи Тайдики, наши соседи, нещадно избили его.

– Я жду сути.

– Потом Тайдики покончил с собой. В знак протеста. Он заявил, что Кушмаррах уже убил его и нет смысла тянуть дальше.

– Суть?

– В тот момент я впервые осознал, что отнюдь не все граждане Кушмарраха в восторге от нашей деятельности.

– И что же?

– А позавчера в Харе произошла настоящая трагедия. Дартары арестовали восемнадцать рядовых членов Союза. Их судили анонимно, даже не стали допрашивать. Приговор был приведен в исполнение прямо на улице. Кое-кто из зрителей смеялся.

– Понимаю.

– Понимаете? Наши собратья…

– Сказал же – понимаю. Генерал подумал несколько минут.

– Атаман, у твоего отца только что был очередной приступ. Он думал, что умирает. Сходи за братьями и кузенами, пусть явятся нынче, поздно ночью, я должен сообщить им свою последнюю волю.

– Слушаюсь, сэр.

– Фа'тад сейчас на улице?

– Да, сэр.

– Помоги мне добраться до двери. Хочу посмотреть на него.

– Стоит ли рисковать, сэр?

– Неужели он узнает человека, которого уже шесть лет считают умершим?

Но его полуслепым глазам не суждено было встретиться со взглядом врага. Фа'тад ал-Акла и его соплеменники – а вместе с ними и геродианские пехотинцы – уже ушли. На улице Чар кипела обычная вечерняя жизнь.

Глава 2

– Это что за штука! – Аарон с любопытством рассматривал блюдо, которое Лейла поставила перед ним. Аарон сидел, вольготно откинувшись на подушки, усталость и страх постепенно проходили, и в голосе его не было ни капли раздражения.

– Что-то это мне напоминает.

– Подумай хорошенько. Желтая кашица, а внутри вроде бы запечена какая-то штуковина.

– Где мне догадаться, но если уж моя женушка приложит к чему руку – с ней никто не сравнится.

– Лично мне это не по вкусу, мамочка, – вмешался Ариф. Стафа, конечно, поддакнул ему: малыш вечно капризничал.

– Вы сперва попробуйте.

Аарон не думал, что стряпня ему понравится, но оказалось очень вкусно. Мальчики тоже мигом разделались со своими порциями.

Это была запеканка из нарезанных ломтиками овощей и кусочков баранины, политая густым острым соусом, с грибами и орехами. После ужина дети получили обещанные финики.

Бабушка Рахеб поглощала пищу в мрачном молчании. Ей мясо и овощи готовили отдельно, особым способом: чтоб старухе легче было жевать беззубым ртом. Сегодня она ела еще медленнее, чем обычно. Аарон притворялся, что ничего не замечает. У Лейлиной матушки удивительная способность сосредоточиваться на мрачных, неприятных переживаниях. Если же она заполучит слушателя, это может растянуться на годы, превратиться в настоящую драму.

Взять хотя бы Тайдики. Рахеб оплакивала его с самой Дак-эс-Суэтты. Кто знает, может, из-за ее вечного нытья он и покончил с собой.

Аарон попытался отвлечься.

– А у тебя как дела, Миш?

Тамиса, четырнадцатилетняя сестра Лейлы, все еще хлопотала по хозяйству. Ко времени битвы при Дак-эс-Суэтге с ними жили и другие сестры. Они, одна за другой, повыходили замуж. Последняя незадолго до безумного поступка Тайдики.

Наверное, это еще усугубило отчаяние Тайдики. Других родственников у них не было, а забота о приданом сестер легла целиком на его плечи.

Мужа своего Рахеб почему-то не оплакивала. А ведь он тоже пал в Дак-эс-Суэтте. Между тем, сколько уж она здесь прожила,

даже имя его не упоминалось.

– Все в порядке, – ответила Тамиса.

Уклончивые ответы, скрытая подавленность, улыбка сквозь слезы. За все время никому не удалось вытянуть из нее еще что-нибудь. За восемь лет их знакомства она здорово изменилась. Аарон отмечал это со смутным чувством вины, хотя – что он мог поделать? Слишком много времени девчушка проводит рядом со своей матушкой.

Аарон безумно боялся, что молчаливое отчаяние старухи подействует и на Арифа и Стафу. Он понимал, что слишком уж печется о сыновьях. Ведь детство все равно пройдет. Они станут взрослыми – это неизбежно.

– Кончим есть, и я пойду навещу Рейху, – заговорила Лейла.

– Конечно.

– Миш уберет со стола.

– Конечно.

– Мы знаем друг друга много лет. Мы вместе рожали. На улицах еще продолжалось сражение.

– Знаю.

– Мы лежали здесь, и держались за руки, и слышали, как снаружи люди убивают друг друга. Солдаты могли ворваться в дом и убить и нас тоже.

– Знаю.

Никакие разумные доводы не помогали: Лейла не могла простить мужу, что в тот момент его не оказалось рядом: попал в плен к геродианам.

– Зуки родился через минуту после Арифа. Это было в последний день войны. Ала-эх-дин Бейх разрушил барьер и убил Накара Отвратительного.

– Знаю.

Аарон знал, к чему это предисловие: ему придется проводить жену, а он терпеть не мог мужа Рейхи Насифа.

Насиф был кузнецом и преуспевал. Геродиане завалили его заказами. Аарон с Насифом вместе служили в артиллерийско-инженерных войсках. Аарон был уверен, что именно Насиф предал их во время осады Семи Башен на перевале Хэрак.

Три башни уже пали. Не было сомнений, что им не удержать геродиан. Но защитники башни тянули время, ожидая победы при Дак-эс-Суэтте, новых рекрутов и союзников, которые соберутся в долине Чордан. Властители Марека, Туна и Кальдеры прислали семьдесят тысяч человек.

Но кто-то из малодушия – или купившись на обещанную Геродом награду – открыл задние ворота. Этого предательства оказалось достаточно; геродиане успели вовремя достичь долины

Чордан и не дать кушмарраханам и их союзникам подтянуть все силы.

– У нас обеих мелькнула одна и та же сумасшедшая мысль: дать нашим сыновьям имя Мир, – продолжала Лейла.

– Знаю.

– Почему ты не любишь Насифа? Вы всегда были вместе.

– Потому и не люблю. Я слишком хорошо его знаю. – Аарон никому, даже Лейле, не высказывал своих соображений насчет Насифа.

– Но…

– Я там был, а ты нет. Все, разговор окончен. Собирайся, если хочешь идти. Ариф, Стафа, одна сказка – и спать.

Всего год – и побережье до самой Кальдеры оказалось в руках Города. И дело не в великой битве при Дак-эс-Суэтте, а в одном предателе в башне на перевале Хэрак.

Когда подобные мысли лезли в голову, Аарон пытался отогнать их, сам над собой насмехаясь: ишь чего выдумал, хочешь поставить свою незаметную персону в самый центр исторических событий.

* * *

Йосех лежал на койке, закинув руки за голову, и смотрел на темное небо, видневшееся из-за потолочных балок. Болело обожженное лицо: мазь помогала мало.

– Чего ты сегодня такой задумчивый? Йосех взглянул на Ногаха и честно ответил:

– Человек в том переулке – он спокойно мог убить нас, если б захотел. Нас всех.

– Наверное. Но не убил же.

– Но хотел. Я понял по его лицу, хотя он был удивлен и испуган. Он ненавидит нас, он хотел нас убить, но важнее было удержать мальчонку.

Ногах задумчиво посмотрел на него, кивнул.

– Пошли. Фа'тад хочет расспросить тебя. Йосех испуганно сжался, напрягся, в животе начались спазмы, он растерянно заморгал глазами.

– Нет-нет, не могу.

– Пошли, Йосех. Он всего-навсего человек.

– Всего-навсего Фа'тад ал-Акла. Я ж его боюсь до чертиков! Ногах улыбнулся.

– Пошли братишка. Это только полезно, тебе всегда недоставало твердости.

Йосех поднялся и побрел вслед за Ногахом. Чувствовал он себя как осужденный, которого ведут на виселицу.

Лагерь дартар был расположен за Осенними воротами Кушмарраха, на поле, где устраивались военные учения. Лагерь окружала не очень толстая стена метра три высотой. Все постройки, грубые и неказистые, примыкали к ней, а их крыши образовывали удобную площадку для защитников лагеря. Строительным материалом служили глина и кирпичи, покрашенные, чтоб защитить стены от сырости. Площадь лагеря составляла примерно три акра. Йосеху и Ногаху надо было пересечь его. Шатер Фа'тада находился у противоположной стены. На необычайно чистом небе сверкали звезды. Пахло сеном и потом животных – верблюды, лошади, коровы, козы шумно вздыхали, жевали в темноте, переминались с ноги на ногу.

– Наверное, уже пора перегонять скот на юг, – заговорил Йосех.

– Да, в любой день. И людей достаточно.

– Ты провел здесь пять лет, Ногах. Почему?

– Понятия не имею.

– Рассказывай! Я твой брат. Я знаю тебя всю жизнь. Каждый раз, оставаясь на новый срок, ты должен отвечать себе на этот вопрос.

– Ну, может, я чувствую, что здесь приношу больше пользы. Ферренги платят серебром, мы покупаем скот. А дома я всего лишь еще один голодный нахлебник.

– Кроме того, тебе не приходится собачиться с папашей. Ногах фыркнул, рассмеялся.

– Зато у меня есть Фа'тад ал-Акла, с ним-то не поспоришь. С отцом все же иногда удается справиться.

– Перед моим отъездом он здорово сдал и стал похож на человека. “Четырех сыновей послал я Фа'таду, – сказал он. – И ни один не вернулся назад. Но ты-то, малыш Йосех, ты отслужишь свой срок и вернешься домой”.

– Похоже на него. Не сомневаюсь, он велел тебе передать отступникам пару теплых слов.

Разумеется, но Йосех не решился пересказать их братьям.

– Да.

Они прошли еще немного.

– Итак? – спросил Ногах.

– “Скажи Ногаху, моему первенцу, – сказал он, – скажи, чтоб возвращался домой. Мне все хуже, темный ангел подходит все ближе. Место наследника – рядом с отцом, его долг быть рядом со мной в последний час”.

– Ага, его последний час! Старушка Смерть подкрадывается

все ближе?

– Это он сказал, не я.

– А ведь он только что взял себе новую жену.

– Точно.

– Это уже третья, с тех пор как я уехал на север.

– Многие женщины не могут найти мужей, потому что молодые мужчины не возвращаются после службы в Кушмаррахе.

– Значит, папаша возмещает эту нехватку.

– Таков его долг перед племенем, уверяет он. Если он не возьмет бедных девочек в жены, отцы выгонят их из палаток на голодную смерть.

– И его бедняжки жены, конечно, бесприданницы.

– Издеваешься? Он готов жениться на уродине, но не на бедной.

– Они зовут его “старый плутишка Мельхешейдек”. Братья дошли до противоположной стены лагеря. Ногах окликнул стоявшего на часах стража:

– Яхада, этот Ногах. Мы пришли.

– Я скажу Фа'таду.

Стражник скрылся внутри шатра.

– Это не шутка, Ногах, – вновь заговорил Йосех. – Старики поговаривают, что не надо отпускать юношей к Фа'таду – пока они не женятся и не оставят жене хотя бы одного ребенка. – Набили животы, старые придурки.

– Что?

– С голодухи-то они не так рассуждали. Тогда они отправляли к Фа'таду зеленых юнцов – и согласия не спрашивали. Яхада приоткрыл дверь.

– Входите.

Йосех последовал за братом, колени его дрожали. Он робко взглянул на Фа'тада, и уверенности у него не прибавилось. Эти глаза… Серые, как железо, холодные, как вода в колодце. В них не было гнева, но Йосех трясся, как нашаливший мальчишка.

Фа'тад едва заметно кивнул и уселся, скрестив ноги на небольшой подушке. Комната походила на пещеру.

– Это твой брат, Йосех?

– Да, командир.

– Я подслушал ваш разговор минуту назад. Ты говорил правду, Йосех, они действительно намерены вмешаться в мои дела?

Йосех не знал, как ответить: в вопросе Фа'тада чувствовался подвох. Юноша тщательно подбирал слова.

– Они хотели бы, чтобы молодые мужчины поскорее возвращались домой.

Подобие улыбки появилось на губах Фа'тада.

– О да. То-то они торопились, когда были молодые и служили разведчиками в Кушмарраханской армии. Ты прав, Ногах. Они набили брюхо, а теперь злобствуют и завидуют молодым. Яхада, найди Бэрока. Скажи, ему нечего ломать голову, как доставить скот в горы. – Фа'тад широко улыбнулся и доверительно обратился к Йосеху:

– Стоит напомнить им, что засуха еще не кончилась. – Лицо Орла омрачилось, а потом стало и вовсе бесстрастным.

Восемь лет засухи. Такого в истории дартар еще не бывало.

– Твой брат рассказал, что случилось нынче днем, Йосех. Теперь я хочу услышать твою версию.

Йосех, запинаясь и мямля, рассказал о стычке с похитителем.

– Ты узнал бы этого человека?

– Да.

– Опиши его.

– Невысокий, даже для вейдин. Широкоплечий, очень мускулистый. Немолодой. Лет тридцать пять – сорок. Для вейдин – смуглый. Ловкий и, наверное, сильный. Нос – как будто кто расплющил его. Большой рот, толстые губы.

– Борода?

– Нет…

– Шрамы?

– Ну… Я не уверен. Может, небольшой, на губе, как будто ножом полоснули.

– Гм…

– Вы знаете этого человека? – спросил Ногах.

– Нет. Но хотел бы с ним повстречаться. Йосех, откуда взялся огонь?

– Он просто протянул руку, что-то было привязано у него к поясу…

– Конверт? Пакет? Мешок?

Йосех беспомощно взглянул на Ногаха, опять на Фа'тада.

– Да, командир. Что-то вроде этого…

– Гм… Покажи, как он это сделал. По возможности точно и помедленнее.

Йосех повиновался, удивляясь дотошности Фа'тада и робея под его пристальным взглядом.

– Он протянул левую руку к правому боку и открыл пакет тыльной стороной руки?

– Да.

– И высыпал… Что он высыпал? Ты успел разглядеть, до того как загорелся огонь?

– Пыль. Кажется, желтая, почти шафранная.

– А это существенно, командир? – спросил Ногах.

– Жест, наверное, нет. Он держал ребенка и свободна была лишь одна рука. Но меня интересует этот порошок, который никак не действует в открытом конверте, соприкасаясь с воздухом, но взрывается, когда его бросают.

– Колдовство? – неуверенно предположил Ногах.

– Не исключено. Меня очень интересует этот порошок. Меня также интересует лабиринт округа Шу. С Шу у нас вообще много проблем: преступники скрываются в лабиринте, уходят и приходят, когда захотят.

Йосеху казалось, что Фа'тад клонит куда-то. Подозрение его немедленно подтвердилось.

– Ногах, отправляйтесь туда завтра же. Начните исследовать лабиринт и все наносите на карту. У нас до сих пор нет карты этого проклятого места. Даже тамошние жители понятия не имеют, что делается за задними дверьми их домов. Возьмите всех, кто не занят делами ферренги. Мы покончим с этим, мы выкурим из Шу кушмарраханских злодеев.

– Слушаюсь, командир, – кивнул Ногах, Йосех робко поддакнул.

– Пока все. Йосех, если вспомнишь что-нибудь важное, доложи немедленно.

– Да, командир.

Йосех бросился к выходу со всей возможной поспешностью, на ватных ногах, и с трудом доковылял до своей хижины.

* * *

Зуки, не двигаясь, долго сидел у двери клетки, прижавшись к холодным железным прутьям. От страха он намочил штанишки.

В клетке находилось еще тридцать перепуганных детишек примерно одного с ним возраста. Только двое близняшек сидели рядышком, остальные старались держаться подальше друг от друга. Все уставились на Зуки.

Непохоже, что их морили голодом или били. Они были чисто вымыты и тепло одеты. Но они дрожали от страха и, наверное, много плакали.

Ему тоже хотелось плакать. Хотелось к маме.

Зуки посмотрел на маленьких пленников, они посмотрели на него. Он не знал, что делать, – и заплакал.

Эйзел кончил есть и с отвращением отодвинул тарелку. Повар достоин смертной казни. Он так и не понял, что это за месиво. Вошел Торго.

– Она ждет тебя.

На лице евнуха застыла брезгливая гримаса, точно он не к человеку обращался, а к таракану.

– В самом деле? Отлично. Слушай, кто это сготовил? Предлагаю живым закопать его в муравейник. Сроду такой дряни не едал. Ребятню и то лучше кормите.

– Жизнь детей – драгоценна. Пошли. Эйзел пошел за Торго, глядя в широкую жирную спину евнуха.

– Слушай, Торго, я от тебя просто в восторге, ей-богу, так бы пристукнул. Эй ты, чудила без яиц, слышишь меня? Я не я буду, если не прикончу тебя.

Эйзел скользнул взглядом по босым ногам евнуха; он прикинул, как лучше взяться за дело.

Торго оглянулся, на его круглой физиономии с вялыми невыразительными чертами мелькнуло изумление, потом он слегка улыбнулся.

– Пожалуйста, попробуй. Боюсь, будешь разочарован.

– Ты считаешь себя нехорошим человеком, Торго? Да ты ж отродясь не вылезал из этой ямы, ты всю жизнь копаешься в дерьме. Ты понятия не имеешь о том, как живут плохие мальчики, настоящие разбойники. А ты не плохой. Ты даже не злой. Ты – никакой, ты – нуль, ты просто жирная глупая свинья.

Но владеть собой он умеет, невольно отметил Эйзел.

Мало кто из обитателей крепости когда-либо покидал ее пределы. Геродиане знали их всех в лицо, и слишком частые приходы и уходы могли в конце концов обратить на себя внимание проклятых ублюдков. Захватчики догадались бы, что есть способ преодолеть барьер. Лишь Эйзел и еще несколько доверенных лиц проникали в цитадель через так называемый Черный ход Судьбы. Это наименование изобрел создатель барьера.

Двое из этих доверенных агентов были женщины, им приходилось изрядно попотеть, таская в крепость вещи, продукты, вообще всякие товары.

“Интересно, – думал Эйзел, – мне что, в самом деле хочется убрать Торго? Гм. Если морда у него все время будет такая мерзкая – наверняка”.

Ладно. Он заставил себя отвлечься от евнуха и огляделся вокруг. Обычный коридор, обычный-то обычный, да столько сокровищ, что спокойно можно купить с потрохами несколько принцев. И так по всей проклятущей крепости. Чего вы хотите, ведь старик Накар долгое время держал в кулаке весь Кушмаррах. А когда порушили храмы и поскидывали идолов, он заставил дорого заплатить за замену Горлоха сладкоголосым Арамом

Огненным. Когда это случилось, он совсем разошелся и получал, черт побери, все, что его левая нога захочет.

Эйзел не понимал, как это Накар позволил им скинуть Горлоха. Правда, старик провозглашал, что нет смысла удерживать бывших фанатиков, которые отреклись от своей веры. Эйзел не был уверен в правоте Накара.

Эйзелу довелось побывать во многих местах, объездить все побережье, пожить за морем, повидать разных богов, в том числе и совсем чудных, и одну вещь касательно религии он усвоил крепко. Истинная вера не имеет ни малейшего значения. Ты должен соблюдать обряды, а когда жрец протянет руку и скажет: “Дай мне”, ты должен спросить: “Сколько?” Вот и все.

Эйзел не знал, верующий он или нет. Соблюдение обрядов вошло в привычку. Но он не был уверен, что яростный Горлох превосходит Арама с его мягкосердечием, некоторой придурковатостью, любовью к ближнему, всепрощением и прочей чепухой.

Эйзел нарочно изводил Торго своим хихиканьем. Если уж искать настоящего сильного бога, истинно мужского бога, тогда надо за геродианским Господом, за странным богом, не имеющим другого имени. Этот-то – сплошной гром, молнии и карающая десница. Вообще-то он настоящий псих. Делай, как я велю, или умри, несчастный, – и все учение. Порой выходит довольно глупо: велит-то он то одно, а то – совсем противоположное.

Геродиане не спешили насильно насаждать свою непогрешимую Истинную Веру в Кушмаррахе. Они чувствовали себя недостаточно уверенно: на непредсказуемых наемников-дартар нельзя было положиться.

Эйзел снова хихикнул – вспомнил план, который предложил Генералу года три-четыре назад. Предполагалось задействовать ребятишек, совсем сопливых, чтоб геродиане не смели на них руку поднять – из страха быть разорванными на части.

План сработал бы, они выжили бы геродиан. Но старик воспротивился: сказал, что недостойно использовать интимные привычки противника. Чушь. С врагом надо бороться любыми средствами, метить в самое слабое место.

Эйзел похихикал еще – чтоб вывести евнуха из себя. Но они уже подошли к двери приемной и к охранявшему ее стражнику. Шутки в сторону.

* * *

Сто лет назад она слыла первой красавицей побережья. Она

привлекала в Кальдеру поклонников со всех концов света. С дальнего запада, из Дедро Этрейна, где океан яростно бьется о пустынные скалистые берега; и с востока – из Аквира, Карена, Бокара. Они приплывали из Катеда, Наргона, Бартео – на кораблях с парусами пурпурными, алыми и синими, как твердь небесная. И реальность превосходила ожидания всех этих принцев и лордов. Они готовы были взять ее за одну красоту, без приданого.

Мало того, они привозили подарки, они завалили Кальдеру несметными сокровищами.

Среди девочек ее возраста только она имела врожденные способности к колдовству. Такой талант, если он дается лишь одному из поколения, становится особо мощным, сокрушительным орудием.

Весь мир лежал у ее ног. Она была еще очень молода, а уже заслужила прозвище Чаровница – не столько за упражнения в волшебстве, сколько за то, что выделывала со своими ухажерами. Она водила их за нос, высмеивала – и вовсе не собиралась продавать себя. И кальдерским вельможам не позволяла даже заикнуться об этом.

А именно таково было их желание – заключить выгодный союз, получить золото, власть… Отец Чаровницы чувствовал себя ужасно неловко из-за истерик, которые закатывала дочка при малейшем покушении на ее свободу. Но потом в Кальдеру прибыл Накар, Верховный Маг Кушмарраха.

Он не обладал ни богатством, ни официальной властью. Он не привез даров и ничего не обещал. Его грозный бог не имел уже прежнего значения, непостоянная чернь Кушмарраха отвернулась от него. У Накара осталась лишь неприступная крепость и безжалостная хватка, с которой он вмешивался в политику Кушмарраха.

Даже в те времена он был стар, как мир, но выглядел лет на сорок. Стройный красивый мужчина с волнистыми черными волосами, едва тронутыми сединой. Темные горящие глаза неудержимо влекли к себе, манили, интриговали.

Чаровница навеки запомнила момент, когда впервые почувствовала на себе взгляд Накара.

Темные слухи кружились вокруг его имени, как мошки вокруг огня. Говорили разное. Говорили, что молодостью своей Накар обязан не колдовству и не милостям своего бога, вернейшим последователем которого он был. Нет, он вообще бессмертен, он питается кровью и душами живых людей.

Но взгляд Накара уже сделал свое дело. Ничто больше не имело значения.

Теперь Чаровнице исполнилось уже сто лет, но выглядела она куда моложе: хорошо сохранившаяся тридцатипятилетняя женщина. Ее красота оказывала почти такое же воздействие, как и раньше, по-прежнему оставалась главным ее орудием.

Однако в случае с Эйзелом – орудием пустым и бесполезным, он словно ослеп и был совершенно равнодушен.

Они вошли в приемную вместе с Торго. Эйзел пихал его в спину. Евнух до боли стиснул челюсти: насмешка Эйзела наконец-то доконала его.

Чаровница взяла себя в руки. Дерзостью и грубостью Эйзел хотел заставить ее занять оборонительную позицию. Наверное, он преуспел в этом – благодаря несокрушимой самоуверенности, которая не покидала Эйзела и при разговоре с людьми, способными прихлопнуть его, как муху.

Она не знала его настоящего имени. Ее супруг, Накар, прозвал разбойника Эйзелом в честь демона-посыльного из пантеона Горлоха и доверял ему безоговорочно, как никому другому. И даже Накар, могущественный, не знающий удержу, немного побаивался Эйзела.

Плохо одно – Эйзел никогда не отказывался от задуманного; не стоило и пытаться навязать ему свое мнение.

– Добрый вечер, Эйзел. Мне доложили, у тебя какие-то неурядицы.

– Не у меня, у нас, женщина. Они взяли нас за горло. Сегодня мне пришлось воспользоваться огненным порошком, чтоб отвязаться от банды дартар. Они сели мне на хвост.

Чаровница понимала, к чему он клонит. Он уже намекал, что она слишком уж рьяно взялась за осуществление плана, что такое количество похищений за короткий промежуток времени привлечет внимание геродиан.

– Расскажи, в чем дело, Эйзел. – Чаровнице нужно было сосредоточиться.

Хотя времени с тех пор, как Торго объявил, что Эйзел настаивает на аудиенции, прошло предостаточно, ей не удавалось собраться с мыслями.

Почему она робеет перед этим человеком?

Эйзел в своей обычной грубоватой манере коротко рассказал о случившемся.

– Ну, это ж просто стечение обстоятельств. Не о чем беспокоиться.

– Ты упустила главное, женщина.

– Торго! – Чаровнице пришлось прикрикнуть на евнуха: оскорбленный грубостью Эйзела, тот двинулся в его сторону. Эйзел усмехнулся. – Пусть я слепа, Эйзел, раскрой же мне глаза.

Что именно я упустила?

– Я зажег огонь, чтоб ускользнуть от дартар. Другого пути отвязаться от них и при этом удержать ребенка не было. В противном случае я мог бы их убить.

– Я все же не понимаю…

– Огонь, женщина. Огонь. Ты что думаешь, каждый второй шляется по переулкам с пакетом порошка, который взрывается, стоит его высыпать на землю?

– О!

– То-то. Это их здорово удивит. И не только это. Вызовет недоумение – на кой черт мне так уж сдался парнишка? Они начнут задавать вопросы. Начнут сравнивать. У них уже достаточно зацепок. Пара-тройка честных ответов – и выйдут на наш след.

– Так что ты предлагаешь?

– Приостановиться на какое-то время. Не давать им нового материала для расследования. У тебя тут тридцать ребятишек, и ты понятия не имеешь, есть ли среди них нужный. Обожди хотя бы, пока выяснишь.

– Нет. В списке еще девятнадцать штук. Осталось почти столько же, ну по крайней мере треть. С каждым потерянным часом риск увеличивается. В этой группе сплошь счастливчики. От рождения до сегодняшнего дня умерло всего шестеро. Но если тот, кто нам нужен, умер или умрет раньше времени, мы не успеем до него добраться, придется начинать с самого начала с новой группой. Целая группа – и все насмарку из-за одного умершего. А насколько возрастет риск, если иметь дело с младшими ребятишками? В сотни раз, Эйзел.

– А сколько шансов на успешное завершение, если геродиане вычислят нас? Если одного из нас поймают? Шансы равны нулю, женщина. Если они сообразят, что происходит, мы окажемся по уши в дерьме.

– Ужасно, но в сравнении с опасностями, которые неизбежно появляются с каждой новой смертью, это ничто. Будем продолжать как задумано.

– Черта с два. Я не дам черни разорвать себя на части, я не желаю представать перед судом Города. Я – пас, пока не решу, что продолжать работу не опасно.

– Ты говорил, что веришь в мой план.

– Верю. Для Кушмарраха это последняя надежда. Но верить во что-то – не значит выходить в шторм на дырявом суденышке. Обожди. Поостынь. Не напрягайся слишком. А когда можно будет продолжать, снабди нас защитой понадежнее.

Гнев бессилия и разочарования захлестнул Чаровницу. Но

она справилась с собой. Эйзела не переспоришь. Он делает лишь то, что считает нужным.

– Прекрасно. Обойдусь без тебя. Когда будешь готов продолжать, Торго даст тебе новое задание.

Эйзел смерил ее уничтожающим взглядом, с негодованием покачал головой и вышел.

Торго придвинулся поближе.

– Вы видели, как мы вошли, госпожа?

– Кое-что видела. Не обращай внимания. Не раздражайся – ты только доставишь ему удовольствие.

– Он угрожал мне.

– Забудь. Такой уж у него характер.

– Так вы ничего не хотите предпринимать против него?

– Пока нет. Он еще пригодится. Дел впереди много.

– Но…

– Если сочту необходимым убрать его, я дам тебе знать. Торго поклонился, удовлетворенный лишь отчасти. Нет, она не поручит Торго расправиться с Эйзелом. Только если решит, что Торго пришла пора умереть.

* * *

Эйзел вступил в огромный темный зал – последнее убежище Горлоха в этом мире. Здесь по-прежнему свершались религиозные ритуалы, но присутствовало при службах лишь несколько верующих обитателей крепости. Последние ритуалы. Последние бдения в честь грозного божества для немногих оставшихся в живых.

Положенное число свечей, но, казалось, свет их потускнел, не разгоняет тьму, как в прежние времена. По-настоящему освещен был лишь алтарь, на котором приносились жертвы Горлоху. Но и это сияние блекло. Уже шесть лет не приносили жертв, не поддерживали его. Даже великий идол не был виден целиком.

Эйзел шагнул вперед. Его каблуки гулко стучали по базальтовому полу. Эхо разносилось по залу и постепенно затихало, угасая, становясь не громче шелеста крыльев летучих мышей.

Эйзел остановился перед окутанным сиянием алтарем. Открывшаяся перед глазами картина заворожила его.

Накар, выгнувшись в предсмертной агонии, так и лежал за алтарем с заколдованным кинжалом Ала-эх-дин Бейха в сердце. Одной рукой он схватился за алтарь, пытаясь сохранить равновесие. Другая, с железным когтем на конце, повисла в

воздухе, вернее, хватала его, как некогда схватила за горло героя-колдуна из геродианского войска. Ала-эх-дин Бейх лежал на боку у ног Накара в позе человека, который двумя руками вонзает лезвие в грудь врага и при этом пытается отшатнуться, спастись от мертвой, удушающей хватки.

Чаровница, со всей ее магической силой, смогла умертвить их, но не смогла разделить до конца.

Эйзел приходил сюда каждый раз, как бывал в крепости. И каждый раз он замечал, что тьма подступает все ближе.

Может, когда она поглотит сияние до конца, будет уже слишком поздно для их плана? Слишком поздно для Кушмарраха?

Не потому ли так торопится Чаровница? Может, она спасается от тьмы?

Как и в каждый свой приход, Эйзел слегка преклонил колени – перед Накаром, перед алтарем, перед богом, там, во тьме? Он и сам не знал. Потом он повернулся и покинул крепость через Черный ход Судьбы, вернулся в реальный мир, в Кушмаррах, покорно распростершийся под пятой завоевателей.

* * *

За несколько минут до назначенного часа Генерал уже сидел за столом и поджидал “внучат”. Старик нечеловеческим напряжением воли собрал остаток сил и выглядел на удивление бодро, почти невозможно было догадаться о его смертельном недуге. Он напомнил бел-Сидеку прежнего Генерала.

Первым прибыл “Король” Дабдад, атаман округа Эстан. Как раз без него Генерал мог бы и обойтись: в Эстане все спокойно.

Кушмаррах был разделен на семь “округов”: Шу, Шен, Тро, Хар (раньше они оставляли “старый город”), Эстан, Минисиа и район порта. Бел-Сидек с Генералом курировали район порта и округ Шу. В самом беспокойном округе, в Харе, распоряжался Ортбал Сагдет.

За стеной располагались и другие кварталы, но они не входили даже в “новый город” и не интересовали ни Генерала, ни бел-Сидека. Их власть ограничивалась городской стеной.

Бел-Сидек занял пост у дверей – чтоб у входа приветствовать наследников Генерала.

– Добрый вечер. Король, – поздоровался Генерал. – Располагайтесь. Еще несколько минут до начала совещания. – Неодобрительный тон старика не оставлял сомнений: он понял, Король специально пришел пораньше, потому что хочет что-то

сообщить.

Король всегда приходил раньше времени и всегда имел что-то сообщить о своих товарищах. Этот мелочный злобный человек, из тех, кто способен вонзить нож в спину, раздражал Генерала. Король явно метил в наследники больного старика.

Впрочем, он был небесполезен и не лишен некоторых талантов, главный из них – способность уверенно плавать в мутной воде, населенной огромными и хищными геродианскими рыбами. Храбрость свою Дабдад доказал в битве при Дак-эс-Суэтте.

– По дороге сюда я встретил Сагдета, – заговорил Дабдад. – Он сказал, что не придет.

– В самом деле? Почему же? Король сокрушенно покачал головой.

– Вы знаете, я никогда не скрывал своего мнения о Сагдете и скрепя сердце неоднократно докладывал о его недостатках и прегрешениях. Но сегодня я понял окончательно: Ортбал Сагдет больше не намерен считаться с вами. И возможно, Салом Эджит его в этом поддержит.

В этом духе Дабдад распространялся еще некоторое время. Судя по всему, отметил бел-Сидек, он заранее отрепетировал свою речь.

Салом Эджит, атаман округа Тро, был закадычным другом Сагдета. В Дак-эс-Суэтте он показал себя с наилучшей стороны, но с тех пор многое изменилось. Бел-Сидек сравнивал Салома с луковицей – сперва загнивает сердцевина, а потом, слой за слоем, и все остальное.

Не успел Король закончить донос, прибыл и сам Эджит. С разочарованным, недовольным видом он смерил взглядом атамана Эстана. Бел-Сидек заподозрил, что Салом тоже хотел поговорить с Генералом до прихода остальных.

Бел-Сидек внимательно разглядывал обоих. Дабдад – высокий, стройный, храбрый, но слабый духом. Эджит – невзрачный, низкорослый, однако достаточно твердый и мужественный. Но в какой-то момент высокая цель, которая и делала Живых живыми, перестала вдохновлять его. Салом потерял лицо и постепенно превращался в хамелеона, чьи взгляды целиком зависели от взглядов Ортбала Сагдета.

В комнату вошли Карза и Зенобел. Неспроста они вместе, подумал бел-Сидек: этих двоих объединяла лишь цель, роднила лишь одержимость идеей, граничащая с фанатизмом. Но в вопросах стратегии они расходились начисто.

Зенобел считал, что нужно создать тайную армию патриотов, способную нанести врагу сокрушительный удар. У себя, в округе

Шен, он и действовал в этом направлении. Шен был почти таким же спокойным местом, как Эстан. Генерал доверял Зенобелу.

Карза же представлял себе освобождение как апокалипсис, как катастрофу, поглощающий Кушмаррах пожар, в очистительном огне которого погибнут человеческие отбросы, недостойные жить дальше, и который сметет захватчиков с лица земли. Карза и сам был готов погибнуть в пламени, готов заплатить эту цену.

Карза, но не Генерал.

Карза все время находился на грани разрыва с Союзом, все время стремился порвать с ним и развязать священную войну.

Генерал подал бел-Сидеку знак оставаться у входа, дал вновь прибывшим рассесться по местам и начал:

– Я встревожен, атаманы. Ужасное событие произошло два дня назад, в Харе. – Сила и звучность его голоса удивила всех. – Восемнадцать бойцов Союза были выданы горожанами и расстреляны дартарами.

– Мы с корнем вырвем измену и сурово покараем предателей, – заверил Салом Эджит.

– Нет, не покараете. Они вынуждены были так поступить, их довели до этого. Что остается делать мирным гражданам, если защитники их оказываются хуже врагов, если алчностью и жестокостью бойцы Союза превосходят геродиан? Я провел расследование, Салом. Чаша терпения жителей округа Хар переполнилась. Мы не смеем осуждать их.

– МЫ что ж, позволим жалким лавочникам и мастеровым предавать нас? С самого начала наша политика…

– Никаких репрессий, никаких карательных мер, Салом. Никаких. Живые услышали, что хотел сказать им народ Кушмарраха. Отныне запрещаю какие-либо вымогательства. Кто нарушит этот приказ, будет смещен с должности. Ясно?

Эджит весь кипел. Дважды он хотел перебить Генерала, но сдерживался.

Генерал помолчал с минуту, бел-Сидек ломал себе голову, когда же старик успел подробно разузнать о происшествии в Харе, и заговорил снова:

– Давайте рассмотрим мотивы ал-Аклы. Зачем он сделал то, что сделал? Восемнадцать бойцов взяты на улице и казнены без допроса. Один мотив лежит на поверхности. Фа'тад пощадил доносчиков – и тем самым выставил своих людей в выгодном свете.

Но Орел летает высоко и глядит далеко. Он не так прост. Возможно, он хотел показать, что дартарам незачем допрашивать Живых: ему и так все известно, – они не сообщат ничего нового.

Предположение неприятное, но в свете событий в Харе весьма правдоподобное.

Спокойно, Салом. Дряхлый старикашка, который никак не соблаговолит помереть и очистить тебе место, еще не кончил.

Бел-Сидек с беспокойством заметил, что Эджит Салом с трудом сдерживает себя: его бешеный нрав был широко известен. Наверное, Салом, как и сам бел-Сидек, заподозрил, что старик специально хочет довести его до белого каления.

Генерал тем временем продолжал:

– Что хотел сообщить нам Фа'тад, казнив этих людей? Что еще у него на уме? Орел парит в небесах, высоко над землей, но он также подобен морю. Много тайн хранит он в неведомых глубинах. Кто знает, чем он удивит нас, с чем доведется столкнуться завтра.

Он замолчал, молчали и другие. Тишина становилась невыносимой, ледяная рука сжимала сердце каждого, словно холодным ветром повеяло в комнату.

– Карза. Готовы ли вы сдаться, готовы ли потерять Кушмаррах? Не пробил ли час разойтись?

– Нет, сэр.

– Бел-Сидек?

– Нет, пока у меня остались еще нога и две руки, сэр.

– Зенобел?

– Мы не побеждены, Генерал.

– Король?

– Я среди Живых.

– Я тоже, как бы кое-кто ни мечтал об обратном. Но мне осталось недолго. Впрочем, много времени и не потребуется. Мы стоим на пороге событий, которые сделают этот год годом освобождения Кушмарраха. Нам нужно лишь выиграть время.

Впервые с начала встречи горло Генерала сжала спазма, настолько сильная, что он не сразу мог совладать с собой. Бел-Сидек насторожился, готовый броситься на помощь.

Припадок прошел. Но когда-нибудь это убьет старика.

– Слушайте мои распоряжения. Никто из членов нашей организации отныне не смеет вымогать что-либо у граждан Кушмарраха – ни деньги, ни продукты, ничего. Никто из Живых не принимает участие в разбое, хулиганских нападениях и стычках. Любой, кто посмеет ослушаться, на своей шкуре почувствует, что старый лев еще не разучился кусаться, еще не все зубы у него выпали. На сегодня все. Завтра вечером мы соберемся снова, атаман Хара почтит нас своим присутствием.

Салом Эджит безуспешно пытался скрыть свое изумление. Бел-Сидек заметил, что оскорбительные слова готовы слететь с

его языка. Но Салом не посмел возразить.

Генералу удалось показать, кто тут главный. Во всяком случае, пока.

Эджит направился к двери. Генерал окликнул его:

– Салом, завтра вечером я жду вашего ответа.

– Ответа, сэр?

– Ответа на вопрос: “Салом Эджит, кто вы – солдат или вор?”

* * *

Старик едва видел копошившегося у двери бел-Сидека.

– Ну, каков я, атаман?

– Вы были великолепны, сэр. Но меня беспокоит, не слишком ли это большое напряжение. Сейчас вам лучше лечь. В усталом теле Генерала не осталось других желаний, но…

– Осталось еще одно дело. Принеси письменные принадлежности.

Бел-Сидек повиновался и приготовился писать под диктовку.

– Нет, я сам напишу. Подай мне бумагу и перо. Бел-Сидек снова послушался и покорно отошел в угол. Старик писал, тщательно выводя каждую букву, без помарок. Он сам удивлялся, как хорошо получается, несмотря на трясущиеся руки, на боль во всем теле. Он промокнул чернила, сложил бумагу, снаружи написал коротенькое имя адресата.

– Теперь отведи меня в постель. Потом отнесешь это Муме на постоялый двор. Только ему, в собственные руки, никому больше. Не забудь. А затем ступай развлекайся со своей вдовушкой.

Бел-Сидек доставит письмо в целости и сохранности, нераспечатанным, его не надо специально предупреждать об этом.

– Стоит ли рисковать, оставляя вас в одиночестве после такого трудного вечера?

– Рискнем, атаман. Я не долго буду один. Больше бел-Сидеку знать не требуется.

Глава 3

Аарон сидел и молча смотрел на Насифа, не слушая, о чем говорят. На другом конце комнаты Рейха в объятиях Лейлы изливала подруге свою скорбь. Бледное лицо Насифа точно окаменело. Поздоровался он с гостями чисто машинально; Аарон сомневался, что Насиф вообще узнал их.

Аарона обуревали противоречивые чувства. С одной стороны, он твердил себе, что Насиф заслужил несчастье, которое наслал на него Арам Огненный. Но Аарон любил Арифа, любил Стафу – и потому не мог совсем не сочувствовать горю отца, потерявшего сына. Зуки был единственным сыном Насифа. Они с Рейхой больше не могли иметь детей, а по законам Герода он не мог ни развестись с ней, ни взять вторую жену.

По законам Герода – кушмарраханам не пришлось бы им подчиняться, продержись Семь Башен еще несколько дней.

– Такими путями свершается возмездие Судьбы, – пробормотал Аарон.

Глаза Насифа на минуту прояснились, но то было лишь недоумение человека, который вдруг услышал какой-то непонятный звук. Потом он вновь погрузился в безмолвное отчаяние.

Лейла метнула на мужа взгляд, словно моливший: сделай что-нибудь! Скажи что-нибудь!

Что он мог сказать? Ведь, в сущности, он рад, что пострадал именно Насиф. Рейха ее подруга. Он проводил ее сюда – и баста. Большего Лейла не имеет права требовать.

Несмотря на предательство и подхалимство Насифа, Аарон допускал, что он искренне любит жену и сына, заботится о них. Может, именно в этих чувствах кроется корень его предательства. Аарон вспомнил, как все сильнее и сильнее волновался Насиф с приближением срока родов Рейхи. Кто знает, не убедил ли он себя, что геродиане отпустят его к разлюбезной супруге, если он откроет для них ворота башни.

Люди способны и на худшие деяния – и по куда менее возвышенным причинам.

Аарон судорожно сглотнул, в горле пересохло.

– Двух украденных детей уже нашли, – выдавил он. – На прошлой неделе, в Харе. У болота, из которого вытекает Козлиный ручей, его все собираются осушить…

Насиф начал проявлять признаки жизни, глаза его блеснули. Лейла с благодарностью взглянула на мужа.

Аарон продолжал:

– Ребятишки были в полном порядке. Здоровы, сыты, одеты. Только ничего не помнили.

– Где ты это слышал, Аарон? Когда? – Теперь Насиф был весь внимание. – Если б такое в самом деле случилось, слухи дошли бы и до меня.

– Вчера на работе. От одного типа по прозвищу Билли-козел. Он конопатит днища судов, а живет как раз за болотом, у которого нашли детей.

Внезапный интерес Насифа смутил Аарона. Он-то сказал просто так, не потому, что считал свое сообщение особенно важным, так, просто тень надежды. Вчера его мысли были всецело заняты Арифом, он и не слушал как следует. Кушмаррах – огромный город, в нем всякое случается, бывает и похищенных детей находят.

– Как же так, Аарон? Столь важные новости должны были быть известны всем в городе.

– Опомнись. Это не новости. У нас с тобой есть причина беспокоиться. Но у большинства ее нет. Билли-козел рассказал мне об этом только потому, что видел, как я извожусь из-за Арифа. Он просто хотел подбодрить меня.

– Нашли двоих, могут найти и еще, возможно, многих. А никто ничего не говорит.

– Хорошие новости разносятся не так быстро, как худые. Аарон заметил, что Рейха тоже перестала рыдать и жадно прислушивается. Лицо ее просветлело от безумной надежды.

– Надо разузнать поподробнее, – заявил Насиф. – Я порасспрашиваю, может, выяснится еще что-нибудь.

“Зачем я только начал”, – промелькнуло у Аарона в голове. Он ведь хотел лишь немного утешить их.

– Кстати, дартары, которые пытались спасти Зуки, – заговорила Лейла, – похоже, они считают, что похищение – дело рук Живых.

Аарон вздохнул. Он не сомневался, рано или поздно Лейла заведет об этом речь. Если уж ей что втемяшится в голову… точная копия своей матушки.

– Чушь, – отрезал Насиф.

– Откуда ты знаешь?

Аарон не стал повторять жене уверения бел-Сидека, хотя она, как и все соседи, подозревала, что калека связан с Союзом Живых и, возможно, занимает в нем не последнее место. Не стоит его супруге подливать масла в огонь, считал Аарон, сплетен и так предостаточно.

– Знаю, и все, – ответил Насиф с уверенностью, которая заставила Аарона содрогнуться.

Насиф – член Союза Живых? Но он ведь служил Городу…

Аарона точно озарило, сразу тысячи вопросов зароились в голове. Ему явно предстоит долгая бессонная ночь.

Насиф не обратил внимания на неожиданную рассеянность Аарона: он был слишком занят своими мыслями.

Лейла, однако, подозрительно покосилась на мужа. Обязательно начнет задавать вопросы. Отвечать ли на них – первое решение, которое ему предстоит принять, и если отвечать – сколько он может открыть ей…

* * *

Зуки наконец забылся тревожным сном, прерываемым всхлипами и вскриками других ребятишек в клетке.

* * *

До Мумы Эйзел дотащился с одной мыслью – пожрать хорошенько и залезть в горячую ванну. Нет, впрочем, ванна – лишнее. А потом завалиться спать. Завтра надо решить, что он будет делать на неделе. Чаровнице, пожалуй, не помешает повариться в собственному соку.

Рвануть в Слоновьи скалы на охоту? Но это чересчур напоминает обычные его занятия. Может, лучше в ал-Куарду, порыбачить в тамошних ямах… Без разницы, лишь бы побыть одному, уйти от людей, которые дергают его в разные стороны, сбросить с себя цепи долга, чести, верности, которыми его пытаются опутать, скрыться где-нибудь, где каждый шаг не будет балансированием над пропастью.

Эйзел выбрал столик в углу, благо было уже достаточно поздно, посетителей в закусочной осталось немного, а свободных мест сколько угодно.

Может, лучше дать ей поразмыслить недельки две? Или даже месяц. Пусть прислушается наконец к доводам разума.

И тут Эйзел вздрогнул от неприятного изумления: он заметил Муму. Подумать только, Мума сам прислуживает за столом, Мума на ногах в столь поздний час! Эйзел огляделся украдкой, ища причину чудного поведения хозяина. Дивились и другие посетители, но дивились с великолепно разыгранным равнодушием.

Мума подошел к его столику.

– Привет, Мума.

– Привет, Эйзел.

Мума отпустился на стул.

– Припозднился ты сегодня.

– Меня вытащили из постели.

– Неприятно, черт возьми, явиться сюда в такое время и застать тебя на ногах. Все равно что прийти домой и обнаружить на крыше стаю стервятников. Сразу ждешь плохих новостей.

– Гм…

– Что на этот раз?

– Письмишко получил, что еще? – Мума по столу подтолкнул записку к Эйзелу. – Знак тебе известен. Еще бы.

– Ага. Давно получил?

– С полчаса. Свеженькое.

– Гм… В таком случае пора подкрепиться.

– Знак тебе известен.

– Мне ведь нужно время прочесть эту проклятую писульку, верно?

– Конечно. Чего тебе принести?

– Что-нибудь, что можно взять с собой.

– Сейчас принесу. – Мума поднялся и заковылял прочь.

Эйзел прочел послание.

“Как получишь, приходи”.

Без подписи.

Изящная простота. Ни геродианам, ни дартарам записка ничего не скажет. Даже печатка снаружи – грубо нарисованный пальмовый воробей – ничего не символизирует, не имеет явного значения. Если письмо и попадет в руки врагов, они не обратят на него внимания, разве что в совершенно особых обстоятельствах.

Вернулся Мума с буханкой хлеба и головкой козьего сыра.

– Ну, сегодня закачу пир горой, – пробурчал Эйзел.

– Ты уходишь?

– Конечно. А какие варианты? Ты сыновей разбудил? Вокруг вроде бы спокойно, но кто знает… Худшая опасность – скрытая опасность.

– Разбудил. Они тебя прикроют.

Значит, кто бы ни попытался преследовать Эйзела, его ждут серьезные неприятности.

Эйзел встал, бросил на стол монету, собрал пожитки.

– До встречи, Мума.

– Удачи тебе.

– Да уж, когда имеешь дело с ним, удача не помешает.

Ночь становилась прохладной. Уже появлялась роса. Чем ближе к гавани, тем сильнее сгущался туман. Было тихо, как в могиле. Только стучали каблуки Эйзела. Он не чувствовал, что

кто-то сопровождает его. Ничего, сыновья Мумы – смышленые парни. Они и не должны быть заметны – пока Эйзелу ничто не угрожает, пока никто не идет по его следу.

Несмотря на это, Эйзел, как обычно, покружил по лабиринту округа Шу, в котором преследователь мог выследить его разве что чудом. Эйзел знал лабиринт как свои пять пальцев, не заблудился бы в нем и в полночь с закрытыми глазами.

Впрочем, здесь и в полдень было так же темно.

Тем же переулком, что и днем, Эйзел вышел из лабиринта на улицу Чар. Туман уже дополз и досюда. Эйзел повернул направо. И через три шага чуть не налетел на спускавшихся с холма мужчину и женщину. Эйзел пробормотал извинения, испуганная парочка заспешила прочь. Все эта проклятая привычка ходить по-кошачьи бесшумно, прислушиваясь лишь к шагам за спиной и не глядя вперед. Он, не поворачивая головы, выждал, пока затихнут их торопливые шаги и взволнованный шепот, и пошел дальше, стуча каблуками, как честный человек, чтоб снова не напугать их, убедить, что уходит.

Он прошел метров сто дальше цели своего путешествия, потом пересек улицу Чар и опять неторопливыми тихими шагами спустился вниз, на этот раз на сто метров ниже цели. Снова перешел улицу, поднялся наверх.

Эйзел не заметил ни перепуганной парочки, ни преследователей, против которых были направлены его маневры. Вообще-то он и не думал, что его выслеживают, но, когда имеешь дело с ал-Аклой и Кадо, предосторожности не повредят.

Со змеиным проворством Эйзел проскользнул в дверь.

* * *

Покинув Генерала, Салом Эджит не пошел домой, хотя подчиненные собрались там и ждали его доклада. Вместо того он свернул в сторону и прошел еще с полкилометра до скалы, которая называлась Клюв Попугая, лишь кое-кто из стариков помнил старое название – Клюв Кракена. Говорили, это место посещают духи восьми братьев, убитых здесь в год основания города.

Всю свою жизнь Салом, когда ему необходимо было спокойно поразмыслить, укрывался на Клюве. Духи, если они и вправду существовали, благоволили к нему, и ни разу никакие сверхъестественные явления не помешали уединению Салома.

Он уселся на вершине скалы и бесцельно глазел на залитый лунным светом Кушмаррах. От гавани ползла вверх, обволакивая

вершины, туманная мгла.

Салом провел на Клюве Попугая целый час, а потом спустился и направился в округ Хар.

Он яростно барабанил в дверь Ортбала, пока ординарец не открыл дверь.

– Чего вам, атаман?

– Мне нужен Ортбал.

– Его светлость спит, сэр.

– Его светлость? Ступай скажи Ортбалу, чтоб оторвал свою жирную высокочтимую задницу от… а то… Впрочем, не трудись. Я сам ему все скажу. Его светлость! Воистину Арам милостив к балбесам.

Салом отпихнул слабо протестующего ординарца и решительно протопал к спальне Ортбала. В доме было несколько этажей, но Ортбала так обленился, что редко поднимался выше первого. Дом похож на своего хозяина, отметил Салом, он тоже как будто важничает, задирает нос. Он пинком распахнул дверь.

Спальня была ярко освещена: Ортбал Сагдет развлекался.

– Эй ты! Пошла вон! – гаркнул Салом на ублажавшую хозяина шлюху.

Женщина повиновалась – собака так повинуется удару хлыста. Ортбал вспыхнул, но подавил гнев. Салом Эджит не из тех, кто зря бросается на людей, но сейчас явно зол как черт, а в такие минуты с ним лучше не связываться. Он становился непредсказуемым и опасным, а Ортбал Сагдет вовсе не склонен был подвергать себя риску.

– Я вижу, ты расстроен. Салом.

– Верно, черт побери, расстроен. Посмотри на себя!.. Да, я расстроен. Я выведен из себя, знаю это, но ничего не могу поделать.

– Тяжелая выдалась встреча? – В голосе Сагдета зазвучало легкое беспокойство.

– Тебе следовало быть там.

– Я представил объяснения своему отсутствию.

– Твои объяснения были выслушаны, поняты и отвергнуты, как пустая отговорка. Мы имели дело не со слепым дряхлым старикашкой, Ортбал. Перед нами был прежний Генерал, он ни на секунду не выпускал вожжи из рук. Он командовал. Он держал речь. Остальные молчали – пока он не спросит. Он не задавал вопросов, ни с кем не спорил, просто говорил. Он знает обо всем, он в курсе всего.

– Король?

– Нет. Не только Король.

– Расскажи поподробнее. – Беспокойство Сагдета возрастало.

Салом рассказал о совещании, Ортбал время от времени перебивал его, переспрашивал.

– Значит, никакого насилия?

– Так он велел.

– Мои люди будут этим весьма и весьма недовольны.

– Плевать он хотел на твоих людей, Ортбал. Знаешь что? Не больно он заботится о…

– Ну конечно, теперь его волнуют исключительно моральные соображения и прочая ерунда. – Сагдет помолчал с минуту. – А как я, по его мнению, должен пополнять фонды?

– Если б старик побывал тут и взглянул на этот бордель и сравнил со своим жилищем…

– Ну да. Старый ублюдок воображает, что мы должны жить, как последний сброд. – Сагдет недоверчиво пожал плечами и раздраженно спросил:

– Так он сказал, я должен явиться завтра ночью?

– Да. И лучше тебе в самом деле явиться. Ты плохо рассчитал время, сейчас еще рано идти на разрыв. Лучше тебе дать задний ход. Пусть они окончат начатое.

– Плохо рассчитал, да?

Ортбал задал еще несколько вопросов и наконец поинтересовался:

– Чем он тебя-то взял, старина?

– Он сказал: решай – ты вор или солдат.

– И тебя это задело за живое? На тебя до сих пор действует дурацкая болтовня про Союз Живых? С начала геродианской оккупации прошло шесть лет, а ты до сих пор веришь безумному старикашке, как будто он может свершить то, что целым армиям оказалось не под силу.

– Не о том речь, Ортбал. Не знаю, под силу или нет. Наверное, нет. Не важно. Он сказал: решай – ты вор или солдат. Я не вор. Я пришел сюда, потому что кое-что должен тебе по старой дружбе. Я должен был предупредить тебя – и предупредил. Больше никаких обязательств у меня нет.

– Он небось тоже так и думал, что ты побежишь прямо сюда. Подожмешь хвост и побежишь.

– Может быть.

– Итак, похоже, наши дорожки расходятся – если я не явлюсь завтра вечером. Кстати, а что он в этом случае предпримет?

– Не знаю.

– А что он может предпринять?

– Вот сам и узнаешь. Уверен в одном – он не станет сидеть сложа руки.

– Ну, в Таком случае я должен подумать.

– Все же – будешь ты или нет?

– Откроешь дверь – и увидишь. Салом. – Сагдет улыбнулся, злобная гримаса исказила его пухлую физиономию.

Эджит понял, что он не намерен явиться по вызову Генерала.

* * *

У двери Эйзел остановился, поправил фитиль маленькой лампочки.

– Я в спальне, – прокаркал старческий голос.

Эйзел зашел в комнату, опустил лампу; вид старика ужаснул его.

– Вы ждали? Вы были так уверены, что я сразу получу записку?

– Нет. Просто я много сплю, но сон мой очень чуток. Ты разбудил меня, когда открыл дверь.

Эйзел удивленно поднял брови: он вошел так тихо, что не потревожил бы и мышь.

– Буду ходить на цыпочках.

– Я хорошо слышу. Сегодня с тем мальчишкой в переулке был ты?

– Да. Кошмарное дело.

– Дартары настолько заинтересовались им, что здесь крутился сам Фа'тад.

Изумление Эйзела возрастало.

– Правда?

– Да. Будь осторожен. У этого человека чутье почище, чем у меня слух. Погоди какое-то время. Незачем хватать всех сразу.

– Скажите это Чаровнице. Я уже пытался. У нее в списке еще тридцать ребятишек, по крайней мере по три дня на каждого нужно, чтоб проверить – тот ли это, кого она ищет. Но она не желает притормозить. Она одержима идеей поймать всех раньше, чем помрет хоть один. Она вообразила, что, если кто-то из них окочурится, это обязательно будет тот самый, который ей нужен, и придется начинать всю работенку сначала.

– Позади пять, даже шесть лет ожидания. Я понимаю ее нетерпение и разделяю его. Мне-то не прожить столько, а хотелось бы увидеть результат. Но результат положительный, а не отрицательный, какой мы получим, если Фа'тад или Кадо нападут на след. Сегодняшнее поведение Фа'тада показывает, что осторожность необходима. Может, мне самому переговорить с ней?

– Вряд ли это что изменит. Для нее отношения с нами – брак

по расчету. Она хочет получить желаемое – и все.

– Какие будут предложения? Эйзел передернул плечами.

– Лично я умываю руки – на некоторое время. Ей придется-таки дать задний ход.

– Но у нее есть другие помощники.

– Есть Два парня.

– И надежные?

– Да, ничего себе, хотя до меня им далеко. Первого зовут Садат Агмед. Он хочет заработать. Второй – Ишабел бел-Шадук.

– Наверняка из религиозной семьи.

– Весьма. Он фанатик.

– Другой, похоже, дартарин.

– Отец был дартарином. Но сам он их ненавидит.

– Не сможешь ли ты убедить их тоже сбавить темпы?

– Вряд ли. Не предполагается, что я вообще их знаю.

– Ладно, подумаем. Что-нибудь еще? Например, что слышно о Кадо?

– На днях ждет нового главу правительства. Генерал улыбнулся – с ним это случалось нечасто.

– Какой по счету со времени захвата Кушмарраха? Восьмой?

– Девятый. Они просто посылают сюда неугодных людей, которых не смеют прикончить в Героде.

– А вину взваливают на Живых.

– Иначе говоря. Живые пожинают лавры. Зачем вы все-таки послали за мной?

– Ситуация в Харе, как я и опасался, достигла критической точки. Теперь единственный выход – незамедлительно принять меры.

– Гм…

– Непростая задача.

– В самом деле? Насколько незамедлительно?

– К завтрашнему закату самое позднее. Но чем скорее, тем лучше.

– Тяжеловато.

– Потом будет еще сложнее. Я полагал, ты успел прощупать почву на случай необходимости.

– Успел.

– Так ты возьмешься?

– Если я должен…

– Ты должен. Помощь нужна?

– Нет.

– Дай мне знать, когда дело будет сделано.

– Ладно.

Эйзел вышел из спальни старика, прикрутил фитиль лампы,

поставил ее на место и выскользнул на окутанную густым туманом улицу. Он проделал обычный круг, чтобы удостовериться, не появился ли нежелательный соглядатай, пока он был в доме.

В самом деле, надо соблюдать осторожность.

* * *

Бел-Сидек стоял у окна и смотрел на затянутый туманом Кушмаррах. Видел он немного: в лунные ночи туман точно серебристым одеялом накрывал город, лишь кое-где высовывались крыши домов. Справа, чуть выше, темнела, закрывая звезды, крепость Накара Отвратительного. Чудно. Шесть лет прошло, а зловещий душок по-прежнему исходит от этого места.

Чаровница с шайкой до сих пор там, до сих пор они держатся, недосягаемые за барьером, который лишь Ала-эх-дин Бейху удалось преодолеть. Черт возьми, как же они существуют там?

Впрочем, по одной из популярных версий, все люди Накара давно умерли. Покончили с собой после гибели повелителя.

Бел-Сидек не верил этому, хотя не имел и доказательств противного.

– Что-то со стариком? – раздался у него за спиной голос Мериэль.

– Как ты догадалась? – спросил он, не поворачивая головы.

– Ты так глубоко задумался – и мысли, сразу видно, неприятные, печальные. Так бывает, когда ты волнуешься о тех, кого любишь. А с потерей жены и сына, я думаю, ты уже примирился.

Хастра, сын бел-Сидека, был одним из многих павших при Дак-эс-Суэтте. Как и муж Мериэль. Хастра, его единственное дитя, его звездный мальчик. Многие годы всякие “если бы” терзали бел-Сидека. Что, если бы не измена дартар в Дак-эс-Суэтте? Победили бы они – или потерпели бы поражение и ядовитая черная ненависть все равно отравила бы его кровь? А может, он, да и не он один, слишком много навешивает на рога дартарского Демона, чтобы самому увильнуть от ответственности? Ответа не найти, а ломать над ним голову – мрачное и бесполезное занятие, и напоминает он вой собаки над телом хозяина.

С женой совсем другая история, и тут ни при чем ни победа, ни поражение, ни измена дартар. Эта женщина, даже имя которой бел-Сидек гнал от себя прочь, бросила его, чуть-чуть не дождавшись, пока заживут раны. При попустительстве своей

семьи, даже с благословения ее.

Они действовали из корыстных побуждений. Да и кому нужен калека, инвалид. И в политическом, и в буквальном смысле слова?

– Есть еще ты, – возразил бел-Сидек.

– Обо мне ты никогда не размышляешь с таким выражением лица.

Она права, совершенно права.

Его жена ушла к представителю новой породы кушмаррахан, которую геродиане создали по своему образу и подобию. Этот человек усвоил одобренные хозяевами манеры, стиль одежды и молился богу завоевателей, как своему собственному. Он сотрудничал с ними и процветал. А потом он умер – задохнулся, но бел-Сидек был к этому абсолютно непричастен. Он подозревал, что приказ отдал Генерал, но никогда не расспрашивал его и впредь не собирался.

– Тебе хочется поговорить о чем-то?

– Да нет.

По улицам в тумане бродили люди. Одни были негодяи, другие – Живые, бойцы сопротивления. Поутру на улицах найдут трупы. И кто ведает, кому кого предстоит убить? Разве что Генерал.

Пусть Фа'тад играет в свои простенькие игры, отдадим ему день.

Но ночью господствуют старые порядки. Скоро, очень скоро они выйдут из тени…

– Наверное, я действительно хочу поговорить с тобой, – заговорил бел-Сидек. Он закрыл филигранно отделанную балконную дверь и повернулся к собеседнице.

Мериэль была семью годами старше него. Чересчур смуглолицая, с грубыми чертами, она не могла считаться не только красивой, но даже хорошенькой. Богатое приданое позволило ей составить выгодную партию.

Низенькая и толстая, она одевалась с элегантностью козопаса, обожала хорошо выдержанное вино и пила его бочками, хотя оба божества – и Арам, и сердитый геродианский бог – запрещали это. В обществе она держалась невозможно, говорила не то и не вовремя, невпопад хихикала…

Она была его лучшим другом.

– Он не желает меня слушать. Чем дальше, тем больше скрывает от меня. Может выставить меня вон, если хочет встретиться с кем-то. А последние шесть месяцев…

– Ты сомневаешься в его мотивах?

– Нет.

– Он сомневается в тебе?

– Нет, конечно, нет, как можно…

– Ты не думаешь, что тут дело в обычной конспирации?

– Нет.

– Боишься мне сказать?

Бел-Сидек коротко глянул на нее.

– Не сомневаюсь, что тебя проверяли всеми возможными способами. – Бел-Сидек знал, что Генерал доверяет Мериэль почти так же, как доверял он сам.

– Разреши мне быть искренней. Может, дело в том, что ты сам в расстроенных чувствах?

– Нет. Впрочем, может быть. Отчасти это так. Но и за него я тоже волнуюсь.

– А ты не допускаешь, что старик запутался?

– Как так?

– Не знаю. Не знаю, что с ним происходит. Но я полагаю, он достаточно высоко тебя ставит, раз сделал своим адъютантом. Ведь от желающих занять это место отбою не было бы. Значит, он ценит твое мнение. Может, поэтому и не желает выслушать его.

– Не улавливаю…

– Он старый больной человек. Ему недолго осталось – и он это знает. Он отчаивается увидеть плоды своих трудов, возможно, он изобрел новый план и понимает, что ты его не одобришь.

– Что ж, возможно.

Воистину замечательная женщина, в некоторых отношения дура дурой, но кое в чем разбирается превосходно. В обществе, целиком основанном на господстве мужчин, она сумела отстоять свою независимость, если не равноправие. Мериэль достигла этого, ибо понимала, что такое деньги, власть и власть денег.

Первый смелый поступок она совершила, когда зловещие слухи из Дак-эс-Суэтты достигли города. Она допустила и приняла мысль, что мужа ее нет в живых. С иронической усмешкой приняла она и известие о свалившемся на нее состоянии и без малейших колебаний решительно и бесповоротно отклонила притязания обеих семейств. Говорили, что она побила собственного папочку.

И все же… все же справиться с обществом, в которое ввело ее богатство, не сумела даже Мериэль.

Впрочем, ее это не заботило ни капли. В сущности, она хотела лишь одного – чтоб большая часть представителей рода человеческого оставила ее в покое.

Все-таки забавно. Мериэль наплевать на все, чему поклоняется старик, но он благоволит к ней, если не ради самого бел-Сидека, то ради казны Союза Живых. Ведь именно Мериэль

главным образом и поддерживала движение.

Сколько проблем, какая путаница этических требований и практических соображений возникает, когда человек стоит на пороге смерти.

– Возможно, – повторил бел-Сидек. – Но мне это не нравится.

– Само собой. Если б нравилось, ты бы был в курсе всего. Разве не так?

– Наверное.

Бел-Сидек опять вышел на балкон. Пелена тумана стала еще гуще – больше ничего не изменилось. Воздух был настолько неподвижен, что граница между затянутой и незатянутой туманом частями города была четкой, как клинок шпаги. Из тумана вдруг вынырнул человек – словно злой дух из страшной сказки, порождение ночного кошмара.

Что за черт, что за чушь лезет в голову. Это наверняка просто булочник идет к себе в пекарню.

– Пока ты не в настроении и больше ни на что не способен, давай поговорим о деле, – сказала Мериэль. – Из Бенагры пришло два корабля. Мне нужны надежные люди для разгрузки.

Так они и познакомились. Он был атаманом портового района. Она интересовалась судостроением и судоходством, и интерес этот всячески подогревали господа из Союза Живых. Капитаны Мериэль ввозили в Кушмаррах оружие, за изготовление которого не брался никто в городе.

* * *

Эйзел вынырнул из тумана; он все еще надеялся соснуть немного нынешней ночью, но оставил мечты об охоте или рыбалке. Нельзя уехать сейчас: похоже, события сдвинулись с мертвой точки. За неделю отлучки все может так запутаться, что после не расхлебаешь.

Он взглянул на темную громаду крепости. Неужели Чаровница нынче удалось заснуть? Почему бы и нет: она воображает, что, подобно этой крепости, возвышается над ничтожеством и пустой суетой Кушмарраха.

Он перевалил через холм. Гавань осталась сзади, в стороне. Впереди – Хар, самый богатый из кварталов Старого города. Позади – Шу, беднейший, гуще всех населенный. Сыновья тут прилепляли свои жалкие домишки сбоку и сверху отцовских, пока Шу не уподобился огромному, грязному и разворошенному осиному гнезду. Те, кто жил в стороне от главной улицы, вынуждены были карабкаться к своему жилищу по крышам

других домов. Под кварталом Шу на всем его протяжении пролегал знаменитый лабиринт. Сейчас многие старые входы в него было крепко-накрепко замурованы – чтобы темные силы подземелья не вырвались на свободу. Лабиринт был смертельно опасен. Искать тут приюта не осмелился бы даже несчастный бездомный бродяга. В Шу правили самые отчаянные из преступников Кушмарраха.

Эйзелу приходилось встречать тут людей, которых побаивался даже он. Странных обезумевших людей, с такими лучше не связываться.

Эйзел вырос в округе Шу. Семи лет он осиротел и остался без крова. Родителей он почти не помнил. Помнил лишь, что мать все время плакала, а отец все время кричал и избивал их. Вроде бы он сам и поджег ту халупу, а брат прикончил старика молотком – раз пятнадцать стукнул его по башке.

С тех пор Эйзел не видел брата.

От тех дней остались лишь смутные воспоминания, да Эйзел и не хотел ничего помнить. Не было у него и ни одной вещи из родного дома, которую он хранил бы и которой дорожил бы.

В четырнадцать лет он ушел в море и побывал во всех портах побережья. Он много повидал и многое перенес, а жители тех городов немало натерпелись от него. Но он выжил и в двадцать один вернулся в Кушмаррах.

Незадолго перед возвращением Эйзел сошелся с приверженцами угасающего культа Горлоха. Их зловещая философия привлекала его, но Эйзел взял из нее кое-что, подходившее ему, а остальное отбросил. Он был сильным человеком и не признавал ничьей, даже божественной власти над собой.

Вскоре на Эйзела положил глаз Верховный Жрец Накар. Колдун стал давать ему необычные поручения. Эйзел выполнял их быстро и успешно, в том числе самые трудные и жестокие. Как-то, будучи в игривом настроении, Накар и нарек его “Эйзелом” – в честь демона-посланника Горлоха, который поддерживал связь между злобным божеством и людьми. Эйзел Разрушитель.

Но ни богу, ни человеку Эйзел никогда не предавался всецело. Всецело Эйзел мог принадлежать лишь Эйзелу.

Он не был при Дак-эс-Суэтте; не был заперт ни в одной из башен на перевале Хэрак; не участвовал в сборе в долине Чордан и в безнадежной обороне Кушмарраха, где в бессмысленной резне пали лучшие юноши и мужчины города, его краса и гордость, а остальные бежали, гонимые горячим дыханием смерти.

Но Эйзел не стыдился этого, не стыдился, что ничего не сделал для города, который ничего не сделал для него. Он

вообще ничего не стыдился.

Кое-что Эйзел, впрочем, сделал. Он пробрался в Агадар, городок далеко на западе по побережью, там высадились геродиане. Его смертоносные удары поразили нескольких геродианских командиров. К несчастью, как оказалось: это задержало армию захватчиков на целый месяц, и Фа'тад ал-Акла успел собрать свое дикое воинство и поспел к битве при Дак-эс-Суэтте.

Воистину люди полагают, а боги располагают.

Эйзел замедлил шаги. Нужный ему дом был напротив, на другой стороне улицы. И в ту же секунду дверь дома распахнулась. Эйзел отпрянул, укрылся в тени.

Возможно ли?

Нет, конечно. Никогда. Рок не благоволил до такой степени к Эйзелу и не ополчился так на Сагдета. Эйзел съежился, пригнулся, исподлобья взглянул на проходившего мимо, в десяти шагах, человека. Тот его не заметил.

Эджит. Вероятно, старику интересно будет узнать, что он был здесь.

Не успел Эджит скрыться из глаз, Эйзел двинулся к дому. Он заранее обследовал его. Лучше всего заходить через парадную дверь. Стоит поспешить: тот, кто выпустил Эджита, подумает, что гость что-то забыл и потому вернулся.

Эйзел постучал. Через секунду дверь приоткрылась.

– Его светлость… – начал раздраженный голос.

Эйзел левой рукой схватил человека за горло и правой ударил кастетом в висок. Тело ординарца осело в руках Эйзела.

Эйзел опустил его на пол, освобождая проход; прикрыл дверь, но запирать не стал. Быстро, не осторожно, поскольку не был знаком с расположением помещений, он прошел по всему дому к черному ходу, потом по правому крылу, повсюду отпирая двери, чтобы обеспечить себе пути к отступлению. И лишь потом направился к единственной комнате, из которой доносился шум.

Дверь была отперта. Звуки не оставляли сомнения: внутри совокуплялись мужчина и женщина.

Хвала Горлоху? Или Судьбе – как кому нравится.

Женщина сидела верхом, спиной к входу, а мужчина закрыл глаза. Эйзел проскользнул в комнату, подобрав по дороге валявшийся на полу пояс. Он обмотал его вокруг левой кисти, а конец оставил болтаться свободно.

Когда Эйзел был совсем близко, женщина почувствовала его присутствие, хотела было обернуться, но искусный удар вовремя утихомирил ее.

Однако Сагдет увидел Эйзела.

– Ты! Какого черта ты здесь делаешь?! – испуганно, пронзительно заверещал он, высвобождаясь из-под женщины и на четвереньках отползая в сторону. – Кто тебя послал? Генерал? Хочешь напугать меня? Я этого не потерплю!

Бурдюк с вином. Жирная свинья. Ишь трясет своей широченной задницей. Эйзел загнал его в угол, прижал к стене. Сагдет плевался и изрыгал бессмысленные угрозы.

– О, Арам! Вот оно что! Будь ты проклят… Скажи ему… Я сдаюсь… Я сделаю по его. Не надо этого! Мы поладим! – Сагдет замахал пухлыми руками. – Нет! Нет! Чего ты хочешь? У меня есть деньги… Умоляю…

Теперь достаточно близко. Эйзел сделал, вид, что замахивается поясом в левой руке, якобы открывая для удара правую сторону.

Сагдет попался в ловушку; он кинулся на Эйзела, метя в незащищенное место.

Кулак Эйзела опустился ему на голову. Сагдет ударился о стену. Не давая ему прийти в себя, Эйзел затянул пояс у него на шее, коленом уперся в спину.

Сагдет боролся отчаянно, как борются лишь в минуту смертельной опасности, но все было бесполезно, он только помогал убийце. Эйзел все сильнее прижимал его лицом к полу. Сагдету оставалось лишь скрести и царапать толстый ковер.

Эйзел ощутил последние содрогания тела, почувствовал запах испражнений. Сагдет, похоже, жрал всякую дрянь. Эйзел на всякий случай сосчитал до двадцати и отпустил пояс.

Потом подошел к женщине, пощупал пульс. Все в порядке. Отлично. Незачем калечить людей, убийство которых ему не заказывали.

Эйзел проделал обратный путь по дому, широко распахнул боковые и задние двери. Пощупал пульс и у ординарца у входа. Тоже обойдется. Осторожно выглянул наружу. Парадную дверь он тоже оставил нараспашку. Не пройдет и часу, воры не преминут воспользоваться приглашением и ограбят дом дочиста. И никто не узнает, что же случилось на самом деле.

* * *

Шепот у входной двери разбудил Генерала. Свет лампы проник в комнату из соседнего помещения.

– Это ты?

– Да.

– Уже вернулся?

– Да.

– Дело сделано?

– Да. Эджит выходил оттуда, когда я пришел. Старик содрогнулся, ледяная рука сжала внутренности, появилась неприятная тяжесть – точно проглотил килограмм ядовитого песка. Он так и не привык отдавать приказы о расправах.

– Что ж, хорошо.

Свет лампы стал удаляться – назад, к выходу.

– Он обещал, что сделает по-вашему. Твердил, что это не повторится.

Хлопнула дверь. Звук этот сбил Генерала с мысли. Какого черта, что он хотел этим сказать?

То была не насмешка, не обвинение, не простая констатация факта. Было в этих словах нечто неприятное, некий дурной запашок, некий намек на предупреждение.

Тяжесть в желудке увеличилась.

Генерал задремал, так и не разобравшись в своих ощущениях.

Глава 4

Аарон отщипывал кусочки пресного хлеба и ими подбирал с тарелки остатки месива, которое Миш приготовила на завтрак, пока Лейла спала. Он не замечал, что хлеб подгорел, и вообще, что за хлебово ему подали, понять невозможно. Ему было не до Миш.

Прошлой ночью, вернувшись от Рейхи и Насифа, они обнаружили, что у Стафы небольшая лихорадка. Ребенок не спал, хныкал и упрямо требовал грудь.

Зря Лейла так долго кормила его, подумал Аарон. Впрочем, его это не касается. Не занимала мысли и работа, хотя предстояло ставить мачту, требовался плотник, а Аарон был не особо искушен в этом ремесле.

Но занимал его лишь Насиф. Как с ним быть? Аарон понимал, что зашел в тупик и не в силах сдвинуться с мертвой точки: слишком близко касалась его эта проблема, не хватало дистанции. Он не мог сбросить опутавшие его цепи личных и общественных обязательств. Но существовали ли они на самом деле?

Все упиралось в убежденность Аарона в виновности Насифа: именно он открыл те ворота. Если б обвинение вызывало сомнения, если б преступником мог оказаться другой человек – тогда плевать на Насифа.

Но Насиф был виновен, а значит. Живые пригрели змею на своей груди.

Но почему он, Аарон, должен ломать над этим голову? Его отношение к Живым было сентиментальным, романтическим – но без всяких обязательств. Аарон вообще сомневался, что желает этим твердолобым упрямцам каких-либо успехов в борьбе с оккупантами. Добиться чего-то они могли лишь чудом, и Аарону это не принесло бы решительно никакой пользы, скорее наоборот.

До прихода к власти геродиан Аарон жил неплохо. Но теперь гораздо лучше. Он стал больше получать. Работы было сколько угодно, а значит, и зарабатывать он мог сколько угодно. Геродиане-управляющие платили по-честному, не пытаясь ущемить или обмануть его.

Аарон процветал. Ему везло. В хозяйстве его были иждивенцы, но милостивый Арам не наслал ему дочерей, которых надо было выдавать замуж. Еще немного, и он сможет вывезти семью из Шу в Эстан и обеспечить им приличную жизнь. Если только Лейла не забеременеет на следующий год…

В Эстане он сможет работать не только ради денег, но и для

удовольствия. Кораблестроение требует владения ремеслом, но оставляет мало возможностей для проявления индивидуальности, артистизма мастера.

Аарон мало в чем был уверен на все сто процентов, но в том, что именно Насиф открыл ворота башни, он не сомневался.

Вчера по дороге домой Аарон спросил Лейлу, кого она считает своим лучшим другом. Как он и думал, Лейла, не усомнившись и не задумавшись ни на секунду, назвала Рейху. А потом он просил, кто ее злейший враг, кого она ненавидит больше всех на свете: сознательно он ожидал услышать имя соседки, с которой они враждовали много лет. Но подсознательно, наверное, был готов к тому, что жена выговорила после нескольких минут напряженного раздумья: “Людей, из-за которых Тайдики покончил с собой”.

В сущности, довольно двусмысленный ответ: подразумеваться мог практически любой. Аарон хотел было хоть немного сузить его, может, намекнуть про Насифа и ворота башни и посмотреть, какова будет реакция. В этот момент из тумана точно призрак вынырнул незнакомец, смутил и перепугал их. Аарон с Лейлой опомнились, лишь когда он прошел мимо, услышав стук его каблуков по мостовой; они заторопились домой и окончательно успокоились, лишь заперев за собой дверь, укрывшую их от ночных кошмаров.

Аарону хотелось поговорить. Лучше всего с Лейлой, но на худой конец с кем угодно, кто мог бы помочь ему разобраться, сложить эту головоломку. И пришел к неожиданному и потрясающему заключению: у него не было друзей. Никого, кому бы он доверял достаточно, чтобы попросить совета. Вне семьи он не имел постоянных, прочных связей. Разве что товарищи по работе, но большей частью общение это кончалось сразу по выполнении заказа и больше они никогда не встречались.

Куда же подевались друзья его юности?

В основном погибли при Дак-эс-Суэтте.

– Ты сегодня идешь на работу, Аарон? – , спросила Миш.

– Не ходи, не ходи, папочка! Останься дома! – заверещали мальчишки, не давая отцу и рта раскрыть., Сегодня у геродиан был небольшой религиозный праздник, и Аарон мог взять выходной. Но тогда завтра придется представить геродианину-управляющему свидетельство о посещении службы в одном из храмов. А этого Аарону делать не хотелось. Не говоря уж об опасности потерять заказ и подпортить себе репутацию. Эту мачту надо установить сегодня.

– Да, я иду на работу.

– Нет, папочка!

Миш насупилась: значит, ей придется хлопотать по хозяйству, по крайней мере пока не проснется Лейла.

Аарон не стал ничего говорить Миш, но отметил ее поведение. Он сыт по горло ее гримасами, капризами и нытьем. Если девчонке здесь настолько плохо, пускай уходит, посмотрим, как понравятся ее штучки посторонним людям.

– Папочка, Стафа хочет писать.

– Нет! Нет! – Стафа слегка нагнулся и схватился рукой за ширинку.

– Стафа, иди на горшок.

– Нет.

– Стафа, иди писать на горшок.

– Нет!

Парнишка понимал уже, что от него требуется, но отчаянно не хотел делать это самостоятельно.

– Сейчас я тебя отшлепаю!

– Отнеси меня, папочка.

– Отнести? Ты же уже большой мальчик!

– Нет отнеси.

– Ладно, иди сюда, упрямый звереныш. Стафа доверчиво подошел; Аарон схватил сынишку за правую ногу и поднял его, тот вырывался и цеплялся за отца.

– Смотри-ка, Стафа. Что это такое?

– Это моя ножка, моя ступня?

Аарон похлопал Стафу по левой ступне.

– А это что такое?

– Другая ножка.

– А как ты думаешь, зачем Великий Господь наш Арам приделал ступни к твоим ножкам?

– Чтобы пальчики не отвалились, – выпалил Стафа. Все, кроме Арифа, расхохотались, даже Миш. Стафа тоже захихикал, хоть и понял не больше старшего братишки. Аарон поднялся.

– Ладно, парниша, твоя взяла.

Он подхватил Стафу на руки и понес к горшку. Стафа счастливо визжал и брыкался.

Будет о чем рассказать ребятам на работе. Происшествие немного отвлекло Аарона от тревожных мыслей. Миш протянула ему обычный завтрак – хлеб, сыр, колбасу, – и он вышел на улицу.

Солнце еще не взошло.

* * *

Хлоп! Бамц! Хлоп! Повара-кушмаррахане проворно

наполняли миску Йосеха – три унции мяса, нарезанного толстыми кусками, шесть унций месива, напоминающего кашу, и половина булки, от нее надо отщипывать кусочки и макать их в похлебку.

– Эй, парень, – заметил Йосех повару, – сил нет, до чего соскучился по этому блюду. – Так он говорил каждое утро со дня приезда в город.

– Каждый день в Кушмаррахе – праздник, и улицы здесь вымощены золотом, – провозгласил Мо'атабар, он выполнял обязанности сержанта геродианской армии в роте, численность которой составляла сто человек.

Это тоже, как и похлебка, повторялось каждое утро. Мо'атабар неукоснительно соблюдал ритуал; также в обязательном порядке, лишь только первые лучи солнца золотили небо и боги начинали продирать глаза, он заводил свою любимую песню:

– Вставайте, дети мои, восстаньте и возрадуйтесь, ибо вас ждет еще один славный день на службе городу из золота и свинца.

Дартары постарше всегда отвечали ему дружным хохотом; Йосех же хоть и понимал, что Мо'атабар насмехается над расхожими представлениями кочевых племен о Кушмаррахе, но не находил в этих выходках ничего забавного.

Йосех с родными и двоюродными братьями уселись за стол. Ели молча; Ногах был не в духе. Вчера вечером он подумал, что представилась возможность выдвинуться и, при этом немного разнообразить бесцветную жизнь, но сегодня мечты его рассыпались в прах. Утром был отдан приказ двинуться в Шу всей ротой. Пойдет не восемь, а сто восемнадцать человек. И в случае успеха в лучах одобрения Фа'тада будут купаться Мо'атабар и его дядюшка Джоаб, капитан роты.

Фа'тада осенило, озарило, или как там это называется, думалось Йосеху, короче, он решил послать в лабиринт Шу старейшего своего друга, снабдившего его столь мощной поддержкой.

Джоаб был одним из полудюжины людей, что летали вместе с Орлом вот уже сорок лет.

Ногаху следовало бы подумать об этом, а не носиться со своими обидами.

Солнце только начало припекать, когда отряд покинул лагерь и направился к Осенним воротам. Йосех с родичами ехали впереди. Почетное положение, но Йосех с радостью уступил бы его кому-нибудь: дело могло обернуться довольно паршиво.

В конце концов, он не намерен погибать за кушмаррахан или

становиться героем народного эпоса.

Ворота до сих пор были закрытые на небольшой площадке перед сторожевой башней уже толпился народ. Джоаб выехал вперед и принялся на чем свет стоит бранить проклятых геродианских сонь-вратарей на их собственном языке. Он называл их сучьими отродьями, поедателями верблюжьего дерьма, гнойными прыщами на физиономии их божества. Джоаб при каждом удобном случае старался обругать геродианских солдат – в отместку за скрытое оскорбление, которое нанесло дартарам геродианское командование: лагерь наемников находился за городской стеной, и на ночь им предписывалось покидать город.

– Он нарочно доводит их, – сказал Йосех. – В один прекрасный день кто-нибудь из них не выдержит и успокоит его.

– Ничего подобного, – отозвался Ногах, – они ж его боятся до полусмерти, чуть в штаны не накладывают со страха. Думают, у него не все дома.

– Может, так оно и есть.

– Это он так представляется. Я думаю, Фа'тад специально его подзуживает, хочет, чтоб нас всех считали чокнутыми.

– Ты думаешь…

– Впрочем, с Фа'тадом ничего нельзя знать наверняка. Джоаб не зря метал громы и молнии. Ворота со скрипом распахнулись. Джоаб с надменным видом въехал в город во главе своего отряда. Следом за ним вступили в Кушмаррах обычные патрули. Тысяча наемников выстроилась в колонны; купцы покорно ждали своей очереди.

Йосех и недели не пробыл на севере, как почувствовал, какую сложную, тонкую игру ведет Фа'тад с Кадо, главой военного правительства геродиан. Войска Герода заняли все ключевые позиции, и дворец, в котором некогда жил князь, номинальный властитель Кушмарраха, теперь назывался Домом Правительства.

В нем разместился Кадо с приспешниками. Кадо старался, чтоб люди его держались в тени, как можно меньше появлялись на публике. Правой рукой и бронированным кулаком захватчиков всегда были дартары.

Фа'тад, в свой черед, создал нечто вроде тайной полиции. Дартары являлись точно из-под земли и творили немедленную и свирепую расправу над разбойниками и грабителями, выколупывая их из всех щелей. Они беспристрастно разрешали споры, находили управляющих, которые нуждались в рабочей силе, и сводили их с мастеровыми, которые жаждали получить работу. Везде, где это было в его силах, Фа'тад старался облегчить страдания бедноты.

– Ну да, мы переводим старушенций через улицу и возимся с

сопливыми ребятишками, – ворчал Ногах, – а зачем, спрашивается? Вот что ты мне скажи, братишка. Что с того, что всякая шваль будет хорошо к нам относиться? Разве от этого на юге станет хоть на одну скотину больше?

– Сдается мне, Фа'тад метит выше, его цели куда обширнее, ему мало просто спасти племя от голода.

– В том-то все и дело. Он занят своими далекоидущими планами и думать забыл о том, что нас сюда привело.

Патрули разъехались по городу, а отряд Джоаба продолжал двигаться на запад, вниз по одному из широких проспектов Эстана; переехал через Козлиный ручей и метров пятьдесят двигался вдоль поросших кустарником руин Старой стены. Кто-то из стариков за спиной Йосеха пустился в воспоминания – как упрямые вейдины стояли здесь насмерть, а глупые ферренги хотели, чтоб Фа'тад пошел в атаку и прямо тут, в этом болоте, у ручья напал на них и выбил бы с этой позиции.

– Но что ал-Акле их дурацкие распоряжения! Ферренги послали своих собственных людей, и те все погибли, как и предупреждал Фа'тад.

Отряд прошел через отверстие в стене между двумя полуразрушенными колоннами – через бывшие ворота. Теперь дартары продвигались по узким улицам Хара, которые поднимались вверх, к открытым площадкам вокруг крепости. Йосех не мог без содрогания смотреть на это мрачное здание, хоть и знал, что Ала-эх-дин Бейх лишил его обитателей всякой силы. Но…

Но геродиане неуклонно гнули одну линию – крепость надо разрушить. Может, они просто хотели заполучить тело своего героя, а может, и кой-чего еще. Может, их не оставляла мечта о легендарных сокровищах.

Йосех отчасти подозревал, что Фа'тад тоже положил глаз на эти таинственные клады.

Колонна миновала цитадель и вступила в Шу. Началом округа служила улица Чар, напоминавшая землю, которая подстерегает суслика у входа в норку.

На улице Чар уже кипела жизнь, суетились люди. Точно мухи, облепившие труп, подумал Йосех. Он физически чувствовал давление толпы. Прохожие разбежались, давая дорогу отряду, и застыли по обеим сторонам улицы, разинув рты. Давно ли видали в Шу такое количество дартар? Разве что в дни падения Кушмарраха, да и то вряд ли – в Шу не из-за чего было сражаться.

Группы по шесть – восемь человек отделялись от хвоста колонны каждый раз, как они проезжали мимо очередного входа в лабиринт. Вскоре Йосех понял, что ста восемнадцати человек

едва хватит, чтоб охватить все крысиные ходы, что начинаются на улице Чар, не говоря уж об остальных.

– Вот, это то самое место, – сказал Ногах Мо'атабару.

– Спешивайтесь и вперед.

Ногах кивком подозвал остальных; они подъехали, расталкивая безропотно расступавшихся кушмаррахан. Йосех заглянул в темную дыру переулка и содрогнулся. Дурацкое суеверие, сказал он себе. Того страшного приземистого человека давно и след простыл.

Дартары двинулись вперед, спешились. Йосех взглянул на синевшую впереди бухту. И в этот момент встретился глазами со вчерашней старухой. Но нынче она казалась озадаченной и немного потерянной.

За спиной старухи, в дверях, появилась девушка. Йосех скользнул взглядом по ее не закрытому вуалью лицу. Глаза юноши расширились и блеснули. Девушка тоже смотрела на него.

Старуха что-то проворчала ей, и девушка отошла, вернее, отступила шага на два, чтоб скрыться от надзора, а сама продолжала смотреть. Йосех тоже. Наконец девушка не выдержала и убежала Махдах толкнул его в бок.

– Йосех, пойдешь ты или нет?

Кровь бросилась юноше в лицо: он осознал, что его зовут уже в третий раз. Он поспешно заставил верблюда опуститься на колени и соскользнул с седла.

– Эй, ребята! – окликнул Ногах. – Вы с Меджахом оставайтесь, сторожите верблюдов.

Йосеху показалось, что брат ухмыляется под маской. В переулке Ногах хлопнул Махдаха по плечу:

– Ну и ну! Только вчера он спрашивал, зачем мы торчим в Кушмаррахе.

* * *

Бел-Сидек смотрел на спускающуюся с холма колонну дартар, на группы, которые отделялись от нее у каждого переулка, и с трудом сдерживал волнение.

– Что происходит? – пробормотал он. Бел-Сидек сроду такого не видывал. Он пересчитал солдат – ничего себе, Фа'тад пригнал сюда больше ста ублюдков. Что за чертовщина, что затеял он на сей раз?

Этот человек вроде зайцев на просторах Таков: эти зверьки вечно поворачивают не в ту сторону и обманывают собак. Заяц чуть виляет хвостом, точно намерен кинуться вправо, а сам

прыгает влево и выигрывает несколько метров, пока псам удастся изменить направление.

Дартары продолжали движение, отделившиеся от колонны команды готовили веревки, оружие, щиты и факелы.

Они всерьез замыслили вторгнуться в лабиринт.

Зачем? Ведь это заведомо тщетная попытка.

Фа'тад снова пытается потрафить черни? Еще один эффектный символический жест?

Бел-Сидеку не терпелось предупредить старика. Но сейчас ему не прорваться сквозь ряды дартар, он лишь привлечет нежелательное внимание.

– Что они делают, сэр?

Бел-Сидек слегка повернул голову. С ним заговорил один из помощников одного из лейтенантов старика в округе Шу. Некто Насиф, или как его там, липучий неприятный человечек. Он почти что случайно узнал, что Бел-Сидек участвует в движении и занимает более высокое положение. Манеры у него были неопределенно-заискивающие, это отвращало Бел-Сидека еще сильнее, чем откровенное подхалимство Короля.

– Я задаю себе тот же вопрос. Мне кажется, вчера я ничего не упустил. Ничто не предвещало подобной реакции. Лицо Насифа исказилось.

– С вами все в порядке?

– Прошу прощения, сэр. Моего-то сынишку и похитили. С этого и началось.

– О, извините меня. У вас нет никаких известий?

– Нет, сэр. Один человек, я знаю его еще по армии, рассказал мне, что пару ребятишек нашли. Утром я проверил, ходят слухи о еще нескольких подобных случаях, так что я не теряю надежды.

– Я буду молиться за вас. – Бел-Сидеку захотелось уйти, но проходу не было.

– Спасибо вам, сэр. Вы слышали об убийстве? Бел-Сидек застонал про себя.

– Нет. Не слышал.

– В Харе. Очень богатый человек. Говорят, он был главным представителем Союза Живых в округе.

Бел-Сидек насторожился, но постарался не выказать своего жгучего любопытства.

– Что же произошло?

– Воры, как я слышал. Дом обчистили. Он был задушен. Колонна дартар наконец прошла.

– Очень интересно, но прошу прощения, мне нужно проведать отца. Он один уже несколько часов. – Бел-Сидек протолкался на другую сторону улицы.

Сагдет задушен, и воры обчистили его дом? Удивительное совпадение – за последние годы рок уже унес с полдюжины известных граждан, в том числе и второго мужа его собственной жены. До сих пор бел-Сидеку не приходило в голову сопоставить эти случаи. Он верил, что смена градоначальников готовится в Доме Правительства при потворстве Кадо, хотя Живые не отказываются принимать вину на себя. Но скоропостижные кончины других лиц определенно дурно пахнут – это похоже на карательные удары Союза.

Бел-Сидек вернулся домой в весьма задумчивом настроении.

– Это ты, атаман?

– Я, сэр.

– А я уж начал опасаться, что придется питаться собственными жировыми запасами.

Старик не столько брюзжал, сколько просто поддразнивал адъютанта. Но бел-Сидек рассердился: чувствительность его была обострена.

– Меня задержали.

– Знаю. Что за галдеж на улице?

Бел-Сидек прислушался. Уличный шум был чуть громче обычного, но он не заметил ничего особенного.

– Половина обитателей округа Шу задает другой половине вопрос – что такое затеяли дартары, черти бы их драли. – Он взглянул на тощую фигуру на постели. Кровать – единственная уступка старика, только на эту привилегию он согласился. – Там Джоаб с доброй сотней человек. Похоже, они задумали проникнуть в лабиринт. У них необходимое оружие и инструменты.

Генерал недоуменно наморщил лоб.

– Зачем им это?

Интересно, какое змеиное гнездо, какие мысли таятся за мутными от катаракты глазами?

– Понятия не имею. Фа'тад приказал – и все тут. Вы же специалист по мыслям и замыслам Фа'тада ал-Аклы.

– Если не ошибаюсь, в голосе твоем звучит горькая нотка, атаман. Ты чем-то недоволен?

– Прошлым вечером вы сказали, что атаман Хара сегодня будет присутствовать на расширенном заседании совета.

– Верно. Ты против?

– Отнюдь нет. Но сегодня утром один человек на улице – этот противный Насиф, его выдвинул Хадрибел, – сказал мне, что ночью Сагдета убили. Возможно, воры: из его дома вынесли все ценное. Но совпадение по времени показалось мне весьма примечательным, как и способ убийства – так же умерли

несколько человек, которых приговорили к смерти Живые.

Старик ответил не сразу. Бел-Сидек терпеливо ждал и заодно прислушивался к уличному шуму. А вдруг Джоаб затеял всю эту возню неспроста, вдруг это такая замысловатая уловка, чтобы поймать их в капкан? Если в самом деле возникнет опасность, у него будет время убить Генерала, а может, и себя самого, до того как они взломают дверь и ворвутся в спальню.

Черт знает что лезет в голову. Безумные мысли одолевают его уже много дней, он живет в постоянном напряжении, в постоянной готовности к худшему.

– Уже начал действовать план, который приведет Живых к победе, атаман. Но сейчас наше положение еще непрочно. Это как с только что вылупившимся цыпленком – с ним надо обращаться очень бережно, холить и лелеять его. Малейший прокол, даже неумышленный, допущенный одним из наших братьев, может привести к провалу всего движения.

Явно рассчитано на его пристрастие к драматизации событий. Бел-Сидек позволил себе примиряюще усмехнуться.

– Мы на многие месяцы ушли в подполье, чтобы заставить Фа'тада и Кадо думать, что Союз распадается, что Живые уже почти умерли. Исключение составлял лишь Хар; Ортбал Сагдет решил действовать по собственному усмотрению.

В общем, он прав, признал бел-Сидек.

– Настал решительный момент, атаман. В следующие шесть месяцев важна каждая минута. Ортбал Сагдет и всегда-то недорогого стоил, а теперь у него появилась смертельно опасная склонность. Он начал распространять заразу.

Конечно, он ведь заразил Салома Эджита.

– Но неужели надо было убивать его…

– Смерть его как раз может принести некоторую пользу. Проанализируй ситуацию, атаман. Вооружись хотя бы сведениями, которыми обладаешь как атаман района порта, и проанализируй. Анализ – твоя сильная сторона. Если найдешь лучшее решение, приди и доложи мне.

– Вы сказали, он будет здесь нынче вечером.

– Я сказал, здесь будет атаман округа Хар. Я ни словом не упомянул Ортбала Сагдета. Взгляни, что делается на улице. Потом позаботься о завтраке.

Старик закрыл глаза; бел-Сидек понял, что свободен.

Он не успел даже до входной двери дойти, как осознал, что выбора в ситуации с Ортбалом не было. Не было иного способа удержать в повиновении отряд Сагдета, заставить его людей делать то, что от них требуется.

Смерть Сагдета произведет должный эффект во всей

организации. Однако бел-Сидеку не нравилось, что Живые начали сами себя уничтожать.

Дартары упорно гнули свою линию – они твердо вознамерились исследовать лабиринт. Бел-Сидек сообщил об этом Генералу.

– Фа'тад опять дергает Кадо за усы, – сказал старик. – Он знает, что геродиане ждут нового градоначальника, и подготовка к встрече поглощает Кадо целиком; вот Орел и устраивает ему такую бяку, затевает абсолютно бесполезное дело, поднимает суматоху – пока у Кадо руки связаны. А сам исподтишка небось готовит какую-нибудь подлость. Я бы и сам с удовольствием напакостил бы Кадо.

– Понимаю.

Бел-Сидек отправился готовить завтрак. Наверное, старик прав. Фа'тад массу сил тратит на пикировку с Кадо. Но не в этом суть – даже если брак неудачен, супруги все равно спят в одной постели.

Они позавтракали, бел-Сидек убрал посуду и снова выглянул на улицу. Теперь дартары выводили захваченных в лабиринте пленных. Удивительное дело.

Он доложил положение Генералу и спросил, не разумнее ли сегодня остаться дома. Кончай бездельничать, велел старик, и немедленно отправляйся в порт.

* * *

Зуки проснулся, но притворялся спящим. Наступило утро. Он уже выплакал все слезы и теперь молча трясся от страха. Он ни о чем не мог думать, только о мамочке. Другие дети, вернее, некоторые из них, переговаривались между собой. Зуки хотелось закричать, заставить их замолчать, но вместо этого он свернулся комочком, чтоб казаться как можно меньше в надежде, что его просто не заметят.

В клетке вдруг наступила тишина. Зуки не удержался и открыл глаза – посмотреть, в чем дело.

Высоченный дяденька, Зуки отродясь таких не видывал, возился с замком клетки. За спиной его стояли две тети с тележкой метра полтора длиной. Тележка состояла из нескольких полок, нагруженных мисками, каждая из которых была накрыта красивой салфеткой. Зуки принюхался. Еда. Горячая еда. Пахло вкусно, а он проголодался.

Зуки сел на полу, совершенно не думая, что делает. Огляделся. Увиденное удивило его. Все было совсем не так

ужасно, как казалось прошлой ночью. При дневном свете он обнаружил, что клетка их колоссальных размеров, по крайней мере метров тридцать в ширину и двадцать в высоту. Все дети сейчас собрались у входа. Вокруг росли всевозможные деревья и кустарники, пели птицы, с высоты, из гигантских окон, лился солнечный свет.

Внизу Зуки увидел забавных мартышек ростом как раз с маленьких пленников. Обезьянки наблюдали за ними из-за кустов – наверное, тоже хотели есть.

Гигант открыл дверь, зашел в клетку и потыкал в сторону детей пальцем, точно пересчитывал их. Потом он кивком подозвал женщин, и те вкатили внутрь тележку. Гигант отступил и стал у двери, загораживая выход.

Женщины начали раздавать детям глиняные миски. Зуки заметил, что никто не двигается им навстречу и никто не отказывается принять блюдо с едой.

– Ешь, а то они заставят тебя, – тихонько шепнула девчушка, сидевшая рядом с Зуки.

Ввезли вторую тележку, ее катили четверо мужчин. Зуки тоже вручили глубокую квадратную миску сантиметров тридцать в ширину и пятнадцать в глубину, затейливо украшенную и расписанную синими цветами. Он откинул салфетку и обнаружил чашку с какой-то коричневой жидкостью, две маленькие булочки, что-то напоминающее мед и кусочки апельсина. Остальное Зуки не узнал, но выглядело все хорошо, пахло еще лучше и стоило, должно быть, чертовски дорого – дома он ел такие вкусности только по самым большим религиозным праздникам.

Он попробовал, прожевал кусочек и сразу почувствовал себя лучше.

Со второй тележки выгрузили и внесли в клетку здоровенную бадью. Ее поставили рядом с другой такой же, а первую унесли Внутри что-то хлюпало. Это был гигантский ночной горшок. Зуки видел, как другие ребята пользовались им, и, когда понадобилось, поступил так же. В нескольких метрах стоял еще один. Его тоже заменили. Потом принесли свежую питьевую воду.

Раздача пищи кончилась. Женщины отошли в сторону и застыли в ожидании. Четверо мужчин с совками и лопатками зашли в заросли – по-видимому, чтобы убрать за обезьянками. Никто из взрослых не произносил ни слова.

Некоторые ребятишки ели быстро, другие медленнее. Женщины забирали освободившиеся миски, выскребали остатки и выкладывали на металлические подносы, установленные на верхних полках тележек. Когда поднос наполнялся, кто-нибудь из мужчин брал его и относил обезьянкам в заросли, высыпал им

объедки и возвращался с пустой посудиной.

Лишь самые храбрые ребятишки осмеливались подходить к женщинам, другие же просто ставили тарелки на пол и отходили в сторонку. Мужчины собирали тарелки и передавали женщинам. Гигант так и стоял, привалившись к двери.

А потом все взрослые ушли.

Зуки опять затрясся от страха, от тоски по дому и по маме. Но любопытство постепенно вытесняло отчаяние – его чрезвычайно занимали обезьянки. В конце концов он поднялся и отправился осматривать клетку.

Но мальчик не успел даже добраться до зарослей: снова явились давешние дяди и тети, опять с тележками, но на сей раз совсем иными. Гигант опять пропустил женщин с тележками в клетку и стал у входа.

Каждая тетя взяла за руку одного из пленников и повела к тележке. Дети не сопротивлялись. Женщины раздевали их догола, сажали в тележки, которые оказались ваннами на колесиках, и принимались мыть и скрести.

Зуки терпеть не мог мыться.

– Нас что, всех будут мыть? – спросил он девочку, с которой разговаривал раньше.

– Тебя обязательно: ты же новенький.

Арам спаси и помилуй! Да они моют даже головы! Сильнее всего на свете Зуки ненавидел мыть волосы. Он подумал было убежать и спрятаться в кустах вместе с обезьянками, но не смел пошевелиться.

Грозные тети вынимали свои жертвы из ванночек, растирали полотенцами и одевали в чистую одежду, которую извлекали из закрепленных на тележках корзин. Потом они хватали следующего малыша.

Одна направилась прямиком к Зуки.

У него со страху отнялись руки и ноги, он мог только дрожать и лить слезы. Тетя, впрочем, была совсем не злая, она довольно ласково взяла его за руку, подняла и повлекла к ванне. Зуки вел себя тихо, пока не увидел, что она приготовила кувшин и собирается поливать его. Тут он начал визжать и брыкаться, но вода все равно хлынула на голову, а сильная рука держала крепко. Все его крики и отчаянное сопротивление были бесполезны.

Те же сильные руки вытащили Зуки из ванны и заставили нагнуться. Мальчик отплевывался, фонтаны брызг летели с него во все стороны. Тетя принялась втирать мыло ему в голову. Но этим унизительным мытьем и полосканием дело не кончилось, Зуки еще смазали чем-то вонючим, обжигающим кожу.

– Это и есть новичок? – спросил женский голос.

– Да, мэм, – отозвался другой, голос его мучительницы.

– Как он себя чувствует?

– Успел завшиветь, а так вроде бы здоров и в хорошей форме.

– Отлично. Вы уже закончили с ним?

– Сейчас, еще разок прополосну, мэм.

С головы Зуки потекла вода; а потом его вытащили из ванны, посадили на пол и начали вытирать волосы полотенцем. Он открыл глаза. Перед ним стояла красавица, каких он отродясь не видывал. Она сжала щечки Зуки в ладонях, заставила посмотреть прямо в глаза себе.

– Не бойся. Никто тебя не обидит.

– Я хочу к маме!

– Знаю. – Она потрепала мальчика по щеке.

– Это тот самый, мэм? – спросила женщина-служанка.

– Вряд ли, – ответила красавица, и Зуки подумал, что вид у нее очень печальный.

* * *

Ариф быстренько прикинул в уме – мама пытается одеться, а Зуки карабкается на нее; Миш дуется, потому что поругалась с бабулей; за дверью никто не следит. Подходящее время сбежать поглядеть, что делается на улице.

Он смело подошел к двери, точно это было самым обычным делом – захотел и пошел пройтись.

Но дети вечно недооценивают ситуацию – бабуля ухватила его за подол, рывком вернула назад и поставила перед собой.

– Далеко собрался, Ариф?

– Я только…

– Только что?

– Только хотел посмотреть, что делают дартары. – Ариф обиженно выпятил нижнюю губу.

– Что надо, то и делают, а птичке положено сидеть в гнездышке. Тебе и Стафе, вам ведь строго-настрого запрещено выходить без взрослых.

– Да я только тут, рядом.

– Как раз тут рядом злой дядя вчера сцапал Зуки. Ты что, забыл?

– Ну, меня-то ему не сцапать! Я ему как дам в нос! Я ему…

– Ариф! – Бабуля строго взглянула на него, и лицо у нее стало ужасно серьезным. – Это не игрушки, не забава. Как ты убежишь от злого дяди, когда и от старенькой бабушки убежать

не смог? Нет, это не игрушки, – повторила она. – А теперь расскажи мне правила. Как нужно себя вести?

Ариф еще сильнее выпятил губу и принялся повторять нужный свод правил – что делать, если кто-нибудь попытается похитить его.

Из дома выскочила Миш.

– Мама, где Ариф? Ты не… Он… – Она увидела мальчика рядом с бабушкой, сразу же забыла о них и уставилась на дартар. На брань она и внимания не обращала – Миш всегда становилась туга на ухо, когда старуха кричала на нее.

* * *

Эйзел дважды обошел вокруг Дома Правительства. Кто же следит за ним? Или никто не следит? Если следит – это человек достаточно ловкий: он ничем не выдал себя. Такая ловкость не характерна ни для рядовых членов Союза Живых, ни тем более для дартар, которые вообще не способны были притворяться. Об этом ходило немало шуток, рассказывали анекдоты. “Прямой, точно дартарин” – поговорка древняя, как сам Кушмаррах.

Эйзел подошел к служебному входу, постучал. Солдат-часовой приоткрыл дверь.

– Чего тебе? – спросил он.

– Хочу видеть полковника Бруду по поводу цветов, которые он заказывал.

Часовой усмехнулся – чертовщина какая-то, почему-то все тащат полковнику цветы. Что полковник станет делать с такой массой букетов? Но Эйзел был доволен своей выдумкой: все приходят с цветами, и он ничем не отличается от других.

За спиной Эйзела геродианин возился с замком.

– Я отведу этого чудилу к Бруде, – обратился он ко второму стражнику на своем языке. – Покарауль тут.

Товарищ его что-то проворчал в ответ, не поднимая головы. Слишком высокий для гарнизона, отметил про себя Эйзел.

Провожатый повел его по пыльному – им, похоже, редко пользовались – коридору. Эйзел развлекался как обычно – пытался по следам в пыли определить, много ли народу ходит в Дом Правительства через черный ход.

Стражник завернул в длинный проход, проходящий сквозь все здание с севера на юг. Эйзел оглянулся. Позади никого, впереди тоже. Пусто как всегда, но проверить не помешает. Никогда не расслабляться, ничего не принимать на веру – его девиз.

Стоит ли? А почему бы и нет? Они ничего не могут ему сделать. Эйзел ухмыльнулся и с размаху заехал солдату в левый бок кулаком, прямо по почкам. Тот согнулся от удара, а потом рухнул на пол. Эйзел прислонился к стене, подождал. Солдат постепенно приходил в себя, открыл глаза – в них стояли слезы.

– Чудила?! – прорычал Эйзел. – Головой надо соображать, а не задницей. – Он сказал это на народном, вульгарном геродианском наречии, а не на том литературном языке, на котором объяснялись высшие классы и который обычно учили иностранцы.

Он заметил какой-то блеск в глазах побитого солдата.

– И думать забудь. Я тебе уши отрежу. – Эйзел протянул солдату руку, предлагая помощь. – Ступай к Провозвестнику Истинной Веры. – Почти все, в том числе и простые солдаты геродианской армии, придерживались простых, старомодных обозначений, но, общаясь между собой, истинно верующие использовали религиозные титулы.

Солдат принял помощь Эйзела и с трудом, пошатываясь, согнувшись и понурив голову, поднялся.

– Я вовсе не стремился изувечить тебя, но, если начнешь писать кровью, лучше сразу обратись к полковому доктору, – посоветовал Эйзел.

Часовой ничего не ответил. Он провел Эйзела несколькими этажами выше, в комнату, в которой поджидал их молоденький, небось и бриться недавно начал, лейтенантик. Он поспешно вскочил, приоткрыл другую дверь и что-то сказал находившемуся в соседней комнате человеку. Потом повернулся к Эйзелу:

– Через минуту он примет вас.

Солдат поковылял прочь.

– Что это с ним?

– Допустил бестактность. Плохо разбирается в национальном вопросе.

Юноша избегал взгляда Эйзела. Тот усмехнулся, отошел к окну, посмотрел на бухту. Порт прямо как на ладони. Интересно, выйдет ли он снова в море. Не хотелось бы – это игрушка для безусых юнцов, глупеньких, точно слепые котята. Если человек соображает что к чему – такие штуки не для него.

– Розан?

Эйзел обернулся. Полковник Бруда поманил его. Эйзел, по-прежнему ухмыляясь, последовал за ним. Он и сам был невысок, но, несмотря на это, взгляд его упирался в блестящую макушку Бруды.

– Слушай, до меня дошло, почему ваши ребята выигрывают все битвы.

Бруда мрачно взглянул на него.

– Вы выбираете для сражения славный солнечный денек, выстраиваете офицеров впереди войска и приказываете им по команде наклонить головы в сторону врага.

Бруда нахмурился сильнее. Шутка его явно не веселила.

– У всех геродиан старше двадцати пяти головы голые, точно яйцо у ящерицы. Я, во всяком случае, других не видел. Вы ослепляете врагов солнечными лучами, которые отражаются от ваших макушек. А потом остается только добить их.

– Твое чувство юмора нас абсолютно не интересует. Розан.

– Зато вас интересуют другие мои таланты, так что придется потерпеть всего целиком.

– Учти, ты не так уж незаменим. Розан.

Эйзел хмыкнул. Бруда предсказуем, как заход солнца.

– Знаешь, градоначальник Страба говорил аккурат то же самое, пока думал, что я работаю на него, а не на Кадо.

Бруда побледнел.

Слабаки эти геродиане. Носятся со своей хваленой дисциплиной и религиозным рвением, а стоит цыкнуть на них, сразу в штаны напустят.

Конечно, Бруда назначил расследование обстоятельств ужасной кончины градоначальника Страбы. Но, увы, полковник не был хорошим следователем. По правде говоря, он даже хвостика истины не ухватил. Он понятия не имел, что вовсе не Эйзел убил градоначальника.

Пускай думает что хочет, а то у него ноги будут подгибаться со страху.

Эйзел выследил убийцу, но оставил свои знания при себе: когда-нибудь они могут пригодиться.

– Придется тебе подождать немного, Розан. Он кое с кем разговаривает. Но он знает, что ты здесь.

– Ладно.

Эйзел отошел к окну, задумчиво посмотрел на гавань. Чистые прозрачные воды, гладь морская… А в глубине – тьма, тьма таится за бирюзово-синей безмятежной гладью. Небесно-синей называют ее дартары. Ха. Небеса тут ни при чем. Горлох ведает, что там творится, в глубине.

Горлох знает, что за фасадами домов и за лицами людей скрывается тьма. В конечном счете весь мир – это сгусток Тьмы.

Горлох владеет ее тайной.

Бруда копошился у него за спиной – пытался, наверное, чем-то занять себя, но не мог сосредоточиться. Наконец открылась вторая дверь, и Эйзел услышал, как полковник с облегчением вздохнул.

– Розан?

Эйзел всплеснул руками.

– А вот и мой главный поклонник, мой любимый придворный. Этого человека звали Талига. Он был невысок и лыс, как и положено геродианскому аристократу. Эйзел не скрывал, что считает Талигу полным ничтожеством. Если с Кадо вдруг случится приступ здравого смысла и он прогонит зятя от себя – а Талига приходился ему зятем, – тот мгновенно подохнет с голоду.

В душе Талига понимал, что он просто паразит, и ненавидел Эйзела, потому что тот заставлял его взглянуть фактам в лицо. Он был злейшим из оставшихся в живых врагов Эйзела. А тот нарочно издевался над ним. В один прекрасный день геродиане сочтут, что вреда от него, Эйзела, больше, чем пользы. Так пусть исполнение приговора поручат сперва этому несмышленышу. Талига подаст сигнал тревоги.

Но на сей раз Эйзел не стал дразнить бедолагу, ограничился начальным щелчком. Он вел непринужденную беседу и ни на минуту не переставал улыбаться. Дружелюбие это заставляло Талигу скрежетать зубами от ярости. Для геродианина является аксиомой, что враг бывает особенно приветлив и любезен с вами, прежде чем воткнуть нож в спину.

Глава военного правительства Кушмарраха поджидал Эйзела в небольшой спартански обставленной комнате на верхнем этаже Дома Правительства. То были собственные его покои. Кадо решительно отмел соответствующие его рангу религиозные приветствия.

– Благодарю, Талига. Доброе утро, Розан. Давненько не виделись.

Эйзел дождался, пока Талига выйдет из комнаты.

– Не из-за чего было приходить. Ничего стоящего.

– Что ты сделал с Талигой на сей раз? На нем лица нет.

– Ничего, генерал. Я был сама любезность. Я расспрашивал его о жене и дочках. Я искренне посочувствовал, что сестра ваша страдает непрекращающимися кровотечениями.

– Опасный ты человек, Розан. Ты нас изучил вдоль и поперек.

– О чем вы, сэр?

– Ты коварный лицемер. Но, наверное, именно поэтому ты так хорошо выполняешь свою работу, и я должен быть благодарен, что служишь ты мне, а не моим врагам.

– Истинная правда, сэр.

– Ты чересчур резок и потому наживаешь себе кучу врагов. Когда-нибудь Талига попытается прикончить тебя.

– Что ж, я действительно бываю резковат, я человек прямой, прямо и скажу вам, сэр, – если попытается, я его на куски изрежу

и разбросаю по всему Кушмарраху.

– Невелика птица Талига, но у него есть семья. Эйзел отвернулся, скрывая улыбку. Что-то вывело хладнокровного коротышку Кадо, выносливого, как дубленая кожа, из равновесия, и ему хочется это на ком-то выместить.

– Мне нравится работать с вами, сэр. Но жить мне нравится еще больше. Я с семи лет никому не позволял задевать меня. Теперь тем более. Любому, кто осмелится поднять на меня руку, не придется больше гордиться принадлежностью к какой-либо семье.

– Ладно, хватит препираться. Ты явился после долгого отсутствия. Значит, случилось что-то интересное, я не ошибся?

– Ничего особенного. Союз Живых то ли распадается, то ли они окончательно ушли в подполье. Возможно, и то, и другое. Дальше всего распад зашел в Харе.

– Ага, как раз в Харе ал-Акла казнил тех людей.

– Еще один признак разложения.

– Значит, план ал-Аклы начал работать.

– Парни просто выполнили свою работу. Теперь о том, что привело меня сюда. Это просто сплетня, но если в ней есть доля истины, значит, Союз действительно распадается, во всяком случае – в Харе.

– Что за сплетня?

– Некий Ортбал Сагдет был убит нынче ночью. Это факт, я сам проверил. Говорят, он был главным представителем Живых в округе Хар. Похоже, его обокрали. Но у воров обычно хватает соображения держаться подальше, когда дело может кончиться смертной казнью.

– Когда ты сможешь добыть доказательства, что этот Сагдет действительно был из Живых и занимал столь высокое положение?

– Никогда.

– Как так?

– А как, по-вашему, я их добуду?

– Ты член Союза Живых.

– Я всего лишь так называемый рядовой. Последняя спица в колеснице. И шансов подняться выше у меня нет.

– Почему?

– Понимаете, Живые – это компания Старых Товарищей. Три вещи работают против меня. Самая главная – я не получил пинка под зад при Дак-эс-Суэтте. И две другие – я не получил его ни при защите Семи Башен, ни в долине Чордан. Следовательно, не важно, кто я и что могу для них сделать. Я навсегда останусь всего лишь жалким оруженосцем.

Кадо поднялся, подошел к окну. Физически он соответствовал геродианским понятиям о представителе правящего класса. Небольшого роста, лысый, пухленький. Он любил пышность, мог стать в позу, обожал лесть. Как и прочие. Но под его голой макушкой скрывался ум – острый как бритва.

– А где ты был в те дни, Розан?

– Меня не было в городе.

– Ты ведь говорил, что служил во флоте? Там-то и выучился по-геродиански. Но кораблей у кушмаррахан было немного… Впрочем, не важно. Если б ты сыскал способ убедиться, что Сагдет определенно был одним из высших чинов Союза, я бы был тебе весьма признателен.

– Если такой способ есть, я найду его, сэр.

– Уверен, ты найдешь его. А что с нашим другом Орлом?

– Видите ли, я нашел у них работенку – ходить за лошадьми. Но в первый же день один из ублюдков прошелся насчет горожан. Пришлось ему ноги переломать. Думаю, теперь неразумно там показываться.

– Ты человек решительный и жестокий, не правда ли?

– Порой без этого поручения не выполнишь. Я что-то не видел, чтоб вы посылали миссионеров из числа ваших парней проповедовать Единственную Истинную Веру.

– Я… Ты… – Кадо вспыхнул.

В комнату влетел лейтенантик, совсем молоденький – голова его еще была покрыта волосами, от волнения он даже забыл постучать. Эйзел отвернулся к окну.

– Сэр! – вскричал лейтенант. – Принят сигнал с Южного маяка. На горизонте показалась галера нового градоначальника.

– Проклятие! Почему Господь Бог не послал этому ублюдку встречного ветра?! – Кадо пнул ногой стул. – Мачио, не смей больше так врываться. Даже если через пять секунд ожидается конец света, ты должен стучаться и ждать. Понял?

– Да, сэр.

– Отлично. Благодарю. Можешь идти. Лейтенантик ретировался, поджав хвост.

– И так не справляемся, а тут еще новая головная боль. Розан, я хочу, чтоб ты сегодня остался со мной. Хочу, чтоб ты изучил этого борова Сулло с самого начала. Он первый из присланных из столицы представляет собой серьезную опасность.

– Остаться с вами? На официальном приеме и так далее?

– Да.

– Слишком большой риск. Меня могут узнать. Если возникнет подозрение, что я работаю на вас, наше сотрудничество лишится всякого смысла. Не говоря уж о том, что это наверняка сократит

мою жизнь.

– Кстати, что, по-твоему, затеял в Шу ал-Акла? Я велю выдать тебе форму моего личного телохранителя. Человека в форме никто не станет рассматривать.

– В Шу? Насколько я слышал, он ничего не делает в Шу.

– Сегодня утром он послал в лабиринт Джоаба и больше сотни человек. Ты ничего не слыхал?

– Нет, сэр. Я занимался делом Сагдета.

Эйзел был не на шутку обеспокоен. Плохие новости. Надо срочно все выяснить. Но, похоже, Кадо намерен задержать его на целый день. Черт побери! Это чертовски некстати. Зря он сюда притащился.

Глава 5

Аарон снял последние ремни, которые скрепляли части мачты, пока не высох клей между стыками и вокруг деревянных колышков. Он махнул рукой рабочим у лебедки. Они начали возиться с веревками, готовясь поднять мачту, развернуть ее и опустить на не готовый еще корпус судна.

Кулло, новый мастер-геродианин, последние две недели его не было на верфи, пришел принять работу.

– Замечательно, – признал он. – Лучше не сделаешь.

– Этому ремеслу я обучался, сэр. Будь моя воля, только им и занимался бы.

– Забудь, оставайся с нами. Через пять лет будешь отличным кораблестроителем, выйдешь в мастера.

– Да, сэр.

Геродиане с такой скоростью и безжалостностью вырубают строевой лес вокруг Кушмарраха, что через пять лет от него ничего не останется. Аарон возненавидел бы их за одну только жадность, не говоря уж обо всем прочем. С прожорливостью саранчи набрасывался Герод на богатства завоеванных земель. И причиной постоянных военных походов, подозревал Аарон, была именно алчность, а вовсе не религиозное рвение.

Он немного помог у лебедки, потом отошел. Теперь нечего делать, пока рабочие не будут готовы к установке мачты. Кулло тоже ушел, поэтому Аарон решил навестить Билли-козла, который с помощью деревянного молотка и клина загонял куски каната в щели между планками; старик работал быстро и проворно, помощник – он заливал щели горячей смолой – отставал от него на несколько метров.

– Вонючая штука, – заметил Аарон.

– Смола-то? К ней здорово привыкаешь. Потом, несколько дней не работаешь – и уже начинаешь скучать по запаху. У тебя как?

– Да с лебедкой возимся.

– Угу.

– Как с названием? Решили что-нибудь?

Билли всегда узнавал новости раньше мастера. Вокруг названия корабля разгорелись жаркие споры между фанатиками и купцами, которые понимали, что в иностранных портах геродианский бог не встретит теплого приема.

– Да нет. Хочешь о чем-то потолковать, Аарон?

– Да. – Аарон не знал, с чего начать, чтоб не показаться брюзгливой старой бабой. – Помнишь, ты мне рассказал о

потерянных ребятишках у Козлиного ручья?

– Угу. – Руки Билли продолжали проворно делать свое дело.

– А о других похожих случаях ты не слыхал?

– Опять что-то стряслось?

– На сей раз не у меня. Вчера похитили сынишку подруги моей жены. Единственный ребенок.

– Угу. – Билли-козел остановился, прямо взглянул на Аарона. – У тебя определенно есть особые причины так интересоваться этим делом, правда?

Что он мог сказать? Поведать о пустых подозрениях, о ночных кошмарах, о страхе за Арифа? Это после всех предупреждений и предосторожностей. Да он просто спятил!

– Что ж, коли уж зашла речь, я вроде припоминаю, что слышал о еще нескольких подобных случаях. Ребятишки были хорошо одеты, здоровы, но мало что помнили. – Билли снова взялся за работу.

– А своих домашних они признали?

– Да вроде бы…

Аарон вздохнул, и вздох этот исходил из самой глубины души. Да, чудно это все, есть над чем поломать голову.

– Ну ладно, предположим, – заговорил Билли-козел, – а что с тобой вообще-то происходит нынче утром, мальчик? – Часть очарования Билли заключалась в этой добровольно взятой на себя роли умудренного опытом старика, хотя на самом деле до старости ему было еще далеко.

Аарон удивился. Неужели его состояние бросается в глаза?

– Ну да. Старичок Билли читает в душах, как в открытой книге. Какого черта ты ждал, Аарон, ты что, думал, шляешься тут с кислой миной целое утро, и никто ничего не замечает? Давай выкладывай, облегчи душу.

– Не так-то это просто. Билли. Тут такая штука, что приходится выбирать, и даже отказаться от выбора – тоже выбор, и что бы ты ни выбрал, кто-нибудь да пострадает. Ты, выходит, должен выбрать, кто именно.

– Ага. Направо пойдешь, коня потеряешь, налево… Гомар, ты зря теряешь время. Ты устал и начинаешь халтурить. Я уже вижу пару пропущенных щелей.

Аарону казалось, что Гомар все делает правильно. Он думал, что Гомар знает это не хуже его, но он покорно собрал инструменты, подбросил в топку угля, чтобы растопить еще пару брусков смолы, и ушел.

– Итак, давай, Аарон, рассказывай.

– Что ты знаешь о Живых? Билли-козел подозрительно прищурился.

– Меньше знаешь – крепче спишь. Слишком много знать о них все равно что переплывать залив, когда к ногам привязан груз килограммчиков в сто весом.

– Да-да. – Аарону не приходило в голову взглянуть на дело с этой стороны. – Я не об том. Как ты думаешь, это стоящие ребята или просто компания упрямых идиотов, которые только затрудняют нашу жизнь?

Билли-козел улыбнулся.

– Это ты мне осложняешь задачу, Аарон. К чему пустые разговоры? Скажи прямо, что тебя тревожит, и я помогу чем смогу, а если ничем не смогу, напрочь позабуду о твоем вопросе, точно его и не было.

Аарон подумал с минуту, но он уже просто не мог держать это все в себе; ему необходимо было извергнуть из себя отраву, пока она вконец не погубила его.

– Скажем, есть парень, который предал кушмаррахан в деле столь же важном, что и Фа'тад, но только предательства его никто не заметил. Заметил только второй парень, а предатель об этом ничего не знает. И вот прошло много лет, и второй парень узнает, что предатель теперь занимает какой-то важный пост в Союзе Живых. А если раньше он работал на геродиан…

– Стоп, я все понял. – Билли-козел поднял руку, призывая к тишине, и отложил молоток. – Ни слова больше. – Он подумал еще несколько минут. – За годы оккупации завязались новые отношения, возникла масса обстоятельств, битва за Кушмаррах осталась далеко позади. Предатель наверняка завел семью, и члены ее ни о чем не подозревают, они ни в чем не виноваты, а если начать запоздало восстанавливать справедливость, пострадают в первую очередь именно они. С другой стороны, если он и в самом деле не последний человек в Союзе и в то же время сотрудничает с Городом, а Живые стоящие ребята, у которых и вправду есть шанс восстановить независимость Кушмарраха… Да уж, Аарон, задачка не из легких.

Аарона окликнули сверху. Рабочие у лебедки были готовы к спуску мачты.

– Я подумаю, Аарон. Из всякой безвыходной ситуации, стоит посмотреть на нее под неожиданным углом зрения, можно найти выход. Поговорим попозже. Поднимайся, а то они описаются от нетерпения.

– Спасибо, Билли.

Аарон по ближайшим лесам вскарабкался наверх, пробежал по недоделанной еще палубе, перепрыгивая прорехи и убедившись по дороге, что все сделанное раньше сделано на славу. Помощники ждали его.

– Опускайте!

Мачта медленно поплыла вниз. Рабочие развернули ее, уравновесили, установили в положенном месте. Аарон махнул рукой мастеру.

– Все вроде бы в порядке. Но давайте сперва проверим стыки.

Десятью минутами позже он буквально раздувался от гордости.

Оказалось, что лишь одно место требует небольшой доработки.

– Ты просто создан для нашего дела, Аарон, – сказал ему Кулло. – Оставайся, заключим договор…

Аарон пожал плечами, отошел в сторону и подал знак рабочим у лебедки на полметра приподнять всю конструкцию. Помощники его принялись смазывать клеем все стыки. Аарон дал клею немного подсохнуть, потом сооружение опять опустили на место. Теперь пришла очередь втыкать пропитанные клеющим составом деревянные колышки-гвозди – по четыре на каждый стык: четыре на уровне палубы, два сбоку, четыре по мидйлю, еще два сбоку и четыре на киле.

– Эксперимент удался, – заявил Кулло. – На сборку прямо на месте, часть за частью, ушло бы на неделю больше. Уверен, ты внакладе не останешься. А когда сможешь взяться за мачты на торговых судах?

– Сперва это надо кончить. Вот склеится как следует, отделаю стыки, добавлю еще клея, покрою все лаком.

– Ну, этим может заняться еще кто-нибудь под твоим присмотром, а ты берись за следующие мачты. Что за черт?!

Рабочие собрались на носу недостроенного корабля, оживленно переговаривались и пальцами указывали на гавань. Аарон с мастером присоединились к ним.

В гавань входила пышно, но безвкусно разукрашенная галера.

– Кого это черти принесли?

– Скорее всего новый градоначальник. Раненько. Ну, теперь пойдет потеха, работа станет, будем праздновать, чтоб показать, в каком кушмаррахане восторге от его долгожданного прибытия.

Аарон прислонился к рее и наблюдал за геродианской галерой, чуть усмехаясь. Он вспомнил отца – с каким пренебрежением тот относился к правительствам и правителям.

* * *

Бел-Сидек занимался весьма утомительным делом – он драил палубу; судно принадлежало пузатому купчишке из Пеллы,

подчиненного Героду порта, там в доках работали друзья Живых. За спиной у него грузчики сновали туда-сюда, с корабля на берег и обратно: одновременно шла погрузка и выгрузка.

Какие-то тюки грузили, какие-то выгружали, бел-Сидек, впрочем, не отличал одни от других. Но он знал, что в одной из выгружаемых на берег партий спрятано смертоносное оружие для Союза Живых.

Кто-то тихонько приветствовал его из дока. Голос был едва слышен. На минуту бел-Сидек испугался, что это предупреждение, что явились ослы-таможенники и его людям придется уносить ноги. Но, присмотревшись, он заметил человека из небольшой группы, которой доверены были сношения между атаманами. Человек указал на бухту и прошептал:

– Прибыл корабль нового градоначальника. Бел-Сидек выругался и знаком показал, что понял.

– Раненько. Бритоголовый гаденыш прибыл слишком рано.

Он попытался рассмотреть корабль, но увидел лишь маяки на верхушках Братьев. Пеллане платили минимальный причальный сбор, и потому место им отвели самое паршивое, позади кушмарраханских рыбаков, добытчиков губок и жемчуга, мелких контрабандистов. Впрочем, все они понемногу занимались контрабандой.

Бел-Сидек, прихрамывая, сошел на берег и взобрался на первое попавшееся возвышение, чтобы видеть гавань. Поглядел с минуту и начал хихикать. Другие зеваки вопросительно уставились на него; бел-Сидек взял себя в руки.

Галера градоначальника и две легкие военные галеры эскорта прокладывали себе путь среди оживленного движения мимо Братьев. Несколько судов, вынужденных пропустить их, теперь шли сзади. В их числе и два корабля Мериэль с оружием в трюмах. Теперь не будет проблем с его разгрузкой. Геродиане временно помешаются и в течение нескольких дней будут абсолютно недееспособны.

Захочет ли старик поприветствовать нового тирана, будет ли у него такая возможность? Раньше он не упускал подобных случаев. Но если Мериэль права и готовится специальная операция… может ли это быть как-то связано с новым градоначальником? Вряд ли. Генерал уже несколько месяцев изъясняется загадками.

Наверное, лучше вернуться к работе. Приезд градоначальника ничего не меняет, во всяком случае, на сегодняшний день.

У новой верфи – раньше тут были общественные бани, но геродиане решили, что они оскорбляют нравственность, и

разрушили их, – с бел-Силеком поравнялся какой-то человек.

– Биллн-козел. Тысячу лет не виделись. Как дела? Чем теперь занимаешься?

– Работаю на верфи. А вы будто не знаете.

Бел-Сидек знал. Он не выпускал из виду никого из своих солдат, вернувшихся из Дак-эс-Суэтты. Тем более что вернулось совсем немного.

– Так в чем же дело?

– Да вот один юноша поделился со мной своими проблемами. Но мне крупно везет нынче. Вы единственный, с кем мне хотелось посоветоваться насчет этой задачки. И тут – словно дар Арама – вы идете на встречу. Как увидал вас – точно божественное знамение получил.

– Не понимаю.

– Обождите, расскажу. Не знаю, какие у вас связи, но из моих знакомых только у вас могут быть друзья, участвующие в сопротивлении.

Бел-Сидек промолчал.

– Один паренек – он-то с Живыми никак не связан – убедил себя, что знает некоего кушмарраханина, чье предательство имело не менее роковое значение, чем предательство Фа'тада. Вбил себе это в голову, а теперь, по его данным, выходит, что тот изменник занимает важное место в Союзе, а ведь кто раз продался Героду, того всегда можно купить снова.

Бел-Сидек торопливо прокручивал услышанное в голове и слабо надеялся, что не вспотел и не побледнел, вообще никак не выдал себя.

– Поточнее, чего вы хотите, сержант?

– Ну, главным образом я хочу понять, выдумывает паренек или нет. Он-то в свои фантазии верит, но люди сплошь и рядом верят в несусветные веши. Лично я никогда не слыхал о другом предателе, кроме ал-Аклы, тем более о таком важном.

– Я тоже ничего такого не знаю. Но мало ли чего мы не знаем, а оно все равно существует. Пойдем я угощу тебя обедом и во всем разберемся.

Бел-Сидек подумал, что выдает себя, но дело того стоило.

– Но имен я не назову, полковник.

“Еще как назовешь, дружок. Если мы захотим, назовешь как миленький”. Бел-Сидек покосился на Билли. А может, и не назовет, он всегда был упрям как черт.

– Ладно, не будем забегать вперед.

Они зашли в заведение, где подавали вкусное бхегхэйс – жирную рыбу со специями и овощной суп, в котором она варилась несколько минут до подачи на стол. Такие излишества бел-Сидек

позволял себе лишь изредка.

Некоторое время они молча смаковали изысканное блюдо.

– Хорошо, без имен. Но я должен иметь какую-то зацепку. Твой приятель ветеран?

– Как и все.

– Точно. Почти все. Дак-эс-Суэтта?

– Нет.

– Ага, кое-что проясняется. Ветеран, но не из Дак-эс-Суэтты. Работает на верфи. Наверное, мастеровой. Многие из них были в инженерных войсках, осажденных в Семи Башнях. Полагаю, он сам видел то, о чем говорит. Если это и в самом деле имело место. – Бел-Сидек взглянул на Козла.

– Вы добиваетесь моего мнения?

– Да.

– Как я уже сказал, парень убежден, что не ошибается. Я б не стал в это ввязываться, но он говорил как человек, взваливший себе на плечи непосильный груз.

– Семь Башен, значит. Я разузнаю. Когда это случилось, я сидел в геродианской темнице.

– Я представляю себе, что имеется в виду.

– Да?

– Предполагалось, что Семь Башен продержатся до сбора союзников, резервных войск и спасшихся из Дак-эс-Суэтты в долине Чордан. Но они не продержались.

– И ты полагаешь, причина этому – измена? Билли-козел пожал плечами.

– Я сидел через пять камер от вас.

– Я выясню. Я порасспрошу тех, кто был там. Спасибо, сержант.

Бел-Сидек торопливо заковылял прочь. Он направился прямиком к судну купца из Пеллы: двое из его грузчиков были среди защитников Семи Башен. Один – офицером, второй – военным инженером.

Бел-Сидек быстро нашел обоих и прижал к стене.

– Нам еще нужно развести огонь, – сопротивлялся первый, бел-Педра: его существование целиком зависело от денег, которые он получал за работу грузчика, и он не мог позволить себе жертвовать слишком многим.

– Я беру это на себя.

– Да что такое случилось, сэр?

– Я только что обнаружил, что в истории осады Семи Башен есть белые пятна, что мои сведения об этом далеко не исчерпывающие. Не знаю я и того, что именно сейчас приобретает для нас большое значение. Ты что скажешь, Малахи?

Малахи звали второго ветерана осады, он до сих пор не проронил ни слова. Сейчас он поднялся с мешков, на которых сидел, и привалился к сложенным на пирсе бревнам.

– Вы бывали на перевале, сэр?

– Никогда: мы прошли по прибрежному шоссе.

– Вот именно. Причем разрушая за собой мосты, чтобы врагам в случае победы пришлось добираться до Кушмарраха по горам.

– Почудилось мне, или ты действительно критикуешь действия нашего командования?

– Я не критикую, но я действительно немного раздражен, сэр. Пять поколений считали эту стратегию непогрешимой. Но на деле она не сработала.

– Должна была сработать.

– Теоретически должна. – Малахи ткнул пальцем в воображаемую карту. – Дорога через перевал идет точно на восток, но у вершины поворачивает к югу под углом шестьдесят градусов. Вне этой дуги находится четыре башни, по две с каждой стороны вершины. И три башни внутри дуги. Они не имеют названий, только номера, вне дуги – нечетные, внутри – четные. Самая главная башня – Четвертая, она в три раза больше других и гораздо лучше укреплена. Теперь о соотношении башен…

– Должно быть, весьма любопытно с профессиональной точки зрения, – перебил бел-Сидек. – В чем же заключалась ошибка?

– Не знаю. Мы предусмотрели все, кроме нападения на Семь Башен одновременно.

– Это, наверное, непросто.

– Непросто, но для геродиан это оказалось легчайшим путем. А также самым медленным, потому-то он нас и устраивал. Несмотря на отличных инженеров и саперов, геродианам пришлось дорогой ценой заплатить за Первую, Вторую и Третью. В Третьей-то я и находился, поэтому не знаю, что было дальше.

– Бел-Педра?

– Я был в Пятой, поэтому вряд ли смогу вам помочь. Они, точно кровожадные львы, три дня бросались на наши стены – и только носы себе разбивали. На четвертое утро с восходом солнца к нам явились их посланцы и сулили озолотить нас, если откроем ворота. Ну, мы вылили на них ведра с нечистотами, и они ретировались восвояси. А через пять минут начался артиллерийский обстрел – стреляли из тяжелых орудий на крыше Четвертой. Не знаю, что там стряслось, но защитники ее не успели уничтожить пушки.

Бел-Сидек еще потолковал с ветеранами на эту тему: просто чтобы не заострять их внимание на следующем вопросе. Бывшие

офицеры подробно обсудили тактику геродиан при атаке каждой башни, и лишь потом бел-Сидек спросил Малахи:

– А защитникам Третьей башни они тоже предложили сдаться и только после этого начали атаку?

– Да, конечно, это у геродиан такая привычка. Для проформы. Они неизменно получали один и тот же ответ, да другого, наверное, и не ждали.

– Гм… Бел-Педра, можешь вернуться к работе. А для тебя, Малахи, у меня еще есть поручение. – Бел-Сидек подождал, пока бел-Педра отойдет от них. – Ступай на новую геродианскую верфь и отыщи Бхани Сайтефа. Ты попросишь у него список рабочих-ветеранов осады Башен. Он должен знать такие вещи, но вряд ли помнит всех. Пусть напишет, кого припомнит, если этого окажется недостаточно, я потом сам с ним потолкую.

Малахи с озадаченным видом почесал в затылке.

– Да что такое происходит?

– Сам не знаю. Наши командиры пытаются связать одних людей с другими, а единственная зацепка – вероятность, что они вместе сражались на перевале Хэрок.

В районе порта многие Живые знали бел-Сидека, но мало кто подозревал, что он атаман этого округа. Он общался с людьми, которые занимали в организации самое разное положение, но на каждом уровне разыгрывал роль вестового еще более высоко стоящего командира. Риск был велик, но гавань – важнейшее для Живых место, есть из-за чего рисковать.

– Они сперва хотят опросить людей, которые не входят в нашу организацию?

Бел-Сидек пожал плечами:

– Понятия не имею. Мне поручили, я выполняю.

– Но никаких изменений не предвидится?

– В армии – нет.

Малахи наконец ушел и вернулся гораздо скорее, чем ожидал бел-Сидек.

– Вы ошиблись, сэр. Он их всех знает. Только о троих не смог сказать с уверенностью. – Он подал бел-Сидеку листок бумаги.

– Я прослежу, чтоб его отблагодарили как следует. Возвращайся на работу, с пелланами я договорился.

Бел-Сидек присел, просмотрел список, водя пальцем по бумаге. И вдруг отдернул руку.

– Мне следовало догадаться!

Все сразу стало на свое место, и тут же созрело решение. Бел-Сидек хотел было бежать к Генералу, но надо было еще собрать людей для работ на корабле Мериэль.

Галера нового градоначальника безуспешно, несмотря на

помощь нескольких буксирных судов, пыталась пристать к берегу.

– Надеюсь, этот ветер – дурное предзнаменование, – с улыбкой пробормотал себе под нос бел-Сидек.

* * *

Меджах козырьком приставил руку к глазам, прищурился.

– Гляди-ка, корабли. Да какие красивые!

Йосех с трудом оторвался от дома девушки. Меджах пальцем указывал на гавань.

Три корабля входили в бухту, сейчас с улицы Чар как раз был виден этот ее участок.

– Военные корабли?

– Те, что с боков, – военные. Похоже, важная шишка нас посетила.

– Какие-нибудь ферренги. Меджах ответил не сразу.

– Ну да, все они что-то этакое из себя воображают. Йосех опять уставился на дверь. Девушка снова была тут как тут. А старуха метнула на него яростный взгляд.

Йосех смущенно заморгал, но глаз отвести не смог. Она была удивлена, возмущена до глубины души, но юноше вдруг показалось, что морщинистое лицо старухи вдруг смягчилось, чуть ли не усмешка промелькнула на нем. А потом оно стало еще более каменным и неприступным, чем раньше.

– Что еще за черт? – пробурчал Меджах.

Дюжина конных дартар поспешно спускалась с холма. У каждого входа в лабиринт они останавливались и что-то говорили стерегущим животных солдатам. Те сразу же начинали суетиться, собираться куда-то.

– Фа'тад почему-то отзывает нас, – предположил Йосех.

Через минуту предположение подтвердилось. Один из всадников подскакал к ним и велел срочно вызвать находящихся в лабиринте солдат и возвращаться в лагерь.

Меджаху порядком надоело сторожить верблюдов и глазеть на прохожих.

– Пошли ей от меня прощальный поцелуй, – шутливо бросил он Йосеху и исчез в переулке.

Йосех осмотрел и подтянул сбрую. К счастью, в отличие от других отрядов они не захватили пленных – одной заботой меньше.

Вокруг снова собралась поредевшая было толпа любопытных.

Они, разинув рты, глазели на дартар, которые собирались столь же поспешно, как раньше разгружались.

Йосех огляделся – девушка и старуха по-прежнему смотрели на него, корабли скрылись из виду.

Меджах все не возвращался. Не пойти ли поторопить его? Нет, вейдин украдут животных или хотя бы отвяжут их – просто назло.

Йосех вдруг осознал, что один на улице среди сотен ненавидящих его людей. Он подтянулся, чтобы выглядеть взрослым и суровым воином, а не перепуганным мальчишкой, каким чувствовал себя на самом деле. А испугался он не на шутку.

Но тут до Йосеха донесся голос брата – Ногах на чем свет стоит клял Джоаба и Фа'тада, всех вейдин и ферренги, Кадо и богов, всех, кто приходил на ум. Йосеху сразу полегчало.

Мимо Йосеха с братьями, спотыкаясь, прошли двое ошарашенных, дрожащих от страха вейдин со связанными за спиной руками. Один попытался бежать. Кто-то сунул пику ему под ноги, вейдин споткнулся и шлепнулся на землю. Ногах подскочил к нему и несколько раз злобно пнул ногой. Йосеху опять стало страшно и неприятно.

Он заметил, что левый рукав Ногаха разрезан ножом, заметил пятно крови. На черном фоне кровь не сразу бросалась в глаза – именно поэтому они носили черную форму.

– Животные готовы? – прорычал Ногах.

– Да. Серьезная рана?

– Нет. Но больно чертовски. – Он закричал остальным подчиненным, чтоб немедленно строили пленников и садились на верблюдов.

– Еще кровоточит. Ногах.

– Пускай.

– Давай посмотрю.

– С ума сошел? На этой проклятой улице?

– Прости. – Конечно, только не на глазах у вейдин.

– Все равно спасибо тебе, братишка. Впредь буду осторожнее, боль напомнит мне, что и под камнями живут опасные зверушки.

Йосех взглянул на пленных. В своей грубой одежде они походили на каких-то отвратительных личинок.

Колонна перестроилась и вслед за Джоабом стала подниматься наверх. Йосех верхом на верблюде тоже готовился стать в шеренгу, но на прощание, повинуясь внезапному порыву, он махнул стоящей в дверях девушке рукой. Не сильно, а так, еле заметно.

Странно, старуха отвернулась. Странно вдвойне, девушка робко помахала в ответ, а потом скользнула обратно в дом.

Йосех очнулся лишь в лагере, да и то когда ему раз десять

велели переодеться в парадную форму. Из Герода прибыл новый градоначальник, и всем надлежало принять участие в праздничном параде.

Но даже на плацу в акрополе Йосех стоял точно во сне. Они застыли неподвижными рядами – пять тысяч человек в черном на неподвижных скакунах. Напротив, через проход метров в тридцать шириной, стояла геродианская пехота в белом с красным форме, офицеры на конях. Примерно двенадцать тысяч человек.

И такими незначительными силами Герод удерживал Кушмаррах. Йосех подумал, что весь этот парад – пустое тупое чванство: незачем демонстрировать противнику свою слабость.

Новый градоначальник появился нескоро. А когда появился, не произвел на Йосеха ни малейшего впечатления. То есть впечатляло количество охранников-мортиан, колесницы, пышные одежды. Но отнюдь не новый глава гражданского правительства Кушмарраха – болезненно-жирный человечек на носилках. Непохоже было, что он вообще способен передвигаться без посторонней помощи. Послышались смешки, Фа'таду пришлось обернуться и грозно нахмуриться, чтоб призвать к порядку свое войско.

То же происходило и в рядах геродиан.

Но на кушмарраханских мальчишек, которые облепили памятники и крыши вокруг площади, не было никакой управы. Они громогласно высмеивали и поносили новое начальство.

Йосеху стало почти жалко этого толстого человечка. Сулло, кажется? Да, правильно, Сулло.

Из Дома Правительства вышел генерал Кадо со свитой, по сравнению с разодетым Суллой он выглядел настоящим спартанцем. На вейдин это наверняка должно производить куда более сильное впечатление.

Йосеху было хорошо видно – он стоял во втором ряду, всего в нескольких метрах от Фа'тада. Градоначальника поднесли к лестнице, в ту же минуту подножия ее достиг и генерал Кадо. В самом деле, Сулло смог подняться лишь с помощью двух человек.

Хулиганы-вейдины заулюлюкали.

Генерал Кадо шагнул вперед, раскрыв объятия. Сулло последовал его примеру. Они облобызались, словно братья после долгой разлуки.

Насколько Йосех успел узнать геродиан, это означало ненависть глубокую, как пропасти Кхорглота. Он точно видел смертоносные кинжалы в их руках, обнимающих врага.

Глаза Йосеха испуганно расширились.

– Ногах…

Ногах и ухом не повел.

– Ногах!

– В строю не разговаривают, – прошипел Ногах. Меджах нахмурился.

– Ладно, смотри не пожалей.

Ногах сердито зыркнул на него через плечо, но Йосех сделал вид, что не замечает брата, и вновь уставился на одного из охранников Кадо.

* * *

Зуки так соскучился, что даже бояться перестал. Но тут в клетку вошел огромного роста человек. Дети притихли и затряслись от страха. Некоторые захныкали; одна девочка бросилась к зарослям, чтоб укрыться в них вместе с обезьянками.

Гигант шагнул вперед и схватил мальчонку, который немедленно зашелся в истерическом плаче. Страшный человек вышел из клетки и запер за собой дверь. Зуки, сжав кулачки и уставившись на побелевшие костяшки пальцев, слушал затихающий вдали плач. Он знал, что никогда больше не увидит этого мальчика.

Глава 6

Рахеб встретила Аарона молча, просто кивнула и с трудом, морщась от боли, попыталась подняться. Аарон и не подумал прийти ей на помощь: знал, что любая поддержка будет с презрением отвергнута.

Старуха вбила себе в голову, что она – обуза и проклятие своей дочери, и поэтому просила о помощи лишь в исключительных случаях. Аарон принял это данность.

Он испытывал к Рахеб смешанные чувства. Конечно, когда живешь вместе с тещей, не избежать напряжения, подземных толчков и маленьких, но опасных водоворотов. Но старушка Рахеб – далеко не худший вариант. Бывает, теща в другом конце города обретается, а хлопот с ней раз в сто больше.

Ариф первым заметил отца.

– Папочка пришел! Папочка дома!

Неуклюжим вихрем он налетел на Аарона, тот подхватил сына, сжал в объятиях. Стафа с визгом обвил ручонками отцовские ноги, карабкался вверх и улыбался во весь рот.

В глазах Лейлы застыл вопрос. Она всегда волновалась, когда муж возвращался с работы раньше времени.

– Нас распустили из-за приезда нового градоначальника. Всех геродиан собирают слушать речи генерала Кадо и этого… нового. Кажется, его зовут Суллой.

– И охота время терять, – проворчала Рахеб.

– Как так?

– Да так – кто-нибудь его прихлопнет, и вся недолга. В первый раз что ли?

Аарон с удивлением осознал, что Рахеб права. Восемь градоначальников за шесть лет. Через каждые несколько месяцев – новые похороны. Кушмаррах дольше ожидал приезда нового градоначальника, чем жил под его властью.

Аарон пожал плечами. Не его это печаль, не хватало еще ломать голову над геродианскими заботами. Он крепче прижал к себе Арифа; мальчуган запищал. Аарон сделал несколько шагов;

Стафа, захлебываясь от хохота, цеплялся за него.

– Попался, длинноногий чертяка! – радостно провозгласил он.

– И так он обращается к отцу! – в шутливом отчаянии возопил Аарон. – А где почтительность, где уважение к старшим?! Ей-богу, совсем распустились, пора приструнить!

Ариф смеялся и обнимал отца за шею.

– Теперь ты наш, долговязый чертяка, – повторил Стафа. Но

не все одинаково жизнерадостно восприняли замечание Аарона. Рахеб саркастически усмехнулась в знак согласия. Глаза Миш метали молнии, она что-то сердито бормотала себе под нос;

Лейла потупилась.

– В чем дело?

К изумлению Аарона, Миш ответила сама.

– Матушке показалось, что я кокетничала с дартарином, – отчеканила она с запальчивостью очень юного существа.

– Хватит об этом, Миш, – вмешалась Лейла. – Матушка, угомонись, довольно.

– С дартарином? – переспросил Аарон.

– Ты бы только видел, папочка, – тараторил Ариф, – их понаехали сотни, тысячи, с верблюдами и…

– Сорок три, – уточнил Стафа: на этой неделе сорок три было его любимым числом, им он обозначал всякое множество.

– Дартары? Что такое, зачем?

– Они пришли нынче утром, – пояснила Лейла, – человек сто, может, немного больше. Выставили часовых у каждого входа в лабиринт, а сами вошли внутрь. Они захватили пленных.

– Давно пора вычистить эту выгребную яму, – добавила Рахеб. – Авось и дартарские отродья на что-нибудь сгодятся. Миш едко ответила матери, та в долгу не осталась.

– Довольно! – Лейла прижала пальцы к вискам. – Не маленькие, а ведете себя хуже детей несмышленых.

– Тебе полезно освежиться. Пошли пройдемся наверх, к Клюву Попугая, например, – предложил Аарон.

– Я еще не сделала покупки: из-за дартар поднялась такая суматоха…

– Ничего страшного. Кстати, куда делись дартары?

– Они пробыли тут несколько часов, а потом появились гонцы, передали что-то, и все ускакали восвояси.

– Наверное, тоже в связи с приездом нового начальства. Ладно, пошли погуляем.

Лейла поняла, что муж придает этой прогулке большое значение, и накинула шаль.

– Я тоже хочу гулять, папочка.

– И я. – Стафа продолжал ухмыляться и упорно не отпускал отцовскую ногу.

Аарон опустил Арифа на пол.

– Вы, ребятки, останетесь с бабулей.

– Это не по-честному. Ты никогда, никогда не разрешаешь…

– Да-да, ты просто долговязый обманщик, я тебя терпеть не могу.

Аарон возвел глаза к потолку.

– Слушай, давай их продадим туркам.

Турки – еще одно кочевое племя – обитали к югу от Таков и слыли настолько свирепыми, что их побаивались даже дартары. В Кушмаррах они заходили редко. Аарон за всю жизнь видел лишь одного турка и не смог бы отличить его от дартарина.

Угроза продать ребятишек туркам была обычной семейной шуткой. Лейла подала свою реплику:

– Даже турки их не возьмут: слишком они у нас скверные. Короче, мальчики останутся с бабушкой. Миш, можешь испечь хлеб. В кувшине отмокают бобы. Есть сыр и всякие остатки. Сооруди что-нибудь.

Миш состроила гримасу мученицы, чья молодость проходит понапрасну под пятой жестокосердных угнетателей. Дом огласился жалостными вздохами девушки. Рахеб укоризненно покачала головой и вернулась на свое место у порога – вымещать на прохожих возмущение, вызванное родственниками.

– Ну, ты идешь? – Вопрос Лейлы прозвучал резче, чем ей самой хотелось.

– Никак не отцеплю этот хихикающий репейник. Стафа рассмеялся опять, но Лейла решительной рукой отодрала его от отца и под крики: “Мамочка, я тебя ненавижу”, – усадила среди металлического хлама, который Аарон притаскивал с верфи. Ариф с кислой миной наблюдал за ними. Аарон похлопал сынишку по плечу; Лейла обернула шаль вокруг головы, и они вышли на улицу.

– Не наседай, – попросила Лейла, – дай отдышаться, мама с Миш пробазарили все утро.

Аарон что-то буркнул в ответ. Он и сам не собирался начинать разговор, пока не расслабится немного. Только как это сделать?

До самого Клюва Попугая они не обменялись ни словом.

В акрополе по-прежнему толпился народ. Парад в честь нового градоначальника заканчивался, солдаты строем расходились по своим баракам, гарнизонам и лагерям. Аарон с Лейлой нашли тихое местечко в тени Клюва, устроились поудобнее, но разговор не начинали. Ветерок трепал их одежду, волосы. Сгрудившиеся за Братьями облака предвещали дождь.

Лейла выжидала.

– Я хочу тебе кое о чем рассказать. Вернее, не хочу. И тем паче не хочу отвечать на вопросы. – Трудность любой беседы с Лейлой заключалась в том, что она мигом засыпала мужа тысячью не идущих к делу вопросов, причем примерно половина из них звучала обвиняюще. Между тем, чтобы сбить с мысли, довольно и одного-двух никчемных вопросов.

– Это о том, что тебя гложет последние дни?

– Да. – Так, один есть. – Просто выслушай меня.

Лейла закусила губу.

– Это мучает меня уже шесть лет. Но вчера вечером дошло до предела. Я должен что-то предпринять, но не знаю что. – Аарон предостерегающе поднял руку и приложил палец к губам жены. – Шесть лет назад один человек из нашего подразделения открыл потайные ворота и впустил геродиан в одну из Семи Башен, в нашу башню. Он чуть было не погубил меня. По его вине погибла половина наших людей. По его вине меня чуть не продали в рабство и не отправили за море. Они собирались поступить так со всеми пленниками, которые знали какое-нибудь ремесло, но решили, что это вызовет в Кушмаррахе чересчур сильную волну ненависти и игра не стоит свеч.

На несколько минут они снова погрузились в молчание. Лейла оставалась до странности спокойной. Гм, это на нее не похоже. – – Ты, наверное, не знаешь – если б нам удалось удержать перевал еще два дня, союзники и новые рекруты успели бы собраться в долине Чордан.

Лейла кивнула:

– Так говорят.

– А мы могли продержаться – и знали это. И они знали. Поэтому впали в отчаяние и ночью послали на нас кавалерию. То были не дартары. Фа'тад слишком умен и не дал бы перебить своих людей так, как мы перебили геродианских всадников.

Лейла нахмурилась:

– Это ты и хотел сообщить? – – Подожди. Может, я выражаюсь неясно, но ты должна понять – геродиане знали, что, если они не попадут в долину Чордан первыми, победа выскользнет из их рук. Не поможет даже Фа'тад. И мы, и другие, что сражались на нашей стороне, начисто про это забыли. Только и талдычат – Дак-эс-Суэтта, Дак-эс-Суэтта. Потому, мне сдается, что все, кто в Кушмаррахе мнит себя важными шишками, были там. Они не могут представить – как это их поражение менее важно, чем какое-то ничтожество, которое открыло какие-то жалкие ворота. Но разве можно сбрасывать со счетов десятки тысяч погибших?

– Ты думаешь, что знаешь, кто их открыл.

– Я не думаю, что знаю. Я не предполагаю. Я уверен.

– Насиф.

Аарон уставился на нее, разинув рот.

– Это многое объясняет, не правда ли? Например, твое всегдашнее с ним обращение. И почему он так преуспел, не так уж надрываясь. Рейха частенько недоумевала, откуда у него деньги берутся. И за столько лет ты не проронил ни словечка.

– Дело в Рейхе. И в Зуки. А война все равно проиграна и окончена.

– И ты не чувствовал горечи? Не чувствовал желания восстановить справедливость?

– Еще бы не чувствовать, черт возьми! В долине Чордан полегли мой отец и два брата. Папа был уже стар для Дак-эс-Суэтты, Туддо и Рейни – слишком молоды. Да, мне горько и больно, я ненавижу Насифа. Но что станется с Рейхой и Зуки, если вывести его на чистую воду? У них больше никого нет – всех забрала война.

Почти робко, точно им впервые разрешили остаться вдвоем, Лейла погладила мужа по руке.

– Ты хороший человек, Аарон. Спасибо, что рассказал.

– Еще не рассказал.

– О чем ты?

– Вчера вечером тебе было не до Насифа, верно?

– Я старалась по возможности не обращать на него внимания. – Она улыбнулась. – Мне он совсем не нравится. Да и Рейха не сказать чтоб без ума от него. Но она женщина и вынуждена жить с тем, с кем свела ее судьба. Ты начал о Насифе – вчера вечером…

– Он снова вынуждает меня принимать решение. А это и в первый раз было нелегко. Не легче, чем молчать столько лет.

– Почему снова?

Сегодня она не порет чушь, как обычно, а бьет прямо в цель.

– Потому что вчера, под занавес, Насиф чуть не выболтал, не похвастался, что он не последний человек в Союзе Живых, – Но что с того… Ох.

– Да. Может, он до сих пер продолжает убивать кушмаррахан.

* * *

Бел-Сидек терпеливо ждал, пока старик соберется с мыслями. И вот Генерал заговорил:

– Я заметил, ты не назвал ни одного имени.

– Имен мне не сообщили.

– Но ты не пришел бы ко мне, если б не предполагал, о ком идет речь.

– Вы правы.

– Итак?

– Ваши решения, как правило, быстры я беспощадны. Вы чувствуете угрозу – и сразу уничтожаете ее. Но в данном случае, мне представляется, мы имеем возможность поддеть самого Кадо. Разумеется, если сведения эти не окажутся чистым бредом.

Генерал подумал с минуту.

– Ты прав по всем статьям, атаман. Это действительно редкая удача. И, конечно, именно тебе принадлежит право воспользоваться ею, если, как ты мудро заметил, это не бред и не вздор.

– Благодарю вас, сэр.

– Но ты должен понимать, в какую тонкую игру вступаешь. Первым делом надо решить, дашь ли ты ему знать, что его разоблачили. Если просто подбрасывать предателю ложные сведения, он может нагадить в другом месте. Если пытаться перевербовать его, рискуешь напугать до полусмерти и потерять вовсе. Другая опасность: Кадо или Бруда могут ощутить, что поставляемая шпионом информация стала какой-то иной, слишком резко изменилась. В любом случае ты должен соблюдать предельную осторожность.

– Само собой разумеется, сэр.

– С чего начнешь?

– Уверюсь, что не ошибаюсь.

– Предлагаю человека, который справится с этой задачей лучше всякого другого.

Бел-Сидек улыбнулся.

– Правда, тебе придется выдать мне имя шпиона. Но я уже обещал – он твой. Однако дело настолько важное, что должно попасть в надежные руки. Среди рядовых Союза чересчур много любителей. Кроме того, если послать кого-то из Живых, предатель может опознать его.

– Давайте имя на имя, сэр. Старик наморщил лоб.

– Нет, не могу. Это не в его правилах. Имя ты получишь в наследство – после моей смерти.

Бел-Сидек тщательно взвесил последнее заявление Генерала, обдумал и сказанное стариком раньше.

– Хорошо. Проследите за одним из ваших людей – за Насифом.

Генерал долго оставался неподвижным; лицо его мертвенно побледнело.

– Ты уверен?

– Это он.

– Хвала богам, милосердным и всемогущим, что улыбаются благосклонно, глядя на нас.

– Сэр?

– Я намеревался передать округ Хар Хадрибелу, а Насифа ввести в командование Шу. Даже если б, он сам не узнал меня, это сделал бы Кадо, стоило Насифу описать атамана Шу.

– И все же советую выдвинуть его, сэр. Вам не обязательно

выдавать себя. Если Насиф действительно сотрудничает с геродианской шайкой, о такой новости ему захочется доложить хозяевам.

– Да. Принеси письменные принадлежности. Бел-Сидеку пришлось подождать. Старик писал медленно, и усилия его были куда более болезненными, чем накануне вечером. Бел-Сидек молча переживал за него. Всего Генерал написал три записки.

– Эту отнесешь туда же, куда носил вчера. Другие две – Хадрибелу. Одна для него, вторую он после ужина лично доставит Насифу. Ты же пойдешь к своей подружке и пробудешь у нее до ночного совещания.

– Слушаюсь, сэр.

Бел-Сидек вышел; нога так разболелась, что захотелось подбодрить себя.

– Я не поддамся. Я не побежден. Я – среди Живых, – пробормотал он.

* * *

Эйзел дотащился до единственного свободного столика в забегаловке Мумы и тяжело опустился на стул. Сам Мума немедленно вырос рядом и устроился напротив.

– Тяжелый день выдался?

– Мало сказать. У тебя в подвале еще остался запасец того нарбонианского пива? Сдается, я готов вылакать целую бочку.

– Есть немножко внизу. Такого больше нигде не сыщешь. Но не уверен, что у тебя есть время. – Мума поднялся.

Эйзел проследил за ним глазами. Мума остановился у двери в кухню. Через секунду на пороге возник хромой человек. Хромой-то хромой, но на руку он был изрядно ловок. Эйзел чуть не пропустил момент передачи письма.

Мума подозвал младшего из сыновей, и тот вышел вместе с калекой. Мума выждал минуту и вернулся к столику Эйзела.

– Мне?

– Тебе. Воробышек прилетел.

– Сходи за пивом.

Мума осклабился; нескольких зубов у него не хватало.

– Не намерен срываться из-за этого?

– Намерен чуток расслабиться, пожрать и выпить. Варево в котелке вскипит и без моего присмотра.

– Не сомневаюсь. Слишком много у тебя хозяев, всех не обслужишь.

– Хозяин у меня один. Я сам.

– Пусть один, но очень требовательный, спуску не дает.

– Может, и так.

Эйзел подумал о паре спокойных недель, о мирной рыбалке в каком-нибудь тихом уголке. Кушмарраханская похлебка поварится без его присмотра. Но не сейчас. Сейчас здесь здорово интересно. Чуть позже.

* * *

– Ну и ну! – Меджах с шутливым отчаянием уставился в свою миску. – Сырое вместо подгорелого.

– Червяков хоть нету? – поинтересовался Ногах.

– Да нет вроде, даже им стыдно показаться в такой компании.

– Тогда ешь. Вырастешь большим, сильным, храбрым и умным, как наш возлюбленный…

Ногах заметил веселые искорки в глазах сидевших напротив братьев и обернулся.

– Мо'атабар! Мы как раз о тебе толковали.

– Слышал-слышал, что-то насчет моей силы да смекалки. Впрочем, с истиной это имеет не больше общего, чем румянец смущения на девичьих щеках. Кстати, наш возлюбленный предводитель желает видеть тебя вместе с братишкой. Не спеши, не спеши! Ты же знаешь, я человек вежливый, деликатный, я полон сочувствия к нуждам подчиненных. Ни в коем случае я не лишу тебя редкостной возможности отведать подобные деликатесы. Такая удача выпадает один раз в жизни, а я не какой-нибудь дикий злобный турок. Кушай, не стесняйся, кушай больше. Наслаждайся, пока можешь. Не попросить ли повара принести добавки? Наверняка осталась одна-две порции.

– Нет-нет, я командир и должен обуздывать свои желания, чтоб не подавать дурного примера. Обжорство – непростительный и отвратительный порок.

Мо'атабар, ухмыляясь, отошел от них.

– Фа'тад! – воскликнул Йосех.

– Да.

У Йосеха тут же заболел живот.

– Опять.

– Не доводи меня, братишка.

– Ну чего он ко мне привязался?!

Никто не отозвался, даже не сострил в ответ. Меджах брюзжал что-то в адрес неблагодарных кушмаррахан, которые травят всякой дрянью своих благодетелей.

Они съели все, что было хоть сколько-нибудь съедобно, и

Йосех отодвинул тарелку.

– Нечего тянуть, – сказал ему Ногах. – Идти все равно придется.

В лагере было куда больше народу, чем накануне вечером: дартары стягивались к загону, в котором сидели захваченные в лабиринте пленники.

– Смотри, – Йосех дернул брата за рукав, – некоторые совсем дети.

Четверо ребятишек забились в угол загона и дрожали от ужаса. Йосех с трудом определял возраст вейдин, но на глазок он не дал бы им больше пяти-шести лет. В двух метрах от детей лежал труп. Кожа его была воскового оттенка, как и у всех взрослых пленников. Из бока его торчала черная стрела.

– Наверное, он попытался обидеть детей, – пояснил Ногах.

Йосех пробурчал что-то невнятное. Он оглядел остальных заключенных и подумал, что не горит желанием узнать, какие кошмары и тайны скрываются в глубине лабиринта округа Шу.

Яхада провел их внутрь, не утруждая себя докладом, и ткнул пальцем в дальний угол, где можно было присесть на корточки. Братья повиновались. От смущения Йосех не смел поднять глаз и уставился на побелевшие от напряжения костяшка пальцев.

У Фа'тада собрались все командиры. Вопреки ожиданиям Йосеха обсуждали они не приезд нового градоначальника, а то, что удалось выпытать у допрошенных уже пленников. Братья пришли к концу совещания, поэтому Йосех уловил лишь, что на протяжении нескольких дней геродиане будут заняты и Фа'тад намерен за это время прочесать Шу вдоль и поперек.

Юноша никак не мог взять в толк, на кой черт это сдалось ал-Акле. Может, Фа'тад просто разозлился: во время утреннего вторжения два дартарина были убиты и семеро ранены.

Фа'тад сквозь зубы процедил, чтоб тех вшивых ребятишек убрали из загона: они, мол, нужны ему живыми, они должны помочь в поиске старших. Кто-то отправился исполнять приказание. – Йосех, подойди ко мне, мальчик.

Трепеща, Йосех поднялся и приблизился к Фа'таду.

– Говорят, ты нынче снова повстречался с нашим давешним приятелем из лабиринта.

– Да, командир. Он был одним из телохранителей генерала Кадо. Он стоял ближе всех к генералу, справа.

– Я не имею обыкновения обращать внимание на свиту. Почему ты ничего не сказал вовремя, не указал на него?

– Я пытался. Меня одернули, сказали, что в строю полагается помалкивать. Я тут новичок и должен прислушиваться к мнению старших. Похоже, для них главное дисциплина.

Фа'тад фыркнул, Джоаб хлопнул себя по коленке. Ногах готов был сквозь землю провалиться.

– Язычок-то у него не дай боже, как у папаши, – заметил ал-Акла. Командиры постарше переглянулись, заухмылялись. – И что ты думаешь, мой мальчик, зачем Кадо посылает своих телохранителей воровать детей?

– Не знаю. Ферренги странные люди.

– И правда. Но все равно непонятно зачем. Не важно, каково мое личное отношение, к этому поступку, но не вижу, какая Кадо с него польза. И не вижу способа выяснить.

– Может, тот человек действовал не по приказу генерала, а из собственных побуждений.

– Может. Ферренги отличаются жестокостью и извращенностью. Ладно, ты свободен. Если увидишь того человека снова, брось все дела и выследи его, постарайся выяснить побольше. Мне безумно хочется с ним потолковать.

– Слушаюсь, командир. – Йосех поспешно ретировался. Ногах последовал за ним.

– Что это на тебя нашло, совсем спятил или как?

– Иногда я просто не могу удержаться.

* * *

Ребенок захлебывался от рыданий.

– Никто тебя не обидит, – сказала Чаровница, но ей не удалось скрыть раздражение. – Сейчас ты выпьешь это, а потом ненадолго уснешь. Вот и все. Когда проснешься, я задам тебе несколько вопросов и отпущу домой.

Мальчик поднял глаза, по щекам его по-прежнему катились слезы. Он хотел, но не мог поверить.

Своей огромной ручищей Торго протянул ребенку чашку с питьем; тот оттолкнул ее.

– Придется заставить его, Торго. – Всегда так, всегда и всех приходится заставлять.

Евнух выполнил распоряжение.

Лекарство скоро подействовало, несмотря на сопротивление, мальчик погрузился в сон.

– Хотелось бы мне найти другой способ, – заговорила Чаровница. – Почему они так боятся? Разве мы плохо с ними обходимся?

– Лучше, чем обходятся с ними дома, госпожа. Но они слишком малы и не способны оценить это.

– Прошу избавить меня от сарказма.

– Что вы, госпожа.

– Я знаю, ты не одобряешь моих методов, думаешь, я чересчур мягкосердечна. Торго не ответил.

– Ну хорошо. Отнеси его на катафалк. И не спи на ходу. К началу все должно быть готово.

Времени у Торго было достаточно, но евнух становился все более медлительным, двигался как бы нехотя – с каждым днем в нем явно крепла уверенность, что их усилия ни к чему не ведут. Подобный страх исподволь начинал грызть и сердце Чаровницы. Неудача за неудачей, ни малейшего просвета, чтобы ободрить их. Если только не считать, что с каждой неудачей они на шаг ближе к успеху. Но нелегко усмотреть в провале нечто положительное.

Вскоре ребенок начал пробуждаться; Чаровница осталась довольна приготовлениями.

– Ступай, Торго, пора, – сказала она. Но, когда евнух направился к выходу, окликнула его:

– Эйзел сегодня приходил?

– Нет, мэм.

– Он вернется.

Торго опять не ответил.

Чаровница вступила под тяжелый зеленый бархатный полог, под которым лежал мальчик. Она поворошила угли, чтоб убедиться, что с огнем все в порядке; зачерпнула из кувшина воды крошечной чашечкой, осушила ее, потом еще и еще, пока не заболел живот. Ей предстояло много времени провести в этой раскаленной до жара своеобразной палатке. Тут Чаровнице приходилось, пожалуй, тяжелее, чем детям. После она дня два не могла опомниться и отдышаться.

Она сдвинула крышку с серебряной чаши, блестящей серебряной ложечкой зачерпнула немного содержащегося в сосуде вещества и бросила его на горящие угли. Горький дым заструился вверх. Чаровница отшатнулась, чтоб слишком много его сразу же не проникло в легкие.

Теперь ей предстояло пройти по тонкой грани между сном и явью – ребенок должен находиться под действием испарений и в то же время сохранять способность идти туда, куда она сочтет нужным. Это было ох как непросто; иногда, к ужасу и отвращению Чаровницы, оказывалось, что опыт необходимо повторить еще раз. Частая практика не помогала, не исключала срыва.

Она быстрым гибким движением подбросила еще трав в огонь и подождала, пока не придет в надлежащее состояние: голова гудела, все вокруг точно пеленой застлало. Тогда она попыталась припомнить имя мальчугана. Тоже непростая задачка.

– Проклятие, – тихонько выругалась Чаровница.

Она поискала в складках одежды. На сей раз она не забыла записать имя на бумажку, зато забыла, куда ее засунула.

Чаровница вздохнула – осторожно, чтобы не наглотаться дыма.

Пальцы нащупали клочок бумаги. Она вытащила его, наморщила лоб, смахнула стекавшие на глаза бисеринки пота. Опять забыла надеть защищающую от пота повязку… Чаровница с трудом разобрала имя.

– Хистабел, Хистабел, слышишь ли ты меня? Молчание.

– Хистабел, ответь, если слышишь.

Невнятный звук вырвался из горла ребенка.

– Ты должен очень, очень внимательно выслушать меня, Хистабел. Это очень важно. Скажи, понимаешь ли ты это.

– Да. – чуть слышно выговорил мальчик.

– Ты расслабился, тебе хорошо и удобно, ты прекрасно себя чувствуешь. Не правда ли, Хистабел?

– Правда.

– Отлично. Я хочу, чтоб ты расслабился, чтоб тебе было хорошо и удобно. Теперь я начну задавать вопросы, а ты будешь отвечать на них, будешь стараться ответить как можно лучше. А я тебе кое-что расскажу. И все это – чистая правда. Понимаешь?

– Да.

– Как тебя зовут?

– Хистабел.

– Кто твой отец? Кто твоя мать? Сколько у тебя братьев и сестер? Сколько им лет? – И так далее. Мальчуган послушно отвечал. Ответы его не имели ни малейшего значения. Чаровница просто хотела настроить ребенка на определенный лад.

– Каждое слово мое – чистая правда, Хистабел. Тебе четыре года, сегодня твой четвертый день рождения. Где ты?

Теперь она добивалась, чтоб мальчик утратил ощущение реального времени, свободно перемещался в нем. Этот трюк всегда удавался, и с детьми куда легче, чем со взрослыми.

– Твой четвертый день рождения, Хистабел. Сегодня тебе исполнилось четыре годика. Где ты сейчас?

– У бабушки Даррах.

– Чем ты занимаешься у бабушки?

Шаг за шагом она провела Хистабела через весь тот праздничный день. Когда он почувствовал себя свободнее, они перескочили еще на год назад, к третьему дню рождения мальчика.

Третий день рождения – важнейшее событие в жизни кушмарраханских ребятишек. Если ребенок до тех пор не умер,

считается, что он скорее всего выживет – поэтому лишь через три года человеку дается настоящее его имя. Как его называли раньше – не важно: это всего-навсего прозвище. Конечно, отцу вольно выбрать имя для сына за много лет до его рождения. Но раскрывать это имя до определенного ритуалом момента не полагается – дабы не искушать судьбу.

Когда речь идет о столь юном существе, лучше меток на пути, чем дни рождения, не сыскать. Чаровница всегда использовала воспоминания об этих днях, о четвертом и третьем, чтобы утвердить свое господство. И она добилась своего. Теперь можно уверенно вести мальчика назад, все дальше и дальше, мимо людей, мест, вещей, ощущений и настроений, ко все более ранним, смутным воспоминаниям, к тесноте и теплу материнского чрева.

И еще дальше.

– Я говорю тебе чистую правду. Сегодня ясный, солнечный день, ты счастлив как никогда. Ты чувствуешь это?

На лице мальчика выразилось замешательство; Чаровница отерла пот, подбросила в огонь несколько травинок.

– Чувствуешь?

– Да. – Все же она изрядно озадачила его.

– Где ты?

– На Тел-Дагхобехе, что возвышается над Серым Плесом. Чаровница нахмурилась: совершенная бессмыслица.

– Как твое имя?

– Шадид. Ага.

– Ты дартарин, Шадид?

– Да.

Ну конечно, дартары тоже погибали в тот день. Раньше ей просто не попадались такие случаи.

Нельзя выказывать, насколько она разочарована. Впрочем, на этот экземпляр Чаровница не возлагала особых надежд. Не спеша она провела его через весь тот счастливый день, день рождения первенца Шадида, выпытала все подробности. Теперь она завладела и Шадидом, как до того Хистабелом – следующим его воплощением. А завладев, перешла к тому дню, о котором выслушала уже тридцать рассказов, изучила с тридцати точек зрения.

– Столько дыма, что за несколько метров уже ничего не разглядишь. Нам сказали – если хотите вздохнуть свободно, захватите вершину холма. Проклятие! Упрямые остолопы вейдин не прекращают огонь. Нам приходится продираться через толпу стариков и мальчишек, вооруженных рабочими инструментами и кухонными ножами. Что у них в головах делается, у этих

ненормальных вейдин? Мы что, должны перебить всех подряд – мужчин, женщин, детей?

Нет, с горечью подумала Чаровница. Лишь одного человека вам надо убить, Накара, моего мужа, – и бойня прекратится, дым рассеется, струи дождя затушат огонь, и окажется, что потери и разрушения не так велики, как подсказывает вам воспаленное воображение. И все же достаточно велики, чтоб утолить жажду уничтожения и убийства хоть на время.

Она слегка подстегнула воспоминания дартарина Шадида.

– Геродиане перешли в наступление. Как будто стена двинулась на стену. Мы ведем огонь с крыш домов. Он сеет панику, но в цель не попадает: из-за дыма снайперам приходится стрелять наобум. Пахнет горелым мясом, запах все сильнее. И вот… вот…

Чаровница не давила на Шадида, не торопила его. Заминка показывала, что скоро конец. Душа вспомнила и боится подойти ближе, боится вновь испытать боль. Она задала еще несколько вопросов: надо точно определить место и время.

Вряд ли эти сведения пригодятся ей, но Чаровница зафиксировала все сообщения Шадида в надежде отыскать хоть какую-то путеводную нить.

Но в основном она сталкивалась лишь с безумным и всевозрастающим смертным ужасом.

Много людей погибло в тот день. Гораздо больше погибло, чем родилось. Скорее всего только самые сильные, самые развитые души могли немедленно воплотиться вновь. Но вдруг она заблуждается? Вдруг случайная близость имела решающее значение? Вдруг дартарин испустил дух у порога терзаемой родовыми схватками женщины?

Чаровница осторожно усыпила Шадида и воскресила Хистабела, восстановила истинный его возраст и велела отдохнуть.

Она почти не встретила сопротивления. Жаль, что не со всеми процедура проходит столь гладко. Но куда печальнее, что до сих пор никто из них не сообщил более важной информации.

Если ей не суждено отыскать ее возлюбленного Накара, натолкнуться бы хоть на убийцу его, на Ала-эх-дин Бейха.

– Торго, – слабым голосом позвала Чаровница, – я готова. Евнух сразу же явился на зов. Он все время находился рядом с пологом и записывал каждое слово – на случай если ненадежная, одурманенная наркотиком память сыграет с госпожой злую шутку.

– Дартарин, – с отвращением констатировал он.

– Да.

– Что ж, госпожа, мы еще на шаг ближе к вожделенной цели. С самого начала мы знали, что предстоит нелегкая работа.

Впервые в обычных уверениях евнуха Чаровница уловила нотку искренней обиды и разочарования.

– Уведи меня отсюда, пока я не сошла с ума. Я опять наглоталась дыма.

– Смею заметить, не стоит торопиться с возвращением их в прежнее состояние. Надо увеличить промежутки: такая концентрация ядовитых испарений вредит вашему здоровью.

– Я хотела вернуть его, Торго. Я не желаю терять ни минуты.

– Даже если за сэкономленную минуту приходится расплачиваться днями?

Замечание евнуха всерьез задело Чаровницу. Она вдруг вспылила, сама удивляясь своей необоснованной и неожиданной ярости:

– Кончай ныть и брюзжать, Торго! Делай что приказано, черти бы тебя драли. Я не желаю выслушивать наставления! Отведи меня в спальню, принеси еду и питье. Живо!

Под маской скрывалась отчаявшаяся перепуганная женщина. И маска трещала по швам.

Она поела, попила и погрузилась в сладостное забытье, которого ей удавалось достичь лишь с помощью наркотических паров. В значительной степени это-то и было причиной страхов Чаровницы: слишком уж горячо начинала она стремиться к этим часам отдохновения.

* * *

– В последние дни ты прямо-таки влюбился в этот балкон, – заметила Мериэль.

Бел-Сидек обернулся, улыбнулся ей.

– Здесь хорошо думается.

– Печальные думы ты думаешь. Что сегодня? Новый градоначальник?

– Не угадала. Тут штука тонкая. Сегодня утром я узнал, что в ряды Союза, возможно, прокрался предатель. И занимает в них далеко не последнее место.

Мериэль ахнула.

– Ты вне опасности. Кажется, мы разоблачили его. Он не из моей организации. Он из команды старика.

– Ты уверен?

– Не совсем. Ты, может, думаешь, что это нельзя проверить. Но мы так устроим, что один человек выследит и доложит,

виновен ли он. Ирония судьбы – мы напали на след как раз в тот день, когда старик собирался повысить его в звании настолько, что негодяй вполне смог бы завалить все движение. А подозрения у нас зародились лишь потому, что предателя постигло личное несчастье. – Бел-Сидек решил не углубляться в подробности. – Мне почти жаль парня. До сих пор все складывалось так удачно – а сегодня земля разверзнется у него под ногами.

– Ты снова уйдешь?

– Да. Старик собирает совет. Но, если хочешь, я могу вернуться.

– Какая простота, какая скромность и какая робость! Возвращайся, конечно. А сейчас пойдем, я приготовила для тебя целый пир. Отдадим же ему должное, не позволим докучным мелочам испортить нам праздник!

Бел-Сидеку редко случалось вкусно поесть, разве что у Мериэль.

– Согласен, отдадим ему должное.

Глава 7

Аарон слегка отстранился, рука его осталась лежать на груди Лейлы. Их потные тела постепенно высыхали. Аарон вдруг вздрогнул от холода.

Не сказать, что сегодня было очень хорошо. Вечером они оба не на шутку расстроились, а тут еще Стафа в самый неподходящий момент прыгнул отцу на спину с воплем: “Давай, папка, давай!” Прочие домочадцы тоже проснулись и заинтересовались, в чем дело. Словом, обстановка отнюдь не способствовала пламенной страсти.

Больше всех любопытствовала Миш – ей не терпелось узнать, что происходит в темноте между мужчиной и женщиной. Ее интерес смущал Аарона, порой он ловил себя на мыслях и желаниях, которые заставляли его ужаснуться. Что только не взбредет мужчине в голову! Он потом часами не осмеливался взглянуть Лейле в лицо.

Если б девчонка хоть не шпионила за ними!

Лейла уложила Стафу, вернулась к мужу и прошептала:

– Думаю, нужно сказать Рейхе.

– Нет. Слишком тяжелую ношу ты взвалишь ей на плечи. Она не выдержит и призовет мужа к ответу. И сколько, по-твоему, времени понадобится Насифу, чтобы сообразить, откуда у Рейхи такие сведения?

– Ты опасаешься Насифа? – помолчав немного, спросила Лейла.

– Страх загоняет человека в угол, а загнанный в угол, отчаявшийся человек становится опасен. Ему может прийти в голову способ сохранить свою тайну.

– Тогда почему бы тебе не сказать бел-Сидеку? Говорят, он как-то связан с Живыми…

– Если говорят правду. Рейха останется беспомощной вдовой.

– Но, может, они не…

– Живые убьют его, Лейла. Они суровы и беспощадны. Каждый день они казнят людей за проступки, которым далеко до преступления Насифа. Смерть его будет долгой и мучительной.

– Значит, выхода нет?

– Нет, пока я не решу, кто должен пострадать. А я не хочу, чтоб на совести у меня лежала чья-то гибель.

* * *

Генерал смерил взглядом бел-Сидека, проскользнувшего в дом незадолго до часа, на который было назначено совещание. Времени на подготовку оставалось в обрез.

– Ну как, атаман? Приятно провел время с нашей прелестной судовладелицей? Ужин удался на славу?

– Да, сэр. Она немало позабавилась сегодняшнему нелепому стечению обстоятельств. Вы знаете, у Мериэль очень развито чувство юмора, а вышла и впрямь сущая нелепица. Живым удалось почти без всякого риска провернуть крупнейшую операцию по контрабанде оружия. И все благодаря тупому высокомерию геродиан. Если бы они не заставили все суда ждать, пропуская вперед их нового градоначальника со свитой, корабли Мериэль пошли бы первыми и нам не миновать бы целое утро возиться с ловкими и дотошными таможенниками.

– Надеюсь, один из кинжалов этой партии перережет глотку жирному борову Сулло.

– Вы знаете его, сэр?

– Я помню его отца. Говорят, Сулло – точная копия породившего его зверя. За твоим подозреваемым следят. Если, получив мое послание, он не побежит к Бруде, значит, молодчик этот невинен, словно ягненок.

– Да, сэр. Вы поели?

– С этим можно погодить.

– Вам надо бы привыкнуть есть в определенные часы, сэр.

– Безусловно. Но твои материнские заботы тоже отложим на потом. Отвори – стучат.

Бел-Сидек не расслышал осторожного стука. Он ожидал увидеть за дверью Короля, который всегда стремился прийти пораньше. Но его приветствовал Салом Эджит. Бел-Сидек отступил в сторону. Эджит робко вошел. Выглядел он ужасно. Новости об Ортбале Сагдете, видно, лишили его покоя.

Эджит занял свое обычное место и, хоть и пришел первым, не проронил ни слова.

Затем явился Хадрибел, они с Генералом переглянулись, кивнули друг другу. Бел-Сидек проводил его к месту, которое всегда занимал Сагдет. Эджит, даже если заметил это, виду не подал.

Следующим пришел Король Дабдад. Выглядел он не лучше Эджита. И наконец, фанатики, опять вместе и весьма довольные последними известиями…

Генерал оглядел собравшихся.

– Атаман округа Хар сегодня с нами – как обещано. – Он не стал представлять Хадрибела. Предполагалось, что лишь им с бел-Сидеком известны имена присутствующих – хотя, конечно, в

лицо все друг друга знали, ведь они были офицерами одной сплоченной маленькой армии. – Сперва о новостях. Приезд нового градоначальника – он немало озадачил оккупантов, пришелся им совсем некстати, а нас удивил. Еще сведения, которые небезынтересны всем здесь присутствующим: Сулло привез с собой колдунью, с довольно скромным, правда, дарованием, по имени Анналайя. Она из Петры или из какого-то другого местечка на Аллерайканском побережье, которое, как известно, богато такими мелкими посредственными ведьмочками. Кто еще имеет что-нибудь сообщить о новом градоначальнике?

– Один из моих людей доложил, – заговорил Король, – что Сулло отказался остановиться в Резиденции. – Резиденцией называлось место пребывания гражданского правительства геродиан. Она находилась в акрополе, как и Дом Правительства, примерно в полукилометре от него. До завоевания Кушмарраха то было здание главного храма Арама Огненного. – Он хочет поселиться в горах к востоку от города. Наверное, место, где встретили свою судьбу многие другие негодяи, внушает Сулло суеверный ужас.

– Посмотрим, проследим. Далее. Есть предположения – зачем Фа'тад вторгся в лабиринт квартала Шу? Или он просто хочет подразнить Кадо?

Атаманы пожали плечами, покачали головами.

– Салом? Твои люди работают вместе с дартарами. Так что же?

– Пока ничего, сэр. Слишком мало времени прошло. Но, пари держу, ничего и не будет. Фа'тад чертовски скрытен. Даже дартарские командиры по большей части не понимают его. Порой он и сам себя не понимает. Что-то задевает его, будит воображение, он реагирует, как сорока на блестящую монетку – хватает ее и начинает играться. Право, он похож на ребенка, который выдергивает нитки из штопки на штанишках, – ему просто охота посмотреть, что получится.

Старик слушал внимательно, не обращая внимания на боль, которая кусала его точно злая собачонка.

– После обсудим. Что еще новенького? Ничего? Тогда вернемся к старым делам. Мы продолжаем прежнюю линию – стараемся вести себя незаметно, затеряться среди населения Кушмарраха. Мы усыпляем оккупантов, убаюкиваем их – пусть себе думают, что время и постоянные разочарования сломили Живых. Мы вступаем в фазу, когда основные наши усилия направлены не на выступления против Герода, а на работу среди кушмаррахан. – Генерал поморщился: боль не отпускала его. – В скором времени станет возможной серьезная попытка вернуть

наше законное достояние. Назначить срок не в нашей власти. Может, на следующей неделе, а может, через полгода. Но результат целиком и полностью зависит от нашей, подготовки. Когда наступит долгожданный день, мы поднимем большое восстание, о чем давно мечтают некоторые из наших братьев.

Указания следующие: смягчайте столкновения между угнетателями и нашими людьми. Направьте их энергию на определение возможно более широкого круга сторонников движения. Когда пробьет час, членов Союза будет недостаточно, нам понадобятся сотни и сотни людей. Оружие лучше вручать не незнакомцам, а надежным бойцам, чья вера и убеждения нам известны. Первые часы решат исход восстания. Мы должны надолго выбить неприятеля из колеи, не дать врагам затушить огонь в самом начале пожара. Мятеж должен разгореться мощным пламенем, чтоб ни Кадо, ни Фа'тад не смогли остановить его.

“К чему эта речь? – мелькнуло в голове старика. – Мои атаманы слышали ее бессчетное количество раз, она им оскомину набила”.

– Я повторяюсь. Прошу прощения. Итак, вкратце. Мы накапливаем силы к дню, который наступит в недалеком будущем. Точную дату назвать не могу, но пройдет не больше шести месяцев. Мы готовимся и в то же время делаем вид, что как никогда далеки от мысли о восстании. И напоследок. Вы никому не имеете права говорить о приближении решающей даты. Никому, без исключений и извинений. Любой, кто проговорится, и любой, кто выслушает его, немедленно разделят участь бывшего атамана округа Хар. Тайна превыше всего. Это крайне важно. Все все поняли?

Атаманы не успели выразить свое согласие: в дверь громко постучали.

Старик раздраженно махнул бел-Сидеку, а остальным жестом велел отойти в сторону.

Бел-Сидек приоткрыл дверь и через щелку пошептался с неожиданным посетителем. Потом запер ее опять и подошел к старику.

– Мальчишка, лет десяти, принес вот это. Для вас, полагаю. Генерал взглянул на сложенный листок бумаги. С наружной стороны был нарисован воробей.

– Разверни. Поднеси ближе, чтоб я мог разобрать. – Он напряг глаза.

Кто бы ни был автор послания, он принял в расчет слабость старика. Буквы были очень крупные. Генерал перечел записку второй раз, перевел глаза на стоящего рядом бел-Сидека – старик не видел его, различал лишь какую-то фигуру.

– Ты был прав, атаман. Сейчас тот человек находится в Доме Правительства. – Он протянул записку бел-Сидеку. – Поступай как сочтешь нужным.

Бел-Сидек дважды пробежал письмо и погрузился в размышления. Дело не в том даже, что вражеский агент проник в Союз и достиг в нем высокого положения. Все куда серьезнее. Получается, что вина людей, которые кляли себя за поражение при Дак-эс-Суэтте и, дабы искупить эту вину, посвятили жизнь служению Союзу, весьма сомнительна. Служение их – лишь надменное принятие на себя чужих грехов, гордыня по сути. Неужели Кушмаррах пал из-за ничтожного подмастерья кузнеца, у которого сдали нервишки во время жалкого сраженьица, стычки, которую и битвой-то не назовешь?

Нет. Пусть даже так оно и было. Все равно – нет. Слишком много сил и чувства вложили в эту легенду высокопоставленные отпрыски знатных семейств. Нельзя разрушать ее. Легенда останется неприкосновенной. Но ведь что-то надо же предпринять. Проще всего – разделаться с этим человеком. Однако разумно ли выбрасывать полезный инструмент потому лишь, что он слегка поранил тебя? Почему бы не сохранить его и не использовать дальше – просто с чуть большей осторожностью?

– Атаман Хара еще не вступил в новую должность и не сдал дела по прежней. Не мог бы он отыскать в своем старом районе и одолжить мне дюжину надежных бойцов? Но только таких, о которых можно с уверенностью сказать, что к завтрашнему рассвету они забудут о событиях сегодняшней ночи?

Хадрибел уставился на бел-Сидека, с трудом сдерживая усмешку.

– Вам нужно несколько надежных ребят, или это репетиция речи в Совете?

– Мне нужны люди. – Бел-Сидек виду не подал, как задело его непочтительное отношение Хадрибела.

Хадрибел взглянул на старого Генерала:

– Сэр?

– Ступай, атаман. Промедление смерти подобно.

– Слушаюсь, сэр.

Хадрибел остановился у двери, поджидая бел-Сидека. Тот задержался на минуту, но Генерал больше ничего не сказал, и они вдвоем вышли на улицу. Бел-Сидек с трудом поспевал за новым атаманом Хара.

Чуть погодя Хадрибел вдруг прозрел.

– О, простите меня. Как ваша нога?

– Беспокоит последнее время: столько ходить мне противопоказано.

Подразумевалось, что это из-за старика, из-за особых с ним отношений, у адъютанта его столько хлопот.

Хадрибел не выразил ни малейшего сочувствия.

– Что, собственно, происходит? Старик-то, похоже, в курсе.

– Да.

– Большой секрет?

– Да. Еще вопросы?

– Вам не кажется, что не мешало бы и меня посвятить?

– Нет, это было бы неуместно. Генерал и так думает, что об этом деле знает слишком много народу. Слишком много – значит кто-то, кроме него.

Хадрибел расхохотался.

– Да старик и себе самому не доверяет. – Он вновь посерьезнел. – Нет, правда, как Генерал? Сегодня мне показалось, что боль сильно его донимает.

– Лучше ему не будет. Он не дает себе ни малейшей передышки, – признал бел-Сидек, но потом солгал:

– Однако состояние Генерала отчасти стабилизировалось.

– Меня это сильно тревожит. Остальных, я уверен, тоже. Если со стариком вдруг что-то случится, из-за его пристрастия к тайнам мы останемся в полной темноте.

– Он уверяет, что сделал распоряжения. Насколько разумные, сказать не могу. Хотя мы живем вместе, я понятия не имею, чем он занят почти все время.

– О каких таких надвигающихся великих событиях толковал он нынче?

– Как раз об этом-то мне не известно ровным счетом ничего. Он отсылает меня из дома, даже когда думает о них. Вы задаете слишком много вопросов. Старик подобные привычки не одобряет.

Хадрибел выслушал отповедь с весьма кислой миной, но бел-Сидек и бровью не повел. Хадрибел не принадлежал к тем, чье мнение хоть на йоту волновало его. Все проклятая политика – приходится якшаться с людьми, с которыми иначе и словом бы не перемолвился.

Бел-Сидек подождал на улице, пока Хадрибел с сыновьями собрали нужный ему отряд. Через пятнадцать минут все были готовы. Что и говорить, организация в Шу налажена отлично.

Бел-Сидек вывел бойцов из Шу и лишь тогда поведал, что их цель – изловить геродианского шпиона, который какое-то время назад зашел в Дом Правительства. Имени шпиона он не назвал и предупредил, что надо постараться захватить этого человека, не причинив ему вреда.

– Он, наверное, выйдет через ход в восточном крыле здания.

Ему захочется поскорее скрыться, поэтому направится он к одной из улиц, что начинаются сразу за площадью.

Бел-Сидек задал бойцам несколько вопросов, проверяя, хорошо ли им знакома местность. Почти все знали этот квартал не хуже самого экзаменатора. Это считалось обязательным для членов Союза Живых. Знание – тоже оружие.

– Вы растянетесь цепочкой и позволите ему уйти с площади. А потом гоните прямо на меня. Не сомневаюсь, вы изучали этот маневр на тренировках. Мы практиковали его и прежде. Не приближайтесь слишком, не давайте увидеть вас. Он просто должен знать, что за ним кто-то идет.

Обычно подобная тактика применялась Живыми, чтобы жертва не опознала охотников. Но на сей раз бел-Сидек, напротив, хотел помешать охотникам опознать дичь. Если они узнают Насифа, дни его сочтены. Этим людям наплевать на стратегию и политику. Предатель и мертвец для них – одно.

Только бы успеть. Бел-Сидек отпустил солдат. Потянулись минуты ожидания.

Туман наползал на Кушмаррах со стороны порта. Восточную сторону холма обволакивала дымка, молодой, похожий на серп месяц окрашивал ее в странный зеленоватый цвет.

* * *

Насиф, сын бел-Абека, покинул Дом Правительства в самом что ни на есть радужном настроении. Вот уж всем дням день! Сегодняшние успехи почти уравновешивали вчерашние несчастья. Еще бы – он стал третьим по чину Живым округа Шу. А если верить слухам, вторым: атаман Шу, говорят, просто доисторическая развалина, впал в кому много лет назад, и его не решаются сместить лишь потому, что происходит старикан из очень знатной семьи.

Наконец он добился власти, влияния и, еще важнее, доступа к секретной информации. Он проникнет в тайны Живых, в святая святых Союза, будет знать их в лицо, присутствовать на собраниях, где обсуждаются планы и разрабатывается стратегия.

Полковник Бруда и генерал Кадо ликовали не меньше самого Насифа. Их долгосрочные вложения начали-таки приносить прибыль. Они еще подняли настроение Насифа, незамедлительно произведя его в вице-полковники геродианской армии. Вдобавок Насиф подтвердил предположение, что Ортбал Сагдет, вероятно, был атаманом Хара, чем тоже немало порадовал генерала Кадо.

Насиф ощупал сверток с сорока золотыми двойными

дукатами и самодовольно ухмыльнулся. Поощрительная премия. Если бы не его обязанности, теперь можно бы вывезти семью из Шу. Не завести ли второе хозяйство в квартале получше? Но, одобрят ли это хозяева?

Лицо Насифа омрачилось – он вспомнил, какую потерю понесла его семья, вспомнил Зуки.

Он был слишком возбужден и не смотрел по сторонам. Отпустило даже чувство вины, преследовавшее его с той ночи в Семи Башнях. Насиф не ощущал страха, который обычно тяжким грузом давил на его плечи. Потому-то он не сразу обратил внимание на подкрадывавшихся к нему людей.

Но потом краем глаза он заметил, как промелькнул в темноте чей-то подол, услышал шум шагов в тишине – и ужас объял его, от радости не осталось и следа. Насиф быстро понял, что происходит. Он и сам, будучи рядовым бойцом движения, участвовал в подобных облавах на геродиан.

Он заставил себя успокоиться. Только не паниковать. Если держать себя в руках, возможно, удастся найти выход. Залезть на крышу? Нырнуть в подвал? Все они не обыщут. Насиф попытался припомнить, как удавалось скрыться некоторым жертвам Живых.

Но потом его осенило – они ведь знают, за, кем охотятся.

Они поджидали его. Знали, что он зашел в Дом Правительства. Это назначение… Он поспешил с новостями к Кадо и тем самым выдал себя.

Тогда не важно, ускользнет ли он от погони. Они найдут его дома. Они расскажут Рейхе…

И Насиф потерял голову. Он бросился бежать. Путь один – назад, к генералу Кадо. Геродиане не оставляли своих в беде.

Бойцы Живых действовали слаженно и проворно. Насиф застыл на секунду, соображая, куда кинуться. На квартал позади него маячили четыре смутные тени. По три человека охраняли каждый перекресток. Впереди же – ничего, только зеленоватый от лунного света туман. Насиф побежал вперед – что от него и требовалось. Он не сделал и десяти шагов, как дорогу ему преградила прихрамывающая фигура. Этого человека Насиф знал.

– Стой, Насиф. Все пути отрезаны. Ступай со мной. Тихо, не дергайся, если не хочешь, чтоб тебя узнали другие.

– Нет! Ради Арама нет! – Насиф невольно усмехнулся. Сколько времени он уже не клялся Арамом, не вспоминал о нем? Втайне он поклонялся безликому геродианскому божеству.

Черт побери, он же вице-полковник. Они не убьют его. За него можно потребовать выкуп, обменять на кого-нибудь. Надо было сказать Кадо, что человек по имени Хадрибел скорее всего будет назначен атаманом Хара. А он приберег эти сведения,

оставил на потом. Живые могли бы обменять его на атамана…

– Пошли. – Теперь голос звучал строже. – Пошли ко мне домой, потолкуем.

– Но ваш отец…

– Он безвредный старик, почти ослеп и слышит не лучше, чем положено в его возрасте. И потом, он занят – он умирает, ему не до тебя.

Насиф огляделся кругом.

– Да. Всюду они. Пошли. Они – это смерть. Я – жизнь. Насиф смирился. Он даже почувствовал что-то вроде облегчения. Наконец ничто на него не давило, не надо было притворяться. Он больше ни за что не в ответе, он – в чужой власти.

* * *

– Смотри, стоит тебе переступить порог дома, наши люди пойдут следом. Шаг к Дому Правительства – и они немедленно прикончат тебя. Спокойной ночи. – Бел-Сидек закрыл за Насифом дверь, прислонился к косяку. Долгая ночь, конца ей не видно, а потом еще возвращаться к Мериэль… – Слышали, сэр?

– Каждое слово. Вице-полковник геродианской армии. Не устаю поражаться человеческой низости. Известно, что предают из страха, чаще – из жадности. Но редко удается заглянуть в душу изменника, понять истинные мотивы.

– Но ведь он не получал ничего, кроме жалованья, причитающегося геродианскому офицеру, – пробормотал бел-Сидек.

– Он предал ради любви. Ему дела не было до победы или поражения Кушмарраха. У него одно было на уме – если начнется сражение, жене придется рожать в одиночестве. Из-за этого он продал нас. А когда пришло время, ублюдок Бруда, разумеется, постарался снова отыскать Насифа в городе. – Старик хмыкнул. – Черт побери, эти скользкие паразиты умеют-таки держать слово.

– Он и в самом деле вице-полковник? Может, это назначение – просто клочок бумажки, может, они надули его?

– Нет, все по правде. Конечно, если они сочтут нужным отослать его из Кушмарраха, боевым командиром этот тип не будет.

У него нет ни знаний, ни опыта. Его назначат на какой-нибудь административный пост вроде поста Бруды в Туне или Агадаре.

– У меня на него неадекватная реакция. Так бы и придушил мерзавца.

– Зачем же? Поступки его можно контролировать, пока он не доберется до Кадо и пока у него не хватит смелости признаться жене. Но, подозреваю, если его любовь так глубока, как кажется, женщина не может не отвечать взаимностью и примет муженька таким, каков он есть.

– Тогда у меня нет выбора.

– У него есть еще одно уязвимое место. Опять же его любовь – его слабость. Скажи Насифу, что сын его у нас в руках и останется порукой честности отца.

– А он у нас в руках? – изумился бел-Сидек.

– Нет. Но я поручу это тому самому человеку, искуснее которого не сыскать, – и, когда придет время, мальчишка будет у нас. Сегодня утром ты отнесешь Муме записку и после, в любой момент, сможешь связаться с тем человеком.

– Слушаюсь, сэр. Как вы себя чувствуете? Я вам нужен?

– Возвращайся к своей женщине и обсуди с ней график отправления и прибытия кораблей. Ступай. Я крепче, чем тебе хотелось бы, атаман. Я еще поскриплю.

Глава 8

За завтраком Аарон внимательно наблюдал за Лейлой. Но не находил ни малейшего признака того, что произошло чудо и во сне на нее снизошло решение вопроса, который мучил его уже шесть лет. Миш жадно следила за ними – как всегда после ночи, когда в темноте произошло это. Аарон не понимал, чего она добивается, но под взглядом девчонки кусок не лез в горло. Ариф сидел понурившись и ел без аппетита, а Стафа носился по дому, выкрикивая всякий вздор и не обращая внимания на родительские увещевания. Он участвовал в каких-то воображаемых захватывающих приключениях. Рахеб ничего вокруг не замечала – возраст старухи давал знать о себе.

– Нынче надо бы сходить на рынок, – вслух размышляла Лейла.

– Я пойду с тобой. Мне тоже кое-что нужно, – встрепенулась ее мать.

Миш сразу же скорчила недовольную гримасу, за что Аарон был почти благодарен ей.

– Можно с тобой, мамочка? – спросил Ариф.

– Посмотрим, как будешь себя вести утром. Миш вдруг просияла, вскочила и принялась готовить Аарону бутерброды – взять с собой на работу.

– Не надо, Миш, – остановил он ее, – сегодня работаем только полдня.

Девушка озадаченно взглянула на него – точно не знала, радоваться ей или огорчаться.

Аарон зевнул, на лету подхватил Стафу и сжал в объятиях. Мальчонка визжал и вырывался. Аарон поманил к себе Арифа. Тот подошел не сразу, помедлил, надувшись: он немножко завидовал братцу, который всегда с легкостью привлекал к себе внимание. Но потом не выдержал и кинулся к отцу. Аарон взял старшего сына на руки и выпустил из плена Стафу – впрочем, тот только кругом обежал и набросился на папочку сзади.

Повторился обычный ритуал: “Ты сегодня идешь на работу, папочка? Ну, папка, ну останься дома”, – и в конце концов Аарон пулей выскочил за дверь.

Он шел по улице, а на душе было тепло и радостно, жизнь казалась прекрасной и осмысленной. Надо же, как они его любят! Воистину он настоящий счастливчик! С изумлением Аарон осознал, что уже две ночи его не мучают кошмары.

– Аарон…

Он поднял глаза.

– Доброе утро, бел-Сидек. Как поживает ваш батюшка?

– Ужасно занят – как все умирающие. Впрочем, он еще нас переживет. На работу идешь?

– Да.

– Не возражаешь, если я пойду с тобой?

– Нет, конечно.

Некоторое время они шли молча; Аарон замедлил шаг, хотя спускаться вниз калеке было не так уж тяжело, и украдкой поглядывал на своего спутника. Он знал бел-Сидека много лет, знал, что живет тот случайными заработками в порту, но ни разу они не провели вместе больше пяти минут.

Наконец бел-Сидек тихонько вздохнул и начал:

– Думаю, лучше прямо перейти к делу.

– Какому делу?

– Ты, похоже, честный малый, Аарон, и заслуживаешь доверия. Что ж, рискну. Я – член Союза Живых… Аарон нахмурился.

– Так все и думают. Но к чему вы затеяли этот разговор?

– Вообще-то я занимаю довольно важное место в руководстве Союза. Главным образом потому, что при Дак-эс-Суэтте командовал Тысячью. Вчера ко мне обратился за советом человек из этого отряда. Он не знает, что я принадлежу к Живым, и не называл имен, но сказал достаточно, остальное я додумал сам.

Аарон застыл на месте и бессмысленным взором уставился на бел-Сидека. На самом же деле в душе его поднялась целая буря, паника боролась с удивлением, а удивление – с облегчением. Он не знал, что сказать, как поступить. Он потерял способность соображать. Арам помоги!

– Я одного хочу, Аарон. Забудь. Забудь обо всем, что случилось в Семи Башнях. С предателем уже разобрались.

– Черт возьми, мужик, у него же жена и сын! – Аарона прорвало. Слова сами собой слетали с языка. – Думать нужно, а потом уж глотки резать. У них больше никого нет в целом свете. Куда им теперь деваться? Такие, как вы, никогда не думают…

Люди останавливались взглянуть на них и спешили дальше. Бел-Сидек был явно ошеломлен, но быстро оправился.

– Тише, Аарон. Что с тобой такое? Аарон понизил голос. Но ему хотелось высказаться, отвести душу.

– Вижу, придется рассказать тебе больше, чем собирался, – бел-Сидек не дал себя перебить, – доверять так доверять до конца. Насиф жив. Мы не убивали его. Пошли; На нас смотрят.

Аарон, кстати, заметил, что улицу Чар вновь запрудили нахлынувшие из акрополя дартары. Они продолжали путь; бел-Сидек заговорил вновь:

– Ты был прав насчет Насифа. Он сдал вашу башню во время осады перевала. Он до сих пор геродианский агент. Они приняли его в свои ряды и произвели в вице-полковники.

– Насифа?!

– Да. Но теперь он снова наш. Мы его приручили. Он будет работать на благо Кушмарраха. Жена и сын его ничего не потеряют. Ты – единственный, не принадлежащий к Союзу Живых, кто знает об этом. Прошу тебя, забудь. Никому ничего не говори и живи как жил. Сможешь ли ты, Аарон?

– Я-то смогу. Но вы мне не дадите.

– Как так?

Это уж из рук вон, Аарон. Споришь с офицером. Язык – враг твой. Накопившийся за шесть лет гнев излился в гневной речи.

– Да вы просто не способны оставить других в покое. Особенно людей вроде меня, которых можно использовать, которым можно испоганить жизнь. – Он испытывал странное пьянящее чувство, точно со стороны наблюдал за каким-то храбрецом, с чьих губ срывались невозможные слова. – Играйте в ваши игры с Фа'тадом и генералом Кадо. Не впутывайте меня, не впутывайте мою семью. Оставьте нас в покое.

Бел-Сидек судорожно сглотнул, лишь тогда дар речи вернулся к нему.

– Это и твоя борьба, Аарон.

Аарон сплюнул в пыль и хрипло захохотал.

– Иди ты в задницу! Моя?! Да ведь туго-то после захвата Кушмарраха пришлось только вам, знати и богатеям. Вам да чудовищу из крепости. Будь у меня хоть капля здравого смысла, я бы выдал тебя геродианам. Но что взять со старого пса, которого хорошо выдрессировали, пока он был несмышленым щенком. Я не способен пойти против вас. Убирайтесь же, черт побери! Оставьте меня в покое!

И Аарон зашагал большими шагами, чтобы бел-Сидек не мог за ним угнаться.

Гнев понемногу испарялся. Аарону становилось страшно. Распустил язык, идиот. Глупо, ужасно глупо. Живые – опасные люди, опасные и безумные.

* * *

Бел-Сидек остановился: за Аароном все равно не поспеть. Он подавил злость – словно неразгоревшийся костер ногой затоптал. Ему и раньше приходилось сталкиваться с подобными вспышками. Бел-Сидеку они очень и очень не нравились. Отчасти

потому, что он не до конца понимал переполнявшую этих людей горечь, не понимал их разочарования, отчасти потому, что в словах их была тревожная правда. Но он не желал чувствовать себя виноватым лишь потому, что следует своим убеждениям.

День предстоит тяжелый. Приятно это или нет, надо все обдумать, еще и еще раз пересмотреть свои собственные цели и цели движения.

Если взглянуть на вещи глазами Аарона, ясно становится, почему Живым нелегко вербовать сторонников. Кушмаррахане многого лишились на этой войне, и командиры их виновны не меньше геродиан.

По сути, Аарон прав, но такие мысли, будь они неладны, опаснее всех шпионов, оплачиваемых генералом Кадо. Из-за них люди отвергают движение, осуждают его. Кушмарраханам кажется, что, несмотря на все недостатки, при геродианских порядках можно жить, они лучше хаоса, чреватого разорением и обнищанием.

Бел-Сидек похромал в сторону порта, напрасно пытаясь заглушить, перебороть боль в ноге – и в сердце. Через каждые сто шагов он оглядывался, пытаясь пересчитать нагонявших его дартар.

* * *

Колонна дартар проходила через Осенние ворота. Казалось, ей конца не видно. Горожане, ожидавшие своей очереди войти в Кушмаррах, провожали дартар все более и более мрачными взглядами.

Даже Йосеху подумалось, что Фа'тад послал сюда всех своих людей. Зачем? Чепуха какая-то. На кой ляд ему сдался этот проклятый лабиринт квартала Шу?

– Плевать ему на лабиринт, – заявил Ногах. – Фа'тад просто хочет заставить Кадо проверить, будто и в самом деле думает, что там можно отыскать нечто ценное. Авось Кадо клюнет и как дурак примется искать, чего там отродясь не бывало.

– Нам-то какая разница? – вмешался Меджах. – Сидим ли мы на месте, рыщем ли по окрестностям – денежки-то все равно идут.

– Верно, парень, – поддакнул кто-то. – Не из-за чего шум поднимать.

– Да он спит и во сне видит, чтоб нас с месяц-другой продержали на этой работенке, – пояснил Ногах. – Вы бы видели, какую девчушку вейдин он себе вчера приглядел, прям глаз с нее не сводил, чисто теленок.

– Ага, ребята, красотка хоть куда! – подхватил Меджах. – Нежная, молоденькая, конфетка одним словом. Глазки – точно жареный миндаль с медом, а губки – как розовые лепестки.

– Хватит вам, сказал же, кончайте, – взмолился Йосех.

– И самое главное – ни капельки не важничает. Смотрела на него такими же телячьими глазами, – не унимался Меджах.

– Ну уж это ты загнул, – усомнился Ногах, – чересчур хорошо, чтобы быть правдой. Если эта чудо-девчонка вдобавок и стряпать умеет, я, пожалуй, отобью ее у братишки.

Протесты Йосеха только подзадоривали насмешников. Вейдин останавливались, дивились на смеющихся дартар.

– Что о нас подумают, – отбивался от шутников Йосех, – ведь дартарин должен быть суров и угрюм.

Они покинули акрополь, проехали мимо громады крепости. Напряжение Йосеха нарастало. Намечается крупномасштабная операция, и шансы, что отряд Ногаха остановится там же, где вчера, невелики.

Но Ногах, видно, постарался. Отряд его отделился от колонны у входа в тот же переулок. Йосех избегал смотреть на знакомую дверь: каждый взгляд его в ту сторону вызывал град насмешек.

Сегодня дверь была закрыта. Старуха тоже не сидела на обычном своем месте у порога. Может, от его вчерашней дерзости у старой карги разлилась желчь? А может, она решила перейти на осадное положение – до тех пор, пока дартары не уберутся из Шу?

Ногах возился с чем-то, с трудом орудуя раненой рукой. Некоторые из его родичей уже продвинулись в глубь переулка. К ним присоединились еще шесть человек, назначенных Джоабом. Они спешились и подвели своих верблюдов к Йосеху.

– Сегодня ты туда не пойдешь? – спросил он Ногаха.

– Пойду, конечно.

– Ты же ранен. Пошли лучше меня.

– Ну нет: ты упустишь свою голубку-вейдин. – Ногах рассмеялся и скрылся в темном переулке.

Йосех пошел было следом.

– Осади, братишка! – окликнул его Меджах. – Подойди-ка сюда.

Йосех неохотно повиновался.

– Тебе еще многому предстоит научиться, парень, иначе не выживешь. Первое правило – никогда ни на что добровольно не напрашивайся. Добровольцев посылают в самые опасные места, туда, где убивают.

– Почему он не пускает меня в лабиринт?

– Не хочет, чтоб с тобой стряслась беда.

– Но, Меджах, я не ребенок.

– Но и бывалым воякой тебя не назовешь. Кушмаррах не горы. Покамест ты только ученик. Докажи, что способен соображать и четко выполнять приказы, – и Ногах придумает для тебя какое-нибудь захватывающее задание. – Меджах бросил на землю снятое с верблюда седло и уселся на него, прислонясь к стене.

Толпа вейдин бурлила вокруг. Горожане недружелюбно поглядывали на перегородивших улицу дартар с верблюдами. Меджах и в ус не дул, но, стоило троице молодых женщин пройти мимо, украдкой покосившись на загадочных кочевников, он сразу встрепенулся и принялся тихонько напевать:

– Ближе, цыпочки, ближе, курочки, а то лисичке вас не разглядеть… – начало известной кушмарраханской басни.

Самая рослая из троих задрала нос и ускорила шаги. Другие две захихикали и зашептались, прикрываясь рукавами, а потом поспешили догнать подругу. Но прежде чем раствориться в толпе, та оглянулась.

Меджах помахал ей рукой.

– Помяни мое слово, мы сегодня еще увидим эту надменную красотку.

– Почем ты знаешь?

– Мое непобедимое очарование – ни одна женщина-вейдин не устоит.

– Ну да! Просто они с корзинами, идут на рынок, а потом будут возвращаться домой.

– Тоже верно. Но об заклад готов биться, пойдет она именно по этой стороне улицы – ей невтерпеж поболтать со мной о чем-нибудь поинтереснее лисичек и курочек.

– Думаешь?

– Это ж игра такая. Флирт, поддразнивание. Мы с ней оба знаем, что ничего у нас не выйдет, если б и захотели, шуточками все и ограничится. Представь только, как прокрадываешься в спальню к женщине в таком одеянии. Смех, да и только! Любой приметит дартарина, который – вот совпадение! – забрел на огонек как раз, когда муж отлучился.

– Раздобудь одежду вейдин, зайди в переулок и переоденься. В толпе никто не обратит на тебя внимания. Меджах искоса глянул на брата.

– Надо же, а мне и в голову не приходило. Йосех пожал плечами: ему это казалось совершенно очевидным.

– Так вот, эти кокетливые курочки сбили нас, мы толковали о приключениях, – продолжал Меджах. – Взгляни на меня. Торчу тут и караулю верблюдов, счастлив и доволен. Думаешь почему?

Ногах считает, что приключений с меня уже хватит, – вот почему. Не ищи сильных ощущений, они сами тебя найдут.

Йосех кивнул. В этом определенно есть смысл.

Некоторое время они глазели на идущих в сторону рынка женщин. Меджах отчаянно заигрывал с каждой, что хоть чуть-чуть поощряла его.

Заветная дверь наконец распахнулась. Показалась старуха в сопровождении молодой женщины. У Йосеха екнуло сердце, но, присмотревшись, он понял, что это не его девушка. Может, ее мать или по крайней мере старшая сестра. Черты лица те же, но время наложило на них свой отпечаток.

Обе женщины несли корзины. Старуха пристально посмотрела на Йосеха, вторая взглянула лишь мельком. Меджах не стал пробовать на ней свои чары, но, стоило женщинам скрыться из виду, расхохотался.

– Затрепетало сердечко-то, а, братец? Вот удача тебе привалила! Заходи и начинай приятную беседу, слово за слово и… Но что, если там ее папаша? Или братья? Что, если она плюнет тебе в физиономию и позовет на помощь?

У Йосеха возникло чувство, будто Меджах читает его мысли.

– Э, брось, парнишка. Давай посидим спокойненько в тенечке, поглазеем на этих чудаков-вейдин. Чертовски занимательное зрелище!

Но тут дверь чуток, на сантиметр – не больше, приоткрылась. Йосех заметил, как поблескивает в щелке чей-то глаз. Ему стало жутко – словно грубая реальность вторглась в мир грез и грозит вытащить его оттуда.

Йосех не мог усидеть на месте от возбуждения и начал беспокойно прохаживаться туда-сюда.

* * *

Непривычные, тревожные мысли терзали Эйзела. Пробираясь сквозь толпу дартар, он чувствовал себя весьма неуютно и готов был поверить, что некто незримый и неуловимый преследует его. Какого черта здесь делают подлые перебежчики? Почему не оставят лабиринт в покое?

На улице Чар тревога его усилилась, и состояние это ужасно не понравилось Эйзелу. Его не оставляло предчувствие несчастья.

Он так спешил к старику, что почти забыл об осторожности. Дурной знак. Ни при каких обстоятельствах нельзя забывать об осторожности.

Старик лежал в постели.

– Вот он я, – проворчал Эйзел. – Опять тут. Вы, похоже, решили выжать из меня все возможное.

Он нахмурился: сорвавшиеся с губ слова тоже не понравились ему. Ныть и жаловаться – тоже не в характере Эйзела-Истребителя.

– Ничего не поделаешь: слишком быстро развиваются события.

– Что на сей раз?

– Человек, путь которого ты проследил до Дома Правительства, оказался геродианским офицером в значительном звании. Мы намерены перевербовать его и извлечь из этого выгоду. Но нужно держать его на привязи, а средств у нас недостаточно.

– Вон оно что…

– Мальчик, которого ты похитил последним, его сын. Мы скажем шпиону, что мальчишка у нас. От тебя требуется поставить мерзавца перед фактом.

– Каким образом?

– Отведи его туда. Покажи мальца, а потом постарайся, чтоб ребенок по возможности скоро перешел в наше распоряжение. Пусть она его испытает следующим.

– Не так все просто. Если свести этого типа в крепость, он может что-нибудь пронюхать. И с ней не обойтись без склоки. К тому же и в вопросе о порядке испытаний она вряд ли уступит. Чаровница навоображала всякую чушь – якобы ею движут высшие силы, а мы – просто свора паразитов, которая хочет нажиться на ее поисках. Она терпит это только потому, что порой ей без нас не обойтись.

– Она не желает, она отказывается понимать, что муж ее давно мертв.

– Она прожила долгую жизнь, Генерал, и по большей части в изолированном мире, не имеющем ничего общего с реальностью. Она окружена подхалимами, которые только поощряют бессмысленные фантазии.

– Значит, пришло время разбудить ее, заставить очнуться. Эйзел выслушал указания старика и кивком выразил свое понимание и одобрение.

– Теперь о новом градоначальнике – ему, видать, не терпится нажить врагов.

– Продолжай.

– Он избрал своей резиденцией виллу вдовы генерала Ханно бел-Карбы. Дурацкая мысль, и явно не могла возникнуть прямо здесь, на месте. Он наверняка послал вперед людей – разузнать, как накликать на себя побольше неприятностей. Говорят, он уже

послал вдове приказ освободить виллу к сегодняшнему закату.

Старик долго молчал.

– Я хотел, чтоб Живые до поры до времени держались в тени. Я дал соответствующие указания. Но это переходит все границы. Так он угрожает выселить вдову генерала бел-Карбы?

– Да.

– Кого боги хотят погубить – лишают разума. Он жаждет смерти. Но ты занимайся своими делами, я и без того задал тебе нелегкую задачу.

* * *

Щеки генерала Кадо были мертвенно-бледны, а лысина побагровела. Он только что выслушал из собственных уст Сулло планы конфискации владений генерала бел-Карбы. Безумие, чистое безумие! От ярости у Кадо пена выступила на губах. Он отвернулся от Сулло и постарался взять себя в руки, потом вновь взглянул в лицо нового градоначальника.

– Я знал, что репутация у вас вполне определенная, Мартео Сулло. Но надеялся, что по большей части эти слухи – клевета врагов. Теперь я вижу, что они были чересчур снисходительны. У них не хватило решимости, они постыдились выговорить всю правду о вашем высокомерии, о вашем тщеславии, о вашей непроходимой тупости.

Настал черед Сулло шипеть и плеваться от злости.

– Вы явились пакостить мне, ставить палки в колеса? – не унимался Кадо. – И самый простой путь – выгнать старуху из дому, не правда ли? Потому что она пользуется моим покровительством, верно? Может, вы и правы. Но пришло ли вам в голову узнать, кто она такая и что значит для кушмаррахан? Черта с два. Вы идиот. Стоит вам ее пальцем тронуть, стоит посягнуть на ее дом – вы покойник. И это еще меньшее из зол. Хуже, если вы задержитесь на этом свете, – тогда вырежут всех геродиан в городе.

Сулло усмехнулся, но как-то неуверенно, тень страха промелькнула на его лице.

Кадо понизил голос и внушительно продолжал, стремясь закрепить успех:

– Вчера вы видели все силы, которыми я располагаю. Двенадцать тысяч геродианских солдат, к тому же все далеко не первый сорт, да и то если не придется послать их защищать границы от султана Аквиры. Пять тысяч дартарских наемников под командованием непредсказуемого безумца, способного

предать нас в любую минуту. С этими-то силами я управляю Кушмаррахом – точнее, мне еле-еле удается удерживать его, потому что девяносто девять из ста кушмаррахан готовы мириться с нашим присутствием, пока мы не затрагиваем их святынь. Вдова Карбы – одна из таких святынь. Ее муж за всю свою жизнь не проиграл ни единой битвы, не знал поражений – встречался ли он с врагом один на один, или же сталкивались огромные армии. Солдаты почитают его как полубога. Они уверены, что геродиане подослали к бел-Карбе наемных убийц.

И они правы. Он справился и с убийцами, всех их перебил, но из-за тяжких ран не смог участвовать в сражении при Дак-эс-Суэтте. Он умер от ран, когда мы взяли город. Только смерть смогла совладать с ним, только смерть оказалась сильнее могучего бел-Карбы. Фанатичные почитатели спрятали его тело и пытались уверить народ, что Генерал жив, но потерпели неудачу.

– Вы хотите запугать меня этими побасенками?

– Я хочу воззвать к вашему здравому смыслу и чувству самосохранения, хочу хоть немножко встряхнуть этот горшок с сушеным горохом, который вы гордо именуете мозгами.

Сулло угрожающе улыбнулся.

– Маски скинуты, не так ли?

– Так.

– Там, дома, в Героде, есть одна партия, и весьма сильная, которая полагает, что вы проявляете преступную слабость и потакаете этим людям.

– Вы подтверждаете мои подозрения. – “Еще бы – я не выкачиваю из Кушмарраха столько, сколько надо, чтоб утолить их алчность”. – Меня послали сюда, дабы уравновешивать ваши недостатки и исправлять промахи. – Опять зловещая ухмылка.

Кадо улыбнулся в ответ.

– Наша беседа оказалась полезнее, чем я думал. Мне стало ясно, что делать. Ничего – ровным счетом ничего. Просто отойти в сторону и позволить вам действовать на свой страх и риск.

Сулло настороженно взглянул на него, не решаясь поверить в победу.

– Вы не протянете и недели.

– Вы посмеете…

– Не я. Я и пальцем не шевельну. Вы совершаете самоубийство. Ваши любезные подчиненные, ручные ровно настолько, насколько позволяют себя приручить, перережут вам глотку. Приятного дня, сэр. Я даже готов пожелать вам удачи. Благодаря вам народ Кушмарраха научится ценить меня.

Сулло надменно хлопнул дверью, не в силах скрыть, что насмешливый тон генерала задел его.

Кадо развалился на стуле, расслабился и погрузился в размышления. Надо решить, как лучше дать знать Живым, что он ни сном ни духом не участвует в планах Суллы, и при любом исходе оккупационные войска сохранят нейтралитет.

* * *

Меджах оказался прав. Рослая надменная красавица действительно вернулась и, задрав нос еще выше, прошла еще ближе от поворота в переулок. Меджах возобновил свои приставания. Неприступная красотка в ответ издевательски, но соблазнительно вильнула задом. Ее спутницы хихикали, закрываясь рукавами. Одна из них, лишь чуток постарше Йосеха, так сильно подмигнула юноше, что все лицо у нее перекосилось. Йосех тоже подмигнул – просто чтобы поддержать игру. Эти девушки были детьми, когда реки крови текли по улицам Кушмарраха, пронеслось у него в голове.

Меджах потянулся, поднялся.

– Ладно, парень, пойду разомну ноги.

– Осторожнее.

– Эй, за кого ты меня принимаешь? Я к ней, к ним то есть, близко не подойду. Разведаю только, где они живут. – Он нырнул в толпу и скрылся из виду.

Йосех снова уселся и погрузился в печальные размышления о жизни и смерти. Хоть тысячу лет живи, все равно ни шиша в этой жизни не поймешь.

Ему надоело смотреть на гавань, от сверкающей синевы резало глаза. Йосех зажмурился и, наверное, на несколько минут задремал. Встряхнувшись, он увидел, что рядом стоит мальчик-вейдин и внимательно его разглядывает. Было в этом мальчике что-то знакомое… Ну да, он же точная копия девушки. Конечно, мальчишка еще вертелся около старухи.

Йосеху казалось, что в животе у него поселилось какое-то чешуйчатое холодное существо; сейчас оно начало разворачиваться, распрямляться…

– Привет. Тебя как зовут? – Он с трудом выговаривал странные кушмарраханские слова.

– Ариф. А тебя? Ты и в самом деле дартарский солдат?

– Доброе утро, Ариф. Я – Йосех, сын Мельхешейдека. Да, я дартарский воин, хоть и стал им совсем недавно.

Понимает ли мальчонка разницу между солдатом и воином? Вряд ли. Из взрослых-то вейдин мало кто понимает ее.

– Почему вы всегда надеваете на лица эти черные штуки?

Йосех не знал ответа. Это нечто само собой разумеющееся – становишься взрослым и начинаешь носить маску. Ни вейдин, ни ферренги их не носят, маски – отличительный признак, клеймо кочевников-дартар, странных, опасных и похотливых. Йосех никогда не размышлял о таких вещах. Положено – и все тут. Он ответил вопросом на вопрос:

– А сестру твою как зовут?

Мальчик с недоумением взглянул на Йосеха. Тот медленно повторил вопрос, старательно выговаривая иностранные слова, – он решил, что ребенку непонятна его ломаная речь.

Личико парнишки просветлело.

– Ты, наверное, о Миш. Она мне не сестра. Она моя тетя, мамина сестра. На самом деле она Тамиса, но дома все ее кличут Миш. Вот уж брюзга так брюзга.

– Отлично. Поехали дальше.

Йосех завязал с Арифом долгий разговор. В основном ему пришлось отвечать на вопросы о родных горах и пустынях, об огромных соляных залежах, которые называют Таками, и о стычках дартар с дикарями-турками, обитающими за Таками. Йосех и сам задал несколько вопросов – все больше о семье Арифа.

Еще одно опустошенное войной семейство. За стенами этого дома – ни одного близкого родственника, кроме нескольких замужних теток. Обычная кушмарраханская история.

Откуда же, черт побери, такая прорва народу? Что творилось в этом безумном городе, пока несметные полчища не полегли на поле боя? Вот уж толпища была, не продохнешь…

Они беседовали с полчаса. Меджах вернулся, подмигнул Йосеху, уселся в тени и, похоже, задремал.

И тут из дома с вытаращенными от ужаса глазами выскочила прекрасная незнакомка. Она в панике озиралась кругом и, заметив Йосеха с Арифом, всплеснула руками от облегчения, на секунду обессиленно прислонилась к стене, а потом кинулась к ним. Йосех поднялся навстречу. Он не мог глаз от нее отвести. Чешуйчатое существо в животе отчаянно молотило хвостом. Но девушка не смотрела на Йосеха, щеки ее пылали.

– Ариф! Что ты тут делаешь?! Ты же знаешь правила! Смотри, расскажу папе, он тебя так отшлепает…

– Ну, Миш, я просто поговорил с Йосехом.

– Он здесь в полной безопасности, Тамиса. Кстати, в разговоре с его отцом не забудьте упомянуть, что лишь через полчаса заметили отсутствие Арифа.

Она покраснела еще сильнее, сверкнула глазами и хотела было огрызнуться. Взгляды их встретились. Девушка ничего не

сказала.

Старина Чешуйкин в животе Йосеха корчился в предсмертной агонии.

Тишину нарушил смешок Меджаха.

– Меня зовут Йосех, – выговорил Йосех пересохшими губами.

– Меня зовут Тамиса.

– Ты очень красивая, Тамиса.

Девушка вспыхнула снова. Меджах опять усмехнулся. Ариф уставился на них, неприятно пораженный.

– Тамиса, тебе ведь поручили присматривать за двумя малышами, или я ошибаюсь? – Краем глаза Йосех приметил еще одного маленького крепыша, который шествовал по улице Чар с таким видом, точно был ее владельцем.

– О, Арам помоги! Стафа! Мама права. Я безнадежна, я просто безответственная тупица. – Она бросилась за карапузом, причем так торопилась, что начисто забыла о старшем мальчике.

Миш подхватила малыша и прижала к груди, словно защищая от бессчетных опасностей, которых он чудом избежал.

– Расскажи Миш, как твой отец с Фа'тадом устроили засаду на турок, – попросил Ариф.

– Думаю, девушки не интересуются подобными вещами, Ариф. Тамиса поставила младшего мальчугана перед собой и вцепилась в него мертвой хваткой.

– Нет, мне очень интересно. Дома только и слышишь матушкины жалобы – как у нее ноги болят и все такое.

Меджах хихикнул в третий раз.

Йосех не знал, что сказать. Удача сама плыла в руки. Но он чувствовал себя неловко под взглядами проходящих мимо вейдин, которым не по вкусу было видеть одну из своих дочерей рядом с дартарином.

Он просто начал говорить. Через некоторое время девушка стала отвечать. Они присели. Мальчики играли под ногами у верблюдов. Йосеху подумалось, что животные проявляют прямо чудеса терпения. Младший бесстрашный карапуз карабкался по их ногам, и верблюд воспротивился лишь однажды, когда мальчонка лягнул его уж слишком сильно.

Из переулка показался Ногах и подвел к Меджаху пятерых связанных вместе пленников с бледными одутловатыми лицами. Он невозмутимо отпил воды из бурдюка, закинул его на плечо и вновь скрылся в переулке.

Меджах достал копье и пересел на другое место, откуда удобнее было следить за пленными. Теперь он отнюдь не производил впечатление ленивого, сонного малого.

Йосех попытался продолжить беседу, но пленные отвлекали

Тамису. Мальчики жались к ней, напуганные видом диких, взъерошенных дяденек из лабиринта.

Меджах тихонько свистнул.

– Эй, парень, взгляни-ка.

Младший мальчонка вскочил и завопил:

– Папочка! Папочка идет!

Старина Чешуйкин снова задергался.

* * *

Эйзел ввалился в комнату и застал евнуха за ужином.

– Салют, Торго. У нас проблемы. Позови хозяйку. Торго окинул его тяжелым взглядом:

– А я думал, ты нас покинул.

– Разве? Не помню. Я сказал, что не собираюсь совершать самоубийство. Но это не значит покинул. – Он старался говорить нейтральным тоном. – Мне надо ее видеть. У меня срочное поручение от Генерала. Срочное и важное.

Торго поднялся, подошел к золоченому умывальнику, вымыл руки, сполоснул их сиреневой туалетной водой.

– Ты серьезно? А то лучше бы тебе не приходить. В чем дело?

– Мне нужна она. Она должна решить.

– Это невозможно.

– Невозможно?

– К несчастью, нет. – Евнух самодовольно ухмыльнулся. - Прошлой ночью она испытывала одного из детей и не оправится раньше завтрашнего вечера.

Эйзел выругался про себя.

– Надеюсь, дело твое терпит. – Усмешка евнуха стала злобной.

– Нет, не терпит. И не мое, а наше.

Торго забавлялся потугами Эйзела быть вежливым и обходительным, нарочно тянул время, продлевая удовольствие.

Эйзел подробно изложил ситуацию с геродианским шпионом высокого полета.

– А нам-то что за дело? Не вижу, в чем проблема? – возразил Торго.

– Генерал хочет перевербовать предателя. Втемяшил себе в башку. А главная порука, что он будет паинькой, – здесь. Последний ребенок, которого я похитил, сын шпиона.

Торго казался искренне удивленным.

– Генерал выдвинул два требования. Во-первых, он хочет, чтоб шпиона провели сюда и показали ему мальчишку. Во-вторых,

чтоб ребенок прошел испытание следующим, а затем был отдан во власть Живых.

Торго кивнул, усмехнулся.

– На первое она никогда не пойдет. А порядок испытаний предопределен.

Эйзел позволил себе улыбнуться самой зловещей из своих улыбок.

– Старик предвидел ваш ответ. Полагаю, он решил, что настало время выяснить отношения.

– Что такое? – Торго ощутил легкое беспокойство.

– Он готов Понять Чаровницу., Он знал ее до Дак-эс-Суэтты и Ала-эх-дин Бейха. Он сочувствует ее горю и предлагает довериться более мудрому советчику.

– Или?

– Или он запечатает Черный ход Судьбы и продолжит войну с Геродом иными средствами.

– Сукины дети! – прорычал Торго.

– Это не моя идея, дружище. Я возражал, но старому упрямому ослу нечего терять. И кое в чем он прав. Чрезмерная активность Чаровницы опасна для Живых. Ходят слухи, что они причастны к кражам детей. Похищений слишком много. Люди расстроены. Генерал хочет умерить ее пыл, заставить притормозить. Хочет сам решать, когда, где и сколько детей должно быть захвачено.

– Она не согласится.

– Ей решать – согласиться или не получить больше ни одного ребенка.

Эйзел не сводил с евнуха глаз. Как и он сам, Торго кипел от негодования, но оба они сдерживали себя. Тут не до личных симпатий – слишком много поставлено на карту. Торго судорожно пытался оценить положение, метался по комнате, вертел в руках какие-то вещи, смахивал пыль.

– Мне это глубоко противно, но я готов уступить. Вы увидите мальчика. С остальным придется дождаться решения госпожи.

– Спасибо. – Эйзел рассчитывал смутить Торго своей вежливостью.

– Приведите его с завязанными глазами. Не позволяйте догадаться, где он находится и что здесь происходит.

– Не учи ученого. Подумай лучше, как все устроить – чтоб шпион мог вволю налюбоваться на своего пащенка и не смекнуть при том, где содержат мальчишку. Пойду засвидетельствую почтение Накару. Надеюсь, Горлох вернет ему свое расположение.

Торго угрюмо пробормотал положенные пожелания. Эйзел вышел, усмехаясь. В глубине души этот чудила без яиц не может

желать ничего подобного. Сейчас Торго достиг возможной для себя близости с любимой женщиной. Так неужели он пожелает расстаться со своими фантазиями?

Глава 9

Завидя Миш в компании дартарина, Аарон сбился с шага. Он взглянул на бледных потрепанных пленников, на воина, который охранял их. Тот приветливо улыбнулся в ответ Ариф и Стафа с воплями скакали вокруг. Аарон посадил меньшого на левое колено, взял Арифа за ручку. Упаси Арам, Миш с молодым дартарином догадаются о его чувствах. Ариф болтал без умолку, спешил рассказать папочке о своем чудесном новом друге и его семье.

– Это Йосех, Аарон, – представила нового знакомого Миш. – Он один из тех, кто пострадал, пытаясь схватить похитителя Зуки.

Дартарин смутился. А в голосе Миш Аарону послышалась усталость.

– Зачем? – спросил он. Что тут еще скажешь?

– Зачем? – удивленно переспросил дартарин.

– Зачем вы пытались спасти ребенка?

Дартарин совсем смешался. Товарищ пришел ему на выручку.

– Такое странное варварское извращение, кушмарраханин. Мы, дикари, любим детишек, заботимся о них. Вам этого, наверное, не понять. – Он говорил медленно, стараясь не потерять смысла из-за плохого знания языка, и в подкрепление своих слов указал на Арифа и Стафу.

Аарон с примиряющей улыбкой повернулся к молодому дартарину.

– Спасибо. Тот парнишка – сын наших друзей. Надеюсь, вы не очень пострадали.

– Хуже, что я потерпел неудачу.

Аарон замялся. В людском потоке образовывались маленькие водоворотики – горожане останавливались взглянуть на необычную сцену. Аарон покосился на Миш; та смотрела на юношу с изумлением, почти с восхищением.

– Когда вернется твоя мать? Ты что-нибудь приготовила?

– Ох, забыла! – Она кинулась к двери.

– Йосех, расскажи папе, как твой отец с Фа'тадом… – гнул свое Ариф.

– Ему будет неинтересно.

– Папа был солдатом. Правда, папа?

– В те дни все были солдатами, Ариф. Нечем тут хвастаться. Стафа, заливаясь смехом, играл в прятки со вторым дартарином. Мальчуган прятался за спиной Аарона, а дартарский воин притворялся, что прячется за своей маской.

У Аарона голова шла кругом. Этому человеку поручена

охрана пятерых пленных, в руке у него копье, и стоит кому-нибудь из них шевельнуться, дартарин без малейших угрызений совести заколет его. И при всем при том он преспокойно играет в прятки со Стафой.

* * *

Йосех опять почувствовал неловкость. Ему хотелось, чтоб вейдин наконец ушел. Он жалел, что вовремя не прогнал мальчишку. Но тогда не удалось бы поговорить с девушкой…

Юноше не приходило в голову, что кушмарраханин просто не знает, как вежливо распрощаться.

– Гм… Еда в бараках, полагаю, неважнецкая… – с запинкой начал Аарон, – насколько я помню…

– Хуже не придумаешь, – подтвердил Йосех, удивленный неожиданным оборотом разговора.

– Может, Миш что-нибудь вынесет вам. Ну, как бы в благодарность за попытку спасти ребенка. Если, конечно, все не сожжет и не расколошматит по дороге.

Йосех улыбнулся, но вейдин не мог этого видеть. Что тут скажешь? Но отвечать ему не пришлось.

Из переулка вышли Махдах и Косут. Они несли труп. Убили этого человека не они, он умер какое-то время назад. От лица осталась кровавая каша, от одежды – одни лохмотья, из-под них виднелись развороченные внутренности. Дартары опустили тело на землю рядом с пленными.

Вейдин – Аарон, кажется, – схватил старшего сына за плечо и поспешил увести его в дом.

Махдах с Косутом проводили его взглядом.

– Это еще что? – спросил Махдах.

– Долго объяснять, – отозвался Меджах. – Вы скажите, что это?

Косут был явно не в духе.

– А на что это, черт побери, похоже? Меджах был настроен более общительно.

– Из того же гнездышка, что эти вот красавчики. Они, видать, славно позабавились нынче ночью.

Меджах приставил острие пики к носу одного из пленных, державшегося посмелее других, – видимо; вожака.

– Эй ты, лучше помогите нам добром, а то позабавиться мы тоже сумеем.

Пленник плюнул Меджаху в лицо. Острие прошлось по его щеке. Потекла кровь.

Йосех отвернулся, чтоб не видеть этой ненужной жестокости, – и вопль изумления вырвался из его груди.

– Меджах! Тот человек, что похитил ребенка! Черт побери, он уходит…

Меджах шепнул что-то Махдаху и Косуту, подошел к Йосеху.

– Тот самый, который нужен Фа'таду?

– Да. Я видел его на улице, там, повыше. Но он скрылся в толпе.

– Пошли пройдемся, поглядим, может, чего и увидим. – Меджах слегка подтолкнул Йосеха. – Ты иди по той стороне.

Они прошли почти полпути к акрополю, ничего не увидели и отказались от дальнейших попыток. Время истекло. Накопилось много других дел. Пришли каменщики с глиной и инструментами – надо было, чтоб кто-нибудь показал им два хода в лабиринте, которые Ногах решил замуровать.

Джоаб тем временем тоже поднимался на холм, останавливаясь дать указания воинам, охранявшим входы в переулки.

Мать и сестра Тамисы возвращались с рынка. Йосеху трудно было представить, что и Миш когда-нибудь станет такой старой. Он вполуха слушал Джоаба, который велел Меджаху передать Ногаху, что три человека из его отряда должны оставаться на посту всю ночь. Целое утро Фа'тад вводил и выводил за Осенние ворота разные подразделения. Ферренги теперь нипочем не догадаются, сколько дартар находится за городскими стенами, а сколько в самом Кушмаррахе. Йосех дивился на Фа'тада. Интересно, знает ли хотя бы Джоаб, что у их командира на уме?

Меджах тоже позабавил Йосеха: брат использовал его утреннее наблюдение и выдвинул свежее предложение – некоторых воинов, мол, можно переодеть в одежду вейдин. Впрочем, Джоаб скорчил такую гримасу, точно отродясь не слышал подобного бреда.

* * *

Садат Агмед караулил жертву шесть дней и все безуспешно. Он выходил из себя. Не сказать, чтоб девчонку как-то особо охраняли. Не больше, чем любого другого ребенка из хорошей семьи в округе Эстан. Но подступиться к ней Садат не мог. С того дня, как Чаровница поручила ему это дело, он видел девочку всего три раза.

Садат ненавидел красть девчонок: хлопот не оберешься. На эту уже потрачено чересчур много времени. Он слишком долго

шляется вокруг, соседи запомнят. Следовало бы доложить обо всем Чаровнице и признать, что задачка ему не по зубам, пусть посылает кого-нибудь другого. Но до сих пор Садат не знал подобных неудач. На карту была поставлена его гордость.

Из дома вышла женщина – наверное, мать, – она вела за ручку маленькую девочку. Они выбрали обычный свой маршрут, свернули на безлюдную улочку, ведущую наверх, в гору. Значит, пройдут метров двести, а затем постучатся в дом столь же зажиточного, почтенного семейства. Там они останутся часа на три, потом возвратятся домой. По-видимому, было в этих визитах нечто недозволенное, предосудительное. Насколько Садат мог судить, женщина не хотела, чтоб кто-нибудь проведал об их отлучках: она выходила, лишь когда больше никого дома не было.

В этом чванном богатом районе женщинам не положено покидать стены дома без сопровождения мужчин.

При данных обстоятельствах был лишь один способ выполнить поручение. А изменить обстоятельства, сдавалось Садату, он не в силах.

И вот он крался по улице, притворяясь равнодушным безобидным прохожим, которому просто по пути с ними и который идет чуть быстрее женщины с ребенком.

Садат прорепетировал свою роль с дюжину раз и точно рассчитал время. Он нагнал их у единственного перекрестка. При звуке шагов женщина обернулась. Глаза ее расширились от ужаса, она попыталась увернуться, на удар Садата свалил ее на землю. Он схватил девочку.

Ребенок завизжал. Кто-то закричал. Женщина запричитала. Садат бросился в переулок; девочку он нес на руках, благо была она совсем не тяжелая. Садат припас кусок мокрой ваты, теперь он прижал его к лицу ребенка. Еще несколько кварталов – и он пойдет степенным шагом, как отец семейства со спящей дочуркой на руках.

Но он недостаточно сильно ударил мать. Пошатываясь и стеная, она тащилась следом. К ней подошли двое мужчин, начали расспрашивать, что стряслось.

Садат Агмед побежал. Но ребенок замедлял его бег. Он оторвался от женщины, но не от мужчин, которые тоже пустились в погоню. Их становилось все больше, злее становились их лица, громче крики.

Садат перепугался, потерял голову. Наконец он сообразил, что с ребенком ему не спастись, бросил девочку и побежал по направлению к Хару. Он выбрал кратчайший путь, но в панике пропустил поворот, запутался и очутился в тупике.

Толпа стащила Садата со стены, на которую он судорожно

карабкался. А состояла эта толпа в основном из мужчин, имевших маленьких детей, мужчин, встревоженных слухами об участившихся кражах детей. В сердцах их не было места жалости к похитителям, им в голову не пришло задавать вопросы. Они были безоружны, но какое это имело значение?

Садат опорожнил два пакета с огненным порошком – и оба раза ему почти удавалось освободиться. Почти. Садат отчаянно орудовал ножом – пока кто-то не выбил его ногой. Порезы только пуще разъярили врагов. Они били, пинали, топтали Садата, хотя тот уже несколько минут как умер.

Затем, сами напуганные своим зверством, они разбежались и постарались поскорее забыть об этом случае.

Дартарский патруль прибыл на место происшествия, когда все уже было кончено и оставалось лишь убрать останки.

* * *

Эйзел доложил Генералу результаты переговоров с Торго На сей раз старик не мог скрыть свое состояние: боль одолевала его – Так он разрешил тебе привести шпиона и согласился показать мальчика?

– Был настолько любезен.

– Полагаю, что тебя инкогнито заботит не меньше, чем Торге. Ты знаешь, как это устроить?

– Пусть кто-нибудь доставит шпиона с завязанными глазами в третий переулок к югу от заведения Мумы. Как только посланные уйдут, я подберу его там, а когда все будет кончено, доставлю обратно.

– Когда именно?

– Как стемнеет. После захода солнца переулок совершенно безлюден.

– Будь осторожен.

– Я всегда осторожен.

– Знаю. Удачного дня.

– Вам того же.

Эйзел убедился, что слежки нет, и захлопнул за собой дверь. И в ту же секунду ощутил непонятное беспокойство.

Похоже, сейчас…

До него донесся крик. Эйзел удивленно глянул вниз – какой-то дартарин указывал на него пальцем. Появился второй, посмотрел, кивнул, оба направились к Эйзелу.

Эйзел на минуту опешил. Как они его вычислили? Наверное, один из них преследовал его в лабиринте. Тысяча чертей!

Эйзел нырнул в толпу – из-за маленького роста заметить его там было нелегко. Он лихорадочно обдумывал ситуацию, прикидывая пути отступления: вполне вероятно, они всерьез намерены преследовать его. Любимый путь Эйзела – лабиринт – отпадал: туда набежала целая свора этих ублюдков, со всеми ему не справиться.

За спиной у него затрубили в рог. Крепко он влип – это же сигнал тревоги.

Но почему? Какая муха их укусила? Чего им от него надо? Чего они так всполошились из-за похищения ребенка? Неужели Фа'тад сопоставил факты и о чем-то догадался?

Эйзел оглянулся. Эге, его маленький рост дартарам уже не помеха. Один из них взгромоздился на верблюда и не выпускал преследуемого из виду. Двое других пробирались через толпу пешком.

– Ну погодите, проклятые предатели, сукины дети.

Эйзел принялся энергично проталкиваться на северную сторону улицы, подальше от лабиринта и дартар. На ходу он, не повышая голоса, повторял: “Пожалуйста, пропустите члена Союза Живых. Преследуют Живого, помогите”.

Гм… остается надеяться, что хуже от этого заклинания не будет.

Снова затрубили в рог. Сверху и снизу слышались ответные сигналы.

Толпа забурлила, заворчала. Кто-то ставил подножку одному из дартар. Началась драка, грозившая перерасти в общую свалку. Дартарин, что ехал верхом, раздавал удары направо и налево толстым концом пики.

Эйзел ухмыльнулся – риск себя оправдал.

Дорогу ему преградил спускавшийся с холма дартарин с копьем, которым он орудовал, как дубинкой. Эйзел не замедлил шаг, но, когда дартарин взмахнул копьем, схватился за него, сильно дернул, лягнул воина в, пах, боднул головой и оттолкнул в сторону.

А вот и поворот.

Эйзел еще раз оглянулся. Всадник на верблюде беспомощно смотрел вслед: он безнадежно отстал. Эйзел помахал на прощание рукой, скрылся в переулке и, уверившись, что никто не следит, взобрался на крышу.

Но и тут он двигался с чрезвычайной осторожностью. В Старом городе, где дома стояли вплотную друг к другу, их крыши были особым, отдельным миром, как лабиринт квартала Шу. Но лабиринт Эйзел знал не в пример лучше, а здесь, на крышах, он вполне мог встретить врагов.

* * *

Аарон опоздал – он вышел слишком поздно, и толпа уже рассеивалась. Кушмарраханам не хотелось торчать перед носом такого количества дартар.

Два дартарина остались лежать в дорожной пыли. Один из них напомнил Аарону парнишку, что недавно беседовал с его сыном.

Не раздумывая, Аарон кинулся вперед. Он подбежал, когда сидевший верхом на верблюде дартарин заставил своего скакуна опуститься на колени. Аарон узнал и его – этот тип присматривал за пленными, пока они с Миш разговаривали с младшим. С Йосехом?

Оба раненых тяжело дышали.

– Что случилось? – Аарон склонился над ними.

– Йосех увидел похитителя детей, того, из лабиринта, – ответил всадник, – мы погнались за ним. Но мерзавец что-то шепнул людям, и они набросились на нас.

Молоденький дартарин открыл глаза, попытался встать. Аарон протянул ему руку. Юноша вздрогнул, отшатнулся, но потом принял помощь. Аарон поднял его, и, поддерживая, довел до места, где они сидели прежде. Он не замечал, что вокруг, точно черные вороны, собираются дартары. Не замечал хмурых взглядов Лейлы и тещи, наблюдавших за этой сценой с порога.

Он усадил мальчика и оглянулся, не нужна ли помощь второму раненому. Того уже окружили дартары. Аарон снова воззрился на паренька – теперь, когда он был без маски, стали видны диковинные рубцы и татуировки на лице.

– Спасибо, – пробормотал Йосех.

– С тобой все в порядке?

– Синяки и царапины, а так все ничего.

– Ты, видно, хотел расквитаться с тем парнем… – неуверенно предположил Аарон.

– Он от нас не уйдет, еще повстречаемся.

В доме Аарона кто-то истошно вопил. Старушка Рахеб так разошлась, что сорвала себе голос. Аарон с удавлением увидел, что в дверях показалась Миш с тазиком, тряпками и снадобьями из их домашней аптечки. Она опустилась на колени рядом с юношей, намочила тряпку и начала обтирать с его лица уличную грязь.

Аарон присел на корточки. Любопытно, какое впечатление произведут на девушку шрамы и татуировки? Он с улыбкой наблюдал, как она пытается смыть и их тоже.

Опять женский вопль – на сей раз Лейла. Ариф очутился

рядом с отцом и положил ручонку ему на плечо. Аарон приобнял сынишку. Где-то на заднем плане ручьем разливался Стафа: мать успела перехватить и запереть его.

Аарон смотрел на Миш, а сам думал, с чего вдруг взбесилась толпа. Знай люди, кто перед ними, на него, а не на дартар, обратился бы их гнев.

Над ними нависла тень всадника. Аарон поднял глаза – и встретился с другими глазами, влажными серыми глазами старого ястреба. Джоаб.

Что-то треснуло в Аароне, как яичная скорлупа. Ядовитая ненависть выплеснулась наружу.

Конница Джоаба смяла ряды кушмаррахан в долине Чордан. Отец и братья Аарона не вернулись из того боя, Аарон затрясся, руки и ноги не слушались его. Он медленно поднимался, готовясь к прыжку. Из горла вырвался звук, похожий на тот, что издает кошка, проглотившая клубок шерсти.

В серых глазах промелькнуло удивление, почти страх.

Аарон поймал не себе взгляд бел-Сидека. Калека стоял в стороне и с недоумением смотрел на него.

Темная, застилавшая взор пелена распалась. Аарон передернул плечами, заставил себя оторваться от Джоаба, схватил Арифа и потащил к дому. – Пошли, Миш, – бросил он на ходу.

Миш безропотно последовала за ними, по тону Аарона почувствовав, что не стоит пускаться в излюбленные ею пререкания.

* * *

Йосех проводил девушку печальным, удивленным взглядом.

– Что стряслось с этим человеком? – спросил Джоаб. – Я подумал, он вцепится мне в глотку.

– Наверное, вы как-то обидели его, – отозвался Меджах, – годков этак шесть назад.

Джоаб сердито взглянул вслед чудаку-вейдин.

– Что тут вообще-то происходит? Тяжело ранены?

– Несколько тумаков, в остальном – полный порядок, – ответил Йосех.

Он рассказал Джоабу о стычке с похитителем детей. Из переулка вынырнул Ногах и, слушая доклад брата, беспокойно переминался с ноги на ногу.

Генерал наконец закрыл широко распахнутую дверь. Он был вне себя от возбуждения и бормотал проклятия. Эйзел чисто

случайно избежал гибели. Кроме того, эти ублюдки Джоаб с Фа'тадом через какое-то время могли заинтересоваться, что понадобилось преступнику на улице Чар.

Эйзел никогда не допускает ошибок. Во всяком случае, не допускал на памяти старика. С ним самим ничего не случится. Но порыв, побудивший Эйзела в тактических целях воспользоваться именем Живых, мог с точки зрения стратегической обернуться сущим кошмаром.

Эйзел не виноват. Виноват он, предводитель Живых, который слишком часто стал прибегать к услугам лучшего своего бойца. Возможно, кто-нибудь уже обратил внимание на постоянные посещения Эйзела. Это надо прекратить, невзирая на все неудобства. Нельзя допустить, чтоб похитителя детей связывали с домом бел-Сидека или с Союзом. Дурная слава чревата провалом движения. Живым следует отречься от Эйзела, осудить его и требовать наказания наглеца, посмевшего запятнать их честное имя. Эйзел ловок, он сумеет избежать неприятностей.

Генерал взглянул на свой письменный стол. Для него это как другой конец света: стол стоял у противоположной стены. Надо написать Эйзелу, предупредить его, что придется потерпеть, что на какое-то время он будет объявлен вне закона.

Потихоньку, по стеночке, старик начал пробираться к столу. Жаль, что не на кого опереться. Слаб он стал, бремя слишком тяжело для его старых плеч. Но разве решится он на откровенный разговор с атаманами? Многие из них будут напуганы, даже оскорблены – правда, все по разным причинам.

Зенобел или Карза? Может быть. Если поговорить с ними не спеша, обстоятельно, развернуть план во всей красе, раскрыть двойной смысл всех уловок – тогда их не отвратят некоторые непривлекательные, отвратительные даже средства, к которым прибегает Союз в настоящий момент.

Слишком много сил отнял у старика путь до двери. На обратную дорогу их не хватило.

* * *

Бел-Сидек впервые не жалел о своей искалеченной ноге. Будь он здоров, пришлось бы кинуться в гущу свалки, не ждать, пока поостынут страсти, хаос отступит и участники драки начнут прислушиваться к доводам разума.

Но хотя волнение несколько поутихло, состояние толпы немало обеспокоило бел-Сидека. Люди продолжали злиться. В глубине души они стыдились и потому отказывались признать,

что позволили разбойнику одурачить себя. Уверения бел-Сидека принимались в штыки.

Он не посмел настаивать и заковылял к дому. Ортбал Сагдет доказал, что участники движения могут наживаться на нем, но чтобы подобные злодеи в собственных грязных целях… Нет, это уж из рук вон.

Бел-Сидек ворвался в дом с твердым намерением произнести перед Генералом целую гневную речь.

– Сэр! Арам милостивый! – Бел-Сидек выронил кастрюлю с кашей, которую нес на ужин, и опустился на колени. – Сэр?

– Бел-Сидек? – прохрипел старик.

– Да, сэр. Я здесь, сэр.

– Плоть изменила духу. – Старик задыхался. – Отведи меня к письменному столу.

Бел-Сидек поднял его – старик был легонький словно перышко.

– Что вы собираетесь делать, сэр?

– Выглянул на улицу… услышал крик. Подумай только, бел-Сидек, тот зверюга, похититель детей, воспользовался нашим именем, чтобы избежать дартарского правосудия. Куда мы катимся? К чему это приведет? К письменному столу, я сказал.

Бел-Сидек опустил его на кровать.

– Слишком много говорите, сэр. Молчите и отдыхайте.

– К письменному столу. Это приказ.

– В таком случае считайте, что я взбунтовался. По крайней мере до этого вы дожили, радуйтесь.

– Мы должны выразить свое отношение. Этого человека необходимо схватить. Люди и так готовы обвинить нас во всех злодеяниях.

– Диктуйте, я обо всем позабочусь.

Старик продиктовал приказ и лишь тогда отвернулся к стене. Упрямый старый придурок. Надо же выдумать такое – встал без посторонней помощи. В лучшем случае он, мог переломать свои хрупкие старческие косточки.

Бел-Сидек занялся ужином. Беспокойство не оставляло его. Сегодня ночью ему опять нужно к Мериэль. Но очевидно, что кто-то должен пасти Генерала: у старика определенно мутится в голове, его нельзя оставлять без присмотра. Однако встретиться с Мериэль тоже необходимо. Он должен распорядиться размещением оружия на ее складе. Опасно хранить его в одном месте.

Хадрибел. Новый атаман Хара еще не переехал из Шу. И в затруднительной ситуации с геродианским агентом, занявшим высокое Положение в Союзе, он кое-чем помог.

Да, Хадрибел. Он отлучится на несколько минут и приведет Хадрибела.

Глава 10

Эйзел мрачно обдумывал донесения Мумы – трактирщик все новости узнавал первым. Особенно занимали Эйзела дурные вести.

В Эстанедо смерти забили похитителя детей. Не хочется идти, но выбора нет. Если Агмед или бел-Шадук сваляли дурака и попали в беду, в крепости должны знать об этом. И немедленно.

Эйзел почти желал, чтоб опасения его оправдались. Такой удар заставит Чаровницу призадуматься.

Он оттолкнул стул, вскочил. День клонился к вечеру. Эйзел повернул на восток; он выбирал окольные пути, укромные переулки. Все главные улицы были заняты дартарами – они направлялись к Осенним воротам, в свой лагерь за чертой города. Эйзелу сегодня не хотелось больше сталкиваться с дартарами: руки чесались изувечить парочку-другую проклятых кочевников, а это было бы в высшей степени неразумно.

Ему не нужно было рыскать по Эстану: то, что искал Эйзел, находилось в другом месте – у Козлиного ручья, на пустырях близ Старой стены. Это место геродиане отвели под свалку мусора. Мух и крыс развелось видимо-невидимо. Впрочем, немало их было и до завоевания Кушмарраха. В те времена отходы и всякий ненужный хлам просто выкидывали из окон в надежде, что дождевые потоки смоют грязь. К западу от акрополя так поступали и поныне.

Одна из самых больших мусорных куч служила зловещим целям: сюда на съедение стервятникам бросали трупы преступников.

К соседней куче сносили нежеланных младенцев – пусть подыхают, а может, и пригодятся кому. За последние дни здесь собралось несколько заморышей. Проходя мимо, Эйзел подумал: а не было бы лучше, если б в свое время он тоже попал на эту своеобразную выставку.

Тело он нашел. Смеркалось, но Эйзел разглядел все, что хотел, и повернул назад.

Садат Агмед – и вид у него теперь совершенно безобидный.

* * *

Не успел Йосех поужинать, явился Мо'атабар.

– Фа'тад срочно требует его к себе, – обратился он к Меджаху: Ногах с Фаруком и еще несколькими членами отряда остались в

городе, спрятавшись в лабиринте. – Тебя тоже.

Меджах что-то недовольно пробурчал в ответ, Йосех вторил ему.

– А сегодня ты совсем не трусишь, братишка, – заметил Меджах после ухода Мо'атабара.

– Да болит все, Не до Фа'тада. – Йосех вздрогнул, но не от боли: в лагере допрашивали пленных, кое-кто отказывался понимать по-хорошему, и дартарам приходилось прибегать к увесистым доводам.

Однако по пути к штабу Фа'тада Йосех несколько изменил свое мнение о подобных методах допроса. В конце концов, должна же от подонков быть хоть какая-то польза. Яхада молча пропустил братьев в шатер и указал, где сесть. Фа'тад выслушивал доклады командиров.

– У него был тот же порошок? – спросил он.

– Да, видимо, он опорожнил два пакета, – ответил неизвестный Йосеху дартарин. – Наши люди подоспели позже. Впрочем, ножом он тоже орудовал вовсю. Порезал дюжину человек, двое вряд ли выживут.

Фа'тад сердито заворчал.

– Он был дартарином.

Фа'тад заворчал снова и стал мрачнее тучи. “Может, у него несварение желудка?” – подумал Йосех.

– Один из наших людей узнал разбойника. Его звали Садат Агмед из рода ал-Хадида. Отщепенец.

– Припоминаю. Вороват был и как что – сразу за нож хватался. Тело обыскали?

– Ничего не нашли, кроме золота. Три слитка было зашито в штанах, а в рукавах – еще больше.

– Выходит, похищать детей – прибыльное занятие. Итак, мы уже столкнулись с двумя бандитами, промышляющими этим делом, и оба – вооружены одним и тем же колдовским, но не очень сильным зельем. Сколько их всего? Кто покупает у них детей? И что они с ними делают?

Командиры только плечами пожимали: пока не схватишь кого-нибудь из похитителей живьем, ни черта не узнаешь.

– Расскажи о другом, – велел Фа'тад Йосеху. Йосех изложил дневные события. Меджах – со спины верблюда ему было видно лучше – дополнил картину.

– Один вывод точно напрашивается, – вмешался Джоаб, – в Шу мы зря теряем время. Тот человек сказал, что он – член Союза Живых, и тогда толпа набросилась на наших парней.

Йосех удивленно взглянул на Джоаба – он ничего об этом не слышал.

– Значит, Живые. Мы пока не станем трогать их, Джоаб Пусть берут с нас пример и не рыпаются.

– Ничего себе не трогать! Ведь мы хотим отнять у Живых ночь – их время.

– Твоя правда.

– К тому же Кадо скоро разнюхает, что наши воины остались в городе на ночь.

– Верно. Но рассуди: мы мешаем преступникам вершить свои темные делишки, а Герод приказывает оставить их в покое. Кто выигрывает в глазах кушмаррахан?

– Повторяю, твоя игра для меня чересчур тонка, – возразил Джоаб. – По-моему, нужно выйти на офицеров Союза и договориться с ними.

– Ставки куда выше, дружище. – Ал-Акла только сейчас осознал, что в шатре посторонние. – Йосех, Меджах, вы свободны, спасибо. Я не забуду ваше усердие.

Братья поднялись. Йосех успел расслышать слова Джоаба:

– Одному из парней пришло в голову, что мы могли бы нарядить наших людей в костюмы вейдин.

– А лица?

– Я как-то не подумал, что лица выдадут нас, – смущенно пробормотал Йосех, когда они шли обратно через лагерь.

– Ничего, парень, с возрастом поумнеешь.

* * *

Генерал услышал, как открылась входная дверь, услышал шаги. Но то не были шаги хромого, волочащего ногу бел-Сидека. Старику стало страшно, но уже через минуту он слабой улыбкой приветствовал Хадрибела.

– Как вы себя чувствуете, сэр?

– Превосходно.

– Бел-Сидек очень обеспокоен. Он сказал…

– И эту старую суетливую бабу я назначил своим преемником! Нынче вечером боги смилостивились надо мной.

Старик ни на секунду не забывал, что надо доставить Насифа в указанное Эйзелом место.

– У меня для тебя есть поручение, Хадрибел. Оно должно быть выполнено: бел-Сидек отказался, а промедление может привести к провалу движения. Прежде всего отведи меня к письменному столу.

Хадрибел замялся было, но потом послушался. Генерал быстро нацарапал послание Эйзелу и заговорил снова:

– Ступай к Карзе и попроси его ко мне. Поторопись, и тогда почти все время, что ты будешь ходить по другим делам, со мной просидит он, и совесть тебя не замучит.

– По другим делам, сэр?

– Да. Передашь вызов Карзе, а после займешься предателем Насифом бар бел-Абеком. Завяжешь ему глаза и доставишь на место, где его примет у тебя наш человек. – Старик подробно изложил где и как, строго-настрого наказав даже не пытаться разглядеть этого таинственного человека, близко к нему не подходить. – Он – самое ценное мое достояние, я не желаю рисковать, вдруг, упаси Арам, кто-нибудь случайно выдаст его Покончив с предателем, снесешь записку на постоялый двор Мумы. – Пришлось растолковать Хадрибелу, – где это находится. – Отдай записку Муме в собственные руки, никому другому. Потом возвращайся. Постучи. Если Карза еще не уйдет, он откроет, и ты посидишь подождешь, займешься чем-нибудь. Если же он не ответит, просто зайдешь и пробудешь со мной до возвращения бел-Сидека. Ясно?

– Вполне.

– Отлично. Тогда доведи меня до кровати и отправляйся. Обессиленный, старик рухнул на постель и сразу же погрузился в глубокий сон. Очнулся он, лишь когда пришел Карза. Пришел, чтобы услышать сокровенные тайны Живых.

* * *

В клетке вдруг наступила зловещая тишина. Она-то и заставила Зуки очнуться, встревоженно оглядеться кругом. Он увидел, что в дверь вошел великан и что направляется он прямиком к нему.

У Зуки бешено заколотилось сердце. Он обмочился. Он судорожно всхлипывал. Хотел вскочить, бежать, но ноги не слушались.

Великан поднял его и понес прочь из клетки, через огромные залы – в просторную комнату, освещенную лишь двумя свечами в углу.

Великан усадил Зуки между свечами и предупредил.

– Не двигайся, малыш, пока не скажут, а то пожалеешь. Но Зуки и без того оцепенел от ужаса.

* * *

В сумерках по пыльной проселочной дороге, что проходила мимо дома вдовы национального героя Кушмарраха, генерала Ханно бел-Карбы, ехала разукрашенная с нелепой яркостью запряженная осликом тележка. Возничий остановился рядом со старухой, которая сидела на обочине и горько плакала. Вокруг суетились несколько слуг, чью верность мортианам не удалось поколебать ни угрозами, ни тумаками.

– Помогите ей сесть в телегу, – велел им возничий.

Один из слуг – он трясся от страха – нерешительно спросил:

– Кто вы?

– Старый друг ее мужа. Я приехал, чтобы доставить вас в безопасное место.

Властный вид и тон незнакомца развеяли сомнения слуг. Они подняли свою хозяйку и усадили в тележку, а сами пошли следом.

Они проехали около четырех километров и свернули в лес, один из немногих еще не вырубленных жадными геродианами. Среди леса на поляне был разбит лагерь. Там люди в странных черных кафтанах и штанах мазали друг другу лица древесным углем. Они с почетом встретили путников, окружили их заботой и вниманием.

Изгнанников удобно устроили и вкусно накормили, а возничий тем временем расспрашивал о выселявших их мортианах. Он тоже переоделся в черное и позволил вымазать себе лицо.

Старуха не проронила ни слова и не отрывала глаз от костра.

– Все готово, Нейк? – спросил возничий.

– Да, атаман.

– Тогда приступим. Старуха подняла глаза.

– Вы те, что называют себя Живыми?

Атаман едва заметно кивнул, но не ответил прямо.

– Вы вернетесь домой, высокочтимая госпожа, вернетесь еще до восхода солнца, – только и сказал он.

* * *

Эйзел опоздал – из-за не в меру дотошных и любопытных сыновей Мумы. Но шпион был на месте – с мешком на голове, а сопровождающий – на почтительном расстоянии от него, как и договаривались. Все по плану.

Человек с завязанными глазами подскочил от прикосновения Эйзела.

– Пошли, – прошептал тот.

Пленник повиновался, хотя представления не имел, куда они направляются. Эйзел огляделся – нет ли слежки, но ничего не заметил. По ночам акрополь точно вымирал, не слышно было даже геродианских часовых, стоявших на своих постах. Он провел подопечного через Черный ход Судьбы.

Торго ждал их. Он поманил Эйзела за собой. Странно, но евнух не проявлял обычной своей раздражительности. Эйзел наморщил лоб.

Торго провел его в большую комнату. Мальчишка сидел в дальнем углу между двумя свечами, и вид у него был весьма жалкий.

– Я сниму колпак, и ты увидишь своего мальчонку, – прошипел Эйзел. – Ничего не делай, ничего не говори, не оборачивайся Понял?

Шпион кивнул.

Эйзел сдернул мешок.

Несчастный весь напрягся, судорожно сглотнул, но сумел взять себя в руки. Эйзел не торопил его – пускай любуется. Наконец предатель кивнул снова – довольно. Эйзел надел мешок и повел его прочь из комнаты.

Торго закрыл за ними дверь, прошептал:

– Я разбудил госпожу. Она желает тебя видеть. Я пригляжу за ним. – В шепоте евнуха послышались знакомые злобные нотки.

– Хорошо. Мне тоже нужно переговорить с ней. Где?

– В алтаре.

Эйзел пожал плечами, оставил шпиона с Торго и пошел к Чаровнице.

Она стояла у тела мужа. Лицо Чаровницы светилось безумной решимостью, от чего красота ее казалась еще ярче. Но все равно заметно было, что женщина эта безмерно устала, что она изнемогает.

Незачем вести себя вызывающе. Хватит и сообщения о гибели Садата Агмеда.

Чаровница обернулась, но не сняла руки с хладного трупа Накара.

– Торго сказал, что твой Генерал смеет угрожать мне.

– Он не мой, госпожа. Я просто передаточное звено, мостик между вами.

– Но какое право он имеет…

– Во-первых, право здравого смысла. Твоя спешка начинает привлекать к нам внимание. И во-вторых, примитивное и первобытное право сильного. Без него у тебя ни черта не выйдет.

– Мы обдумаем это. Но ты, ты со мной, Эйзел? Или ты и правда покинул меня?

– Я никогда не покину свою госпожу. Никогда. Но я отказываюсь поганить все дело излишней торопливостью.

– Проклятие! Ты будешь выполнять мои приказания…

– Госпожа! Сегодня убили Садата Агмеда. Кровь отхлынула от ее щек.

– Откуда тебе известно это имя?

– Знать – моя профессия. Поэтому я до сих пор жив. С минуту Чаровница смотрела на Эйзела тяжелым взглядом. Но постепенно она сникала, съеживалась, превращаясь в обычную усталую женщину, какой и была на самом деле.

– Расскажи мне об этом.

– Он пытался похитить ребенка в Эстане – и провалился. Толпа погналась за ним и забила до смерти. Завтра это разнесется по всему Кушмарраху.

Чаровница вздохнула.

Пора двигать, подумал Эйзел.

– Сегодня я был на улице Чар, делал распоряжения насчет этого шпиона и пытался уговорить Генерала не наезжать на тебя. На обратном пути я наткнулся на дартар, с которыми имел стычку на днях. Хоть я и оказался счастливее Агмеда, многие запомнили мою физиономию.

Чаровница снова вздохнула.

– Я вынуждена уступить. Если Судьба действительно существует, действия наши ничего не меняют. Скажи Генералу, что этот мальчик пройдет испытание следующим. Заберете его завтра ночью. – Она погладила по голове мертвого возлюбленного, как мать гладит больного ребенка.

Эйзел поклонился.

– Благодарю тебя, госпожа.

Не вполне уверенный в победе, он вернулся к своему подопечному.

Эйзел решил доставить шпиона домой через лабиринт: меньше вероятности кого-нибудь встретить.

Но он не сделал и десяти шагов, как осознал, что рядом, в темноте, кто-то есть. Чутье не подвело Эйзела, он почувствовал запах лошади и верблюда. Остановившись, он развернул, подопечного к себе лицом.

– Мы напоролись на засаду. Сейчас я сниму колпак, и ты побежишь, побежишь изо всех сил. Дуй прямо к дому, а я их отвлеку. – Он дал шпиону пинка. Тот побежал. Дартары двинулись за ним.

Эйзел зажмурился, одной рукой закрыл глаза, а другой метнул в преследователей пакет с огненным порошком.

Послышались крики.

Эйзел выхватил нож и ринулся на врагов. Их было трое, но на помощь спешили другие. Эйзел плюнул, развернулся и быстрыми шагами направился к постоялому двору Мумы.

Если они попадутся ему еще раз – темной ночкой да когда он будет не настолько измотан, пусть пеняют на себя. Он покажет проклятым дикарям, как рыскать по его лабиринту. Им неделю придется собирать останки наглого верблюжатника.

* * *

Ночь была тиха, огни погашены. Сопели ребятишки, похрапывали женщины, но Аарон и глаз не сомкнул. Стоило ему погрузиться в сон, что-то словно выталкивало его на поверхность:

Он чувствовал рядом с собой тепло Лейлы, а грязные мыслишки носились вокруг Миш… Временами ему становилось стыдно своих неслыханных позорных желаний, но не эти мимолетные уколы совести мешали Аарону уснуть. Главной причиной было происшествие на улице, оно напоминало, что мир и покой – лишь видимость, а за ними – сплошной мрак и ужас. Не успеет он закрыть глаза, кошмар обрушится на него.

У двери послышалось какое-то шебуршание, Аарон не сразу разобрал, что это стук. Более удивленный, чем испуганный, он пошел взглянуть, в чем дело.

– Рейха? Что стряслось?

– Мне надо поговорить с Лейлой. Больше у меня никого нет.

– Входи. – Рейха проскользнула в дом. Аарон окинул взглядом подернутую туманом улицу. – Где Насиф? – У него в голове не укладывалось, как это женщина, тем более робкая Рейха, осмелилась глубокой ночью в одинвчку бродить по кварталу Шу.

– Разбуди Лейлу. Пожалуйста. И я сразу все расскажу.

– Я не сплю. – Лейла села на постели. Рахеб тоже зашевелилась. Аарон понял, что старуха не спит, только притворяется.

– Шш… – Приложив палец к губам, он увлек Лейлу к камину.

Там они и устроились. Аарон поворошил угли, подбросил новых – разжег небольшой огонь, чтоб было уютнее. Рейха, похоже, места себе не находила от беспокойства.

– Не знаю, как начать, – заговорила она. – Это для меня так ново и, наверное, опасно. Но мне необходимо выговориться. Обещайте, что никому не расскажете. Пожалуйста, обещайте. Лейла? Аарон?

Лейла кивнула.

– Конечно.

Аарон не отвечал. Он хорошо относился к Рейхе, но…

– Аарон?

Лейла выразительно взглянула на мужа.

– Извини, Рейха, отвлекся. Конечно, обещаю. Где же Насиф?

– Те похитители детей – они увели его куда-то, сказали, что покажут Зуки. Они хотят заставить Насифа плясать под свою дудку.

– Но…

– Мне нужно быть дома до возвращения Насифа, поэтому позволь сперва досказать. Ладно?

– Конечно, мы слушаем, – заверила Лейла.

– Порой я что-то подозревала, но до конца никогда не верила, пока он сам не признался. Насиф – член Союза Живых и занимает в нем очень высокое положение. Только что его повысили еще, теперь он третий или четвертый человек в Шу. Но, кроме того, он офицер геродианской армии, вступил в нее сразу после завоевания Кушмарраха. Он полковник, и в обязанности его входит вести слежку за Живыми.

– И он все тебе рассказал? – изумился Аарон.

– Тише, – одернула его Лейла, – детей разбудишь.

– Да, рассказал, сегодня утром. Нарушил клятвы и рассказал. Объяснил, что не может больше скрывать – из-за Зуки. Сказал, Живым стало известно, что он геродианский офицер, и поэтому они украли Зуки: теперь Насиф у них в руках и должен лгать генералу Кадо и шпионить за геродианами.

Аарону показалось, что тон у нее до странности спокойный. Но нрав у Рейхи был вялый, и вещи, которые она не могла понять или изменить, принимались ею как данность. Он передернул плечами и выругался про себя.

– Зачем ты рассказываешь нам, зачем испытываешь судьбу? – спросила Лейла. – Нам с Аароном не за что любить геродиан.

– Я совсем запуталась. Мне нужно, чтоб кто-нибудь помог мне разобраться.

Они помолчали. Аарон сочувствовал Рейхе, но никакие слова не могли исцелить ее раны.

– Похоже, я вас не очень-то удивила, – наконец заметила она.

Лейла положила руку на руку мужа.

– Мы давно подозревали. Насиф порой чудно вел себя.

– Вот оно что…

– Чего ты хочешь, Рейха? – снова спросила Лейла.

– Не знаю! Ничего не знаю. Хочу получить обратно своего сыночка. Насиф сказал, только бы вернуть Зуки, тогда геродиане вывезут нас куда-нибудь в безопасное место, где ему больше не

придется ни за кем шпионить.

Аарон не знал, не напрасны ли надежды Рейхи. Может, и не напрасны. Огромную империю Герода объединяла лишь странная, суровая и аскетичная религия. Если Насиф исповедует их веру, вполне вероятно, новые хозяева переселят его вместе с семейством в одну из федераций, он получит гражданство и будет иметь немногим меньше прав, чем коренные геродиане.

– Чем мы можем помочь, Рейха? Чуть что – и мы окажемся между двумя огнями, между геродианами и Живыми. Не знаю, как Лейла, но я, признаюсь, не хочу связываться ни с теми, ни с другими. Я должен в первую очередь заботиться о своей собственной семье.

– Аарон! – воскликнула Лейла.

– Ума не приложу, как тебе быть. Может, Лейла подскажет. У нее-то голова ясная, а я вечно чего-нибудь не то сморожу. Талдычить тебе о долге, выдвигать требования тоже не хочу, у вас и так бед предостаточно.

– Мы сделаем все, что в наших силах. Рейха, даже не сомневайся, – сказала Лейла.

– Спасибо. Нужно бежать, а то не поспею до прихода Насифа. Упаси Арам, он проведает, что я проболталась.

– Ни о чем он не узнает, – успокоила подругу Лейла. – Аарон, проводил бы Рейху до дому.

– В самом деле, – вздохнул Аарон. Почти весь путь они проделали молча. Силы Рейхи истощились.

– Ну? – накинулась на Аарона Лейла, не успел он переступить порог. – Признавайся, что тебе пришло в голову, пока она говорила?

– Зуки похитили раньше, чем Живые узнали об измене Насифа. Не это было причиной похищения. Бел-Сидек клялся и божился, что Живые не причастны к кражам детей. Даже Насиф не верил в это. И вдруг, как понадобилось связать Насифу руки, они заявляют, что Зуки у них.

– Может, врут?

– Но ему обещали показать Зуки.

– Не дави на меня, Аарон. Понятия не имею, кто, что, почему, с кем, зачем. Не моя это печаль. Меня заботят лишь Рейха и Зуки. Ясно?

– Ясно. В любом случае нет резону ломать себе головы, пока не узнаем, показали они ребенка Насифу или нет.

– А что, если он не вернется?

– Как так?

– А если они… повредят ему? Что станется с Рейхой?

– Не забегай вперед. Когда Рейхе понадобится помощь – если

понадобится, – мы поможем. Не суетись. Пошли спать, мне завтра на работу.

* * *

Насиф пулей вылетел из лабиринта, повернул налево и помчался еще быстрее, бежал всю дорогу до Дома Правительства, у черного хода назвал пароль и свой экстренный код. К изумлению Насифа, не успел он и дух перевести, как его провели к полковнику Бруде.

– В чем дело? – спросил Бруда, по виду Насифа сразу же сообразив, что стряслось нечто экстраординарное.

– Меня вычислили. Не могу задерживаться, иначе Живые пронюхают, что я здесь. Они хотят заставить меня работать на Союз.

– Тысяча чертей! – Бруда треснул кулаком по стене. – Мы ведь почти добрались до них! – Он прижал к губам ободранные костяшки пальцев. – Хочешь, чтоб мы вывезли тебя из города? Послать солдат за твоей женой?

– Нет. У них мой сын. Живые держат его заложником. Пока не выручу его, придется оставаться в Кушмаррахе. Я тем временем постараюсь разузнать побольше, чтоб прижать их к ногтю. Я только хотел доложить ситуацию: теперь Живые начнут использовать меня, все донесения будут продиктованы ими. Они не должны заподозрить, что я сорвался с привязи. Передайте все Генералу.

– А ты умнее, чем я думал. Сообщи, когда выяснишь, где Живые держат твоего сына. Мы освободим его, и вы покинете город.

Насиф кивнул:

– Сообщу.

Он спустился по лестнице, вышел через черный ход и побежал домой. Рейха ждала мужа в постели; ее била дрожь.

– Ну, ты видел его, Насиф?

– Да.

– Как он? С ним все в порядке?

– Он умыт, хорошо одет и, похоже сыт. С виду здоров. Мне не дали поговорить с ним. Зуки даже не знал, что я рядом. Но он вроде бы в порядке, только перепуган до полусмерти.

– Что делать, Насиф?

– Мы будем делать что прикажут. Пока, во всяком случае.

* * *

Как только Торго доложил, что Эйзел с подопечным ушли и черный ход свободен, Чаровница решительно заявила евнуху:

– Я иду в город. Надо поговорить с нашим любезным союзничком, Генералом бел-Карба. Боюсь, беседа окажется не совсем приятной для него.

– Госпожа, я не думаю…

– А кто тебя просит думать? Я ненадолго. Приготовь к испытанию того мальчишку. Займусь им сразу по возвращении.

– Но…

– У меня достаточно сил. Я не нуждаюсь в отдыхе, Торго. Займись своим делом и предоставь мне заниматься моим.

Она проводила евнуха взглядом, подобрала юбки и заспешила к Черному ходу Судьбы.

Чаровница не покидала крепости со дня падения Кушмарраха. Но город мало изменился, разве только по ночам раньше не бывало так тихо.

Она незамеченной проскользнула через безлюдный акрополь на улицу Чар, как всегда по ночам, окутанную туманом. Чаровница издавала не больше шума, чем эта таинственная туманная мгла, и испытывала не больше страха. В Кушмаррахе не было ничего опаснее чар Чаровницы.

У двери Генерала она приостановилась. Дыхание лишь одной жизни, слабое, замирающее, ощущалось внутри. Дверь была незаперта. В округе Шу только человек полностью уверенный в своей несокрушимой власти осмелится спать за незакрытой дверью. Чаровница толкнула дверь, зашла.

– Хадрибел? Ты уже вернулся?

Чуткий у него сон. Чаровница шагнула в спальню.

– Нет, Генерал, это не Хадрибел. Это кто-то, кого вам вовсе не хочется видеть и кому не хочется видеть вас. Но кое-кто ужасно устал от вашей непонятливости, от нежелания понять, кто правит бал. Делать нечего, видимо, придется заставить вас понять.

Генерал, не дрогнув, встретил ее взгляд и проворчал в ответ что-то невнятное, что-то о глупых бабах, которые белены объелись.

– Эйзел, твое мерзкое создание, угрожал мне. Ты послал его. Генерал удивленно воззрился на нее, фыркнул.

– Мое создание? Эйзел? Эйзел сам себя создал, своими руками. Он передал мое сообщение и, судя по реакции, хорошо справился с заданием. Но лишь один человек способен тронуть его сердце. Человек этот здесь, и это не я, женщина.

– Ты посмел угрожать мне. Генерал.

– У меня есть долг перед городом и перед Накаром, моим повелителем. Твоя одержимость опасна для обоих. Возвращайся в

крепость, женщина. Испытывай детей, которые уже попали тебе в руки, и оставь город в покое. Не пытайся опережать события, это грозит провалом. А в случае провала никто из нас не получит желаемого.

– Ты не понимаешь. Никто из вас не понимает и не понимал никогда. Мне плевать на Кушмаррах – и, всегда было плевать. Пусть он хоть на дно морское провалится! Я хочу вернуть мужа. И верну – чего бы это ни стоило. И смету всякого, кто станет на моем пути, не только тебя. Теперь ясно?

– Ясно мне только, одно: Эйзел позволил-таки тайной страсти одержать над собой верх. Он скрыл от меня, насколько ты необузданна. Возвращайся в крепость, женщина. Наберись терпения, а то выдашь нас всех. Да пребудет мир в твоем сердце.

– Ну нет. Я уничтожу не всех, а лишь одного – того, кто пытается помешать мне. – Чаровница улыбнулась.

– Что такое? – Генерал привстал на постели, наконец-то он почувствовал опасность.

– Пришел конец нашему союзу. Генерал.

В левой руке Чаровницы появилось черное колдовское полотнище. Она прижала ладонь к груди Генерала, надавила… Он подался назад, придушенный вопль вырвался из его груди, по телу пробежала судорога. Чаровница развернулась и вышла, очень довольная собой.

Она начала подниматься на холм – и тут услышала шаги. Какой-то человек шел ей навстречу. Чаровница тоже повернула и пошла вниз, впереди него.

Шаги остановились у двери Генерала.

Чаровница спустилась чуть ниже, намереваясь пересечь улицу и под покровом тумана подняться вверх по другой стороне. У Генерала сейчас черт знает что начнется, и никто ее не заметит.

Вдруг она застыла на месте, тихонько ахнула. Это было как дыхание моря в десятках километров от берега. Чуть ощутимый, но незабываемый, неповторимый аромат страдающей в чужом теле родной души.

Чаровница не могла совладать с собой. Она прислонилась к двери дома, прижалась к ней лбом и сполна насладилась этим сладостным ароматом, купалась в нем, позволила захлестнуть себя, накрыть точно волной.

Слезы струились по ее щекам.

Рядом, чуть выше, распахнулась дверь, из нее кто-то выскочил, бормоча проклятия.

* * *

Ногах стоял у стены в переулке Тош всего в нескольких метрах от улицы Чар. Глаза его слипались. Чувствовал он себя препаршиво.

Туман куда гуще, чем в дартарском лагере. Сырость и холод пробирают до костей. В двух шагах уже ни зги не видно… Словом, отвратное место.

Шорохи, шепот, тусклые далекие огоньки, вспыхивающие в глубине лабиринта, тоже не поднимали настроения.

Пятидесяти воинов явно недостаточно. Фа'тад знал это не хуже него. Дартарам не продержаться, если обитатели лабиринта навалятся на них всем скопом.

Но Фа'тад не сомневался, что бандиты округа Шу никак между собой не связаны. Он не верил в легенды о каком-то короле преступного мира, который якобы управляет ими. Интересно, верит ли ал-Акла в истории о несметных сокровищах, спрятанных в другом лабиринте – в пещерах внутри холма Шу? Говорили, что вход в них – в самом центре наземного лабиринта.

Мо'атабар думал, что Фа'тад ищет клады, думал, что они подбираются к крепости и готовятся ограбить ее. Если там в самом деле сокрыта хоть половина богатств, о которых твердит молва, тогда дартары смогут оставить геродианскую службу, племя их навсегда избавится от вечного страха перед засухой Но это ли у Фа'тада на уме? Вряд ли – как-то не похоже на Орла, не в его духе.

Ногах встрепенулся: он заметил, что в тумане кто-то движется. А в следующую секунду он рот разинул от восхищения. Никогда молодой дартарин не встречал подобной женщины, красота ее поразила Ногаха, как удар в солнечное сплетение. Он подался вперед, чтобы разглядеть незнакомку. Едва различимой тенью она на пару минут остановилась у двери дома, в котором жила юная зазноба Йосеха, а потом растворилась во мгле. Ногах вспомнил было о драке, вспомнил, как досталось братишке, но мысли упорно возвращались к неведомой красавице. Может, то был призрак, бесплотная тень, привидение? Но боги, до чего же прекрасное привидение!

* * *

Хадрибел переступил порог и сразу почувствовал неладное. Он на минуту остановился. В воздухе остался какой-то еле уловимый непривычный запах. Запах женщины.

Хадрибел захлопнул входную дверь и поспешил в спальню.

– Сэр? Сэр! Что с вами?

Но он уже знал ответ. Хадрибел был солдатом, был близко знаком со смертью, видел ее в разных обличьях.

Он окаменел, не в силах поверить в случившееся. Сознание громадного несчастья, невосполнимой утраты свинцовой тяжестью навалилось на него.

Генерал умер! Они навсегда лишились этой железной воли, этого непоколебимого гения!

Бел-Сидек – опытный полевой командир, отличный тактик, надежный, как скала в бурном море. Генерал назначил его своим преемником. Но бел-Сидеку недостает обаяния, способности зажигать сердца, покорять воображение – того, чем всю жизнь отличался Ханно бел-Карба.

Как бы то ни было, бел-Сидека надо немедленно известить о несчастье. Нужно многое сделать – и побыстрее, чтобы Живые выстояли, не дали горю сломить себя. Хадрибел собрал волю в кулак и на ватных ногах вышел на улицу. Он не замечал, что громко проклинает злой Рок, отнявший у них Генерала.

Глава 11

Противоречивые чувства бурлили в груди бел-Сидека. Боль, горечь утраты, гнев, смущение, что их с Мериэль застали в самый неподходящий момент. Но он взял себя в руки. Нельзя позволить себе расслабиться, сдаться в критический для Живых момент. От его действий в этот решительный час зависит, будет ли борьба продолжаться, или движение их угаснет, сойдет на нет. Он должен решать спорные вопросы, проблемы, разговаривать с людьми – и делать это надо с холодной головой Бел-Сидек приостановился у двери дома, в котором шесть лет прожил с человеком, значившим для него больше, чем родной отец.

– Пошлите за Карзой, потом возвращайтесь сюда, – велел он Хадрибеду. – Имейте в виду – никакие задержки и отговорки не допустимы.

– А остальных вызвать?

– Сначала Карзу. Прежде всего я хочу поговорить с ним, – Бел-Сидек оставил Хадрибела выполнять поручение, толкнул дверь, зашел.

Он потянул носом воздух, но не почувствовал запаха, который уловил Хадрибел. Впрочем, прошло немало времени, запах мог выдохнуться.

Могла ли женщина побывать здесь в промежутке между уходом Карзы и приходом Хадрибела? Чушь! Какая женщина? И с какой целью?

Бел-Сидек пересилил себя и открыл дверь спальни.

Старик казался совсем маленьким и хрупким. Похоже, что перед смертью он ужасно рассердился. Нет, не то. Бел-Сидеку знакомо было это выражение. Он умер раздраженным. Значит, Генерал знал посетителя – если, конечно, его действительно кто-то посетил.

Простыня была смята, словно Генерал покорился судьбе лишь после отчаянной борьбы. Ночная рубашка распахнулась на груди, обнажая болезненно-желтую кожу и… что-то черное.

Бел-Сидек одним пальцем отодвинул грязную материю.

На груди старика, у сердца, чернел отпечаток руки, изящной руки. Великоватой для ребенка, но слишком маленькой для мужчины. Бел-Сидек долго изучал его.

Дурной, очень дурной знак. Если он действительно оставлен убийцей, им не миновать серьезных неприятностей.

Точно такого знака бел-Сидеку еще видеть не случалось, но похожих он встречал немало. Отпечаток напомнил ему метки колдунов-убийц. Раньше, до завоевания Кушмарраха, часто

находили трупы с черным клеймом на груди, но при геродианской власти это прекратилось. Кадо с приспешниками вообще запретили колдовство.

Бел-Сидек не слышал, чтоб в городе тайком практиковал кто-нибудь из черных магов. И ведьм не стало, разве та, что привез с собой новый градоначальник. Неужели она… Вряд ли. Знай геродиане, где скрывается Генерал, они бы убрали его другим способом. Устроили бы из казни предводителя Живых многолюдный, торжественный спектакль, какие устраивались в прежние времена, пока миролюбивый Арам не вытеснил свирепого Горлоха.

В ожидании Карзы бел-Сидек присел к письменному столу и принялся обдумывать, как облегчить Живым переходный период. Мысли его бродили вокруг тайного суперагента Генерала, он отгонял их, но упорно возвращался к тому же. Если верить старику хотя бы отчасти и человек этот в самом деле настолько искусен, Живые могут использовать его как орудие возмездия.

Нет, месть потом. Сначала – добиться устойчивости, не допустить паники.

Без стука вошел Карза, не выспавшийся и в поганом настроении. Он начало было жаловаться, но бел-Сидек молча показал на спальню.

– Будь я проклят! – вскричал Карза. – Когда?

– Между вашим уходом и возвращением Хадрибела. Если только вы не оставили его в плохом состоянии.

– Да он был здоров как бык. Что случилось?

– Хадрибел вам ничего не рассказал?

– Рассказал.

– Но я выяснил кое-что еще. – Бел-Сидек снова отвернул ворот ночной рубашки старика. – Что скажете?

Карза уставился на отпечаток ладони, покачал головой.

– Значит, они знали, что надвигается… – пробормотал он.

– Что?

– Генерал на всякий случай ввел меня в курс дела, сообщил планы относительно Кушмарраха. Кто-то решил не дать им свершиться.

– Какие же это планы? Карза покачал головой.

– Не могу сказать. Генерал был решительно против, он настаивал – бел-Сидеку ни слова. Предполагалось, что этим вопросом займусь я, а вы будете главным во всех остальных. Я разделяю точку зрения Генерала, но не могу аргументировать ее, не открывшись вам.

Бел-Сидек понял, что спорить не имеет смысла. Он решил не тратить зря время, а попытаться лучше определить, в какой

временной промежуток произошло убийство. Но Карза не помнил, когда именно ушел. Возможно, Генерал был один не больше десяти минут, а может, и все тридцать.

Вошел Хадрибел.

– Я вызвал атаманов, – сказал он, – скоро рассветет.

– Ничего, они сойдут за убитых горем родственников, – успокоил его бел-Сидек. – Да, пожалуй, остановимся на этой версии.

– Зенобел не придет, – вмешался Карза.

– Почему?

– Старик послал его… Черт возьми, нет смысла скрывать – вам все равно не уйти от последствий.

– Каких еще последствий?

– Новый градоначальник велел выкинуть вдову из дому – чтоб вселиться туда самому. Старик послал Зенобела разобраться с людьми Суллы.

– О, великий Арам! А нас он призывал сидеть тише воды ниже травы, чтоб геродиане поверили в распад Союза.

– Он не мог поступить иначе.

– Понимаю, но…

Хадрибел отозвал бел-Сидека в сторону.

– Можно переговорить с вами лично? Бел-Сидек отошел к камину, Карза насупился: такая бесцеремонность пришлась ему не по вкусу.

Бел-Сидек начал разводить огонь: пора было готовить завтрак.

– В чем дело? – спросил он Хадрибела.

– Пока я ходил с поручениями, до меня дошло несколько слухов. Во-первых, дартары всю ночь напролет дежурили в лабиринте. Во-вторых, когда мы с некоей целью вывели предателя из дома и доставили в указанное место, жена его тоже отлучилась. Наш человек потерял ее в тумане – где-то тут поблизости, в этой части улицы Чар. Обратно ее проводил неизвестный нам мужчина, они вернулись несколькими минутами раньше шпиона.

– Чем он, черт побери, занимался?

– Не знаю. Старик велел завязать ему глаза, доставить на угол переулка Скар и сдать на руки новому провожатому. Сам я побежал по другим поручениям.

– Мы с ней потолкуем. Хотя вряд ли эта женщина виновна в смерти Генерала.

* * *

Чаровница растолкала Торго.

– Мне нужен Ишабел бел-Шадук. Знаешь, где его нора?

– Да, госпожа. Но зачем…

– У меня есть для него работа.

– Госпожа, подозреваю, Ишабел во всем согласен с Эйзелом, спорить не хочет и потому прячется.

– Хоть из-под земли достань! Скажи, он может запросить любую цену. И больше поручений не будет, это последнее.

– Госпожа?

– Я нашла, нашла его, Торго! Случайно наткнулась там, на улице Чар: мы у цели, Торго, осталась самая малость. Но евнух почему-то не разделял ее восторгов.

– Еще три-четыре дня, Торго, – и все станет как раньше. Отчего ж ты такой угрюмый?

– Боюсь, мы привлекаем слишком много внимания…

– Фу! Кругом одни трусливые старые бабы! Приготовь бумагу и перья. Я напишу указания, которые ты передашь Ишабелу. Затем мы испытаем мальчишку, которого требуют Живые, – просто убедимся, что это не последнее воплощение Алы-эх-дин Бейха.

– К чему спешить, госпожа?

– Эйзел придет за ним. Живые не должны заподозрить, что я добилась, чего хотела, собственными силами. Все равно Ишабелу потребуется какое-то время. Только бы увериться, что мы получили желаемое. И тогда – долой ,Эйзела, долой Живых! Какой в них прок?

Торго наконец заулыбался.

– Никакого, госпожа. Решительно никакого.

– Так принимайся за дело! Пиши.

* * *

Аарон вышел из дому в подавленном настроении. Мысли путались. Он не знал, как относиться к откровениям Рейхи. Аарон готов был принять участие в их с Зуки судьбе, но не во всех этих событиях, в водоворот которых его затягивало против воли. Он становился участником смертельно опасной игры, причем играть приходилось вслепую, без надежды выйти победителем или хотя бы остаться невредимым.

Но что стряслось у бел-Сидека? Аарон никогда не видел у его дома такой суеты.

Вместо того чтобы идти вниз, к гавани, Аарон поднялся выше по холму.

Дверь была открыта. Аарон замялся у порога – он не очень понимал, что ему здесь понадобилось, и не был уверен, что будет желанным гостем.

Бел-Сидек заметил его, подошел, прихрамывая.

– Здравствуй, Аарон.

– Я увидел всех этих людей и подумал… ваш отец?

– Да. Ночью.

– Мне очень жаль. В самом деле жаль.

– Ну, это не было неожиданностью. Может, все к лучшему: смерть избавила его от мук.

– Может быть. Вам не нужна моя помощь? Я мог бы прислать Лейлу и ее мать…

– Нет-нет, Аарон. Мы справимся. Спасибо за предложение.

– Мне очень жаль, – повторил Аарон. – Что ж, пойду, пожалуй, на работу.

– Конечно. Еще раз спасибо. Кстати, Аарон. Жена Насифа не забегала к вам нынче ночью?

– Нет. – Ответ сам собой сорвался с губ Аарона. Он поспешно зашагал прочь, чтоб предотвратить дальнейшие расспросы. Интересно, себя он защищал или Рейху? Только на полпути к порту Аарон спохватился, что ему следовало остаться и вызнать, почему бел-Сидек задал такой вопрос.

Полковник Бруда явился к генералу Кадо доложить о ночном визите вице-полковника бар бел-Абека и застал своего начальника за туалетом.

– А этот Насиф достаточно благоразумен? – спросил Кадо. – Не хотелось бы потерять его. Не стоит ли вывезти его из Кушмарраха, не спрашивая согласия?

– Он полностью владеет собой. И положение его достаточно прочно. Насиф в безопасности, пока Живые не сомневаются, что он у них в руках. Оставим его как есть. Чем черт не шутит, может, они понадеются на свои силы и подпустят его ближе, чем следует.

– Пора идти смотреть, как Сулло перебирается в свое новое загородное жилье, – проворчал Кадо. – Поговорим по дороге. Вы узнали что-нибудь о похищенном ребенке?

– Да. Если не рассматривать это как акцию, направленную специально против нашего человека, похищение очень напоминает ряд подобных преступлений…

Кадо молча, деловито сбегал вниз по лестнице, к своему кабинету, но тут он резко повернулся к Бруде:

– Ряд? Похищение детей?

– Более 30 за последние 6 недель.

– Не обошлось без Живых?

– Сомневаюсь. Лишь немногие из похищенных детей

происходят из сколько-нибудь именитых семейств. Не исключено, что сын бел-Абека был украден раньше, чем Живые раскусили его.

– Предположим, Живые знают, кто похитил мальчишку, и, таким образом, имеют возможность демонстрировать его в своих целях.

– Возможно.

Кадо закончил дела в кабинете, и они пошли к выходу.

– Пахнет жареным, Бруда. Расследуйте все хорошенько. Мы не можем закрывать глаза на кражи детей. И я не потерплю человеческих жертвоприношений.

– Я уже работаю над этим, – сэр.

– Хорошо. Стража на месте?

– Да, сэр, охранники готовы сопровождать нас.

– Отлично. Итак, что же вас так взволновало нынче утром?

– Я получил сообщение от Марцеллино – из Агадара. Депешу только что доставили сюда на лодке. Турки, приблизительно две тысячи человек, совершили набег на восточную часть Агадара и движутся в нашу сторону. Они застали солдат врасплох, во время учений, и всех перебили. У Марцеллино осталось войска только-только для защиты стен Агадара.

Кадо сбился с шага.

– Турки? Не дартары? А может, все-таки переодетые дартары?

– Турки. Марцеллино допросил пленного. Они обошли Таки с запада, обогнув дартарские земли, и движутся вперед в полной уверенности, что мы слишком слабы и медлительны, чтобы противостоять им.

Кадо зашагал дальше.

– Значит, турки.

– Да.

– Странно. Не причастен ли к этим выходкам наш друг Фа'тад?

– Что-то я не пойму, сэр. Дартары ненавидят турок – и наоборот.

– Не факт. Турки порой наведываются в Кушмаррах. Чтоб попасть сюда, им надо пересечь дартарские территории, а значит, неизбежно приходится достигать соглашений. Во времена наших прадедов, в первую войну, они были заодно. Против армий Лепидо Кушмаррах использовал наемников из обоих племен. Дважды корабли со смешанными командами из турок и дартар приставали в Тигурии, под самыми стенами Герода. Отец Фа'тада командовал одной из этих высадок.

– Вы уверены, что не принимаете за хитроумный заговор обычную вылазку жадных разбойников?

– Не уверен. Однако этот набег поставил нас перед весьма неприятным выбором.

– Каким именно?

– Послать в Агадар дартар? Прежде всего напрашивается именно такой вариант. Но вдруг они и в самом деле стакнулись с турками? Тогда Фа'тад ограбит страну, заберет все ценное и угонит весь скот к себе в горы. А мы ничегошеньки не сможем поделать – чтоб остановить его, потребуется вывести из Кушмарраха всех геродианских солдат, всех до единого.

Другой вариант: мы посылаем в Агадар один из здешних легионов. Но тогда силы Фа'тада и Герода в Кушмаррахе сровняются. Он сможет напасть на нас и с полным основанием надеяться, что это послужит сигналом к восстанию. Дартары уйдут в тень, предоставив кушмарраханам и геродианам перегрызать друг другу глотки, а сами преспокойно воспользуются суматохой и поживятся за наш счет.

Если же мы вообще ничего не предпримем и будем просто дожидаться, когда турки отправятся восвояси, не избежать неприятностей с населением побережья: ведь мы нарушим свое обещание и не защитим ни людей, ни имущество их.

Кадо и Бруда приближались к акрополю, залитому лучами заходящего солнца. Впереди шла колонна дартар – они вышли из Хара и направлялись к Шу.

Кадо в который раз принялся было гадать, что затеял Фа'тад, но бросил – Бруда все разузнает и доложит ему.

– Выходит, мы попали в зависимость от прихотей выжившего из ума шального старикашки? – заговорил Бруда.

– Мы вынуждены доверять ему, не важно, достоин он доверия или нет. И надеяться, что без веских оснований, как то было в последний раз, он не изменит нам.

Они подошли к Резиденции, почти незаметной в тени нависшей над ней крепости. Кадо вздрогнул. В этом месте ему до сих пор каждый раз становилось жутковато.

– Вчера Фа'тад начал перегонять стада на юг, – сказал Бруда.

Кадо наблюдал за армией слуг Сулло, которые грузили вещи на телеги и возы.

– Что ж, сейчас самое время, – заметил он. Подкатила запряженная осликом тележка, на нее был погружен большой коричневого цвета сундук. Молодой возница нашел в караване свободное место, ловко занял его и отошел куда-то – видимо, переговорить о чем-то с товарищами.

– Самое время, – согласился Бруда.

– Следовательно, мы не можем рассматривать это как дурной знак. Даже если он действительно таковым является.

– Вы правы.

– А вот и Сулло. Я рассчитал точно.

Кадо как раз остановился у подножия лестницы, ведущей к входу в резиденцию, а сияющий Сулло появился на вершине ее. Новый градоначальник медленно сходил вниз во всем своем грузном великолепии с таким видом, словно нес людям благословение Господне. Он бурно приветствовал Кадо. Челядь суетилась вокруг, стремясь выслужиться перед хозяином.

Взгляд Сулло упал на запряженную осликом тележку.

– Это что такое? – спросил он одного из сопровождающих. Тот пожал плечами.

– Генерал Кадо, сдается мне, что дурацкие закорючки на знамени, которым покрыта эта таратайка, означают буквы. Что там такое намалевано?

Кадо покачал головой: он не читал по-кушмарраханski.

– Полковник Бруда?

Бруда прищурился на надпись и медленно перевел:

– Градоначальнику Сулло от благодарного народа Кушмарраха.

Он нахмурился, Кадо тоже. Сулло важно прошествовал к тележке, навалился на сундук всей тушей, пытаясь открыть его.

– Не торопитесь, велите лучше кому-нибудь другому… – начал Бруда.

Слишком поздно. Сулло откинул крышку сундука, поднялся на цыпочки – и остолбенел. Из горла надутого жирного человечка вырвался клокочущий придушенный звук. Лицо Суллы побелело как мел, его вырвало.

Градоначальник побежал назад, в Резиденцию, по дороге его вывернуло еще дважды.

Кадо заглянул в сундук.

– Головы мортиан, которых он послал выселять вдову.

– Что ж, добро пожаловать в Кушмаррах.

– Попытаться разве найти парня, что доставил сюда сундук.

– Пустая потеря времени.

– Знаю. Приглядите тут за порядком. А я пригляжу за Сулло – как бы он не наделал новых глупостей.

Но, поднимаясь по лестнице в Резиденцию, Кадо думал не о Сулло. Голова генерала была занята другим – он нашел способ с наименьшим для Герода риском ответить на вторжение турок.

* * *

Эйзел дремал в укромном уголке за погасшим камином, но

сон его становился все более беспокойным, а при появлении калеки он совсем проснулся и из-под полуопущенных век внимательно наблюдал за их с Мумой разговором. Странно, на сей раз хромой не передал трактирщику никакой записки. Мума, похоже, удивился. Калека кивнул и заковылял к выходу.

Мума вызвал из кухни одного из своих сыновей, они пошептались, и юнец отправился проверить черный ход. Мума глотнул горячего чая с медом и присоединился к Эйзелу.

– Что, еще письмо?

– Не совсем обычное.

– Я уж вижу. Ну, говори, что стряслось?

– Воробушек наш улетел.

У Эйзела сон как рукой сняло.

– Старикан, выходит, скопытился?

– Именно. Тот, хромоногий, хочет поскорее переговорить с тобой.

– Я бы предпочел поскорее убраться из города. Но, наверное, придется встретиться с ним. Старик назначил этого типа своим преемником. Теперь он – предводитель.

– Возможно, нам всем следовало бы покинуть город.

– Да сейчас ведь начинается самое интересное.

– Самое опасное. Смертельно опасное.

Сынок Мумы вернулся и подал им знак – чисто. Эйзел поднялся, потянулся и вышел через черный ход. Он быстро догнал хромого, бросил ему на ходу: “У клюва Попугая” – и пошел вперед.

На месте он устроился поудобнее и терпеливо ждал, швыряя камушками в голубей, которые лакомились объедками, оставшимися от вечерних пикников. На тень Эйзела легла тень другого человека.

– Присаживайтесь, атаман.

Калека опустился на землю.

– Я – Эйзел. Я работал на старика – выполнял особые поручения. Теперь, полагаю, буду работать на вас. Так он, во всяком случае, распорядился. Значит, он собрался-таки нас покинуть?

– Да. Но кто-то помог ему.

– Что?! – Услышанное повергло Эйзела в не меньшее изумление, чем дартары, погнавшиеся за ним в лабиринте.

– Мы уверены, что его убили. Убили с помощью колдовства. – Калека изложил подробности. – Я хочу, чтоб вы осмотрели тело и, если согласитесь с нашим предположением, нашли женщину, совершившую это злодеяние.

– Женщину? Тоже уверены?

– Нет, конечно. Но, осмотрев тело, вы поймете, почему мы склоняемся к этой версии.

Эйзел недовольно заерзал.

– Он все еще на улице Чар? Вчера старик велел мне держаться подальше от нее. На улице Чар полно дартар, они все там разворошили, все осматривают, выслеживают – точно ястребы. За последнее время я слишком часто сновал туда-сюда – все из-за тех особых поручений. Как вы намерены поступить с телом? Перевезете куда-нибудь?

– За городом у старика было поместье. Жена его до сих пор там живет. Чуть позже мы переправим тело к ней.

– Я знаю это место. Перехвачу вас по дороге. Сами-то вы будете выходить? Нам многое надо обсудить, а здесь не совсем удобно.

– Вы правы. Совсем неудобно. Может быть, послезавтра. Сегодня я смог нарушить свой обычный распорядок, потому что умер мой отец, а в такой день человеку многое надо сделать. К несчастью, связанные с похоронами распоряжения действительно отнимают много времени. Завтра же мне придется вернуться к обычному образу жизни, иначе возникнут нежелательные вопросы.

– Неплохо бы вам перестать работать, – заметил Эйзел. – Теперь вы возглавите этот чертов Союз, и не годится, чтоб всякая чепуха отнимала у предводителя половину времени.

– Я должен зарабатывать на жизнь.

Эйзел фыркнул. Вот дурачина, воображает, что соблюдение условностей имеет какое-то значение. Да кому, черт побери, взбредет в голову следить за ним? Сто против одного – до Дак-эс-Суэтты малый не проработал ни единого дня.

– Вы будете что-нибудь менять? Или все пойдет по-старому?

– Пока не планирую никаких перемен. Возможно, после – когда основательнее ознакомлюсь с устройством и делами организации. Сейчас я знаю далеко не все.

Эйзел снова фыркнул. Вот тут малый совершенно прав. Старик считал его чересчур изнеженным и утонченным, неспособным понять и принять кое-какие весьма жестокие, но необходимые меры. Однако лучшего преемника Генерал не нашел.

– Как и где вы встречались с Генералом? – спросил калека.

– В храме. Но это было давным-давно. Слушайте, у меня дел по горло. Будут какие-нибудь поручения прямо сейчас? Не считая поисков убийцы старика?

– Мне хотелось бы выяснить, что затеяли дартары в округе Шу.

– Ха! Не вам одному! Найду вас и сообщу, если Фа'тад наконец расколется. – Эйзел поднялся и поспешно зашагал прочь – чтоб не дать новому Генералу задержать себя.

Мямля он. Не такому бы вождю вести Живых в кровопролитие и беспощадный бой.

Проходя мимо крепости, Эйзел бросал на нее ленивые, но задумчивые взгляды. Говорят, убийца – женщина. А кто, интересно, вбил себе в голову, что имеет на это и право, и причину?

У Резиденции почему-то было полным-полно стражи. Эйзел случайно оглянулся и сзади, на почтительном расстоянии, увидел кого-то, напомнившего ему евнуха Торго. Но вернуться сразу – значило привлечь к себе внимание, а пока Эйзел принимал меры предосторожности, человек успел скрыться.

* * *

При виде выходящего из переулка Ногаха Йосех тяжело вздохнул. По рядам дартар уже разнеслись слухи, что прошлая ночь оказалась нелегкой для оставшихся в городе.

Двенадцать человек погибли, раненых было еще больше.

Йосех не сомневался, что худшее еще впереди, и не переставая ломал себе голову над замыслами Фа'тада. Ночью много было говорено и об укрытых от посторонних глаз пещерах, и о легендарных сокровищах, и о секретном туннеле, что ведет прямо в крепость. А об ее несметных богатствах знали все. Если б удалось наложить на них лапу, Фа'тад смог бы навек распрощаться с Кушмаррахом.

Ногах тем временем спешился.

– Ну как ты? – спросил Йосех.

– Устал только, а вообще-то нам тут здорово повезло. Все тихо-спокойно, не считая того, что мимо прошла прекраснейшая в мире женщина. Кстати, завернула по дороге к твоей малышке.

– Завернула к моей…

– Да нет. На самом деле она не зашла, а как-то, знаешь, чудно застыла у двери и постояла недолго.

– Да о чем ты толкуешь?

– Сам не знаю. Я ведь влюблен, а с влюбленного не спросишь четкость мыслей.

– Ну ты даешь!

– Есть новости?

– Фа'тад начал перегонять стада на юг и сегодня намерен всерьез взяться за лабиринт, бросить на него все силы. Больше

никаких новостей.

– Хочешь сегодня пойти в лабиринт?

Йосех нерешительно глянул на знакомую – запертую пока дверь.

– Боишься упустить свой шанс? Ладно. Я тебя понимаю – сам влюблен. Посидим сегодня вдвоем.

– Меджах тебе спасибо не скажет. Он тоже присмотрел себе одну…

Ногах пробурчал что-то невнятное, огляделся.

– Ну и ну. Вдвоем нынче с верблюдами не сладить. Действительно, дартар понаехало видимо-невидимо. Только у входа в этот переулок сгрудилось около сорока всадников. Кроме того, человек двенадцать должны были взобраться на крыши и проверить, нет ли где дополнительных входов в лабиринт. Дартарские воины пытались пробиться через запрудившую проезжую часть утреннюю толпу. Верблюды занимали добрую половину улицы, создавая затор. Что же начнется, когда придут еще и каменщики?

Один за другим дартары скрывались в лабиринте или карабкались на крыши. Ногах руководил их движением. Меджах уселся на свое обычное место и наблюдал, как братья пытаются согнать верблюдов в одно место и освободить проход. Животные и не думали слушаться, упрямились и артачились. Кушмаррахане бранились, но задевать дартар не решались, только сыпали проклятиями в адрес горбатых уродливых тварей.

– Как твои болячки? – спросил Ногах.

– Побаливают. И двигаюсь с трудом, точно одеревенел.

– Хорошо, что я тебя не послал в лабиринт: нынче предстоит жаркий денек.

– Я думаю, Фа'тад массу народу оставит здесь на ночь. Сотен пять, а может, и тысячу.

– Он совсем спятил. Ферренги лопнут от злости.

– А может, он того и добивается. Это их с Кадо забавы. Ногах что-то буркнул в ответ. Йосех наконец сообразил, что старший брат вовсе не намерен ломать себе голову над замыслами командиров.

Меджах тем паче. Черт возьми, да Меджаху вообще все трын-трава. Он живет сегодняшним днем, принимает жизнь как она есть и старается извлечь из нее как можно больше удовольствий.

– Черт с ними, с этими зверюгами. Теснее их не поставишь. – Ногах отошел в сторону, уселся на землю и вскоре задремал.

Йосех хотел было последовать примеру брата, но дверь, от которой отделяло его всего несколько шагов, не давала покоя. Меджах затянул свою песенку – “ближе, ближе, курочка…”. На

сей раз рослая красотка была одна и еще более вызывающе виляла аппетитным задом.

Еще чуть позже Йосех заметил, что с противоположной стороны улицы за ними наблюдают несколько мужчин. Соглядатаи ферренги? Наверное. Кадо подослал своих людей – чтоб вертелись поблизости и примечали, кого или что дартары вытаскивают из лабиринта на свет божий.

Потом появились гонцы. С мрачными лицами они проследовали к гавани, а позже оттуда наверх стали подниматься капитаны – не говоря никому ни слова, с расстроенными лицами.

О случившемся Йосех сперва услышал от вейдин. Вернее, подслушал – новость распространялась словно пламя, пожирающее сухой хворост. Турки свирепствуют на территории между Агадаром и Кушмаррахом. Агадарский гарнизон вырезан, уцелевшие укрылись в городе.

В Агадаре были и дартарские наемники. Какая же участь постигла их?

Вейдин, похоже, готовы были удариться в панику. Они почувствовали себя беззащитными. Йосех мог бы об заклад побиться, что в свое время даже известие о приближении армий Герода не взволновало их до такой степени.

Сначала Йосех недоумевал, но потом мелькнула догадка: они боятся хаоса. Боятся, что Кадо уведет своих солдат и отдаст город во власть мятежников. А мятеж означает разруху и горе. Пусть восставших будет раз-два и обчелся, пострадают все равно многие тысячи. Это же ясно как божий день.

Йосех снова взглянул на заветную дверь. По-прежнему глухо. Умерли они там, что ли? Он взглянул на небо. Тяжелые облака ползли в сторону залива. Опять собирается дождь?

Даже здесь, на побережье, дождей теперь меньше, чем раньше. А Кушмарраху необходимы дожди – чтобы смывать накопившуюся грязь. Иначе город просто задохнется от вони.

Шпионы – если это были шпионы – исчезли. Зато вернулась женщина, за которой увивался Меджах. Она демонстрировала свои прелести все более откровенно. Вейдин не обращали внимания – они были слишком заняты слухами о турецком нашествии.

– Полюбуйся, сейчас наша милая голубка замашет крылышками, – со смехом окликнул брата Меджах и решительными шагами направился к своей красотке. Та заметно встревожилась и заторопилась прочь. Меджах не отставал.

Некоторое время Йосеха занимала надоедливая муха, которая упорно пыталась усесться ему на нос. Одержав славную победу, он наконец задремал.

– Йосех, Йосех, проснись. Смотри, что мы тебе принесли. Йосех вздрогнул, очнулся. Перед ним стоял тот парнишка, Ариф, и робко улыбался. Младший братишка цеплялся за его руку, но, стоило Йосеху открыть глаза, отпустил ее и затопал к ближайшему верблюду.

Девушка Тамиса стояла сзади. Она и в самом деле что-то принесла. Старуха с порога метала на них грозные взгляды. Старшая дочь – сестра девушки и мать мальчиков? – вышла из дома с помойным ведром, вылила его содержимое за решетку канализации посреди улицы и вернулась обратно. На дартар она даже не смотрела.

– Доброе утро, Ариф. – Йосех снова изо всех сил боролся с трудностями кушмарраханского наречия. На девушку он глянул лишь мельком, но хватило и этого – щеки мигом залились краской. Он чувствовал себя еще более скованно из-за присутствия Ногаха – Йосех не сомневался, что брат из-за неплотно сомкнутых ресниц прекрасно все видит. – Как ты поживаешь, Ариф?

– Миш принесла тебе обед. Она все сама приготовила. Папочка сказал, что есть можно. – Мальчонка устроился рядом с Йосехом.

Девушка стояла молча, только краснела. Йосеху хотелось попросить ее о чем-то, но он не знал, о чем именно, и лишь сделал неопределенный жест рукой. Она восприняла это как приглашение, поставила узелок на землю на почтительном расстоянии от Йосеха и присела сама. Но глаз упорно не поднимала.

– Слышал от турках, Йосех? – болтал мальчик. – Ты пойдешь воевать с ними?

– Слышал, Ариф. Не знаю, пойду или нет. Но кое-кто из наших пойдет наверняка.

– Матушка того же мнения, – вмешалась Тамиса. – Поэтому она позволила принести вам поесть. – Итак, теперь он должен посмотреть, что в узелке. – А ты в порядке? Ведь вчера тебе здорово досталось…

– Все хорошо. Отделался синяками.

– Рада за тебя.

Йосех покосился на старуху. Она уселась на обычном месте у двери и принялась штопать чулок, не обращая внимания на пинки прохожих. Улица Чар не желала ради дартар менять свой раз и навсегда установленный распорядок дня. Йосех развязал узелок. Эти блюда были ему незнакомы. Он отщипнул несколько кусочков и нашел, что стряпня – высший класс, пальчики оближешь.

– Ужасно вкусно. Но мне столько не съесть. Не возражаешь, если я поделюсь с братом?

– Нет, конечно.

– Ногах, иди сюда, помоги.

Ногах подошел – и только тут девушка поняла, что перед ней не Меджах, а другой, незнакомый воин.

– Сколько же у тебя братьев?

– т Трое. Меджах с Ногахом, а еще Эмар, он командует подразделениями в Куадайдехе.

Ногах отведал кушанье, с довольным видом кивнул.

– Отлично. Как зовут твою подружку, Йосех?

– Тамиса.

– Ты отлично готовишь, Тамиса. Она вспыхнула.

– Матушка с Лейлой очень помогли мне.

– Ну и что же. Все равно ты была за главную. Ногах ничем не рисковал и потому спокойно и непринужденно поддерживал разговор. Йосех в основном слушал. Ариф тоже – глядя на них большими серьезными глазами, а младший карапуз тем временем лазил по верблюду, по-прежнему проявлявшему чудеса терпения. Один раз он чуть не свалился, Йосех подхватил малыша, поставил на ножки и с изумлением отметил, до чего упитаны кушмарраханские ребятишки.

Маленькие дартарята до сих пор напоминали мешочки с костями. Лишь один шаг отделял их от голодной смерти.

Благодаря Ногаху Тамиса расслабилась и разговорилась. Ариф, наоборот, заскучал. Он разочаровался в своем новом друге и принялся слоняться вокруг, рассматривая животных, оружие и снаряжение.

– Что за женщина приходила к вашей двери прошлой ночью? Сроду не видал такой красавицы, – обратился к Тамисе Ногах.

– Рейха? Красавица? – Тамиса рассмеялась. – Да она же просто старая карга. Ей уж стукнуло тридцать. – Девушка ахнула и прикрыла рот рукой: наверное, ей запрещали так говорить.

– Возможно, мы говорим о разных женщинах. Подумай хорошенько. Та, что я видел, просто постояла несколько минут у вашего порога.

– Это ведь сына Рейхи тогда похитили? – спросил Йосех. Тамиса кивнула.

– Они с моей сестрой дружат всю жизнь. Даже Арифа и Зуки родили в один день. Рейха приходила, потому что у мужа ее большие неприятности.

– Видел я эту Рейху, Ногах, – заверил брат Йосех. – Если она-то и покорила твое сердце нынче ночью, боюсь, с глазами у тебя неладно.

Ногах усмехнулся.

– Не важно, кто это был. Главное, я видел одну из тех женщин, которых довольно раз увидеть – и не забудешь никогда.

– Начинаешь выражаться совсем как наш разлюбезный папаша.

– Что ж. Я его сын и наследник. Ладно, вы тут потолкуйте вдвоем. – Ногах отвязал свою лошадь и посадил ребятишек вейдин ей на спину. Ариф испугался и запросился вниз, Стафа был совершенно счастлив – более счастливого двухлетнего карапуза и представить было невозможно.

– А откуда твой брат знает, что ночью к нам кто-то приходил? – поинтересовалась Тамиса.

Йосех на секунду задумался. Но разве их ночные рейды секрет для жителей улицы Чар?

– Он провел ночь в переулке, чтобы никто не мог выйти из лабиринта или войти в него.

– Вот как…

– Сегодня здесь заночует еще больше дартар. Я точно останусь.

– О! – Миш смутилась, замялась. – Мне пора. Дома дел по горло. А то матушка… Ариф, Стафа, идемте. У нас нет времени. Йосех не понял, что он сказал или сделал не так.

Глава 12

Целое утро Аарон не мог сосредоточиться на работе. Он все делал правильно, но ужасно медленно. Кулло отметил это – без злобы, но с искренней заботой. Но Аарон не в состоянии был оценить его доброту.

Во время перерыва на завтрак к Аарону подсел Билли-козел.

– Думаешь, будет дождь? Похоже, собираются тучи. Аарон недовольно заворчал. Какой, к черту, дождь. Прости облака.

– Городу не помешало бы принять ванну. Аарон заворчал снова.

– Ты когда-нибудь задумывался, чем человек отличается от собаки, Аарон? Собака прибегает, начинает попрошайничать – ты кидаешь ей жалкие объедки, и пес полон благодарности. Человек приходит со своей бедой, ты протягиваешь ему руку помощи – и в четырех случаях из пяти он на тебя же и огрызается. Честное слово, собаки мне нравятся больше.

Билли решительно поднялся.

– Подожди, – остановил его Аарон. – Садись. Ты прав. Я прошу прощения.

– Не иначе у тебя завелась новая проблема. Хочешь взвалить ее на меня, а потом послать старину Билли ко всем чертям?

– Да нет же! Слушай, я ведь извинился. Та проблема, о которой мы толковали, – она вроде бы разрешилась. Но не до конца. Наоборот, все еще больше запуталось.

– Так оно всегда и бывает. Ты слышал о вчерашнем похитителе детей? Он попытался украсть одну девчушку, за ним погнались и забили до смерти. Может, от этой новости тебе станет легче.

– Я слышал. Слышал еще, он тоже использовал какую-то колдовскую штуку – как тот, что похитил ребенка рядом с моим домом. Вчера он снова попался на глаза дартарам. Они преследовали его, как раз когда избивали другого похитителя. Если их было двое, значит, могло быть и трое, и четверо, и целая сотня.

– Тысяча чертей! Ты не успокоишься, пока твоему мальчонке грозит опасность. Но послушай, ты ведь живешь на улице Чар Я проходил по ней нынче утром. Там дартар – что сельди в бочке. Какому болвану придет в голову предпринять что-либо противозаконное в таких условиях?

– Не болвану – Живым.

– Эй, парень, выкладывай, что у тебя на уме, нечего ходить вокруг да около.

Аарон, не называя имен, рассказал Билли-козлу о последних событиях.

Тот выслушал, задумался.

– Гм… Сдается мне, они обманывают не тебя, а его. Удобный способ связать человеку руки. Но в любом случае не пойму, чего ты-то волнуешься. Это не твоя проблема. Не дури, не уподобляйся чудакам, которые из себя выходят, потому что банда турок разбойничает на другой стороне залива.

Аарон до сих пор не слышал о набеге. Билли пришлось подробно рассказать ему всю историю.

Бел-Сидек вышел из дому, огляделся.

– Ото! Еще немного и людям придется ходить друг другу по головам.

Бойцы Хадрибела начали прокладывать путь сквозь толпу.

– Тише, – одернул их бел-Сидек. – Не стоит привлекать внимание.

Но предостережение его запоздало. Рахеб Сэйхед уже устремила на них свой взгляд василиска.

– Каков будет ответ Кадо? – спросил Хадрибел. Они получили новости о набеге турок одновременно с сообщением, что сейчас безопасно навестить супругу шпиона. Но на самом деле Хадрибела интересовало, благоприятны ли последние события для движения Живых.

– Понятия не имею. Этот сукин сын по-своему еще коварнее Фа'тада. Не удивлюсь, если он сам все и подстроил – чтоб полюбоваться, как все в штаны наложат со страху. С генералом Кадо надо держать ухо востро.

– Как вы намерены в такой толчее вынести тело старика?

– Наберитесь терпения, Хадрибел, наберитесь терпения. Они перешли на другую сторону, свернули в переулок. Даже здесь приходилось проталкиваться сквозь густую толпу, стремившуюся влиться в человеческий поток на улице Чар, Путь занял много времени, и Хадрибел решил еще раз проверить, не изменилось ли что-нибудь в доме предателя.

– По-прежнему тихо, – констатировал он.

– Ладно, идемте, – поморщился бел-Сидек. Предстоящий разговор был ему глубоко неприятен. Но надо все выяснить до конца.

Хадрибел постучал в дверь. Женщина открыла и, не узнавая, уставилась на них. Выражение ее лица было неприветливым, но не испуганным. Похоже, она привыкла видеть странных посетителей у своих дверей.

– Мужа нет дома. Вы найдете его…

– Знаю, – перебил бел-Сидек. – Мы пришли именно к вам. Он

шагнул вперед, следом Хадрибел и двое его людей. Женщине пришлось отступить. Она и пикнуть не успела – они уже были в комнате.

– Успокойтесь, расслабьтесь, – заговорил бел-Сидек. – Вам ничего не грозит. Мы просто хотим задать несколько вопросов.

Она затравленно озиралась. Но бежать было некуда – незваные гости перекрыли все пути к отступлению.

– Кто вы? Что вам надо?

Бел-Сидек предвидел эти вопросы и решил ответить честно:

– Мы – члены Союза Живых. И хотим знать, где вы были прошлой ночью.

Женщина ничего не сказала, но задрожала крупной дрожью.

– Прошлой ночью убили одного из Живых. Он занимал в Союзе очень важное место. Он был моим командиром. Это злодеяние совершила женщина. Известно, что вы выходили из дома и были в том районе. Вы могли подозревать, кем на самом деле был тот человек, могли вообразить, что имеете основания…

Глаза ее вылезали из орбит, челюсть отвалилась, голова задергалась. Она хотела говорить, но не могла выдавить ни слова.

– Вы не виновны? Но чем вы это докажете? Куда вы ходили?

– Я… не могу… сказать.

– Почему?

– Потому что вы нехорошие, жестокие, злые… Вы замучаете тех людей только за то, что они мои друзья.

– Я не намерен обсуждать отвлеченные моральные вопросы, не намерен объяснять вам, что у нас есть долг перед городом, что именно он движет Живыми. Мы не сомневаемся в своей правоте Мы уверены, что в конечном счете наше дело правое. Герой Кушмарраха был убит в собственной постели. Мы знаем, что это дело рук женщины. Если вы не виновны – докажите.

Женщина плюнула в их сторону.

– Вы уже достаточно для нас сделали. Разве нет? Вы уже не уберегли одного из членов моей семьи. – Она плюнула снова. – Будьте вы прокляты. Давайте убивайте меня. Мне больше незачем жить – вы все отняли, все!

От источаемой ею ненависти стало трудно дышать. Бел-Сидек теперь тоже трясся, как от озноба.

– Я не собираюсь никого убивать. Полагаю, вы всего лишь ходили на улицу Чар навестить вашу подругу Лейлу. Но товарищам моим недостаточно предположений, им нужны доказательства.

– А если я признаюсь, что я действительно ходила туда?

– Я хочу знать, о чем вы говорили, что или кого видели на улице по пути туда и обратно.

Она опустилась на пол, бессильно прислонилась к стене.

– Видите? Никакой ответ не удовлетворит вас. Вам все мало, вы требуете еще и еще. А мне от этого только лишняя мука. Верните сначала сына, если хотите говорить со мной.

– Я желал бы этого не меньше вашего. Но у меня его нет. Мы не воюем с детьми, они не в ответе за преступления отцов.

С полминуты женщина со злобой и отвращением смотрела на него. Потом плюнула прямо, в лицо бел-Сидеку.

– Вы хотите, чтоб я доверяла вам, а сами откровенно, неприкрыто лжете! И это после того, как накануне ночью вытащили мужа из дома, пообещав показать ему Зуки?

Бел-Сидек отступил на шаг.

– Не обращайте на нее внимания, – бросил он и отвел Хадрибела в сторону. – Повторите мне еще раз, куда вы водили предателя.

Хадрибел рассказал все сначала.

– Он видел мальчика?

– Она считает, что видел.

– Генерал говорил – мы лишь сделаем вид, что он у нас. Похоже, я начинаю кое-что понимать. Старик был способен на весьма дурные поступки. Возможно, зараза охватила часть движения. Я хочу знать подробности.

Хадрибел нахмурился. Он боготворил Генерала и отказывался допустить, что старик не во всем и не всегда был одинаково безупречен.

– Я постараюсь разузнать, что смогу.

Бел-Сидек вернулся к женщине и продолжил допрос.

Но эта упрямица наотрез отказалась говорить с ним.

* * *

Эйзел явился по вызову в Дом Правительства с большой неохотой.

Механизм этих вызовов был налажен много лет назад, но геродиане ни разу не пользовались им. Именно поэтому Эйзел чувствовал себя весьма неуверенно. Не успел он переступить порог Дома Правительства, ему сразу же захотелось уйти.

Особенно встревожили его новости о набеге турков. Это могло поколебать и без того неустойчивое равновесие.

Привратник, не теряя ни минуты, провел Эйзела к полковнику Бруде, а тот прямиком к генералу Кадо.

– Спасибо, что пришел, – поблагодарил Кадо. – Слышал о бесчинствах турок в Агадаре?

– Только об этом и говорят.

– Дурные вести быстро разносятся. Как реагирует население?

– У всех поджилки трясутся – точно турки вот-вот прискачут и разграбят город.

Кадо криво усмехнулся.

– Я как раз собираюсь на совещание. Мы должны решить, как поступить с ними. Я хочу, чтоб ты сопровождал меня, на случай если понадобится засвидетельствовать реакцию кушмаррахан.

– Мне это не по душе. Я разведчик, а не…

– Ты снова переоденешься телохранителем. Никто из участников совещания не представляет для тебя опасности. Там будем мы с Брудой, старшие офицеры легиона, градоначальник, Фа'тад и его командиры. Ты – мой единственный пробный камень, без тебя я не чувствую, не понимаю кушмаррахан.

– Полная чушь. Мне придется чертову уйму времени торчать на вашем совещании. А потом кто-нибудь из этих ребят – к примеру, толстобрюхий полудурок Сулло, приметит меня на улице и поднимет трезвон на весь мир: “Ага, вот идет парень, который крутился вокруг Кадо и прикидывался телохранителем”.

– Конечно, есть доля риска Но сделай уж мне такое одолжение, Розан. Нелегкая предстоит задачка – вертеться между Фа'тадом, Сулло и Живыми. Кстати, ты слышал, что случилось с Сулло?

– Вроде бы нет.

– Вчера он отправил двадцать мортиан освободить поместье вдовы Ханно-бел-Карбы. Сегодня Живые прислали Сулло сундук с их головами.

– В самом деле? Со стороны градоначальника это была отчаянная глупость.

– Я предупреждал Сулло. Он и слушать не стал. Приглядись к нему повнимательнее. Возможно, вскоре у меня к тебе будет в этой связи особая просьба. Он, похоже, начинает испытывать некоторое смущение. Эйзел хмыкнул.

– Понаблюдай также за Фа'тадом. Я с трудом понимаю его. У тебя возникли какие-нибудь соображения – что он делает в лабиринте Шу?

Эйзел пожал плечами.

– Слышал несколько версий, но не верю ни одной.

– Например?

– В холме Шу имеются пещеры. Это факт. По одной из версий, главари разбойничьих шаек, что гнездятся в лабиринте, прячут там награбленные сокровища, а Фа'тад задумал наложить на них лапу. По другой, в одной из пещер начинается тайный подземный ход, ведущий в крепость, а Фа'тад вознамерился проникнуть туда.

– Но все это лишь вымысел?

– Ребенком я жил в Шу и не слыхал ни о сокровищах, ни о тайном ходе. Но это ничего не значит. Мальчишке просто не стали бы ничего говорить.

– Фа'тад-то не сомневается, что там есть нечто важное. Сегодня он отправил в лабиринт половину своих людей. Думаешь, он узнал что-нибудь от захваченных вчера пленных?

Эйзел снова передернул плечами.

– Я слышал, большинство из них уже казнены.

– Что ж, они не были примерными гражданами. Кадо позвонил в маленький серебряный колокольчик. На пороге вырос полковник Бруда.

– Сэр?

– Раздобудьте Розану форму телохранителя. Розан, буду очень признателен, если ты укажешь мне хотя бы одного из тех, кто расправился с мортианами градоначальника Сулло.

– У них хватит ума не хвастаться этим.

– Именно поэтому Союз Живых до сих пор существует и действует. Но все же постарайся.

* * *

Окружившие Зуки дети почти не говорили, но смотрели на него во все глаза. Некоторые подходили ближе и быстро, легко касались его, точно надеялись, что счастливчик заразит их своим везением.

До сих пор все обитатели клетки рано или поздно покидали ее, а вернулся лишь один – Зуки.

Но потом великан пришел снова, и Зуки знал, что больше неожиданных отсрочек не будет. На сей, раз он разделит участь своих предшественников, какова бы ни была эта участь.

* * *

Эйзел проследовал за Кадо в зал совещаний с лицом мрачнее тучи. Ему не хотелось быть здесь, не хотелось сидеть тихо, как мышка, и держать язык за зубами. Его не оставляла мысль, что пора убираться из города.

Впрочем, Эйзел ни на минуту не воспринимал эти мечтания всерьез, хотя, возможно, это был бы самый разумный выход.

Кадо кивком приветствовал поднявшихся ему навстречу участников совещания, всего человек пятьдесят – шестьдесят. Они

расположились по обеим сторонам массивного – метр восемьдесят в ширину и больше шести метров в длину – стола, украшенного цветным изображением северного побережья до самого Аквира на востоке. Две трети присутствующих составляли геродиане. Напротив сидел Фа'тад ал-Акла со своими командирами. Сулло занял место в дальнем конце стола. Он привел с собой маленькую безобразную женщину. Она, похоже, только-только вышла из детского возраста, но держалась куда увереннее нового градоначальника.

Его любимая ведьма?

От нее чем-то сильно пахло. Лет через двадцать этот запах станет невыносимым.

– Все вы слышали дурные вести, – начал Кадо, – и имели время подумать. Я выработал свой план, но готов выслушать любые предложения. Есть желающие? Нет?

Эйзел изучал Сулло и его ведьму, а сам все время чувствовал на себе взгляды Фа'тада и других дартарских командиров. Он делал вид, что не замечает их внимания, и пытался подражать сонному равнодушию прочих телохранителей, стараясь при этом не упустить ничего важного.

– Офицеры полковника Бруды, – продолжал Кадо, – нанесли на карту известные нам передвижения противника. Собственно говоря, мы знаем лишь, что турки сейчас западнее Агадара и движутся в направлении Кушмарраха, не удаляясь от побережья. Полковник Бруда разослал разведчиков – и по суше, и по морю, но нам предстоит встретиться с врагом на несколько дней раньше, чем будут получены их сообщения. Фа'тад, как вы полагаете, хватит ли у турок смелости нарушить границы дартар?

Один из дартар перевел старому воину вопросы Кадо, хотя ак-Акла отлично понимал по-геродиански. Но такие уж у них с Кадо игры – Фа'тад требует переводить ему каждое слово, генерал обращается к нему просто по имени, без почетных титулов. Ал-Акла что-то отрывисто рявкнул.

– Нет, если надеются вернуться домой целыми и невредимыми и не растерять по дороге добычу, – дипломатично перевел дартарин ответ командира.

– Я того же мнения, – подхватил Кадо. – Скорее всего их цель – разбой и грабеж, они не ищут открытого сражения. С другой стороны, я тоже вовсе не рвусь в бой. Итак, мы будем продвигаться по побережью навстречу туркам небольшими перегонами и гнать их обратно, откуда пришли. Фа'тад, мне нужно пятнадцать сотен всадников – на конях. Я уже говорил генералу Лусилло, что он получит двадцать пять сотен из двенадцатого полка. Вы должны подготовиться к выступлению в

кратчайшие сроки. Как только закончится погрузка и будут укомплектованы экипажи, корабли тоже выйдут в море. Вы обеспечите прикрытие с берега.

– Четыре тысячи плюс флот – вполне достаточно, чтоб обратить турок в бегство. Незачем посылать еще дартар: слишком мало воинов останется в городе.

Верно, отметил Эйзел. Кадо даже сохраняет небольшое преимущество перед бандой Фа'тада. Так, на всякий случай. Но что он имеет в виду, отдавая солдат двенадцатого Лусилло, который командует седьмым полком? А Марко на что? Почему, если он задействует командира седьмого, не взять и солдат того же полка?

Эйзел усмехнулся. Старина Фа'тад сидит нахохлившись, видать, ломает голову над теми же вопросами. Ага, вот Орел встряхнулся, распушил перья. Пришел, верно, к какому-нибудь решению.

Собрание закончиться не успеет, дартары уже засуетятся, начнут вынюхивать – что за человек Лусилло, не упустили ли они чего.

Эйзелу нечасто доводилось присутствовать на военных советах. Это оказалось довольно-таки нудным делом. Сначала Кадо объявил, кто, куда и сколько должен послать людей. Потом пошла всякая скучища. Сколько брать пищи, фуража. Сможет ли целая армия пройти по временному мосту через реку Черайко, выдержит ли он? Смогут ли солдаты, разнежившиеся от долгого пребывания в гарнизоне, осилить переход от Сахдри Уэлла до Куадрата за один день? Брать ли артиллерию? Некоторые офицеры настаивали на этом. Другие возражали, говорили, что запряженные волами телеги не позволят двигаться с достаточной скоростью. И так далее, и тому подобное.

Кадо прекратил споры об артиллерии, заявив, что технику погрузят на корабль.

В общем, велась неспешная, спокойная беседа профессионалов, на слух Эйзела не более увлекательная, чем разговор зеленщиков. Дартары почти все время молчали, отвечали лишь на прямые вопросы, но от платных наемников иного ждать и не приходилось.

Между тем Фа'тад не спускал с Эйзела глаз.

Градоначальник точно воды в рот набрал, и Эйзел не мог составить о нем никакого мнения. Он заметил напряженное выражение лица маленькой безобразной ведьмочки. Она, судя по всему, играла тут такую же роль, как и он: высматривала врагов своего хозяина. На Эйзела ведьма не обращала никакого внимания. Зато Фа'тад сторицей вознаграждал его за это

равнодушие.

Поведение ал-Аклы становилось вызывающим. Хочет добиться реакции? Но зачем? Может, кто-то из дартар узнал конюха, который некогда избил их товарища за неуважительный отзыв о Кушмаррахе?

Хуже всего, что Кадо и Бруда тоже заметили интерес Фа'тада. Однако ничего не поделаешь. Остается лишь отдаться на волю волн.

Наконец совещание окончилось. Кадо так ни разу и не обратился к нему. Черт возьми, стоило ли рисковать впустую?!

Еще до захода солнца Джоаб, лучшие дартарские воины, а также Лусилло со своими двадцать пятью сотнями выступят навстречу свирепым туркам. Напряжение в городе наверняка возрастет: все будут ожидать выступлений Живых, ведь гарнизон очень слаб.

Эйзел не думал, что Союз предпримет какие-либо действия. Разве что несколько фанатиков… Именно этого боялся старик с тех пор, как начал свои дела с Чаровницей.

Кушмаррах мог одним яростным рывком сбросить ярмо Герода. Но не было практически никаких шансов отстоять завоеванную независимость. Разве только пламя восстания охватит все побережье… Или Живые получат оружие более мощное, чем все легионы Города.

Накар мог стать таким оружием, Накар Отвратительный, его сила, не сдерживаемая больше Ала-эх-дин Бейхом.

Не годится думать об этом в Доме Правительства. Здесь он должен быть безупречным геродианским агентом, не только внешне, но и в тайных помыслах.

Военные начали расходиться. Сулло тоже вышел, ведьмочка тенью следовала за ним. Кадо и Бруда шептались в углу с Лусилло и Марко. Фа'тад сверкал на них орлиными очами с другого конца комнаты. Кадо вдруг кивнул, обернулся, подозвал телохранителей и направился к выходу. За дверью он сразу же отпустил всех, кроме Эйзела.

– Что ж, Розан, узнали мы, честно говоря, немного.

– Узнали, что градоначальник, когда захочет, способен не болтать лишнее.

– Слава богу, Розан, слава богу.

– Мне нужно подняться на третий ярус балкона с юго-западной стороны. Хочу посмотреть, в какую сторону кто пойдет.

– Хорошо.

Странно: он не спросил, кто именно и зачем это нужно.

Чертов генерал шел за ним по пятам, точно ищейка. Что-то произошло. Что-то, связанное с толстобрюхом-Суллой. Но Кадо не

имел в виду возможную расправу с градоначальником. Нет, дело было совсем не в этом. Поколебалось доверие генерала к самому Эйзелу.

Проклятые мортиане! Конечно. Кадо упомянул их… Он доложил Генералу. Старик велел отрубить им головы. Кадо теперь спрашивает себя: откуда Живые могли так быстро узнать о готовящемся выселении вдовы бел-Карбы? И возможный ответ ему не нравится.

Придется, чтоб сгладить эту шероховатость и успокоить Кадо, донести о чем-нибудь Бруде.

Дартары, против ожидания, и не думали расходиться в разные стороны. Они на минуту остановились перед парадным входом, а потом кучей двинулись на запад. Именно этот путь выбрал бы человек, покинувший здание через черный ход и желающий побыстрее скрыться из виду.

Что ж, он пройдет через один из общедоступных выходов с другой стороны и проведает дел-Шадука. А потом уж отправится взглянуть на то, что осталось от старика.

Кстати, Фа'тад заслужил щелчок по носу.

– Еще одно. Я слышал одну сплетню, но не успел проверить. Вероятно, прошлой ночью ал-Акла оставил в городе, в лабиринте Шу, пару сотен своих людей.

– Интересно. Почему ты до сих пор молчал?

– Не знал, стоит ли говорить. Это ж просто непроверенный слух. Что теперь? Заняться Сулло? Или сопровождать вас?

Кадо коротко велел Розану быть готовым явиться по вызову, когда тот наконец покинул Дом Правительства. Эйзелу не нравился повышенный интерес генерала к его персоне. Куда спокойнее иметь дело с Брудой. А вообще-то приятнее жить в выгребной яме, чем в этом треклятом городишке. Ничего, если случится взрыв, он сумеет смыться еще до того, как осядет пыль.

* * *

Йосех заметил, что они болтают уже несколько часов. Девушка преодолела робость и трещала без умолку. Ясно было, что дома ей редко когда удается высказаться. Она изложила Йосеху свое мнение по всем возможным вопросам. Ему оставалось лишь улыбаться и кивать – чтоб она не смутилась снова и не убежала.

Наконец вернулся Меджах. Он скорчил выразительную гримасу, возвел глаза к небу и уселся рядом с Ногахом. Помолчал немного, потом прицокнул языком и покачал головой:

– Ты не поверишь. По правде сказать, мне и самому верится с трудом. Но я был там.

– Удача улыбнулась тебе?

– Мало сказать! Я стал баловнем фортуны. Если б я мечтал о золоте, то превратился бы в первого на свете богача.

Ногах насмешливо покосился на него.

Из лабиринта вышли два каменщика: понадобились еще кирпичи. Что там такое происходит, недоумевал Йосех. День, вопреки ожиданиям, выдался спокойный. Не было захвачено ни одного пленного. Меджах предположил, что темные личности ускользнули из лабиринта под покровом ночи. Вполне вероятно, согласно буркнул Ногах, – в его отряде, мол, сплошные лентяи. Йосех подозревал, что они вчера захватили всю возможную добычу: в лабиринте изначально было не так уж много народу.

Меджах завел с Арифом игру в “отнималки” – отнимать надо было апельсин, который кто-то из дартар стащил у одного из городских зеленщиков. Мальчик оказался ужасно неуклюжим – все боялся, что ему сделают больно. Йосех подумал, что родители, должно быть, чересчур трясутся над ним. Вейдин невесть как носятся со своими ребятишкам. У дартар это не принято.

Показался Мо'атабар. Он в одиночестве спускался с холма. Ногах подошел, начал что-то говорить ему.

Стафа решил вмешаться в игру. Правила карапуз понял по-своему. Он отнял апельсин у Меджаха и братишки и, заливаясь смехом, носился с ним между ног верблюдов Меджах поймал малыша, ухватил и попробовал подкинуть – но передумал и опустил на землю.

– Уф! Ну и тяжел ты, братец! Возьму лучше кого-нибудь другого Стафа, так и не выпустив из рук апельсин, побежал в дом.

– Мамочка! Я устал! – кричал он так громко, точно на самом деле решительно никакой усталости не чувствовал.

– Я лучше пойду, – спохватилась Тамиса. – Дел по горло, а матушка и без того раздражена. Идем, Ариф.

Йосех попрощался, проводил их глазами. Он понимал, что, предпочтя общество Миш, жестоко разочаровал Арифа Но что тут поделаешь? И как объяснишь?

Мо'атабар пошел дальше. Ногах вернулся и сел на прежнее место. Он, очевидно, был чем-то озабочен.

– Ну? – спросил Меджах.

– Джоаб. Он забирает пятнадцать сотен и отправляется в погоню за турками.

Чешуйчатое существо в животе Йосеха пробудилось от спячки и начало извиваться.

– Мы тоже идем?

– Нет. Мы продолжим играть в Фа'тадовы игры Он посылает только конницу. Хочет успеть вклиниться между турками и стадами. Так, на всякий случай.

Йосех попытался скрыть облегчение. В нем не было ничего позорного, но юноше не хотелось показывать свое равнодушие к славе и отвращение к дракам и бешеным скачкам в дождь и бурю.

Тучи потихоньку сгущались. Но вейдин не обращали на это внимания. Значит, дождя скорее всего не будет. А жаль.

* * *

В городе черт знает что творилось. Все воинские подразделения пришли в движение – они подтягивались к Летним воротам, откуда с первыми лучами солнца предстояло выступить в поход. Эйзелу не нравились эти перемещения: они мешали с должной тщательностью соблюдать меры предосторожности.

Что-то будет завтра, когда в Кушмаррахе останется лишь сильно ослабленный гарнизон? Неужели безумцы из числа Живых не удержатся и дадут знать о себе?

Эйзел почуял нечто неладное. Непонятно что, непонятно где. Просто укол беспокойства. И потому неприятно вдвойне: неизвестно, откуда ждать удара.

Он занял наблюдательный пост неподалеку от дома Ишабела бел-Шадука в северном Шу и с час следил за входной дверью. Ишабела посетили несколько человек. Двух головорезов Эйзел узнал. Ребятки из тех, что ради денег готовы решительно на все.

Эйзел понял, чем занимается бел-Шадук. И это ему тоже не понравилось. Он думал, что у Ишабела хватит здравого смысла держаться в стороне. Но золото и женщины способны ослепить даже самого благоразумного мужчину.

Время между тем шло. Пора идти, если он хочет успеть сделать все дела за Осенними воротами и вернуться засветло.

Эйзел нагнал кавалькаду с гробом Генерала километрах в трех к востоку от дартарского лагеря. Новый Генерал-калека указал ему на крытую повозку с телом старика.

Эйзелу стоило лишь взглянуть на черную метку – и подозрения его превратились в уверенность.

Проклятая женщина спятила вконец! Она ведь предаст город огню!

Самое скверное – Чаровнице до этого и дела нет.

Эйзел выбрался из повозки и прошел в конец процессии – переговорить с ехавшим верхом на осле калекой. Какое падение!

При Дак-эс-Суэтте он небось скакал на чистокровном жеребце.

– У меня возникли некоторые соображения. Теперь я знаю, откуда начать поиск.

– Откуда? Кто это сделал?

– Я сообщу вам, когда буду знать точно. Кстати, у меня предложение – не закапывайте старика, сожгите его.

– Это в обычае последователей Горлоха, но не Арама.

– Слушайте, сколько людей будут оплакивать своего возлюбленного Генерала? И сколько, по-вашему, шансов, что все они сумеют держать рот на замке, не проболтаться, кого и где хоронили? Слух дойдет до Кадо, старика откопают – и пошло-поехало…

– Хорошо, я подумаю.

Упрямый дерьмец. Напрашивается на неприятности.

– Обратите внимание на нового градоначальника и его ведьму. Тут все не так просто, как кажется. Подробнее обсудим при встрече – я тороплюсь.

Эйзел развернулся и зашагал на запад.

Дорога была запружена народом. Много, слишком много людей. Присутствие скольких из них объясняется похоронами? Эйзел вгляделся в лица. Некоторые он узнавал. Он запоминал каждого встречного. Это вошло в привычку, Эйзел следовал ей всегда, порой бессознательно. Сейчас его взгляд выхватил из обычной толпы нищих и бродяг у Осенних ворот два лица. Одного из этих людей он впервые заметил поблизости от жилища Ишабела бел-Шадука. Второго видел в коридорах Дома Правительства.

Так-так.

Эйзел не дал им поохотиться всласть. Он пошел к Муме и весь остаток дня и начало вечера провел в трактире – ел, размышлял и, неторопливо, старательно подбирая слова, сочинял длинное послание генералу Кадо. Потом вручил письмо младшему отпрыску Мумы, сообразительному и проворному мальчишке, и расслабился за кружкой темного пива. Перед ночной работой не помешает чуток передохнуть.

* * *

Мериэль взяла бел-Сидека за руку, отвела к заваленному подушками дивану.

– Извини, дружок, но вид у тебя нынче – краше в гроб кладут.

– Это ты меня извини…

Она с любопытством взглянула на него, но при слугах,

сновавших туда-сюда с блюдами в руках, ни о чем не стала расспрашивать. Лишь дождавшись их ухода, Мериэль поинтересовалась, как прошел день.

– Убийство? Ты уверен?

Поведение же бел-Сидека во время допроса жены предателя ни капельки не занимало ее.

– Это кажется все более и более вероятным. Но я ума не приложу, кому было выгодно убрать его с дороги.

– Может, у кого-то из фанатиков лопнуло терпение?

– Нет. Они слишком почитали его. Кроме того, убрав с дороги его, они наталкиваются на меня. Сегодня вечером я назначу своим преемником одного из умеренных. Так что нет ни малейшего смысла.

– Возможно, ведьма нового градоначальника отомстила за гибель его слуг?

– Нет, если только она не способна предвидеть будущее. Полагаю, старик умер раньше мортиан. В любом случае геродиане захватили бы его живьем. Подумай: Сулло, не успев приехать, накладывает лапу на самого предводителя Живых! Да ведь это – политическая смерть Кадо. Он до сих пор уцелел лишь благодаря своей ловкости, нескольким покровителям и снисходительности Живых. Кое-кто в Городе давно жаждет его крови.

– Чересчур строптив?

– Именно. Нам-то его смещение вовсе не выгодно. Раз уж приходится терпеть присутствие геродиан. Живые предпочитают Кадо. Никто другой не будет столь мягок с кушмарраханами. Ладно, я лучше пойду. Нам надо многое обсудить.

Мериэль поднялась вслед за ним.

– У меня есть кое-какие связи в среде влиятельных людей. Я расспрошу, не слышали ли они чего, имеющего отношения к смерти старика.

Бел-Сидек приостановился на пороге.

– Хорошо. Разузнай также насчет похищений детей. И о человеке по имени Эйзел.

Он покидал дом Мериэль без всякой охоты. Предстоящие дела не радовали его. Но необходимо решить, кто теперь будет главным в Шу и кто возьмет на себя большую часть обязанностей по контролю за районом порта.

А еще бел-Сидек надеялся добраться до изнанки, до темной стороны деятельности старика. А на то, что она имела место, при всей любви и уважении к покойному Генералу, нельзя закрывать глаза.

Чаровница застонала. Конечности ее непроизвольно

подергивались, тело отказывалось повиноваться. Вся воля ее была сосредоточена на ребенке, на этом упрямом маленьком ублюдке.

Трижды пыталась она преодолеть барьер, трижды ее отбрасывало назад. Никогда еще Чаровница не сталкивалась с таким отчаянным сопротивлением. Ужасен, должно быть, был конец предыдущей жизни этой души.

Чаровница собрала остатки сил… а осталось их после полудневного транса совсем немного. Последняя попытка… Впрочем, стоит ли? Все равно перед ней не тот, кого она ищет. Пускай Эйзел забирает мальчишку на здоровье.

На самом деле мысли Чаровницы не были столь отчетливы. Они больше напоминали бешеную скачку, чем трезвые, логичные рассуждения.

Снова она атаковала ребенка. На сей раз в укреплениях появилась чуть заметная брешь. Чаровница сосредоточилась на ней, бросила туда всю свою силу, то немногое, что уцелело после часов бесплодных потуг…

Вопль вырвался из ее груди. Она кричала, кричала, кричала, никак не могла остановиться. Черная волна ужаса накрыла ее с головой.

Душа по ту сторону барьера была душой Ала-эх-дин Бейха. Она не исчезла, не ослабла за прошедшие годы. Она просто затаилась в засаде.

* * *

Торго действовал инстинктивно. Размахивая кулаками, ворвался он в шатер. Евнух не задумался ни на секунду. Ударами по голове он оглушил женщину и ребенка. Потрясение разомкнуло цепь. Прятавшийся в тщедушном теле мальчика дьявол отступил, провалился назад, в бездну хаоса. Но не исчез совсем. Торго ощущал его силу.

Крики Чаровницы затихли. Она погрузилась в глубокий сон, возможно, в кому. Торго разрушил окаянный шатер, загасил огонь в жаровне, развеял пары. Слезы струились по щекам евнуха.

Не опоздал ли он?

Госпоже следовало предвидеть это, обучить его. А теперь в своем невежестве он мог лишь смотреть, и ждать, и надеяться, что Горлох смилостивится и дозволит Чаровнице вернуться назад, в мир, из тьмы, в которую ввергла ее встреча с врагом.

От ребенка мощным потоком струилась сила.

Снаружи, за стенами крепости, собирались тучи.

Глава 13

Вернувшись домой, Аарон застал своих женщин в весьма мрачном расположении духа. Они ощетинились точно ежики.

– Что на этот раз? – Аарон тоже был не в настроении. Дела на работе не ладились. Геродиане разделились на сторонников прежнего военного правительства и на поклонников нового градоначальника. А отыгрывались и срывали напряжение на наемных кушмарраханских рабочих, отдавая им противоречивые распоряжения.

– Бабуля ругается, потому что Миш отнесла Йосеху поесть, – пояснил Ариф.

– Ты сам велел мне сделать это, – возразила Миш.

– Неудачная мысль, Аарон, – проворчала Рахеб. – А ты, Тамиса, не должна вести себя словно последняя шлюха.

– Да ладно, мама. Ничего подобного она не сделала, – оборвала старуху Лейла. – Но тебе, Тамиса, не стоило разговаривать с ним столько времени у всех на виду. Это производило нехорошее впечатление.

– Может, мне просто хотелось поболтать с кем-нибудь, кто не затыкает мне рот и не брюзжит беспрестанно. Очко в пользу Миш, отметил Аарон.

– А я ездил верхом, – похвастался Стафа.

– Правда? Ариф, иди-ка сюда. Расскажешь, чем вы со Стафой занимались нынче, пока ваша мамочка и Миш приготовят наконец ужин.

Лейла с Миш молча кинулись исполнять поручение. Нигде и никогда женщины не посмеют чересчур долго и настойчиво раздражать даже такого мягкого мужчину, как Аарон.

Он посадил Стафу на колени, правой рукой обнял Арифа и беседовал с мальчиками о верблюдах и прочих диковинках, пока не позвали к столу. За ужином ребята сидели непривычно притихшие, женщины тоже молчали. Должно быть, вид у Аарона был свирепый. Домочадцы решили дать ему передышку.

Ничего, потерпят. Он и в самом деле нуждается в тишине.

Конечно, затишье продлилось недолго. Но не женщины были тому виной.

Стук в дверь заставил Аарона вздрогнуть. Он встревожился еще сильнее, когда увидел на пороге Рейху с Насифом. Он отступил, дал им дорогу. Не говоря ни слова, они прошли в комнату Выглядели супруги прескверно. Мертвенно побледнев, Лейла медленно поднялась им навстречу, глаза ее расширились от ужаса – точно вместе с подругой страх вступил к ней в дом.

Однако Лейла поддержала Рейху, усадила ее. Насиф пристроился рядом с женой, напротив Аарона. Довольно было одного взгляда – каждый понял, что знает другой. Миш отвела мальчиков в сторону.

– Рейха рассказала вам вещи, о которых разумнее было молчать, – заговорил Насиф. – Сегодня она получила хороший урок К ней приходили Живые. Теперь, нравится вам это или нет, вы тоже впутаны в это дело. Живые не отступятся.

Рейха не отрывала глаз от сжатых в отчаянии рук.

– Прошлой ночью она приходила сюда. Нынче утром они пришли к ней. Живым известно, что Рейха была на улице Чар, но неизвестно, где именно. Они хотели выпытать, где и кого она видела. Один из их людей, очень важный для Союза человек, был убит, ночью, здесь, на улице Чар, и примерно в то же время. У Живых есть основания полагать, что в смерти его повинна женщина.

– Отец бел-Сидека! – вырвалось у Аарона.

– Что?

– Один пожилой ветеран живет тут поблизости, чуть выше – Атаман, – вставила Рахеб.

Аарон с укором взглянул на нее, покачал головой.

– Немолодой человек, хромой. Был ранен при Дак-эс-Суэтте. Сегодня утром по дороге на работу я заметил толпу у его дома и из любопытства подошел. Бел-Сидек сказал, что отец его скончался этой ночью. Меня это не удивило – все время, как они переехали сюда, старик не вставал с постели.

– Бел-Сидек, – задумчиво пробормотал Насиф. – Похоже на то. Человек, что приходил к Рейхе, тоже хромой. Она видела его раньше, но не запомнила. Он-то всех нас знает. Он не верит, будто Рейха в самом деле кого-то убила. Не сомневается, что она приходила повидать Лейлу. Но он хотел доказательств.

Сидевший напротив человек смущал Аарона. К такому Насифу он не привык. Спокойный, собранный, деловитый, полностью владеет собой. Аарон не знал, как воспринимать эту перемену.

– Рейха уперлась, – продолжал Насиф, – отказалась отвечать, пока они не вернут Зуки.

– А они отказались, потому что тогда не смогут держать в руках тебя.

– Ошибаешься. Потому что, если верить калеке, у них его нет.

– Как так?

– Именно. Накануне вечером Живые показали мне Зуки, а сегодня утром отрицали, что мальчик у них. И похоже, человек этот говорил искренне. Имей Живые такое преимущество, они бы

не преминули воспользоваться им. С другой стороны. Рейхе показалось, что она узнала одного из явившихся вместе с калекой: прошлым вечером он приходил за мной.

Аарон начал проникаться отвращением к этому неизвестному дотоле Насифу. Что-то он затеял нехорошее.

– Какие-то скрытые процессы внутри Союза? Одна из фракций действует, не посвящая в свои планы других членов команды?

– К чему ты ведешь, Насиф?

– Просто думаю вслух. Размышляю. Без всякого сомнения, человек, приходивший за мной вчера, и тот, что был с бел-Сидеком сегодня, – одно и то же лицо, некто Хадрибел. По рангу – второй из Живых в округе Шу. Он получает распоряжения от бел-Сидека. А бел-Сидек сказал, по крайней мере подразумевал, что покойный был главнее него. Так что же это за старик на самом деле? И кто посмел убить его?

– Хватит, Насиф. Я тебя раскусил и не позволю себя использовать. У тебя была возможность убрать меня и выйти сухим из воды. Ты ее упустил. Второго шанса не будет.

Насиф нахмурился, прикинулся непонимающим.

– Почти двести человек из нашей башни пережили плен и геродианские лагеря. Большинство из них вернулись в Кушмаррах. Некоторые работают на верфи. Помнишь Большого Тери? Скверного Тери, как его иногда называли. Как, ты думаешь, поступит Тери, если кое-кто шепнет ему, что ворота открыл наш старый приятель Насиф?

Насиф, казалось, встревожился.

– Перестань, Аарон! – пыталась остановить мужа Лейла.

– Спокойно. Раскинь-ка мозгами. Сперва он заставит меня наслушаться своих предположений. А потом? Потом исхитрится подать знак геродианам, они схватят меня – вот сообщение и передано. Если же старина Аарон наложит на себя руки после того, как из него выбьют все, что сочтут интересным, тем лучше. Избавившись от Аарона, Насиф избавится от человека, который представляет для него угрозу.

Лейла взглянула на сидевшего с непроницаемым лицом Насифа, потом на Рейху. Та по-прежнему не отрывала глаз от сцепленных рук, только вздрагивала, точно глотала невидимые слезы.

– Рейха?

Молчание.

Рахеб проковыляла к камину, начала разводить огонь. Было так тихо, что, казалось, слышно, как скрипят ее старые кости.

У Аарона сжало горло, он боялся, что вместо слов до Насифа донесется лишь скрежет.

– Оставшиеся в живых ребята из нашей роты не принадлежат к Союзу. Ничего похожего, Насиф. Но они давно уже обдумали, что сделают, доведись им изловить предателя, открывшего ворота башни. Времени у них было достаточно, предлагались разные варианты. Последний – содрать с него кожу и пустить побегать по улицам в таком виде.

Аарон сам себя не узнавал. Он сроду никому не угрожал.

– Я молчал шесть лет – ради Рейхи и Зуки. Но теперь, отказав мне и моей семье в таком же уважении и заботе, так потерял право на это молчание. Тебе придется купить его. Ты уйдешь из моего дома и из моей жизни, забудешь о нашем существовании. Если когда-либо в каком-либо разговоре ты посмеешь назвать мое имя, я позабочусь, чтоб наши товарищи узнали, кто их предал.

Насиф коротко глянул на него, понял, что слова тут бессильны, и поднялся.

Рахеб резко повернулась к нему. Костлявой старческой рукой она схватила огромный грязный нож для резки мяса и бросилась на Насифа. Аарон не успел вовремя удержать старуху. Лезвие распороло рукав и оставило длинную глубокую царапину на левой руке Насифа.

Это было странное и жуткое зрелище. Никто не издал ни звука. С бледными лицами и полными ужаса глазами домочадцы смотрели, как Аарон разоружает тещу. Та сразу же перестала сопротивляться.

– Шестьдесят тысяч жизней на твоей совести, Насиф бар бел-Абек, – отчеканила они и плюнула изменнику в лицо. Рейха, вся съежившись, пыталась осмотреть руку мужу. – Шестьдесят тысяч проклятий на твою могилу, да пошлет тебе Арам скорую и мучительную кончину.

Насиф попятился к выходу. Рейха распахнула перед ним дверь. Они вышли. Аарон повернул ключ в замке.

Никто не говорил ни слова, только тихонько сопела Лейла. Рахеб снова хлопотала по хозяйству. Перепуганные мальчики уцепились за юбку Миш. Аарон подобрал с пола нож, воткнул его в дверь и оставил там, сам не понимая смысла этого символического жеста. Потом он попытался успокоить сыновей.

– Бегите к мамочке, обнимите ее покрепче. Ей сейчас это очень нужно.

Ариф и Стафа послушались. Похоже, им сразу полегчало. Аарон смотрел на ребятишек – и внутренне цепенел от ужаса.

– Аарон, – робко окликнула Миш.

– Да?

– Когда я говорила с Йосехом… Его брат, Ногах, он оставался на ночь в переулке Тош. Он говорит, что видел женщину,

необыкновенную красавицу. Она спускалась с холма и на несколько минут остановилась у нашей двери. А потом скрылась в тумане.

– Ну? – На душе у Аарона стало еще тревожнее.

– Тот человек говорил, что отца господина бел-Сидека, наверное, убила женщина. Если Ногах видел красавицу, значит, то была не Рейха.

– Верно.

Кто-то постучал в дверь.

Страх воцарился в доме Аарона.

* * *

Бел-Сидек и шагу за порог не сделал, как увидел предателя с женой. Они выходили из дома плотника. Что еще? Мало ему неприятностей? Теперь негодяй будет шляться где ему вздумается?

Бел-Сидек укрылся в тени дома, и парочка прошла мимо, не заметив его. Они были чересчур поглощены собой. Женщина передвигалась с видимым усилием – очевидно, утренний допрос не прошел ей даром. Предатель как-то странно держал левую руку – точно поранил ее.

В любой момент могли начать собираться атаманы. Но дело это нуждалось в расследовании. Бел-Сидек покорно вздохнул, доковылял до двери плотника, постучался.

Дверь распахнулась, но лицо открывшего ее человека выражало такую холодность, что бел-Сидек отшатнулся.

– Можно войти?

– Нельзя.

Откровенная грубость ответа ошарашивала. Как тут поступить?

Плотник сам лишил себя преимущества – шагнул за порог, прикрыл дверь и заговорил первым:

– Нам не интересны эти игры старины. Все равно, вы в них играете или еще кто. Оставьте нас в покое.

– Кушмаррах…

Плотник плюнул под ноги бел-Сидеку.

– Вы – это еще не Кушмаррах. Воры и вымогатели, пытающие женщин и похищающие детей, не смеют говорить от имени Кушмарраха. – Он сплюнул снова.

Бел-Сидек не смог сдержать копившийся весь день гнев.

– Аарон, мы ни одного ребенка и пальцем не тронули!

– Вы глупы, если верите в это. Глупец, не понимающий, что

творят подчиненные за его спиной, и потому еще более опасный. Непонимание – страшнее тысяч кинжалов. Убийца с ножом перережет человеку глотку, а дурак – погубит целый город.

– Аарон…

– Задайтесь наконец вопросом: пусть Живые не похищают детей, как смогли они показать отцу украденного у него ребенка? Когда найдете ответ, поделитесь со мной, если сочтете нужным Возможно, тогда я соглашусь поговорить с вами.

Бел-Сидек не знал, что сказать. Плотник вел себя так необычно, был так расстроен… Должно быть, произошло нечто экстраординарное, выведшее его из равновесия.

– Аарон…

– Убирайтесь. Оставьте нас в покое. Вы не знаете меня, я не знаю вас.

– Хорошо, Аарон, хорошо. Не настолько же я глух к доводам разума. – Кроме того, нет времени хорошенько надавить на этого упрямца.

– Рад слышать – если это правда. Одну вещь я все же должен вам сказать. Дартарский воин, который прятался ночью в переулке Тош, в полночь видел там женщину. Дартарин не знает ее. Но по его описанию – подобной красавицы он отродясь не видывал. Дартары большие чудаки, но не до такой же степени, чтоб счесть красавицей Рейху, подругу моей жены. Покойной ночи.

Бел-Сидек с минуту постоял перед захлопнувшейся за плотником дверью. Единственная мысль была в его голове – Живые проиграли войну даже здесь, в этом квартале, где люди имеют все основания ненавидеть завоевателей.

Он развернулся и начал с трудом подниматься в гору. Это поучительное поражение необходимо обсудить при встрече с атаманами.

* * *

Эйзел вышел из трактира Мумы вскоре после захода солнца. Несколько маневров – и он убедился, что люди полковника Бруды по-прежнему у него на хвосте. Эйзел засек четверых. Ничего себе! Значит, есть и еще, более ловкие. Похоже, он допустил серьезный промах.

Эйзел не стал принимать никаких особых мер предосторожности, только самые обычные – как человек, который вовсе не ожидает слежки. Пускай расслабятся, почувствуют себя уверенно. Встряску он им устроит позже, когда действительно

понадобится.

Эйзел свернул было на Священный проспект, широкую улицу на полкилометра севернее улицы Чар, ведущую от порта к акрополю. Но тут же пришлось дать задний ход: проспект запрудили геродианские солдаты, немедленно подвергавшие допросу любого, кто осмеливался попасться им на глаза. Эйзел подивился происходящему, но выяснять, что стряслось, не было времени.

Шпики Бруды неотступно следовали за ним узкими переулками: до поры до времени Эйзел не мешал им. Ничего интересного они все равно не узнают.

Однако, не дойдя чуть-чуть до дома бел-Шадука, он легко отделался от слежки: свернул за угол и влез на крышу.

Эйзел пробежал над несколькими домами – до места, откуда мог наблюдать за окнами бел-Шадука.

Из них лился необычный яркий свет. Как правило, кушмаррахане ложились спать с наступлением темноты, стремясь ради экономии обходиться естественным освещением. Значит, предположения Эйзела подтвердились.

– Не думал я, что ты сваляешь такого дурака, старина Ишабел, – пробормотал он.

Вскоре свет в окнах потускнел. Кто-то выглянул из дома. Не заметил ничего подозрительного. Вышел. А вслед за тем целая шайка, больше семи человек. Они разошлись в разные стороны. Но не вызывало сомнений, что цель у всех одна.

И Эйзел отлично знал какая. По крышам он торопливо направился на юг. Так проще, чем красться за ними, рискуя привлечь к себе внимание.

– Безмозглый чурбан, – ругался он. – Видать, она посулила ему изрядный куш.

По пути Эйзел не встречал помех. Здешние атаманы, повелители крыш, нынче затаились в своих норах. Что бы это значило? Хочется надеяться, что дело в погоде: мелкий холодный дождь не располагал к прогулкам.

Еще до появления банды Ишабела ему удалось занять самую выгодную для наблюдения за улицей Чар позицию. Даже хватило время разведать наиболее удобные пути к отступлению – своему и их.

Дурачина всерьез намерен попытаться. Что ж, зрелище обещает быть захватывающим. Эйзел приготовился насладиться им. Одно плохо – место превосходное, тактически безупречное, но чертовски сырое.

* * *

Генерал Кадо в третий раз, буква за буквой, перечел письмо Розана. Полковник Бруда не отрываясь смотрел в окно.

Ему нравилась не по сезону пасмурная, холодная погода: она многих удержит дома этой ночью, и передвижение войск может пройти почти незамеченным.

– И вы всему этому готовы поверить? – спросил Кадо.

– Всему – и ничему. Я полагаю. Розан сообщил нам то, во что верит сам. Но не исключено, что он был обманут.

– Наш Розан представляется мне все более и более загадочной личностью. Он рассказал мне, что выучился по-геродиански в бытность свою матросом. Однако многие ли, даже среди купечества, умеют читать и писать на родном языке, не говоря уже об иностранном?

– Он славно поработал на нас.

– Знаю, знаю. Вот наглядное тому доказательство – если хоть половина из этого правда. – Кадо нервно мял в руках письмо. – Генерал Ханно бел-Карба, который, предполагалось, шесть лет как мертв, убит с помощью колдовства, и в ту же ночь Живые перерезали мортиан Сулло в поместье женщины, мнящей себя вдовой бел-Карбы. Нашего агента Розана избрали в почетный караул на похоронах – и он имел возможность осмотреть и опознать тело. И вы готовы поверить…

– Я ничего не могу опровергнуть. Утверждения Розана не противоречат донесениям человека, посланного следить за ним.

– Но не каждую же минуту он был под наблюдением.

– Не каждую. Он весьма осторожен. Всегда.

– Он пишет, что чувствует слежку, и не будем ли мы так добры избавить его от опеки. Живые, мол, могут заподозрить неладное: они считают его чересчур мелкой сошкой, не достойной подобной чести.

Бруда усмехнулся.

– Он всегда был нахальным ублюдком.

– Скользким ублюдком.

– Но полезным.

– Это не важно. Я никогда не смогу до конца доверять человеку, не служившему в армии, не прошедшему проверку боем. Он не пришел к нам добровольно. Он лишь перевербованный кушмарраханский агент.

Бруда по-прежнему вглядывался в темноту за окном.

– Продолжайте слежку.

– Конечно. Хотя бы из личного любопытства – мне никак не удается выяснить, кто он и откуда взялся.

Кадо проворчал что-то себе под нос и перечел письмо еще раз.

– Выходит, Сулло послал свою ведьму отомстить за мортиан?

Бруда покачал головой.

– Нет. Мелковато. Два деяния далеко не равноценны. Если Сулло действительно убил бел-Карбу, то не из-за мортиан. Думаю, он знать о них не знал, пока не открыл тот сундук.

– Гм? Складно говорите. Продолжайте.

– Вы знаете Сулло. Представьте, он приезжает в Кушмаррах – и сразу такой подарок: бел-Карба жив и возглавляет Союз. Более того, он узнает, где скрывается старик. Что, по-вашему, предпринял бы Сулло?

Ответ напрашивался сам собой.

– Захватил бы Ханно во что бы то ни стало, а нас бы потребовал убрать как не справляющихся со своими обязанностями.

– Но он этого не сделал.

– Не сделал. Следовательно, ставки еще выше?

– Возможно. – Бруда забарабанил пальцами по оконному стеклу, обдумывая свою теорию. Собственно, он занимался этим не переставая – с тех пор как в первый раз прочел послание Розана. – Помните, убийство в Харе. То, на днях. Говорят, убитый был атаманом округа.

Кадо пробурчал что-то в знак согласия.

– В Харе сложилось мнение, что убрали его Живые, а вовсе не грабители. За то, что он использовал положение в Союзе для личного обогащения, тратил деньги на шлюх, а не на борьбу с Геродом. Смерть его должна служить предостережением остальным атаманам, доказательством, что виновным не уйти от карающей руки Живых.

– И что дальше?

– Слушайте. Мартео Сулло высоко метит. Он стремится к почестям. Хочет занять видное положение в правящих имперских кругах. Мне пришло в голову, что кто-то из Живых предложил ему сотрудничество в обмен на устранение несговорчивого старика. А связь с подобной организацией, которую повсеместно поддерживают все недовольные режимом, весьма ценна для человека амбициозного и не особо честного.

– Может быть. – Генерал Кадо в пятый раз просмотрел письмо. Оно навело его на еще одну интересную мысль. – Предположим, Сулло в самом деле в чем-то замешан. Но как схватить его за руку?

– А зачем? Я сам создам доказательства.

– Каким образом?

– Мы велим Розану убрать Сулло, подражая способам казни, которые используют Живые. Подумайте, какой шум поднимется

из-за предавшего Союз атамана.

Кадо расхохотался и, поднявшись, тоже подошел к окну. Бруда задумчиво наблюдал за сбегавшими по стеклу струйками воды.

– А вы хитрее, чем я думал.

– Мы избавимся от Сулло, а заодно внесем разлад в ряды Живых. Они начнут подозревать друг друга, выслеживать, искать негодяя.

– Словом, одним выстрелом двух зайцев. Неплохо, неплохо, – усмехнулся Кадо. – Дайте мне день все обдумать. Посмотрим, не упустили ли мы чего.

* * *

В дартарском лагере, приняв несколько излишние даже меры предосторожности, Фа'тад ал-Акла заперся с десятью наиболее доверенными своими командирами. Каждый из них провел бок о бок с Орлом не меньше десяти лет. Фа'тад выслушал доклады по лабиринту. Две веши не вызывали сомнения. Первое – легенды о квартале Шу не имеют под собой ни малейшей почвы. И второе – обитатели лабиринта близки к отчаянию и вскоре начнут сопротивляться.

Орел наконец поведал командирам, чего добивается. Они ужаснулись – и восхитились его безрассудной смелостью. Реакция эта порадовала Фа'тада. Он был озорным старым забиякой.

Бега, один из братьев Джоаба, излишне твердо, пожалуй, стоящий двумя ногами на земле, с сомнением покачал головой:

– Я не каменщик. Не знаю, подействует раствор как надо в такую погоду?

Шел несильный, но занудливый, ни на минуту не прекращающийся дождик.

Фа'тад тоже не знал. Впрочем, это несущественно. Почти все выходы из лабиринта уже замазали и заложили камнями. Завтра каменщики поступят так же с ведущими на крыши ходами. Останутся лишь несколько, самые важные.

* * *

В Шу Йосех отошел от входа в переулок Тош, отыскал Ногаха.

– Пойди-ка взгляни, – прошептал он. – Похоже, сейчас что-то случится.

* * *

В крепости Зуки очнулся в первый раз со времени своей встречи с Чаровницей. Он был смущен и перепуган, хотя мало что понял. Но даже эти воспоминания были смутными, как будто он грезил наяву. Какие-то неведомые места, события… Все такие странные, непонятные – мозг мальчика отказывался воспринимать их. И вдобавок неприятное чувство, словно внутри поселился кто-то еще, чужой и страшный.

Откуда-то донесся удар грома.

Через секунду Зуки снова погрузился в спасительное забытье.

* * *

Торго беспокойно шагал по своим покоям. Он был встревожен, испуган.

Происходило нечто необычайное. Он ничего не понимал. Он нуждался в помощи Чаровницы. Она бы подсказала, что делать. – Но евнуху не удавалось разбудить госпожу.

Эйзел не являлся за мальчиком. Он опаздывал, сильно опаздывал. Приближалось назначенное Ишабелу время. Выполнил ли он приказ?

* * *

У себя дома в Шу Сису бел-Сидек совещался с атаманами. Он хотел, чтобы каждый назвал своего возможного преемника.

* * *

На улице Чар Ишабел бел-Шадук подал условный знак.

Глава 14

Мальчики, утомленные дневными событиями и постоянным возбуждением, наконец уснули. Но женщины не смыкали глаз. Аарон тоже сомневался, что ему удастся заснуть. Между тем было уже поздно, а погода улучшалась, и назавтра предстоял рабочий день.

Еще один, потом – выходной. Аарон надеялся, что его геродианские хозяева уладят свои политические разногласия и вернутся к строительству кораблей.

Он поднялся задуть свечу.

Кто-то постучал в дверь.

Аарон выругался про себя. Не послать ли их к черту? Но в следующую минуту он осознал, что и Рейха, и бел-Сидек стучали иначе – не так резко, властно. Аарон почувствовал легкое головокружение. Ему опять стало страшно.

Стук повторился. Лейла, ее мать и Миш сели на постелях и уставились на Аарона.

С тех пор как дартары вплотную занялись лабиринтом, на улице Чар не случалось никаких происшествий. Только законченный тупица мог решиться на преступление под надзором дюжины воинов, расположившихся на углу переулка Тош.

Аарон подошел к двери, недоуменно глянул на торчавший из нее нож. Он не вынимал его, совсем забыл об этом, а женщины тем паче: последние день-два они делали вид, что Аарон единственный в доме господин и повелитель.

Он отодвинул засов, потянул дверь на себя, набрал в легкие побольше воздуха, чтоб обругать незваного гостя…

Дверь резко подалась, ударила Аарона в грудь. Дыхание у него перехватило, он шлепнулся на пол. Двое мужчин проникли в дом. Один перешагнул через протянутую ногу Аарона и занял позицию у противоположной стены. Вслед за первыми ворвались еще двое. Последний из них приставил нож к горлу ошеломленного хозяина.

Закричали женщины.

– Проклятие! Хватайте его, живо! – пролаял остановившийся на пороге человек.

* * *

– Куда он, черт побери, запропастился? Ага!

– Вот он! – отозвался другой.

– Ариф! Нет! – завизжала Лейла.

Миш кошкой напрыгнула на спину бандита, угрожавшего Аарону. Воспользовавшись замешательством противника, Аарон вскочил и попытался захлопнуть дверь. Но наткнулся на загородившего выход предводителя.

Старуха Рахеб с размаху опустила тяжелый горшок на голову человека у стены.

Аарон выхватил из двери нож и ударил им вооруженного врага. Он не помнил, чему его учили в армии. В голове вообще не было ни одной мысли – только ужас и гнив. Он почувствовал, как нож вошел в тело, между ребер.

Один из уцелевших еще бандитов отшвырнул Лейлу на другой конец комнаты. Второй схватил Арифа, развернулся, ударил Рахеб ногой в живот и кинулся к двери. Товарищ его пытался поднять приятеля, которого старуха успела огреть по голове.

Аарон подобрал оброненный раненым нож и стал в дверях. Он прочел страх в глазах не выпускавшего Арифа человека – страх, что не удастся отсюда выбраться.

Краем двери Аарона ударило в спину, а бандит с Арифом на руках нанес ему неловкий, но сильный удар в шею и вырвался наружу. Оттуда раздавался отчаянный крик:

– Иш! Тревога!

Последний из нападавших бросил свою ношу и тоже поспешил к выходу. По дороге он злобно пнул Аарона в лицо.

Не прошло и минуты, Аарон пришел в себя и снова схватился за нож. Из носа и рта текла кровь, но, подгоняемый воплями сына, он, прихрамывая, выбрался на улицу.

* * *

Когда раздались крики, Йосех и Ногах только вступили в переулок. Они сразу же вернулись взглянуть, что происходит.

– Сюда, идите сюда! – позвал Ногах уже углубившихся в переулок дартар, и братья побежали по улице вниз, в сторону, откуда раздавались крики.

Навстречу им выскочил укрывавшийся в тени человек.

– Иш! Тревога! – Он попытался проскочить мимо дартар, но Ногах выхватил саблю и зарубил его на месте.

Йосех был вооружен копьем. В следующую секунду он метнул его в тащившего Арифа похитителя. Йосех не успел подумать о мальчике и, бросок оказался безупречен – копье поразило негодяя в самое сердце.

Ребенок сопротивлялся изо всех сил, но второй похититель подхватил его. Еще один появился на пороге. Сверху, из темноты, на помощь им спешили другие, вслед за Йосехом из переулка высылали дартары.

Схвативший мальчонку разбойник потянулся к поясу в точности таким же движением, как тот человек в переулке. Йосех закрыл глаза ладонью, криком попытался предостеречь остальных.

Ослепительная вспышка. Вопли. Йосех отнял руку от лица и кинулся вперед. Мужчина с мальчиком тоже опустил руку и, видимо, был изумлен, что за ним гонится дартарин с ножом.

Рука его снова зашарила по поясу. Йосех снова закрыл лицо. Крики становились все оглушительнее: дартары, выскочившие из переулка позже и потому не ослепленные огненным порошком, нападали на всех не одетых в черное прохожих. Стонали раненые. Снаряжение похитителей явно не было рассчитано на схватку с воинами, вооруженными мечами и копьями.

– Не убивайте всех! Захватите пленных! – кричал Ногах.

Новой вспышки не последовало. Зато Йосех получил удар ногой в живот, и такой сильный, точно его лягнул мул. Он подался назад, давясь, не в силах перевести дух. Началась рвота. Юноша изверг все съеденное за день, а позывы не прекращались.

Окружающее, он видел словно в тумане. Бандит убегал. Меджах с Косутом прикончили остальных похитителей. Меджах едва успел помешать Косуту заколоть и отца Арифа. Тот помог Йосеху подняться на ноги.

Негодяй с Арифом на руках нырнул в первый переулок к северу от улицы Чар. Йосех с отцом мальчика, прихрамывая и шатаясь, точно пара пьяниц, пустились в погоню, туда, откуда раздавались крики ребенка.

* * *

При виде выскочивших из переулка Тош дартар Эйзел покачал головой. Тупой самонадеянный дерьмец Ишабел не подозревал, что они могут тут оказаться. Идиот. Как это идти на дело, не разведав обстановку? Теперь он поплатился за свою глупость.

Ага, огненный порошок… Велика важность! Это уже ничего не изменит.

Ух! Что за чертовщина?

В самую гущу свалки врезались еще четыре бравых молодца. Эйзел усмехнулся… Парни Бруды решили взглянуть, из-за чего

шум. Видимо, потеряв порученного их попечению Эйзела, они стали следить за людьми Ишабела. Дартарам же было без разницы, кого рубить. Они смотрели только на одежду – кто не в черном, тот враг. Их становилось все больше.

Ха! Ишабел потерял надежду на пламя и начал орудовать кулаками. Ему удалось расчистить проход, и он не преминул этим воспользоваться.

Эйзел с трудом поднялся с крыши и побрел прочь, бранясь про себя, потому что совсем одеревенел, сидя в сырости и холоде.

Нетрудно додумать, что будет делать человек, если знаешь, что он должен сделать. Ишабел должен был заткнуть мальчишке рот, иначе далеко им не уйти. И заткнуть, ни в коем случае не поранив ребенка, не повредив ему – иначе вся затея теряла смысл.

Значит, Ишабелу понадобится место, где он мог бы на минуту незаметно остановиться и прислониться спиной к стене.

Эйзел знал место, лучше которого не найти. И если Ишабел все же произвел какую-то разведку, он тоже его знает и направится туда прямо сейчас.

Эйзел шел по крышам и потому мог избрать самый короткий путь.

Тупик, щель между домами, три шага в ширину и десять в длину, темная, как сердце Накара. Смертельно опасная ловушка, в которую полез бы лишь человек, уверенный, что с помощью кулаков или огненной пыли способен отразить нападение.

Эйзел заполз в щель и съежился в углу. Черти бы драли этого Ишабела! Чего он копается? Сколько можно ждать? Тут замерзнуть недолго.

Но Ишабел появился очень скоро – едва различимая в темноте фигура. Он повернулся спиной к выходу и занялся мальчишкой. Эйзел выпрямился и двинулся вперед со всей возможной осторожностью. Чем-то он все же выдал себя. Копошившееся во тьме существо замерло, еще секунда – и Ишабел начал бы обороняться. Но Эйзел приставил нож к его спине.

– Ни с места.

– Эйзел?! – Ишабел окаменел.

– Ты все испоганил, Иш. Теперь весь город – как растревоженный муравейник. Все мозги себе сломают, пытаясь понять, что же произошло. И не исключено, что, подумав хорошенько, они докопаются до истины.

– Я твердил им то же самое. Но меня не захотели слушать. Она говорит, что парнишка – тот самый, что он-то ей и нужен. Слушай, надо сматываться. Они гнались за мной по пятам.

Ишабел все-таки был молодцом. Эйзел чуть было не прозевал то едва уловимое движение, которым он потянулся к поясу.

Чуть было.

Эйзел надавил на рукоятку ножа. Смертоносное лезвие вошло в тело. Ишабел пошатнулся и начал сползать вниз по стене. Пакет с огненным порошком выпал из его рук, так и не раскрывшись. От удара о землю он порвался, высыпалось несколько крупинок. Они загорелись, но не взорвались и с шипением гасли. Эйзел оттолкнул умирающего и нагнулся к потерявшему сознание мальчику.

Послышались шаги. Эйзел поднял голову и встретился глазами с молодым дартарином, который уже дважды вставал на его пути.

Но Эйзел подавил гнев, заставил себя действовать спокойно и четко. Он поднял мальчика и подбросил его вверх, так, чтобы часть тела ребенка очутилась на крыше. Там Эйзел и оставил его и только потом повернулся к дартарам, к тому времени подоспел и второй, и оглядел их при свете тлеющих еще крупинок огненной пыли.

Что ж. Они составят компанию Ишабелу. Тем, кто найдет трупы, придется поломать головы над этой головоломкой – все трое мертвы, а парнишка исчез.

– Ты достал меня, глупый верблюжатник. Два раза это сходило тебе с рук. Но третий – уже многовато. Он станет последним. – Эйзел двинулся на дартарина.

В ответ тот открыл лицо. Черт побери, да это же сопливый мальчишка! Перепуганный щенок, сжимающий нож в левой руке. Правую руку он как-то странно заложил за спину, точно она была повреждена или…

Эйзел приготовился к прыжку.

Дартарин выбросил из-за спины руку с копьем.

Эйзел успел уклониться и занять оборонительную позицию. Это спасло ему жизнь, но наконечник копья скользнул по левой щеке и разворотил ухо. Эйзел ухватился за древко и потянул копье к себе.

Дартарин вцепился в оружие мертвой хваткой и вдобавок разъяренно брыкнул противника левой ногой. Эйзел извернулся, но удар пришелся выше, чем он рассчитывал, и угодил по правому локтю. Рука сразу онемела. Нож выпал из нее. Эйзел пнул дартарина коленом и одновременно негнущейся рукой выбил нож из левой руки юноши. Дартарин согнулся от боли. Эйзел схватил его и начал душить в медвежьих объятиях.

Но тут второй воин пырнул Эйзела ножом под ребра.

Эйзел еще раз ударил младшего дартарина ногой в живот, но

почувствовал, как боль пронзает тело и хватка его ослабевает. Он толкнул юношу на руки товарища, отступил на пару шагов и подпрыгнул.

С первой попытки по-прежнему плохо слушавшаяся рука подвела Эйзела. Он соскользнул вниз. Подпрыгнул снова. Второй дартарин вонзил нож ему в икру и попытался стащить вниз. Эйзел ударил его по голове правой ногой, подтянулся и оказался на крыше. Затем он вытащил нож из икры и втянул мальчишку к себе. Теперь дартары не могли добраться до ребенка и отнять его у похитителя.

Снизу не доносилось ни звука. Эйзел полежал с минуту, корчась от боли, пока не услышал приглушенный шепот, доносившийся из темноты. К тупику осторожно приближались отставшие дартары. Эйзел заставил себя подняться, подхватил мальчишку и пошел прочь.

Он старался не обращать внимания на жгучую боль от ран на лице, в икре и в боку. Не таков ты, чтоб раскиснуть из-за ничтожных царапин, уверял себя Эйзел.

* * *

С улицы в комнату проникли отчаянные вопли, шум, грохот.

– Что за черт?! – проворчал бел-Сидек. Зенобел направился к двери.

– Стоять! – рявкнул бел-Сидек. – Погасите лампы. Что бы это ни было, мы не должны привлекать к себе внимание.

Лампы погасили. Бел-Сидек подошел к двери и чуть приоткрыл ее. Теперь доносившийся до атаманов шум превратился в шум битвы.

– Банда дартар напала на группу кушмаррахан. Дикари устроили настоящую резню, – сообщил бел-Сидек.

– Зачем? – пожал плечами Карза.

– Откуда же мне знать? – Бел-Сидек был не на шутку встревожен.

– Что понадобилось дартарам среди ночи на улице Чар? – спросил Зенобел.

– Почему бы вам не спросить их самих? – Бел-Сидек подвинулся, чтоб атаманы тоже могли по очереди украдкой посмотреть в щель. В конце концов Зенобел оттеснил остальных. Он занял пост у двери и начал извещать сидевших в темноте товарищей о событиях на улице.

– Принесли факелы. Подбирают убитых и раненых. Похоже, трое захвачено в плен и семеро убито. Среди них ни одного

дартарина. Восьмой труп… Несут еще… Похоже, готовятся допрашивать оставшихся в живых.

Несколько человек стоят в дверях, говорят о чем-то, размахивают руками. Странно. Никто не подойдет поближе.

– Ничего странного, – проворчал бел-Сидек, – не забывайте, в каком квартале находитесь. Здесь ночь принадлежит выродкам из лабиринта. Хватит, закрывайте дверь. Нами они не интересуются – и ладно, остальное не важно. Зажгите лампу, Король. Но не больше одной. Так никто не может предложить замену Ханно бел-Кайфы?

– Но почему вы ему не доверяете? – спросил Салом Эджит.

– Доверяю, Салом. Дело не в этом. Он мне чрезвычайно неприятен. Неприязнь настолько сильна, что, боюсь, помешает совместной работе.

Зенобел снова осторожно выглянул наружу. Не увидел ничего занимательного и решил попытаться еще разок через несколько минут. Поэтому он не стал задвигать засов, а просто придержал дверь рукой. И вдруг она распахнулась, да так резко, что Зенобел едва устоял на ногах.

* * *

Дартары почти вынесли Аарона из переулка. Но пока они добирались до улицы Чар, раненый настолько оправился, что мог идти самостоятельно. Запинаясь, с трудом ворочая языком, он предложил им занести в дом и Йосеха, чтоб на свету осмотреть раны юноши.

На пороге Аарон остановился. Дартарин с саблей наголо остался сторожить на улице. Тела поверженных разбойников уже выкинули из дома. Лейла, избитая, но державшаяся на ногах, склонилась над распростертым у камина телом матери. Миш забилась в угол и, тихо всхлипывая, прижимала к груди Стафу.

Лейла взглянула на мужа. Аарон покачал головой. С утратившим всякое выражение окаменевшим лицом она поднялась, чтоб осмотреть его раны. Аарон посторонился, давая проход дартарам, внесшим в комнату Йосеха. Не спрашивая хозяев, они перетащили в дом и остальных пострадавших. Лейла не возражала. Дрожащими пальцами коснулась она лица Аарона. Он поморщился.

– Как Рахеб?

– Думаю, у нее внутренние повреждения. – Судя по голосу, Лейла была близка к истерике.

– Ради Арама, не надо, успокойся. Как ты сама? Как Стафа и

Миш?

– С нами все в порядке. – Она прижалась к нему. – Что мы сделали тем людям, Аарон? Как они решились на такое?

– Не знаю. Но намерен узнать. – Аарон бережно отстранил жену, подошел к ящику с инструментами и извлек из него тяжелый бронзовый молот.

– Куда ты, зачем?

– Пойду перебью бел-Сидеку вторую ногу. Буду избивать мерзавца, пока не скажет правду. – И Аарон искренне верил, что намерения его именно таковы, хотя в следующую секунду понял всю абсурдность своих слов.

– Аарон…

– Они забрали Арифа, Лейла. Как раньше Зуки. Я не могу сидеть сложа руки. – На пороге он столкнулся с двумя братьями Йосеха. – Заходите.

* * *

Возникшая в дверном проеме фигура повергла бел-Сидека в совершеннейшее недоумение. Плотник выглядел так, словно его избили до полусмерти, но при этом весьма внушительно. Вдобавок он угрожающе помахивал здоровенным молотком.

– Аарон?

– Отдайте мне сына, бел-Сидек. Ваши люди украли моего сынишку и убили его бабушку. Если вы не вернете его, я с удовольствием приду полюбоваться, как геродианские палачи вздергивают вас на виселицы.

Бел-Сидек содрогнулся. Он понял угрозу. Плотник знал или подозревал достаточно, чтобы нанести движению непоправимый ущерб.

– Успокойся, Аарон. Я понятия не имею, о чем ты толкуешь. Твой сын не у меня.

– В точности как с Зуки, сыном Насифа. Вы ничего о нем не знаете, но можете показать отцу в любой момент, когда вам что-нибудь нужно от Насифа.

Как поступил бы в такой ситуации Генерал?

Плотник начинал нервничать, мяться. Вспышка гнева отняла у него последние силы. Он не ожидал, что в комнате будет полно людей с тяжелыми мрачными лицами.

Он все же шагнул вперед, приподнял молоток… Зенобел, Карза и Дабдад вскочили. У Зенобела были глаза убийцы.

– Подождите, – остановил их бел-Сидек.

Дартарский воин шагнул в комнату, приставил саблю к горлу

Зенобела. За ним еще двое подошли к Карзе и Королю. Те в страхе отступили.

– Старику все известно, Аарон? – спросил первый дартарин.

– Думаю, да. Если не ему, то одному из них. Бел-Сидек торопливо соображал. Плотник скорее всего понимал, кто перед ним. Но не выдал их. Пока не выдал.

– Чего ты хочешь, Аарон?

– Вы знаете чего: хочу получить назад сына. И хочу, чтоб вы и ваши люди оставили нас в покое. Навсегда.

Или он скажет дартарам, где они могут накрыть сразу всю верхушку Союза Живых.

– Ногах! Солдаты идут, – окликнул голос с улицы. Дартарин с саблей отпихнул Зенобела, подошел к бел-Сидеку, вгляделся в него.

– Я видел твое лицо, старик, и запомню его. – Воин медленным торжественным движением сдвинул маску. Открылась ужасная, покрытая рубцами и шрамами физиономия. – Времени у тебя в обрез – пока завтрашней ночью туман не поднимется над городом. Тогда я приду за тобой, Дартарин отвернулся, положил руку на плечо плотника и бережно повел того к выходу. Остальные дартары вышли следом, захлопнув за собой дверь.

– Молчать! – прикрикнул бел-Сидек на готовых разразиться гневными возгласами атаманов. – Кто-нибудь понимает, что здесь творится?

В ответ послышался глухой возмущенный ропот. Кроме Карзы, действительно никто ничего не понимал.

– Пожалуйста, помолчите. Вижу, вы недостаточно знакомы с обычаями дартар. А следовало бы. Но вы никогда не служили вместе с ними. Когда воин снимает маску, это в понимании дартар, значит “показать лицо смерти”. Иначе говоря, он поклялся затравить нас, если похищенный ребенок не вернется домой. Напоминаю вам, что почти все собравшиеся на улице дартары его братья, родные или двоюродные. Когда их введут в курс дела, они наверняка подхватят эту клятву. Дикари склонны к патетике.

Зенобел презрительно хмыкнул, с отвращением сплюнул на пол. Но другие атаманы урезонили его. Бел-Сидек поднялся.

– Мне решительно ничего не известно о похищениях, совершают ли их члены Союза, или кто-либо еще. Но подозреваю, некоторые из вас кое-что знают. – Волоча больную ногу, он побрел к двери. – Если это в самом деле так, вы обязаны сообщить мне. В народе крепнет уверенность, что Живые виновны в похищениях, по крайней мере замешаны в них. Движению грозит гибель. – Он осторожно приоткрыл дверь.

Топ-топ-топ-трах-тах-топ. Бел-Сидек не мог не узнать эти звуки: то маршировали солдаты.

– Они приближаются.

Во главе отряда шагал безжалостный полковник Бруда. Мурашки побежали по коже бел-Сидека. Слишком уж все вдруг заинтересовались этой частью округа Шу.

На горизонте он заметил первые змейки тумана. Разве так рано? Он думал, сейчас гораздо позже.

Ну и денек!

Как Бруде удалось так быстро вооружить и снарядить солдат? Неужели челюсти рока готовы сомкнуться на шее Союза?

– Туман опускается на город, – заговорил бел-Сидек. – Воин дал нам шанс: когда туман закроет улицу Чар, мы покинем это помещение. Надеюсь, раньше, чем до дартар дойдет, кого они упустили. Больше не возвращайтесь сюда. Я переезжаю. Свяжусь с вами позже. На всякий случай тоже будьте готовы сняться с места.

Он оглядел подчиненных. Слабая надежда, что они способны тягаться с дартарами, умерла. Атаманы могли вспылить, но, по сути, всегда оставались сдержанными, благовоспитанными людьми.

– Мне нужен этот мальчик, господа. Он где-то здесь, в Кушмаррахе, и мы располагаем средствами найти его. Если к закату он не будет в моих руках – я спрошу с вас. И боюсь, настроение у меня будет неважное. Все все поняли?

* * *

За многие годы Эйзел научился переносить даже самую непереносимую боль. Он бывал ранен тяжелее и все равно справлялся со своей слабостью. Но в те времена он был моложе и, по правде говоря, больше заинтересован в победе. А теперь он утратил к ней вкус. Нынче ночью эта проклятая выгребная яма будила в нем лишь одно желание – убраться подобру-поздорову, пока не изрезали на мелкие кусочки.

Его призвание – за всеми следить, со всеми играть в свои темные игры и в глубине души плевать на всех и вся. Бруда приставил к нему шпионов. Что ж, значит, он, Эйзел, хорошо сделал свое дело. Умный человек прекращает игру, пока удача на его стороне.

Он скроется. Пусть Бруда и Кадо помучаются без главного своего слуги. Ничего, найдут другого. Голодных парней, готовых за деньги прирезать кого угодно, всегда хватает. А новый Генерал

Живых… ему тоже придется несладко. Хромоногому не сохранить положение в Союзе: слишком многие тайны останутся для него за семью печатями.

Через пять минут Эйзел исчезнет с лица земли.

Но эту штуку с Накаром необходимо закончить. Учитывая новые обстоятельства, придется иметь дело с идиотом Торго – сейчас он единственное доступное орудие.

Эйзел шел по крышам, пока это было возможно. Спускался он, лишь когда щель между домами оказывалась слишком велика, чтобы перепрыгнуть ее. Раны ныли, особенно мучила нога. Зато удалось избежать неприятных встреч, хотя волнение в квартале так и не улеглось. Шу гудел, как потревоженный улей.

Эйзел примостился на краю последней крыши, вгляделся в акрополь. Мальчонка лежал рядом на черепице и похрапывал. С неба капало, но что-то невразумительное, даже дождем не назовешь.

Черт-те что творится в городе нынче ночью. Ужасно неспокойно. Особенно вокруг Дома Правительства. Какое-то непонятное, засекреченное передвижение войск. Неужели все из-за заварушки в Шу? Вряд ли. Солдаты, повсюду солдаты…

Кадо хочет провести часть своего войска в порт, не привлекая лишнего внимания, пока горожане спят.

Парнишка и не думал просыпаться. Поэтому Эйзел мог притаиться и ждать, терпеливо, словно ящерица. Время от времени он растирал раненую икру. Целая толпа солдат, кушмаррахан и дартар, появилась со стороны улицы Чар и направилась к Дому Правительства. Эйзелу не удалось разглядеть хорошенько, но показалось ему, что возглавляет толпу сам полковник Бруда.

Еще один довод в пользу выхода из игры.

Надо бы передать сообщение Муме, чтоб он тоже мог сделать свой выбор.

Многие годы парень был безотказным и честным партнером. Он заслужил шанс спасти свою шею. Вещи у трактирщика давно собраны. Он ждет лишь предупредительного сигнала.

Компания с улицы Чар прошла. Эйзел решил, что теперь самое время спускаться. Он взял ребенка на руки, спрыгнул с крыши. Нога подогнулась, он чуть не уронил мальчишку.

Идти он мог только не сгибая ногу. Пробраться таким манером через Черный ход Судьбы было трудновато, но Эйзел справился и с этим.

Торго он застал спящим. Евнух пропустил сигнал тревоги или скорее всего не успел произнести нужное заклинание.

– Ау, Торго…

Евнух вскочил и потянулся к клинку, напоминавшему старинную абордажную саблю.

– Ну-ну, полегче, парень.

– Эйзел. Да тебя не узнать… Что стряслось?

– Неприятности у нас, братишка. Возьмешь ты наконец ребенка? Не видишь – я с ног валюсь.

Торго взглянул на мальчика, словно перед ним была ядовитая змея.

– Осторожно с ним. Это тот самый, которого вы велели бел-Шадуку сцапать любой ценой. Закончить работу он не смог, пришлось мне пособить.

Евнух бережно взял малыша на руки и окинул Эйзела подозрительным взглядом.

– Почему не Ишабел принес его? Как ты вообще узнал об этом?

– Ишабел не мог принести мальчишку. Мертвецы не ходят. Поехали дальше. Я все расскажу, дай прийти в себя и зализать раны.

Первым делом Торго отнес ребенка в клетку к другим детям. Потом Эйзел рассказал о событиях ночи – чистую правду, – начиная со своего последнего разговора с Торго и вплоть до бегства Ишабела с улицы Чар с похищенным ребенком на руках. Выдумал лишь гибель Ишабела от ножей загнавших его в угол преследователей.

Жаль, что не удалось прикончить тех двоих. Маловероятно, что Торго когда-нибудь наткнется на них, да если и наткнется – невелика важность. Но истинный художник не допускает в своей работе ни малейшего брака.

С другой стороны, Эйзел был практичным, разумным человеком. Конечно, не стоило рисковать из-за одного-единственного незаметенного следа.

– Что такое с мальчишкой, которого ты собирался доставить Живым? С ним неладно, Эйзел. Она ранена. Мне пришлось ударить ее. Возможно, госпоже понадобится много дней, чтобы прийти в себя.

Эйзел нахмурился. Еще не хватало.

– Расскажи мне. Все.

Торго оскалился и хотел огрызнуться. Но безвыходное положение заставило его смириться и поминутно описать все случившееся.

В прежние времена Эйзелу случалось видеть кое-что из колдовских фокусов Накара. И сейчас он, не зная наверняка, заподозрил, что произошло. Чаровница неожиданно, без подготовки, наткнулась на чрезвычайно сильную душу.

Возможно, на самого Ала-эх-дин Бейха.

Евнух пристально разглядывал вновь доставленного мальчишку. Того самого, что им нужен, если госпожа не ошиблась. Эйзел стал мрачен: представилось, в какое ничтожество будет ввергнут он сам после… Пора начинать обхаживать Торго, а то евнух самостоятельно сочинит какой-нибудь безумный план.

– Второй парнишка подождет, Торго. Живые обойдутся. Я, не говоря уж ни о чем другом, просто не а" силах вернуться в город.

Вот-вот, вали все на свои раны. Всегда хорошо, когда тебя недооценивают.

– Слишком много людей выслеживает меня. Черт побери, если Живые не способны приглядеть за предателями денька два, в таком случае они просто недостойны пожинать плоды победы. Или ты не согласен?

Торго что-то проворчал в ответ.

Отлично, отлично. Сыграй на его мании. Помни: этот тип все же не совсем идиот. Пусть яиц у него нет, но мозги-то на месте.

– Я хочу попросить тебя об одолжении, Торго. Евнух вновь с подозрением взглянул на него.

– Понимаешь, есть один парень. Он помогал нам с самого начала. Конечно, в курс дела его не вводили. Но всю дорогу он был с нами. Надо сообщить ему, что пора смываться. Он это заслужил. Не говоря уж о том, что знает много чего интересного. И если его схватят и заставят заговорить… Хочу попросить тебя передать письмо – в нем я предупрежу парня.

– Зачем? – спросил Торго.

– Ну ты даешь, мужик. Да потому что я в долгу перед ним, а сам не могу выйти из крепости. И в ближайшее время не смогу. Ты понимаешь, что за штука такая "долг чести"? Нет. Гм. Тысяча чертей. Слушай, мы с тобой никогда не ладили. Мы друг другу не нравимся. Но мы работали вместе. Делали одно дело. У нас одни и те же друзья и враги. Несмотря на неприязнь, мы были честны друг с другом. Будь там, за стенами, ты, я позаботился бы, чтоб тебя предупредили об опасности. Потому хотя бы, что никому не хочу уступить удовольствия свернуть твою жирную шею.

Евнух колебался.

– Куда надо идти?

– Местечко называется "Постоялый двор Мумы". Недалеко от вершины холма. Обернешься минут за двадцать.

– Какого черта я что-то должен для тебя делать? – проворчал Торго.

– Какое твое самое заветное желание, парень? Не отвечай, не важно. Кажется, я уже догадался. И думаю, что знаю, как ты

можешь получить желаемое. Без всяких затруднений. Может статься, я даже скажу как – когда ты окажешь мне эту услугу.

С полминуты Торго внимательно изучал его.

– Хорошо. Что ты хочешь передать?

– Я напишу. Он поверит, только если узнает мою руку. Мума не умеет читать. Но Торго это не касается. Записка, собственно, для евнуха и предназначена. Он ведь не упустит случая сунуть нос в чужие дела. А Муме довольно будет и знака на конверте.

– Я принесу письменные принадлежности. – Торго, волоча ноги, вышел из комнаты. Вид у евнуха по-прежнему был недоверчивый.

Да уж, обхаживать его не так-то просто.

Глава 15

Аарон узнал остановившегося в дверях человека. Несколько лет назад он появлялся на верфи регулярно: то ли выслеживал шпиона, то ли, наоборот, пытался кого-то завербовать. Полковник Бруда, глава геродианской разведки, самый страшный из карателей генерала Кадо.

У Аарона замерло сердце.

Бруда окинул взглядом избитых членов семьи, раненых дартар. Он не казался расстроенным, разве что удивленным немножко. Безобидный лысый человечек. Ногах – он сидел рядом с Йосехом поднялся и пошел полковнику навстречу. Они обменялись несколькими словами, но Аарон не разобрал, о чем речь.

Миш придвинулась к Йосеху № что-то шепнула ему. Аарон начинал подозревать, что из-за удара по голове со слухом у него не все в порядке. Стафа подошел и уцепился за отцовскую ногу. Малыш еще не пришел в себя. Аарон посадил его на колени, успокаивающе похлопал по спине. Стафа крепко ухватил отца за рукав, как будто боялся утонуть.

Бруда подошел к Аарону.

– Это твой дом? Твоя семья?

– Да, сэр. – Голос Аарона дрогнул. Бруда взял его за подбородок, повернул, заставил посмотреть прямо себе в глаза.

– Выглядишь ты ужасно, но ранен, видимо, нетяжело?

– Нет, сэр, нетяжело.

– А кто-нибудь пострадал серьезно? Или их целью было только похитить твоего сына?

– Та пожилая женщина, моя теща. Ее пнули ногой в живот, У нее какие-то внутренние повреждения. Моя жена думает, что мать ее умирает.

– Вижу.

Бруда, мельком глянув на Миш и Йосеха, направился к Рахеб.

– Вам повезло, что рядом оказались эти дартары. Вы сопротивлялись, бандиты могли рассвирепеть и перебить всех. – Он присел на корточки рядом с Лейлой, заглянул ей в лицо, потом с минуту смотрел на старуху. – Никакого улучшения?

Лейла покачала головой.

Бруда вскочил, быстрыми шагами подошел к двери и что-то отрывисто приказал по-геродиански. Он говорил слишком быстро, Аарон разобрал только отдельные слова – “сержант”, “двух человек” – и вопросительно взглянул на Ногаха. Тот лишь плечами пожал.

Но Бруда недолго разговаривал со своими подчиненными. Вскоре он вернулся к Аарону.

– Они хотели похитить и младшего мальчика или только Арифа?

– Только Арифа. – Теперь Аарона била крупная дрожь.

– Мужайся. Постарайся довериться нам. Как тебя зовут?

– Аарон, Аарон Хэбид.

– Звучит по-арамитски.

– Да, сэр.

– Не волнуйся, Аарон. Мне нет дела до твоей религии. Где-то я тебя видел раньше. Где это могло быть?

– На верфи, несколько лет назад.

– Конечно. Ты плотник, мастер. Верно?

– Да, сэр.

– Чем ты занимался во время войны, Аарон? Был в инженерных войсках?

– Да, сэр, в Семи Башнях.

Какая-то непонятная искорка промелькнула в глазах Бруды. В комнату вошли сержант и солдаты с самодельными носилками – два копья с накинутыми на них плащами. Бруда указал им на Рахеб, пролопотал что-то по-геродиански, потом обратился к Аарону.

– Сейчас мы все отправимся в Дом Правительства. Там пострадавшими займутся первоклассные врачи, и, как говорится, ум хорошо, а два лучше. Может быть, вместе нам удастся разгадать эту головоломку.

Аарон не смог скрыть своего страха. Бруда улыбнулся.

– Нет-нет, тебя не вздернут на дыбу и не станут загонять под ногти иголки. Я просто надеюсь, что ты поможешь мне, поскольку я тоже хочу помочь тебе – если смогу. Ты попросишь кого-нибудь из соседей посторожить дом, или оставить здесь пару солдат?

Аарон замялся. Просить ему было некого, но не хотелось, чтоб геродиане болтались тут, привлекая внимание.

Бруда понял его сомнения.

– Я велю им зайти внутрь.

Солдаты положили Рахеб на носилки и ждали новых приказаний. Бруда сказал что-то сержанту, и тот позвал в дом еще двух солдат. Стало совсем тесно.

Сначала вынесли носилки, за ними пошли Аарон с Лейлой. Лейла взяла у мужа Стафу, и Аарон был ей признателен за это: сегодня карапуз был слишком тяжел для него.

Перепуганная Миш последовала за сестрой. Замыкали шествие дартары. Аарон заметил, что Бруда взял с собой только братьев и еще двух воинов. Остальные поспешили назад, в

переулок Тош.

Необычайно густой туман поднимался все выше. Моросил мелкий дождик. Было холодно для этого времени года, и Аарон дрожал не переставая.

Он догнал Лейлу, оглянулся на прощание. Неизвестно, доведется ли снова увидеть свой дом.

Генерал Кадо молча ждал, пока полковник Бруда продемонстрирует ему свою добычу. Пятеро дартар. Кушмарраханское семейство. Один пленный. Двое из людей Кадо, которых дартары приняли за похитителей детей. Множество трупов.

– Все?

– Кроме дартар. Хотя командира я привел.

– Хорошо. Отпустите солдат, им пора на корабль. – Кадо хватало собственных охранников.

– Я оставил двоих сторожить дом. Их тоже надо освободить.

– Я позабочусь об этом. Я послал за Фа'тадом, Сулло и его ведьмой, а также вызвал полковника бел-Абека. Кто-нибудь еще вам нужен?

– Врач. И Розан. Он следил за бандой похитителей. Прежде чем приступить к делу, они разбились на группы. Соглядатаи, которых я приставил к Розану, потеряв его, стали следить за членами банды. Они надеялись таким образом снова напасть на его след. Они вмешались в драку, и дартары решили, что это тоже похитители. К счастью, погиб только один.

Кадо внимательно осмотрел груду мертвых тел и кучку перепуганных людей, вызвал адъютанта, отдал ему приказания и вернулся к полковнику.

– Вы узнали кто-нибудь полезное?

– Таглио, мой осведомитель, одинаково хорошо знает дартарский и кушмарраханский языки. Судя по тому, что он видел и слышал, в семье думают, что ребенка похитили Живые. Дартары склонны обвинять нас.

– Мы? Почему? Бруда пожал плечами.

– В объяснения они не вдаются.

Кадо оглянулся на дартар. Все молодые, одежда разорвана в клочья, несмотря на испуг, держатся вызывающе.

– Чуете, Бруда? Это дело скверно пахнет. Есть в нем нечто неуловимое, но весьма неприятное.

– Если верить Розану, огромное значение приобретает вопрос: кто же убил генерала бел-Карба? Некто настолько веренный в своих силах, что не побоялся мести Живых. Некто, не принадлежащий ни к ним, ни к нам. Мне очень не нравится этот некто. У нас и так хлопот довольно, осложнения совсем ни к

чему.

В комнату вошел личный врач Кадо и, не задавая лишних вопросов, сразу поспешил к раненой старухе.

– Вы послали людей осмотреть тело бел-Карбы?

– Да. Они доложат результаты.

– А что с мальчиком? Родители его, похоже, ничем не примечательны. Что-нибудь необычное в нем самом?

– Нет. Я и так, и эдак расспрашивал отца ребенка. Он не хочет говорить, потому что боится Живых, но кое о чем проболтался. Он служил в одном подразделении с полковником бел-Абеком.

– Совпадение?

– Думаю, да. У меня сложилось впечатление, что они с бел-Абеком отнюдь не близки, связаны в основном через жен. Те дружат с детства. Нет, ума не приложу, зачем бы кому-либо понадобилось связать руки отцу или матери мальчика. Он – простой плотник. Ее родня – сестры, все замужем за обычными простолюдинами. И мать – та старушка, что сейчас умирает от удара в живот.

Явился Сулло. Ведьма сопровождала его. Градоначальник дулся: его отдых бесцеремонно прервали. Однако он был польщен тем, что понадобился политическим противникам, что они предлагают ему вступить в игру. Интересно, подумал Кадо, стал бы Сулло вести себя, как испорченный, избалованный мальчишка, если б знал, что глава военного правительства позвал его лишь, ради маленькой ведьмы Анналайи.

Бруде пришлось все объяснить вновь прибывшим, а затем еще раз – полковнику бел-Абеку и его жене, которых доставили в Дом Правительства в сопровождении дюжины солдат. Кадо внимательно наблюдал, обменяются ли потерявшие детей матери каким-нибудь знаком. Жена бел-Абека, тусклое, серое существо, генерал никогда ее раньше не видел, залилась краской стыда или смущения. Вторая женщина точно не замечала ее существования.

– Могу я переговорить с Таглио? – возбужденно спросил полковник бел-Абек.

– Что-нибудь важное?

– Полагаю, что шум, который подняли из-за похищения ребенка, прервал заседание военного совета Живых. На нем присутствовала вся верхушка Союза. Глава движения жил совсем близко, тоже на улице Чар. Я узнал об этом только сегодня.

Зашел посыльный. Он сообщил, что связаться с Розаном не удастся, пришлось оставить сообщение. Кадо поблагодарил и отпустил его.

– Продолжайте, полковник.

– Прошлой ночью его убили, – выпалил бел-Абек. – Не знаю, кто он…

– Ханно бел-Карба, – перебил Бруда.

– Сэр?

– Вождем Живых был Генерал Ханно бел-Карба. Мы знали, что он убит, но не знали, где и когда.

Кадо заметил Фа'тада. Старик одиноко стоял в углу, у двери черного хода, похожий на огромного черного ворона. Генерал вполуха слушал доклад бел-Абека о предводителе Живых. Зато Фа'таду нынче ночью предстоит узнать много интересного. Он ведь давно затаил недовольство – ему не по нраву пришлось, что Герод подослал к бел-Карбе наемных убийц.

Ал-Акла понял, что присутствие его обнаружили. Он пересек комнату с таким видом, точно он – господин, а остальные присутствующие – его ничтожные слуги.

– Вот и я, – произнес старик на чистом геродианском без намека на акцент и посмотрел прямо в лицо генералу Кадо.

– Вы слышали достаточно? Ситуация ясна? Или попросить полковника Бруду вкратце ввести вас в курс дела?

– Я бы предпочел выслушать все с самого начала. Кадо предоставил Бруде в очередной раз пересказывать всю историю, а сам отошел к Сулло и осведомился, не попытается ли его ведьма помочь старухе. Врач, похоже, не питал особых надежд.

Затем генерал вернулся к Бруде и Фа'таду. Полковник как раз кончил рассказ.

– Надо бы послать команду в дом плотника, – сказал Бруда. – Вряд ли они кого-нибудь поймают, но, возможно, найдут что-нибудь полезное.

– Посылайте. Фа'тад, почему ваши люди считают, что эти похищения – дело рук геродиан?

Фа'тад секунд пять смотрел в глаза генералу, потом на дартарском диалекте подозвал одного из юных воинов:

– Подойди сюда, Йосех.

* * *

Йосех сидел в двух шагах от Тамисы. Он не смотрел на нее, она не смотрела на него, но они чувствовали, что сейчас ближе друг другу, чем на улице Чар. Оба были испуганы. И снующие вокруг, лопочущие на своем наречии геродиане не могли их успокоить.

Потом появился Фа'тад, и Йосеху стало и того хуже. Некоторое время Ал-Акла о чем-то совещался с Кадо. А затем до

Йосеха – как молотком по голове – донеслись грозные слова:

– Подойди сюда, Йосех.

В полной панике он оглянулся на Ногаха и Меджаха. Ни малейшего сочувствия. Братья только кивнули ему – выполняй приказ.

На ватных ногах юноша подошел к Фа'таду, стал по левую руку от него. Сверху вниз Йосех взглянул на блестящую лысую макушку генерала Кадо и в который раз поразился, как этим безволосым карликам удается смести любого, кто осмелится стать на их пути.

– Йосех, расскажи генералу все, что тебе известно о человеке, с которым ты столкнулся на днях в переулке Тош.

– О том похитителе детей? Все?

– Все. Давай же.

– Но я не говорю по-геродиански.

– Он понимает по-нашему.

Йосех зажмурился, набрал побольше воздуха и начал. Он изложил события с самого начала и вплоть до момента, когда они с Аароном упустили бандита с Арифом на руках. Кончив рассказ и открыв глаза, юноша увидел, что к ним присоединился подручный генерала Кадо. Геродиане обменялись многозначительными взглядами.

– Розан, – сказал Кадо.

– Должно быть, он, – отозвался другой, тоже по-дартарски. – Вот почему он казался таким загадочным. Он вовсе не наш человек. Но чей же?

– Мы уже говорили: в игру вмешалась какая-то неведомая темная сила, – ответил Кадо.

– Это все, Йосех, – заговорил Фа'тад. – Спасибо. Ты молодец.

Йосех поспешно ретировался в свой угол.

* * *

Кадо проводил молодого дартарина взглядом. Генерал злился сам на себя. Все эти годы Розан бессовестно дурачил его и использовал в собственных целях. Возможно, так же он обходился и с Живыми. Негодяй не скрывал, что является членом Союза. Он почти наверняка приложил руку к убийству мортиан. Быстрота, с которой отреагировали Живые, показывает, что Розан, как и в Доме Правительства, выходил на высшее руководство.

– Полковник Бруда, отправьте людей на место, куда мы посылали извещения для Розана. Пусть арестуют всех, кого удастся там обнаружить.

– Слушаюсь, сэр.

– Этот человек, мы звали его Розаном, водил меня за нос, как самого тупого из охранников. Кому же он служит? Не Сулло и не Фатаду – это точно. Возможно, отчасти Живым, хотя никто из участников движения наверняка не уполномочивал его выдавать некоторые сведения.

Свободный агент? Чушь. Это противоречит здравому смыслу. Никто, насколько бы самонадеян он ни был, не посмеет стать между Городом и Живыми и стравливать их друг с другом ради достижения собственных целей.

Кстати, о целях. Чего же он добивается? Исходя из имеющейся информации, цели Розана абсолютно загадочны. За богатством он не гонится. Никогда не торговался, брал только на прожитье. Ему нравилось чувствовать свою власть над нами, смотреть на нас сверху вниз и над всеми издеваться? Но это несерьезно.

Вернулся Бруда.

– Послали людей? Полковник кивнул.

– Тогда давайте поглядим, чем могут помочь наши гости. Пусть все возьмут стулья или подушки. Рассаживайтесь и побеседуем. Полковник бел-Абек, не возьметесь ли вы переводить градоначальнику Сулло? Мы будем говорить по-кушмарраханski, запросто.

“Гости” повиновались, но лица у всех были бледные, взволнованные, и держались они весьма скованно. Перейдя на кушмарраханский, Кадо обратился прямо к семье Аарона:

– Мы здесь, чтобы распутать это дело о похищении детей. Надеюсь, собрав воедино все нам известное, мы найдем какие-нибудь зацепки. Ваш сын – вот что должно побудить вас принять участие. Как и полковника бел-Абека. Кроме того, вашей престарелой родственнице оказана помощь.

Маленькая колдунья Сулло действительно сотворила настоящее чудо. Боль больше не искажала лицо Рахеб. Старуха спокойно спала.

– Начнут представители геродианского правительства. Первым буду говорить я. После меня – полковник Бруда. Следом за ним полковник бел-Абек. Потом я попрошу наших дартарских друзей еще раз повторить свой рассказ, а затем перейдем к вам. Ничтожная на первый взгляд деталь может указать нам, с какого конца начать, чтобы в результате уловить смысл происходящего. А поняв, что же случилось, мы решим, как нам бороться со злом. Полковник Бруда, будьте любезны, попросите Талигу принести нам еду и питье. Похоже, мы проведем здесь немало времени. Велите ему также вынести и похоронить мертвецов. Они мешают

сосредоточиться.

Кадо помедлил с минуту и начал. Он не упускал ни малейшей подробности, даже, казалось бы, не имеющей отношения к делу.

* * *

Несмотря на горячую заинтересованность, Аарон слушал невнимательно. Он то судорожно соображал, что говорить, когда придет его очередь, то начинал беспокоиться, что завтра потеряет работу. Его наниматели были беспощадны к прогульщикам.

Словом, за страхом перед будущим он пытался скрыться от невыносимого ужаса настоящего.

Между тем геродиане говорили захватывающие вещи. И волнение Аарона возрастало: волей-неволей в голову лезла неприятная мысль – что сделают с человеком, в присутствии которого разгласили столько тайн?

Подошла очередь дартар, в том числе самого Фа'тада ал-Аклы. Правда, сообщить ему было нечего, кроме имени похитителя детей, убитого в Эстане.

– Пария – дартарин? – спросил Кадо.

– Да. Человек без чести. От него отрекся даже отец.

– А тот, сегодня ночью, был кушмарраханином? – Генерал успел переговорить с Брудой, который тем временем получил донесения своих агентов.

– Да. Известный преступник. Достаточно опытный. Независимый. В последние полгода ушел на дно и до сегодняшнего дня нигде не светился. Его опознали со слов захваченного в плен. Этот же человек указал нам, где жил негодяй. При обыске нашли только старинные золотые монеты. На теле – ничего. Пленные больше никакими сведениями не располагают. Его наняли на разовую работу.

Аарон взглянул на пленника. Тот молча, скорчившись, сидел в стороне и ждал казни.

– С ним разберемся позже. Итак, эти похитители не склонны распускать языки и получают хорошие деньги. Злоумышленники привлекают к делу исключительно преступников со стажем. Я не говорю о Розане. Он вообще ни в какие рамки не укладывается. Пять лет он был нашим агентом и, судя по показаниям дартар, одновременно частым гостем на улице Чар, в доме Генерала Ханно бел-Карбы и его правой руки и адъютанта полковника Сису бел-Сидека. Если искать связь между Союзом Живых и похищениями, возникают различные варианты. Ваш черед, Хэбид.

Аарон вздрогнул. Неизбежный момент настал, а он так и не подготовился. Он беспомощно озирался кругом, язык присох к гортани.

Лейла решила, что муж до сих пор во власти романтических, патриотических бредней и не хочет выдавать Живых.

– Аарон, сделай, как они велят. Ты ничего не должен Живым. Ничего! – Она кинула выразительный взгляд на мать.

Аарон не был в этом уверен. Он сам себе удивлялся. Всего несколько часов назад он проявил такую решительность, неистовствовал как никогда в жизни, а сейчас не мог выдавить ни слова.

– Зато Героду я кое-что должен. И ты тоже, – через силу, хрипло выговорил он.

– Забудь о том, что произошло шесть лет назад. Проклятие! Речь ведь идет о нашем сыне! А геродиане еще заплатят за свои злодеяния. Арам поразит их огнем. Ты все расскажешь. Все. Слышишь меня?

Едва заметная усмешка Насифа подстегнула Аарона.

Он начал с Семи Башен. С величайшим презрением коснулся роли Насифа. Привел даже дартарскую пословицу: “Опасайся того, кто предал врага, в следующий раз он предаст тебя”. Впрочем, Насиф пропускал колкости мимо ушей, а дартары только хмурилась. Закончил Аарон появлением в доме полковника Бруды. Лейла с гордостью смотрела на мужа, лицо ее прояснилось.

Генерал Кадо недовольно наморщил лоб.

– Занимательная история, вы говорили как по-писаному. Но она не проливает света на нашу проблему. – Он задумался на минуту. – Бруда, прочтите список имен. А вы перебивайте, если какое-нибудь из них вам знакомо. Это касается и бел-Абека с женой. Итак, Бруда…

Бруда начал читать длинный список.

Перебили его лишь однажды: Рейха ошиблась и приняла одно из женских имен за имя своей знакомой.

– Этого я и опасался, – вздохнул генерал Кадо. – Позвольте спросить вас, Хэбид. Сказать было нечего. Пауза затянулась. Наконец Лейла прервала молчание:

– Они родились в один день.

– Что? – переспросил Кадо.

– Ариф и Зуки, они родились в один день. Вы говорили, надо найти что-то общее… – Лейла не поднимала глаз на геродианина.

– Но… Когда именно они родились?

– В последний день войны. В седьмой день Месяца Созревания, месяца Малах по календарю Старых богов. Не знаю,

как его называете вы.

– У нас другой календарь. Что скажете, Бруда? Бруда просмотрел документы.

– У меня только две даты рождения. Этим до сих пор практически не занимались. Однако… Один родился седьмого числа месяца Малах. Другой – в седьмой день Месяца Созревания. Обоим по шесть лет. В списке всего четверо детей другого возраста. Все старше шести. За всех запросили выкуп, и родители заплатили требуемую сумму. За остальных выкупа не требовали, хотя нескольких детей потом нашли и вернули родным.

Полковник Бруда посмотрел на генерала Кадо. Генерал Кадо посмотрел на полковника Бруду. Все посмотрели на них.

– Завтра же проверьте даты рождения, – заговорил Кадо. – Однако уже сейчас можно предположить, что связь найдена. Но перед нами новая загадка. Кому и зачем понадобились дети, появившиеся на свет седьмого Малаха? Что в них особенного?

Насиф перевел речь генерала градоначальнику Сулло. Ведьма тоже слушала, но до сих пор, казалось, скучала и с трудом сдерживала зевоту. Но тут она неожиданно спросила что-то по-геродиански.

– Она хочет знать, в каком состоянии были найдены дети, – перевел Кадо. – Полковник Бруда не в курсе. Аарон вспомнил рассказ Билли.

– Двое бродили у Козлиного ручья. Они не помнили почти ничего о случившемся. Вмешался Фа'тад.

– Мои воины на этой неделе нашли четверых ребятишек, – сказал он по-дартарски. – Говорить с ними было все равно что, по выражению вейдин, песок из горсти в горсть пересыпать.

Насиф начал переводить. Аарон взглянул на ведьму. Анналайя пришла в возбуждение. Крупные капли пота выступили у нее на лбу. Когда Насиф кончил, она задала новый вопрос.

– Она спрашивает, кто умер в тот день, – перевел сам Фа'тад. – Кто из важных, значительных людей? Знали почти все, но никто не отвечал.

– Ала-эх-дин Бейх и Накар Отвратительный, – запинаясь, промямлил наконец Аарон.

Послышался стон. Похоже было, что ведьма сейчас упадет в обморок. Но она взяла себя в руки, оправилась и затараторила на ломаном геродианском.

* * *

Бел-Сидек лег с уверенностью, что чрезмерное возбуждение

не даст заснуть, но тут же погрузился в тяжелую, тревожную дремоту. Разбудило его прикосновение чьей-то руки. Бел-Сидек подскочил, зашарил вокруг в поисках оружия.

– Успокойся, это я.

Бел-Сидек разглядел лицо Мериэль, освещенное тусклым огоньком свечи, которую она внесла в комнату.

– Плохие новости?

– Неважные. Повсюду рыщут геродиане, ищейки полковника Бруды. У тебя на улице Чар они перевернули все вверх дном. Побывали и у Хадрибела. Он едва успел уйти. Разгромили дом разбойника Ишабела бел-Шадука в переулке Рхэтик. Совершили набег на постоялый двор некоего Мумы и всех там арестовали. Сам Мума с семейством заблаговременно испарился. Кроме того, они не прекращают возню в Шу. Там тоже хватают всех, заподозренных в причастности к движению.

– Предателю неймется. Моя вина. Не следовало так обходиться с его женой.

– Его тоже арестовали. Как и всех участников драки на улице Чар. Там похитили ребенка.

– Знаю.

– В Доме Правительства замыслили нечто серьезное. Кадо пригласил к себе Сулло и Фа'тада. Бел-Сидек подумал с минуту.

– Все-таки здесь не обошлось без нашего молодчика-шпиона. Он сообщил им что-то этакое… И геродианские ослы вообразили, что могут разгромить нас. Придется ответить ударом на удар. Мне не хотелось начинать с кровопролития, но нельзя же сидеть сложа руки.

Контратаку он поручит Зенобелу. Его люди подготовлены лучше других, и в округе Шен больше всего сторонников Движения, готовых взяться за оружие. Этот план разработан давно. Зенобел вступает первым, отвлекает внимание геродиан на себя и тем самым развязывает руки Карзе. Тем временем Живые из более слабых округов перережут всех своих геродиан-военных, гражданских, а также сочувствующих им – и присоединятся к Зенобелу и Карзе.

– Они действительно грузят войска на корабли?

– Около двадцати пяти сотен, включая всю геродианскую кавалерию. Командующим назначен Марко. Они поднимут паруса, как только начнется утренний отлив.

Отлично. Значит, охранять Кушмаррах будет лишь один легион плюс кое-какие остатки других подразделений да непредсказуемые дартары.

– Вечером, когда дартары вернутся в лагерь, я отправлюсь отдавать распоряжения.

Если ночью все пойдет по плану, первой целью Зенобела станет захват Осенних ворот: тогда дартары не смогут вмешаться в сражение.

Единственная загвоздка – не выдал ли предатель Насиф стратегию Живых геродианам?

Вряд ли у него была такая возможность. Посвящены во все тонкости лишь атаманы. Узкие, четко очерченные тактические задачи поставлены только перед Карзой и Зенобелом, только они могли сообщить своим подчиненным нечто определенное.

– Мне нужны письменные принадлежности и кто-нибудь, кто доставит извещения атаманам. Тысяча чертей! Час пробил, именно когда невозможно собрать военный совет, когда мы вынуждены скрываться…

Он мог бы поручить Шу Хадрибелу, а сам заняться районами порта. Но тогда центральный округ Хар останется вне контроля. Положиться разве на то, что тамошние члены Союза сумеют поднять кушмаррахан и выполнить свою часть работы?

– Ты уверен, что хочешь этого?

– Нет, не хочу. Но не вижу другого выхода. Мериэль пошла за письменными принадлежностями. Похоже, ее совсем не радовало, что долгожданный час наконец настал. Бел-Сидек заставил себя подняться, стряхнуть остатки дремоты. Он и сам был подавлен, хотя всегда знал, что лишь огнем и кровью можно вырвать родной Город из ненавистных лап Города.

Мериэль вернулась нескоро. Бел-Сидек вопросительно поднял брови.

– Забежал один из моих подонков-осведомителей. Мне нужно было переговорить с ним.

– И что же?

– О похищениях детей ему ничего не известно. Зато известен Эйзел. – Мериэль содрогнулась.

– И что же?

– Эйзел – профессиональный убийца. Самый опасный в Кушмаррахе. Никто не знает, кто он. Эйзел скорее всего не настоящее его имя. Так называли одного из семи демонов, которые черпали силу у Горлоха и вершили его волю в мире. Эйзел Разрушитель.

Бел-Сидек кивнул.

– Того же происхождения и имя Накара.

Он знал мифологию, хотя вырос в семье арамитов. Ко времени завоевания Кушмарраха почти все представители высших классов исповедовали веру в Арама Огненного, хотя сохранили старинные имена – пережитки владычества Горлоха. Это отличало их от простолюдинов.

– Ремесло свое Эйзел освоил, выполняя поручения Накара, – снова заговорила Мериэль. – На его счету по крайней мере сотня убийств – все по повелению Отвратительного. Он благополучно пережил завоевание и годом позже, говорят, стал работать сам на себя. Но брался исключительно за крупные дела. Некоторые приписывают Эйзелу убийства градоправителей. Он никогда и ни с кем не откровенничает. До сих пор остается загадкой, кто он, кто ему платит. Наиболее вероятны два варианта – либо Кадо, либо Живые. Не считая злодеяния в Харе, которое, возможно, лишь подделка под стиль Эйзела, последние шесть месяцев он никак не проявлялся.

Бел-Сидек сидел молча, погрузившись в глубокое раздумье. Мериэль не вытерпела:

– Ну? Скажешь что-нибудь?

– Скажу. Я хочу выйти на балкон.

Мериэль раздраженно передернула плечами, но бел-Сидек не обратил на это внимание и вывел ее на балкон. Там он снова замолчал и минут десять, не отрываясь, смотрел на темную громаду цитадели Накара Отвратительного.

– Нет, убийство Ортбала Сагдета – не подделка почерка Эйзела, – наконец заговорил он. – Этот человек работал на Генерала. Я встречался с ним сегодня утром. – Бел-Сидек изложил все по порядку.

– Но почему ты так расстроен?

– Потому что теперь я понял план освобождения Кушмарраха, который Генерал держал в строжайшей тайне. План этот – чистейшей воды безумие. Он хотел вызвать дух Накара, оживить его и силам Герода противопоставить неукротимую ярость Отвратительного.

Мериэль уставилась на него так, будто заподозрила, что возлюбленный ее сам не в твердом рассудке.

– Ты разбираешься в колдовстве? – спросил он.

– Нет. И не стремлюсь, – отрезала Мериэль.

– Я не колдун и тоже никогда не стремился овладеть этим искусством. Но волей-неволей слышишь кое-что то там, то здесь. Я знал малыша, что был похищен нынче ночью. Мать его частенько упоминала, что родился он в день гибели Накара. В тот же день появился на свет и сын предателя. Это не случайное совпадение. Пари держу, что большинство украденных летом детишек родились тогда же.

Мериэль по-прежнему не понимала.

– Они ищут блуждающую душу.

– Ищут… что?

– Во время агонии душа покидает умирающее тело и

начинает искать другое, тоже стоящее на пороге двух миров – тело новорожденного. Она вселяется в эту новую плоть и забывает прошлую жизнь, но не совсем. Память обо всех предыдущих жизнях окончательно не исчезает никогда. Искусный маг может пробудить эти воспоминания и оживить давно умершего.

Мериэль вздрогнула. Теперь лицо ее выражало сомнение.

– Они ищут блуждающую душу Накара Отвратительного.

– Кто “они”?

– Его жена – Чаровница. И Эйзел Разрушитель. Они испытывают детей одного за другим в надежде найти Накара. И судя по тому, что учинили сегодня на улице Чар, они считают, что нашли его. Должно быть, между Чаровницей и Генералом произошла крупная ссора, раз она решилась покинуть крепость и убить старика.

– Я доверяю тебе, Сису. Я сделаю все, что ты сочтешь нужным. Но это просто в голове не укладывается.

– Неужели ты не видишь? Только там можно связать все случившееся воедино.

– Они мертвы, Сису, они давно умерли.

– Почем нам знать? Мы ничего не знаем о том дне, кроме того, что Накар и Ала-эх-дин Бейх убили друг друга. Я думаю, Чаровница уцелела и выжидала подходящего момента.

– Может, ты и прав. – Мериэль решила разрядить обстановку. – Но сейчас, клянусь Арамом, у тебя есть дела и поважнее, более, так сказать, земные. Ты вроде бы через восемнадцать часов собирался начать восстание. Забыл уже?

Бел-Сидек не забыл. Он вернулся в комнату и принялся за сочинение писем к атаманам. Но мысли упорно возвращались к Накару и Генералу с его безумным планом освобождения Кушмарраха.

И чем больше бел-Сидек думал, тем яснее становилось, что он поставлен перед лицом величайшего в своей жизни морального выбора.

Генерал любил Кушмаррах, любил слепо, самозабвенно, и никакая цена не казалась ему слишком высокой – лишь бы очистить улицы города от иностранных захватчиков. Бел-Сидек слепо, самозабвенно любил старика, но настолько ли, чтобы позволить этому ночному кошмару воплотиться в жизнь?

* * *

Аарон стоял по правую руку генерала Кадр на балконе одного

из верхних этажей Дома Правительства. Сквозь пелену дождя генерал смотрел на крепость. Насиф стоял слева. Больше никого на балконе не было. Аарон не понимал, зачем геродианин вытащил их сюда, под дождь.

– Вы смелый человек, Хэбид?

Аарон не переставал задавать себе этот вопрос с момента вторжения бандитов в его дом.

– Нет. Обычно нет.

– А если речь идет о жизни вашего сына?

– Я сделаю все, что в моих силах. – Если смогу, подумалось ему. Аарон сомневался, что не оробеет в решительную минуту. Даже Семь Башен нельзя считать настоящим-испытанием мужества. Там у него не было никакого выбора.

– Похоже, вы в себе не уверены.

– Я всего лишь плотник, генерал.

– Правда ваша. Видите ту крепость, господин плотник? Там ваш сын. Понятия не имею, сколько времени он уже там, но, бьюсь об заклад, они не будут ждать дольше, чем это им необходимо. Мы должны поторопиться. Или – потеряем все. Я – город. Вы – сына. Я уже поднял по тревоге весь свой командный состав.

Аарону хотелось, чтоб Кадо скорее перешел к делу. Чего ходить вокруг да около? От этого только больше нервничаешь.

– У нас один путь. Действовать надо через Живых.

– Что?!

– Я намерен обратиться прямо к полковнику Сису бел-Сидеку.

Аарон уставился на генерала. Да он спятил!

– Вы пойдете домой и будете ждать там. Уверен, бел-Сидек попытается связаться с вами. Он захочет узнать, что произошло здесь этой ночью и сколько вы нам рассказали. Мы не станем пугать его – за вами никто не будет следить, не будет и охраны. Так больше шансов передать полковнику мое приглашение. Сопровождать вас в качестве моего представителя будет только бел-Абек. Его ставка в этой игре не меньше вашей.

Так, первый-намек на роль Насифа. Аарон не заметил, чтобы тот пришел в восторг. Впрочем, возражать он тоже не пытался.

Сам Аарон пребывал в полнейшем смятении.

– Но мне завтра на работу, – только и сумел промямлить он. Кадо с изумлением взглянул на него:

– На верфи я договорюсь. Согласны вы помочь или нет?

– Что я должен делать?

– Просто идти домой и ждать, пока с вами свяжутся. Полковник бел-Абек передаст мою просьбу о личной встрече.

– А моя семья?

– Возьмите их с собой, если считаете нужным. Или оставьте здесь, если считаете это более безопасным. – Кадо повернулся к Насифу и начал давать указания.

Аарон не слушал. Он смотрел на цитадель, но не видел ее. В голове было пусто.

– Ну, Хэбид, что вы решили?

– Хорошо, сэр. Я согласен.

Аарону стало стыдно: ответить так его побудили не высокие, святые, героические устремления, а боязнь, что кто-то поставит его на одну доску с презренным трусом и предателем Насифом.

* * *

Сон Эйзела был тревожен и чуток – и не только из-за ран. Он не чувствовал себя в безопасности, хотя забился на самый верх крепостной башни, в крошечную комнатенку, до которой нелегко было добраться и которую удобно было защищать.

Торго уже заходил к нему – сказать, что передал записку. А может, евнуху захотелось снова услышать, искушающие речи Эйзела;

Черт его разберет, этого парня, он может вернуться – вернуться с кинжалом в руке.

Внезапно Эйзел ощутил холодок в спине, который всегда извещал о приближающейся опасности. Беглый осмотр убедил его, что это лишь игра воображения. Хотя…

Он выглянул в маленькое, без стекла, окошко. Под стенами крепости, изучая их, медленно прогуливалась женщина.

Ведьма Сулло. Неудивительно, что он ощутил беспокойство.

Они сообразили все же что к чему. И начали принимать контрмеры, подсказанные безысходным отчаянием. Им предстоит состязаться со смертельно опасным, неведомым врагом. Поэтому действовать они будут быстро и с безоглядной решимостью. Попробуют атаковать со всех сторон.

Насколько сильна эта маленькая колдунья? Сможет ли она найти Черный ход Судьбы? Сможет ли преодолеть барьеры, избежать все ловушки? Повезет ли ей? Ведь Ала-эх-дин Бейх добился успеха, смог проникнуть в крепость благодаря своему искусству – и удаче.

Им-то остается положиться исключительно на счастливую случайность.

* * *

Ариф не спал совсем. Он сидел в огромной клетке и плакал от страха и недоумения.

* * *

Чаровница спала так крепко, как никогда раньше. Она слишком щедро расходовала свои силы. И на восстановление их ей требовалось времени больше, чем обычно.

Глава 16

Аарон молча плелся к дому, втягивая голову в плечи под струйками дождя. Вода стекала за шиворот и смывала капли соленого пота с ссадин на лице. Насиф тоже не склонен был вступать в разговор. Они знали, что должны сделать, и не хотели затруднять и без того нелегкую задачу пустой болтовней и неискренними проявлениями товарищеских чувств.

Они стали союзниками по необходимости, отнюдь не по взаимной склонности.

Дождь по-прежнему не шел, а скорее моросил, но моросил уже так долго, что смыл покрывавший город налет пыли и принялся за слои глубоко въевшейся грязи. Мостовая на улице Чар была мокрой и скользкой. Из канализации доносился шум и бульканье воды. Какое-то количество ее скопилось в трубах. Но недостаточное для их прочистки. Это только размоет вонючие залежи, и запах станет совсем невыносимым.

Куда больше воды нужно, чтобы наполнить почти опустошенные водохранилища Кушмарраха. Поговаривали, что людей будут сгонять на общественные работы – восстанавливать родники, питающие Козлиный ручей.

Вот какими мыслями поделился бы Аарон с другим спутником, и другой спутник поделился бы с ним.

В доме Аарона все еще оставались на страже два геродианских солдата. Им и в голову не пришло экономить свечи, с раздражением отметил Аарон. Впрочем, если геродиане не обчистили тебя до нитки – считай, что тебе крупно повезло.

Насиф отпустил солдат.

Аарон задвинул засов и прилег в надежде отдохнуть немного.

Не тут-то было. И дело не в Насифе, безостановочно расхаживающем по комнате. Мысли Аарона находились в полном смятении. Из всех тайных закоулков его ума, казалось, выглядывали, корчили рожи и хихикали над ним маленькие злобные духи. Он пытался сосредоточиться на чем-то другом – напрасно, страшная тень подстерегала повсюду.

Так он провел многие ночи на протяжении этих шести лет. Ночи, когда страх перед наступающим днем не давал ему сомкнуть глаз.

Однако неугомонность. Насифа тоже действовала на нервы.

Аарон оставил попытки уснуть, поднялся и решил заняться каким-нибудь делом. Иногда работа помогает успокоиться. Он годами собирался проделать в двери “глазок”. Сейчас это как раз то что нужно – вроде акта самобичевания.

Он с удивлением обнаружил, что уже светлеет и туман рассеивается, несмотря на зарядивший надолго дождь. Улица Чар оживала.

Аарон еще не кончил возиться с “глазком”, как набежала дюжина любопытных соседей, которым не терпелось выведать побольше о ночных событиях. Орда дартар снова вторглась в Шу и продолжала осаду лабиринта. Они запечатывали все выходы из него с таким рвением, точно это было целью их жизни. А по другим улицам, представлялось Аарону, шли в поход против турок пехота и кавалерия. Готовились поднять якоря с утренним отливом военные корабли геродиан. Тщеславные, злобные люди строили планы, плели свою хитроумную паутину. Все как всегда.

Кончив работу, Аарон почувствовал себя вконец измотанным. Глаза слипались. Он лег снова – и на сей раз никакие мысли не смогли помешать. Он погрузился в глубокий сон.

* * *

– Мне следовало бы быть более активным, – сказал бел-Сидек. Он сидел за столом Мериэль и уплетал за обе щеки, хотя и так уже объелся сверх всякой меры. – Уф! Слишком долго я обходился собственной стряпней, – пробормотал он и вернулся к прерванному разговору – Я все время как бы держался в стороне.

– Так вот почему ты лишился второй ноги!

– Ну, с поля-то боя я не убегу…

– Ты насытился?

– Да уж, более чем.

– Отлично. Есть новости. Твой сосед по кварталу вернулся домой. Ты говорил, что хочешь потолковать с ним.

– Потолковать? Слишком мягко сказано. Никто не смеет обращаться с атаманом так, как он обошелся со мной. Мериэль рассмеялась.

– Политические убеждения и правила обращения к старшему по званию и высшему по происхождению, выходит, важнее семейных потрясений и личных отношений.

Глаза бел-Сидека сердито сверкнули.

– Я не расположен выслушивать поучения. Так в чем же дело?

И в эту самую минуту бел-Сидеку пришло в голову блестящее решение одной из его организационных проблем. Из Мериэль выйдет отличный атаман района порта. Человека более опытного и знающего не сыскать.

Но провести ее кандидатуру будет непросто. Она – женщина, пусть, но главное… Главное – Мериэль не ветеран Дак-эс-Суэтты.

Как так вышло, что это приобрело решающее значение?

Мериэль изложила сведения, которые получила от своих людей, на Союз они не работали. Бел-Сидек слушал вполуха, но кое-что привлекло его внимание.

– Он не привел с собой семью? И не пошел на работу? Не похоже на Аарона.

– Дурень ты! У него же в семье несчастье. Разве сам ты работал вчера?

Неужели только вчера? А кажется, что прошел год. Генерал покоится в земле меньше суток, а в Союзе уже такая сумятица.

– Ладно. Я это упустил. Продолжай.

– Что-то готовится. Будь я генералом Кадо, я послала бы вслед за этим человеком целую армию шпионов – отслеживать возможные контакты. Но лучшие мои разведчики донесли, что ближайший геродианин находится в Доме Правительства. Я думаю, Кадо боится спугнуть тебя. Он хочет передать сообщение.

Бел-Сидек почувствовал, что к горлу подкатила тошнота. Сообщение? Ему? От Кадо?

– Пошли людей. Пусть его схватят и доставят ко мне.

– Придержите коней, господин атаман. Я сочувствую движению, верно. Но я не у вас в подчинении. Мои люди и пальцем не шевельнут ради Живых. Они готовы кое-что сделать для меня – но лишь кое-что. Да и сама я готова далеко не на все.

Не придется ли ему переселиться в другое место?

– Кроме того, – продолжала Мериэль, – на улице Чар опять полно дартар. Ты говорил, они поддержали плотника прошлой ночью. А если попытаешься наложить на него лапу со свойственной Живым грубостью и бесцеремонностью, они тебя живьем проглотят. Понял?

– Понял. Забудь. Черт с ним, с Кадо.

– Ты, знаешь ли, становишься не в меру раздражительным. Начинаю подозревать, что Генерал ошибся в выборе преемника. Ты не даешь себе труда задуматься или хотя бы довести до конца начатое. Но смело отдаешь приказы, которые через двенадцать часов могут привести к войне. Тебе необходимо точно знать, что происходит. Ради Арама! Задумайся. Вам не обойтись без надежных штаб-квартир. И надо наладить связь с атаманами. В противном случае великое восстание обернется глупейшим и сокрушительным разгромом.

Бел-Сидек снова засверкал глазами. Он не привык выслушивать выговоры ни от кого, кроме распоряжавшихся в порту геродиан. Но там покорность была частью его святой миссии.

– Что ж, я пойду сам.

– Нет. Ты не думаешь, что при дневном свете дартары легко узнают тебя? Пойду я. А ты отправишься в Хар. Я попрошу двух своих людей сопроводить тебя. Я владею несколькими домами в Харе. В них никто не живет. Я прячу там оружие. Это будет твое убежище и штаб-квартира. Можешь попросить сопровождающих отнести несколько записок – так, для затравки. Но потом они покинут тебя.

Бел-Сидек вздохнул и поднялся. Спорить с Мериэль было бесполезно.

– Старик надул тебя, но хватит носиться со своей обидой, – заключила Мериэль. – Давай, ноги в руки, и ступай, принимайся за дело.

* * *

Йосех места себе не находил. Раны нещадно мучили юношу, но он не мог даже прилечь. Эта дверь в нескольких шагах…

Они успели пошептаться, обменяться несколькими словами до того, как Кадо попросил Фа'тада и других дартар покинуть Дом Правительства. Генерал ни словом не обмолвился о присутствии наемников в городе после комендантского часа, ничего не спросил о Шу. Фа'тад, казалось, был разочарован.

Орел прошел с ними до самого, поста на улице Чар. Йосех думал, что им найдется, что обсудить, но Фа'тад молчал. Довел их до места вчерашней стычки, а потом растворился в тумане, по-прежнему ведя под уздцы коня, на котором въехал в город. Ночью в квартале, кишевшем убийцами и ворами, этот удивительный старик не чувствовал ни малейшего страха.

И в самом деле, чего мог бояться Фа'тад ал-Акла, любимец богов?

Теперь он уже вернулся и совещался в переулке с Ногахом и с несколькими старыми своими дружками, Мо'атабаром в их числе. О чем шла речь, Йосех не знал.

– Слушай, подметки протрешь, братишка, – окликнул его Меджах. – Прилег бы, вздремнул немножко.

Нет, этого Йосех сделать не мог, хотя была глубокая ночь. Он отрицательно помотал головой.

– Потом пожалеешь?

– Почему? Что-нибудь готовится?

– Не знаю. Но опыт подсказывает мне – не упускай случая выспаться, а потом локти себе будешь кусать.

– Пойду взгляну сверху, что там делается, – буркнул Йосех.

До сих пор ему не удавалось увидеть ничего из

происходящего на крышах или в подземельях Шу. Наверное, если смотреть с моря или с какой-нибудь возвышенности, чтобы охватить взглядом все крыши сразу, – это было удивительное зрелище. Но с мостовой улицы Чар, сколько ни верти головой, ни с южной стороны, ни с северной – одинаково ничего интересного.

Йосех прошел мимо помощников каменщиков, в обязанности которых входило подносить рабочим кирпичи и цемент. Они стояли у подножия узенькой лестницы – единственного прохода между домами. Чтобы подняться наверх, пришлось ждать, пока несколько подсобных рабочих спустятся вниз. Но и поднявшись, Йосех не увидел почти ничего нового.

Здания, выходившие непосредственно на улицу Чар, были все одноэтажные; стены отштукатурены и выкрашены в грязно-белый цвет; крыши слегка наклонные – чтобы стекала вода. Тротуары – шага четыре в ширину. Проходы все были извилистые, петляли туда-сюда, то и дело попадались ведущие то вниз, то вверх лесенки – словом, все как в переулке, в котором Йосех столкнулся с похитителем детей. Лишь немногие из обитателей этого невеселого места выползли на улицы и следили за снующими по их владениям дартарскими воинами и каменщиками.

Йосех поднялся на следующий уровень. Опять то же самое, разве что здешние улочки составляли как бы второй этаж, надстройку над нижними, и многие проходы вели не к дверям домов, а к подножиям лестниц. Некоторые из этих проходов каменщики сейчас закладывали кирпичами. Работали они под навесами, защищавшими их от дождя. Почти все лестницы, которые решено было оставить, находились внутри домов. Обычно в таком строении жили сразу несколько поколений кушмаррахан – и каждое новое надстраивало свой этаж.

В центре квартала встречались места, добраться до которых можно было, лишь спустившись на добрых пять пролетов.

С уровней выше третьего лабиринт был практически недоступен.

Йосех с трудом мог представить себе, что будет, если все здешние жители высыпят наружу. Сравнить это можно лишь с роем пчел, кружащимся вокруг ульев.

Еще выше круглые по форме строения действительно напоминали гигантские ульи. Но на четвертом уровне в отличие от густонаселенного центра многие дома стояли пустые.

А что, если бы геродиане не запретили эти бесконечные надстройки? Через сотни лет в Шу было бы уже шесть-семь уровней, а ходы и переходы между ними запутались бы вконец и стали бы совершенно недоступны посторонним.

Хотя дождь только моросил, в низких местах вода из

водостоков собиралась в небольшие ручейки и озерца. И у каждой лужи толпились женщины с кувшинами. Практически ни капли воды не пропадало зря. Однако один поток стекал в лестничный проем. Йосех подумал, что при сильном дожде он, наверное, здорово заливает лабиринт.

На верхних уровнях даже деревянные мостовые были выкрашены в белый цвет. Кругом белое – и он один-одинешенек плутает в этой странной пустыне. За пеленой дождя юноша почти ничего не видел. В отчаянии, промокший насквозь, он повернул назад.

Что такое делается в этом проклятом Кушмаррахе? Все точно готовятся к чему-то. Йосех совсем потерял голову в этой сумятице. Он готов был пожалеть, что не остался в горах. Если бы… если бы не Тамиса.

Неосуществимая мечта – но сердце его забилось быстрее. Может, именно недоступность делала девушку такой привлекательной для него.

Йосех хотел было попроситься у Ногаха исследовать лабиринт, но за время его отсутствия что-то произошло. Фа'тад поспешно выводил людей из переулка. Йосех застыл, разинув рот. Некоторые воины сменили черное дартарское одеяние на кушмарраханское и закутались в непромокаемые плащи – чтобы скрыть лица и не выдать себя.

– Что случилось? – спросил юноша Меджаха.

– Кто-то пришел навестить зятя твоей красотки. Орел хочет знать, куда они пойдут.

Насиф потряс его за плечо.

– Что такое? – проворчал Аарон.

– Кто-то стоит под дверью. Думаю, это тот, кого мы ждем. Аарон вздрогнул, попытался вскочить, но сморщился от боли. За время сна руки и ноги у него совсем онемели. Аарон опробовал новый “глазок”.

– Женщина, безобразная. С ней никого, – прошептал он. Насиф улыбнулся краем губ.

– Впусти ее. – Он отступил в сторону и стал так, чтоб его не видно было за закрытой дверью.

Аарон отпер.

– Чем могу служить? – Смотрел он не на женщину, а по сторонам. Но увидел лишь дартар и обычных прохожих. Никто не проявлял интереса.

– Я та, кого вы ждете, – сказала женщина. Она как будто забавлялась ситуацией.

– Входите. – Аарон пропустил гостью. – Вы меня разбудили. Что вы имеете в виду под “та, кого вы ждете”?

– У вас сообщение от одного генерала к другому, разве нет? – спросила женщина, проходя в комнату.

– Не у меня. Просто подумали, что за мной будут следить. Передать сообщение должен Насиф. – Аарон закрыл дверь.

Женщина смерила Насифа взглядом. Она была удивлена, но не обескуражена.

– Вас они не упомянули. Скажу им, чтоб были повнимательнее.

Аарон чувствовал себя неловко. Эта женщина вела себя совершенно по-мужски.

– Может, развести огонь и согреть воды?

– Не надо, я здесь не задержусь. Но все равно – спасибо. Хорошо, Насиф. Слушаю вас.

– Генерал Кадо хотел бы переговорить с полковником бел-Сидеком по поводу Накара Отвратительного и дальнейшей судьбы Кушмарраха. Это все, что я уполномочен сообщить агентам полковника. Ему лично я скажу больше. Со своей же стороны должен заметить, что генерал, по-видимому, готов согласиться на любые условия, которые полковник сочтет нужным выдвинуть, дабы обеспечить свою безопасность во время переговоров. Генерал полагает, что мы находимся на перепутье. Он думает, что в настоящий момент интересы Герода совпадают с интересами Союза Живых.

Аарон изумленно вытаращился на Насифа. Этот тип всегда любил выражаться напыщенно, но не до такой же степени. Не иначе, геродиане его так натаскали.

Аарон усмехнулся. Женщина тоже улыбнулась.

– Интересно. Прямо-таки любопытство разбирает. Это все?

– На настоящий момент все. Если вы не намерены отвести меня к полковнику бел-Сидеку.

– Нет. Я спрошу его самого, а потом дам знать вам. – Она повернулась к двери.

– Предупреждаю: не тратьте время попусту. Генерал подозревает, что мы подошли к опасной черте. К смертельно опасной.

– Я передам бел-Сидеку, чтоб не тянул кота за хвост. Она вышла. Мужчины ошеломленно смотрели ей велел – Что теперь? – спросил Аарон.

– Подождем еще.

Аарон принялся шарить по полкам в надежде найти что-нибудь из съестного.

* * *

– Вот она, – прошептал Меджах. – Дай ей минуту, пусть отойдет, а потом скажи Ногаху.

Йосех, не стесняясь, разглядывал женщину.

– Шагает точно солдат.

– Не всем же быть молоденькими да хорошенькими. А жаль. Что ж, ступай.

Меджах поднялся и зашагал к позаимствованной у каменщиков большой четырехколесной крытой повозке, внутри которой прятался возница.

– Ногах… – позвал Йосех в темноту переулка.

– Мы видели. Иди к Меджаху, в повозку Недоумевая, Йосех направился к повозке Меджах исчез. Возница вылез и осматривал упряжь быков Йосех заглянул внутрь Никого, кроме Меджаха – Залезай, братишка.

Йосех перелез через откидной задок телеги – Что мы делаем?

– Будем следить за этой теткой.

– Зачем?

– Фа'тад считает, что она приведет нас к предводителю Живых.

Йосех тщетно попытался свести воедино сведения, полученные прошлой ночью.

– А зачем ему предводитель Живых? Меджах пожал плечами.

– Потом потолкуем.

Повозка закачалась: в кузов влез Ногах, за ним Косут, Фа'тад с несколькими старыми товарищами по оружию и Джуба из их собственного отряда. Джуба, собственно, не приходился Йосеху братом. Он был приемышем.

– Скажи, чтоб трогал, – велел Фа'тад и кивнул Йосеху и Меджаху.

Меджах высунулся из повозки и передал приказание вознице. Кушмарраханин вскарабкался на козлы и стегнул быков Повозка тронулась.

– Для здешних мест – настоящая гоночная колесница, – хмыкнул Ногах.

Никто не засмеялся в ответ. Йосеху казалось, что выражение лица у Фа'тада более кислое, чем обычно. Впрочем, трудно сказать наверняка: он надел маску. Орел редко делал это На каждом дартарском посту кто-нибудь подходил к ал-Акле и докладывал ситуацию. Судя по их словам, женщина продолжала подниматься наверх, Фа'тад выслушивал сообщения и становился мрачнее тучи.

Йосех начал подозревать, что у них со стариком одна проблема. Фа'тад тоже не понимает, что творится. Возможно, обстоятельства разрушили его первоначальный план или

поставили его перед необходимостью выбирать из нескольких вариантов, и теперь Орел недоумевает, как действовать дальше.

Они доехали до конца улицы Чар, проскрипели, прогрохотали по акрополю и начали спускаться к Хару. Здесь с докладом к Фа'таду подошел человек, одетый в кушмарраханское платье. Держался он куда осторожнее своих предшественников в Шу.

Наконец Повозка остановилась на узкой тихой улочке.

– Что теперь, командиры? – обратился возница сразу ко всем своим пассажирам.

* * *

Бел-Сидек выслушал Мериэль внимательно, но настороженно. Он не понимал, зачем геродианам понадобилась эта встреча. Разве что выманить его из убежища.

– Это из-за похищения детей, – предположила Мериэль. – Тот человек специально упомянул Накара. У меня создалось впечатление, что Кадо в полной панике.

– Думаешь, они знают что-то, чего не знаем мы?

– Во всяком случае, он думает, что так. Или хочет, чтобы мы думали, что он думает. Он в курсе последних событий внутри движения. Сообщение адресовано лично тебе.

– Он нашел советчиков в лице предателя и плотника. Хотелось бы мне поближе познакомиться с этим плотником. Передай посланцу Кадо – я серьезнейшим образом рассмотрю предложение о встрече и, если решу, что заинтересован в нем, сообщу полковнику Бруде мои условия. Когда люди Кадо уйдут, вели плотнику зайти ко мне.

– Так прям и велеть?

– Ну, ты – женщина сообразительная.

– Скорее бы кончилась эта неразбериха. Я уже на пределе. – Мериэль развернулась и вышла, хлопнув дверью.

– Надо бы показать Мериэль, насколько высоко я ценю ее помощь, – пробормотал бел-Сидек, откинулся на спинку стула и погрузился в размышления о проблеме с крепостью и Накаром. В эту минуту он остро ощущал свою беспомощность.

Должно быть, он задремал. Разбудил его какой-то шум. Бел-Сидек открыл глаза и обнаружил, что комната полна дартар. Откуда они взялись? Бел-Сидек окинул их беглым взглядом из-под полуопущенных век. Он старался не выказывать волнения. Дикари – точно собаки: чуют страх жертвы.

– Ты вернул мальчика отцу? – спросил один из дартар. Бел-

Сидек покачал головой. Он начисто позабыл этого парня и его угрозы.

– У тебя осталось всего девять часов.

Бел-Сидек чуть заметно улыбнулся. Когда туман опустится на город, дартары уже не в состоянии будут причинить ему какой-нибудь вред.

Второй дикарь уселся напротив бел-Сидека, заглянул ему в лицо.

– Юношеский идеализм – не более того. Погоди, пусть малец доживет до наших лет, разберется что к чему. Тогда он поймет – когда речь идет о политике, ничей ребенок не имеет ни малейшего значения.

Фа'тад! Ал-Акла с его вечной отвратительной насмешкой над всеми кушмарраханскими делами и обычаями.

– Я вижу, вы удивлены, полковник бел-Сидек.

– Да, удивлен.

– Я тоже удивлен. Я шел сюда, не имея в виду встретить кого-нибудь определенного.

Лжешь, подумал бел-Сидек. Фа'тад – последний человек на земле, который шевельнет хоть пальцем, не зная точно, что будет с этого иметь.

– Возможно, я отдал бы целое состояние, чтобы узнать, как вас найти. Я подозревал, что нам есть о чем потолковать, что именно вы удерживаете этот город в относительном равновесии.

Бел-Сидек заглянул в глаза старому воину. В глубине их за внешним бесстрастием тлел какой-то скрытый огонек.

– Не ослышался ли я? Неужели вы опять хотите переметнуться на другую сторону?

– На другую сторону? Нет. Мы всегда на одной стороне, всегда верны интересам дартарского племени. Но порой те, что называют себя друзьями дартар, обманывают и предают их.

– Я не желаю обсуждать это. Накар решил, что засуха истощила Кушмаррах и мы не в состоянии посылать продукты в другие земли. Кадо смог удовлетворить ваши требования лишь потому, что война унесла много тысяч жизней, а значит, и голодных ртов.

– Все равно Накар мог найти способ отблагодарить дартар за прошлую службу и заручиться их поддержкой на будущее. Но в тот момент дикари – и их копья – были не нужны ему. Он еще не осознал, что готовится колоссальное нашествие геродиан. А когда осознал – свистнул нам, как собачонке. Но кусачие дворняжки имеют обыкновение на зло отвечать злом.

– Что ж, учтем, – вставил бел-Сидек, довольный, что может ответить сарказмом на сарказм ал-Аклы. Но дартары никак не

отреагировали на его замечание.

Фа'тад помолчал немного и продолжал:

– Эта история с Накаром как нельзя более некстати. Еще три-четыре дня, и мы получили бы то, чего добиваемся, и начали бы готовиться оставить геродианскую службу. До цели было рукой подать… Злой рок вечно преследует дартарское племя.

Бел-Сидек внимательно изучал Фа'тада. Орел к чему-то клонит, это точно, но к чему?

Что ж, так и быть, он сам сделает ход. Может, удастся что-нибудь выведать.

– Но чего вы добиваетесь? Что хотите получить?

– Сокровища крепости. Существование их не вызывает у нас сомнений. Геродиане обещали их нам. Конечно, они вовсе не собирались сдержать слово. Они знали, что внутрь цитадели нам не проникнуть. Но мы упорно добивались своего и в конце концов нашли ход. И тут выясняется, что слишком поздно, что обитатели проклятой крепости доберутся до нас раньше, чем мы до них.

– Так это не пустые слухи? Из лабиринта Шу в крепость действительно ведет туннель?

– Да, ход есть. Но, как и на саму крепость, на него наложены нерушимые заклятия. Однако ничто не мешает, если, конечно, достанет решимости, пойти кружным, окольным путем. Однако это займет слишком много времени.

Бел-Сидек откинулся на спинку стула. Теперь он не сомневался, что владеет ситуацией, и потому не испытывал страха. Старику что-то нужно, и – для дартарина – он выражается достаточно прямо.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Живые хотят, чтоб мы покинули Кушмаррах, и им известно, на каких условиях дартары готовы исчезнуть. Нас словно ветром сдует. Но скажите; приемлете ли вы стратегию вашего предшественника, который в душе всегда оставался верен темным богам?

Оставался верен… Бел-Сидека зазнобило. Эйзел упомянул, что встречался с Генералом в храме… Эйзел, убийца, который выполнял личные поручения Накара.

– Нет, я не согласен с планом Генерала.

– Ага, уже лучше. Я боялся, что вся верхушка Союза принимала участие в циничном и коварном заговоре, цель которого – реставрация власти Накара. В таком случае нам есть что обсудить.

– В самом деле?

Не спеши, дай ему высказаться первым.

– Итак… существует еще один вход в крепость.

– Если вы намекаете на то, что мне этот путь известен, значит, нюх подвел вас. Иначе я бы давно захватил пресловутые сокровища. На них можно купить уйму оружия.

Фа'тад смерил бел-Сидека оценивающим взглядом.

– Звучит правдоподобно. Однако кто-то из членов вашей организации знает этот ход. Ведь детишек же каким-то образом доставляли в крепость. Ханно бел-Карба был осторожным, расчетливым стратегом. Он наверняка принял меры на случай, если смерть неожиданно унесет его… вот-вот, вижу – вам пришло в голову какое-то имя…

Дартары навострили уши – точно стойку сделали. Фа'тад движением руки успокоил их.

Бел-Сидек действительно подумал о Карзе. Теперь он понял, зачем понадобился Кадо. Геродианину нужно было это имя. В руках у него, бел-Сидека, нежданно-негаданно оказалась козырная карта. Почему бы не разыграть ее самому?

– Вы недоумеваете про себя: с чего это я должен что-то делать для проклятых дартарских псов? Ответ прост и напрашивается сам собой. Вы в нашей власти. Этот вот юноша, Ногах, поклялся убить вас, как только туман спустится на город. Ваш преемник окажется лицом к лицу либо с Накаром Отвратительным, либо – если будет достаточно сообразителен и сумеет это предотвратить – с пятью тысячами дартар. Они никогда не позволят ему свергнуть власть Города. Ваше движение умирает. Еще несколько лет – и оно зачахнет совсем. С другой стороны, если дартары проникнут в крепость, благодарность их будет настолько велика, что они с готовностью придут на помощь Союзу. Кроме того, вы получите неприступную цитадель, из которой сможете нанести решительный удар по геродианской армии. А возможно, не только из цитадели, но и из лабиринта Шу. Или несметные сокровища, которыми вы никогда по-настоящему не владели, вдруг приобрели такое значение, что затмили высокие цели движения?

В самом деле, подумал бел-Сидек, если ценой сокровищ крепости можно купить независимость, не должен ли он заплатить эту цену? В конце концов, они ведь рассчитывали, что победа обойдется Живым куда дороже.

– Один маленький вопрос. А что, если сокровища Накара такой же миф, как сокровища атамана разбойников из лабиринта Шу?

– Значит, я свалял дурака, и дартары покинут Кушмаррах, совершив напоследок пусть маленькое, но доброе дело: вернут нескольких перепуганных ребятишек в объятия безутешных родителей. Впрочем, я уверен, что сокровища существуют. В

прежние времена мне случалось бывать в крепости.

– Мне тоже. Хорошо. Теперь я хочу знать точно, что мы получим, и обговорить все условия.

Фа'тад на минуту задумался.

– Узнав тайну входа в крепость, тайну, которая известна кому-то из Союза Живых, войска дартар смогут проникнуть внутрь Они освободят из плена детей и, если пожелаете, доставят их вам. Таким образом, надеждам на воскресение Накара будет положен конец. Затем дартары завладеют желанными сокровищами, передадут цитадель в руки Живых и покинут город, оставят его Союзу и геродианам.

– На первый взгляд неплохая сделка, – кивнул бел-Сидек. Он действительно так думал – но не переставал гадать, что таится за гладкой речью, чего недоговаривают улыбающиеся губы. Как-то чересчур просто все получалось, чересчур простодушно и мелковато для Фа'тада ал-Аклы.

Если только Орел получил строгие предписания с родины и вынужден ускорить свое возвращение… Может быть, и так, вполне вероятно…

– Я должен указать вам ход в крепость. Что еще?

– Не вступать в соглашения с Кадо, когда генерал придет к вам с подобным предложением.

– Женщина возвращается, – предупредил Фа'тада один из дартар – он наблюдал за улицей в щель между ставнями. Ал-Акла кивнул.

– Я говорил немного дольше, чем рассчитывал. Ваш ход, полковник бел-Сидек.

– Сможете вы держать на привязи этого юнца? Вопрос, казалось, позабавил Фа'тада.

– Ну, надеюсь, мне удастся сдерживать его пыл, пока я сам не потеряю уверенности, что мальчишка вернется домой целым и невредимым. Кстати, крайний срок, назначенный нашим юным другом, кажется мне вполне подходящим. Зачем ждать Накара? Предложение мое останется в силе, если вы предоставите информацию раньше, чем туман опустится на город. Найти меня вы сможете в переулке, что чуть ниже вашей бывшей квартиры.

– А если никакой информации вы не получите?

– Тогда мы найдем вас снова. В комнату ворвалась Мериэль.

– Сису, чем ты занимаешься? Двадцать человек ждут тебя… проклятие…

Фа'тад слегка поклонился и вышел из комнаты. Остальные дартары последовали за командиром. Бел-Сидек проводил их задумчивым взглядом.

– Что стряслось? Ты, похоже, вляпался в самое дерьмо. Это же

ал-Акла!

– Он выследил тебя. – Бел-Сидек вкратце рассказал Мериэль о переговорах.

– Как ты намерен поступить?

– Как поступить? Первым делом спросить свою совесть – не должен ли я следовать плану Генерала.

– Ты спятил?! Ты что, желаешь возвращения Накара? Считаешь, что тут уместна болтовня о каком-то идиотском долге?! Да ты безумнее старика! Если ты посмеешь хоть в мыслях допустить такую возможность – прощай, наше вам с кисточкой!

– Кое-кто одобряет этот план.

– Ну и что с того?

– Просто отмечаю, что есть и такой вариант.

– Ты думаешь, предложение ал-Аклы серьезно?

– Может быть. Он дал мне в руки оружие, которое я могу обратить против него. Меня так и подмывает дать Фа'таду то, о чем он просит, а потом сообщить Кадо, что дартары грабят крепость. Пускай перегрызут друг другу глотки, а Союз будет иметь дело с теми, кто уцелеет.

– Так ты…

– Не знаю. В данный момент мне надо приостановить подготовку к боевым действиям, а потом встретиться в каком-нибудь укромном месте с Карзой. Только ему может быть известен ход в крепость.

– Плотник отказался прийти.

– Как я и подозревал. Но теперь это, наверное, не так уж важно.

* * *

Йосех устроился на дне повозки. Хорошо, что не надо торчать под дождем. Он невольно поежился. Никогда не угадаешь, что на уме у власть имущих. Под навес один за другим залезли и остальные сопровождающие Фа'тада дартары. Кто-то прикрикнул на возницу. Тот равнодушно огрызнулся – Думаешь, он замыслил провести нас? – спросил один из дружков ал-Аклы.

– А чего еще ждать от кушмарраханина? Но я сделал ему чертовски заманчивое предложение. А ведь импровизировал на ходу, на меня, понимаешь ли, вдохновение снизошло. – Ал-Акла хихикнул. – Эй, заверни налево и остановись! Ногах, Меджах, Джуба, для вас есть работенка.

Глава 17

Аарон зашел под самый большой на верфи навес. Поместившиеся здесь работали, несмотря на дождь; остальных распустили по домам. Билли-козла Аарон нашел за обычным его занятием – тот конопатил небольшую лодку. Билли посмотрел на Аарона как-то странно.

– Ты что, работать пришел?

– Нет, просто поговорить. Ты слышал?

– Да уж, худые вести не лежат на месте. Как ты? Как переносит это твоя семья?

– Я уже ничего. А переносят… ну, как они могут переносить… Но мы не теряем надежду. Геродиане приняли участие в расследовании… Так мы можем поговорить?

– Конечно, – Билли вытер руки о штаны – изяществом манер он не отличался никогда, – но здесь не очень удобно. Правда, если тебе без разницы, услышат нас или нет…

Работа на верфи застопорилась. Все с интересом поглядывали на Аарона. Кулло и еще один геродианин вразвалочку направлялись в их сторону. Аарон не знал, имеет ли теперь смысл держать все в секрете.

– Вообще-то не хотелось бы…

– Тогда пошли погуляем.

– Ты промокнешь. – Сам Аарон уже вымок до нитки. Билли пожал плечами.

– Пустяки. Дождь только освежает. – Он протянул инструменты подручному:

– Почисти-ка.

Никто из мастеров-геродиан не попытался задержать Билли. Никто из рабочих не обращался к Аарону, хотя многие смотрели на него с жалостью и участием.

– А у тебя завелись высокопоставленные друзья, – заметил Билли, когда они вышли под дождь. – Ни одного плотника отродясь еще не освобождали от работы по приказу главы военного правительства.

– Да ну?

– Не успели мы утром притащиться на верфь, явился посланный из Дома Правительства. Принес письмо, в котором черным по белому сказано, что ты не выйдешь на работу так долго, как это будет необходимо, и не должен подвергаться никаким взысканиям. Подписано Брудой и Кадо, адресовано Кулло. Он прямо обалдел.

– Не терпится небось поскорее сбить с меня спесь. Они стали

под покрытым лесами бортом строящегося корабля. Дождь почти не проникал сюда. Билли присел на бревно, спиной прислонившись к поленице.

– Ну давай, я слушаю.

Аарон рассказал приятелю о событиях вчерашнего дня и сегодняшнего утра. Билли не перебивал его.

– Кошмарная история. Одно могу посоветовать – впрочем, это ты и без меня знаешь: делай все, чтобы вызволить своего сынишку.

– Ясное дело. Загвоздка не в этом. Беда, что все пытаются втянуть меня в свои планы, заговоры и прочую политическую ерунду. Мне наплевать на их делишки. Я одного хочу – вернуть своего мальчика. Но что бы я ни сделал, кто-нибудь обязательно обвинит меня в предательстве и, боюсь, отыграется на моих близких. Как же мне выбраться из этого дерьма?

Билли в задумчивости подбирал мокрые щепки и кидал их в невидимую мишень.

– Не знаю, Аарон. Хотел бы я дать тебе полезный совет, а лучше – эдакую магическую формулу, чтоб произнес – и полный порядок. Но могу лишь посочувствовать. Ты угодил в западню. В такие сплошь и рядом попадаются людишки вроде нас с тобой, когда вмешиваются в игру серьезных парней. Ведь у них разговор короткий – не с нами, значит, против нас. Поверь, если б я мог помочь…

– Не хочется втягивать тебя в эту бодягу… Билли не стал возражать.

– Но есть одна штука… Ты ничем не рискуешь. – Ради этого Аарон, собственно, и пришел на верфь.

– Что за штука? – Билли продолжал бросать щепки.

– Так, на всякий пожарный…

– Ну?

– Вдруг ты услышишь – с Аароном или с семьей его стряслось что недоброе… потолкуй тогда с ребятами из Семи Башен, лучше всего из Четвертой. Например, с Большим Тери. Скажи ему – Аарон, мол, говорил, будто ворота открыл Насиф. Уж ребята разберутся что к чему. Сделаешь?

– Конечно, Аарон.

– Спасибо. Вернусь я, пожалуй, домой, узнаю, нет ли новостей.

* * *

Сулло и Кадо молча наблюдали, как Анналайя возится с

трупом Ишабела бел-Шадука, пытаясь вызвать его дух. Перед лицом более грозной опасности гражданский и военный правители Кушмарраха на время оставили свои распри.

Ведьма отошла от тела. Кадо показалось, что у нее расстроенный вид. Она безнадежно пожала плечами.

– Слишком поздно.

Сулло взял ее на руки, похлопал по спине.

– Ничего, ничего, ты сделала все возможное. Кадо с трудом удалось не выказать изумления. Это что еще за нежности? Ей они, похоже, не доставляют удовольствия.

– Мне так хотелось услужить вам, господин. Кадо подумал, что словам Анналайи недостает искренности. Интересно, кто из них кого использует?

– Что теперь? – спросил Кадо.

Хотя с самого начала шансов, что удастся вызвать дух похитителя детей, было немного, генерал все же надеялся на это. Колдунья высвободилась из объятий Сулло.

– Придется искать ход в крепость методом проб и ошибок. Так, наверное, поступил и сам Ала-эх-дин Бейх. – Когда Анналайя произносила это имя, голос ее чуть дрогнул, какая-то таинственная нотка прозвучала в нем.

Загадка на загадке.

– Так, значит, ход существует? И Фа'тад на верном пути? Этого допустить нельзя. Стоит дартарам ограбить крепость – и они испарятся быстрее, чем тает снег на весеннем солнце.

– Я думаю, этот ход похож на ворота, – продолжала Анналайя. Ведьма чуть запиналась, и у нее был странный акцент. – …ворота довольно сложной конструкции… возможно, двойные. Возможно, внутри имеются ловушки. Колдун уровня Накара не мог не принять таких простейших, очевидных мер предосторожности. – И снова при произнесении грозного имени в голосе маленькой ведьмы послышалось нечто зловещее, пугающее.

– Ловушка? – переспросил Кадо. Генерал с трудом вникал в речь Анналайи: до сих пор он придерживался старого доброго правила – держаться подальше от всякой магической дребедени.

– Да, наверняка есть несколько ловушек. Некоторые бросаются в глаза, другие тщательно скрыты, но все – смертельно опасны. Подобные ворота всегда делаются таким образом – чтоб держать непрошеных гостей на расстоянии.

– Что ж, будьте осторожны. Полковник Бруда окажет вам любое необходимое содействие. Сулло усмехнулся.

– Этим могут заняться мои люди.

– Не сомневаюсь. – С этими словами Кадо покинул

градоначальника и его ведьму. Анналайя немало озадачила генерала. А за Сулло, пришел он к выводу, нужен глаз да глаз. Стоит им проникнуть внутрь крепости, этот тип кинется на сокровища, как акула на кровь.

Гигант швырнул в клетку еще одного мальчика. Другие дети возбужденно перешептывались, глядя на него. По-видимому, в новичке было нечто особенное… Ага, понятно, он вернулся оттуда, откуда до сих пор никто не возвращался…

Ариф поднял глаза.

– Зуки! – Он вскочил, но потом замер, снова скованный страхом. Огромный человек так странно взглянул на него… точно с ненавистью. А потом гигант вышел из клетки и опять запер ее, но не ушел, а остался наблюдать за маленькими пленниками. Лицо его искажала мрачная, зловещая гримаса.

Ариф бочком подобрался поближе к Зуки.

– Зуки?

Но приятель безучастно сидел на полу. В нем тоже появилось нечто странное и пугающее. Арифу захотелось убежать, спрятаться.

– Зуки?

На этот раз Зуки посмотрел на него, но сначала как будто не узнал. Но потом в глазах его промелькнула какая-то искорка. Зуки словно состарился за одну минуту, теперь Ариф почувствовал исходящую от него угрозу. Он был страшнее гиганта. Ариф в ужасе попятился.

– Что вы с ним сделали?! – заплакал, закричал он. – Вы скверный, плохой человек! – Мальчик захлебывался от слез, его била дрожь.

Снаружи, за стенами крепости, загремел гром; дождь все усиливался.

* * *

Из своего убежища на башне Эйзел наблюдал за солдатами. Они окружили крепость. В этот круг попал и Черный ход Судьбы. Обитатели цитадели оказались в западне. Осада могла обернуться большими неприятностями. Запасов провизии в крепости не было. А если враги ворвутся внутрь – тогда дело действительно худо.

Ему следовало бы заняться ведьмой Сулло. Она – единственное орудие геродиан. Но даже если б эта идея пришла ему в голову раньше, когда ее можно было осуществить, времени все равно не хватило бы.

Проснувшись, Чаровница поймет наконец, что он, Эйзел, не зря надоедал ей своими предостережениями. Случилось как раз то, что он пытался предотвратить.

В дверях показался Торго.

– Чем ты тут занимаешься?

– Да вот, любуюсь зрелищем и жалею, что уже слишком стар и не успею научиться летать. Как она? Евнух огорченно покачал головой.

– Неважно. Она не рассчитала своих сил. Госпожа не берегла себя.

Эйзел сплюнул в окно. Еще бы. И упрямство ее принесло больше вреда, чем пользы. Чего еще ждать от женщины?

– Не мешало бы ей очнуться раньше, чем они сообразят, как проникнуть сюда.

– Куда ты таскался? – сердито спросил Насиф, не успел Аарон запереть входную дверь.

Как будто с нашкодившим, отлучившимся без разрешения пацаном разговаривает.

– Да вот, договорился кое с кем, чтоб шепнул Большому Тери, кто открыл те ворота, – если со мной или с моими близкими что-нибудь случится. – Аарон продрог до костей и теперь с удовольствием сдирал с себя мокрую одежду.

Насиф сверкнул на него глазами. Не похоже, что особенно испугался, скорее разозлился.

– Вот и все, – продолжал Аарон. – А ты видел генерала Кадо?

– И его, и ту безобразную тетку. События не стоят на месте. Аарон повесил одежду сушиться, переоделся, уселся за стол и принялся закусывать хлебом с сыром, запивая трапезу водой. Насифа он угощать не стал.

– И дальше что? – поинтересовался он через некоторое время.

– Бел-Сидек настаивает, чтоб генерал Кадо сам явился к нему. Если он решит, что встреча вообще состоится. В этом случае бел-Сидек отправит сюда своего посланного, а я отведу его к генералу. Пока что нам надо просто сидеть и ждать.

Сидеть и ждать чего-то. Как в Семи Башнях. Жаль, что он не взял домой семью. Аарон чувствовал себя таким же одиноким, как в те прежние скверные дни. Скоро ли он сможет выбраться отсюда? Скоро ли они вернутся домой?

Аарон подумал о томящемся в крепости Арифе – таком юном, в сотни раз более одиноком, чем его отец, и до глубины души потрясенном крушением своего маленького надежного и спокойного мирка.

– Насиф?

– Да?

– А может, нам плюнуть на все остальное и думать лишь о том, как выручить ребятишек?

Насиф проворчал что-то невнятное: он задремал. Значит – сидеть, ждать, думать. Ничего другого не остается.

* * *

Несильный, но ни на минуту не прекращающийся дождь, видно, зарядил надолго. Над крепостью клубились тучи. Йосех ни на что не обращал внимания. Он промок до нитки и чувствовал себя несчастным и покинутым. Не хотелось даже благодарить богов за то, что в Кушмаррахе сравнительно теплый климат. В довершение неприятностей дул настойчивый безжалостный ветер. И Меджах, черти бы его драли, был прав, когда говорил, что нельзя упускать случай вздремнуть.

Йосеху полагалось торчать на улице и притворяться спящим, а на самом деле сторожить верблюдов и наблюдать за домом Тамисы. Беда, что притворяться ему не было нужды. Перед глазами все точно плыло, веки смыкались сами собой. А стоило юноше начать клевать носом, невесть откуда возникал Фарук – словно ясновидящий – и пинком будил его.

Между тем смотреть было практически не на что. В дом Тамисы зашли несколько человек, но Фа'тад не проявил ни малейшего интереса.

Что и говорить, захватывающие приключения в этом замечательном городе следуют одно за другим.

* * *

Когда Карза соблаговолил наконец явиться, бел-Сидек был уже на пределе. Он смертельно устал, и от погоды ужасно разболелась нога. Все вместе отнюдь не способствовало хорошему настроению. Вдобавок несколько его людей из числа портовых рабочих, хотя бел-Сидек подчеркнул, что их помощь необходима, отпросились и ушли. Они, видите ли, боятся потерять работу! Бел-Сидек прямо кипел от злости Работу?! А они чем тут занимаются?! Это что, клуб по интересам, дружеская вечеринка?!

Бел-Сидек перешел улицу и поднялся немного выше дома, где нашел его ал-Акла. Он нашел, кем заменить людей Мериэль, но, чтоб расставить достаточное количество часовых и вести наблюдение, бойцов не хватало. Бел-Сидек был не на шутку обеспокоен. Если он выживет здесь, то лишь милостью Арама.

Зато личную его охрану составляли лучшие из лучших, те, с кем бел-Сидек прошел Дак-эс-Суэтту, молодцы, готовые по приказу командира штурмовать хоть адские врата. Пятеро из них, самые сильные, были рядом с бел-Сидеком, когда появился Карза.

– Надеюсь, я вас не очень обеспокоил, – начал бел-Сидек, даже не пытаясь скрыть гнев.

– Очень. И прекрасно знаете это. Что, черт возьми, стряслось? Или вы струсили? Испугались приближающейся бури?

– Садитесь. – Бел-Сидек кивнул двум охранникам, и те усадили Карзу. – Нет, я не струсил, я решил пойти другим путем.

– Прочь руки…

– Успокойтесь, Карза. Говорите только когда я велю. Так вот. Мне известен план старика. Известен он также Кадо и ал-Акле. Они совсем не в восторге от него и, к счастью, взяли на себя труд заняться крепостью. Она окружена геродианскими войсками. Связи с Чаровницей нет. Кроме того, считаю необходимым подчеркнуть, что лично я тоже категорически и решительно возражаю против воскрешения Накара.

– Итак, вы готовы отказаться от цели лишь потому, что вас не устраивают средства?

– Я этого не говорил А вас я просил помолчать. Я сказал, что нашел другой путь. Путь, который, по моему скромному мнению, имеет много плюсов.

– Слушаю.

– Фа'тад ал-Акла готов оставить геродианскую службу. Он предлагает вариант, при котором дартары покинут Кушмаррах и вернутся в горы. Допускает он и возможность, что они согласятся помочь очистить город от геродиан. Полагаю, можно даже устроить так, чтобы дартары приняли на себя основной удар.

Карза скорчил кислую недоверчивую мину, но промолчал.

– Чтобы облегчить себе задачу и ускорить ход событий, Живые должны лишь выплатить ал-Акле то, что обещал ему шесть лет назад генерал Кадо.

– Предложение заманчивое. Но какова же все-таки цена?

– Сокровища крепости.

Карза взглянул на бел-Сидека так, точно усомнился в его умственных способностях.

– Для нас это не составит потери: фактически мы никогда не были хозяевами этих богатств, даже ничтожной их долей не владели.

– Вы смеетесь…

– Ни капли.

– И как же вы намерены провести дартар за стены крепости, чтобы они разграбили наше национальное достояние?

Бел-Сидек улыбнулся, и улыбка эта выразила, как сильно болела у него нога.

– За тем-то я и вызвал вас, дружище. Карза притворился, что не понимает.

– Я много лет имел дело с Генералом. Я знал его лучше, чем жена. Но были планы, которые он скрывал от меня, вещи, которые таил от нее – потому что дорожил нашим добрым мнением. Несмотря на все недостатки и причуды старика, я любил его, хотя очевидно, что в последнее время он был безумнее солдата, допившегося до зеленых чертей. Но вы, конечно, не станете уверять меня, будто такой человек мог допустить, чтоб все планы и секретные сведения умерли вместе с ним.

– Почему вы говорите о безумии?

– А неужели же человек в здравом рассудке стал бы добровольно стремиться к воскрешению Накара Отвратительного?

– Таких людей, по-видимому, больше, чем вы подозреваете. Хотя суть плана старика не в этом. Чего вы хотите от меня?

Бел-Сидек прошелся по комнате, давая Карзе время подумать.

– Мне нужен ключ от крепости, – выдал он наконец. – Мне нужна тайна входа в нее. Я настаиваю.

– Я понятия не имею, о чем вы говорите. Бел-Сидек подошел к двери.

– Шид! – окликнул он. – Ступайте в Минисию. Найдите Хомену бел-Барка и скажите ему, что Карза находится под арестом. Хомена будет выполнять обязанности атамана до его возвращения.

Хомена бел-Барка был старым товарищем бел-Сидека. Он, хоть и был заместителем Карзы, примыкал к умеренной фракции Союза.

– Вы не сделаете этого, бел-Сидек.

– Уже делаю. Отказываясь выполнить мое требование, вы подрываете авторитет главы движения.

– Лучше убейте меня, но не смещайте.

– Не хотелось бы прибегать к крайним мерам. Вы ценный для Живых человек. Но если настаиваете…

Карза вопросительно взглянул на него, пытаясь определить, серьезно ли говорит бел-Сидек.

В тот момент Сису был серьезен как никогда.

Мериэль была права. Пора взять власть в свои руки, показать им, кто здесь главный.

– Скажите то, что мне необходимо знать, Карза.

* * *

Генерал Кадо, переодетый в кушмарраханское платье и закутанный от дождя в широкий плащ, чувствовал себя ужасно неловко. Никто на него даже не взглянул, но генерал не мог отделаться от чувства, что горожане знают, кто скрывается под плащом, и хихикают втихаря. И все извечное проклятие, что тяготеет над геродианами. Повсюду, кроме родных провинций, эти коренастые, низкорослые и лысые люди ощущают себя чужаками.

Но генерал Кадо ни с кем и никогда не делился подобными мыслями. Какое, черт побери, проклятие! Высокие или низенькие, геродиане владеют этими землями по праву победителей.

Кадо окинул взглядом провожатого, посланного полковником бел-Сидеком. Не пахнет ли тут предательством? Со времен сражения при Дак-эс-Суэтте, которое он принял, понадеявшись на непредсказуемых дартар, генерал так не рисковал. Тогда, по всеобщему мнению, предложение коварного Фа'тада было ловушкой.

Сейчас генерал не мог прийти ни к какому заключению. Провожатый тоже был закутан в плащ, тоже ежился под косыми струями дождя. Просто товарищ по несчастью.

Погода не благоприятствовала полету фантазии и вдохновенному проникновению в планы коварного врага. В такую погоду можно лишь тупо шлепать по мокрой дороге, вперед и вперед, куда ведут. Серое свинцовое небо навевало мрачные мысли. Крепость, они как раз поравнялись с ней, казалась грудой темных, блестящих от воды булыжников, источающей угрозу, словно пробуждающаяся от сна змея, что кольцом свернулась среди нависших над городом туч.

Кадо подумал о своем флоте. На море скорее всего погода еще хуже. Ветер гонит корабли через залив Тун со скоростью от шести до восьми узлов. Завтра они достигнут дальнего берега. Солдаты высадятся на берег и по побережью кинутся в погоню за налетчиками-турками.

Генерал Кадо надеялся, что войска его одержат блистательную победу в кровавой битве. Победу, которая потрясет и дартар, и турок, и жителей прибрежных провинций, и его недоброжелателей и клеветников в столице империи. Тысячи пленных, ничего не понимающих, не успевших оказать сопротивление турок, – это должно произвести сильное впечатление.

От акрополя они начали спускаться вниз узкими улочками Хара. Наверное, решил Кадо, они идут так долго, потому что проводник специально петляет, пытаясь запутать его.

Уголком глаза генерал заметил какое-то движение. Спутник

его прорычал что-то и бросился вперед. Что-то тяжелое опустилось на голову, на плечи Кадо. Он потерял сознание.

Очнулся генерал в крытой повозке. Руки и ноги его были связаны, на голову надет мешок. Кадо испугался не столько за себя, сколько за солдат. Лучших командиров он отправил в погоню за турками.

Бруда хорош на своем месте. Но сумеет ли он поладить с градоначальником? Справится ли он, если дело дойдет до катастрофы?

Судя по всему, полковник бел-Сидек решил, что Живым пора выступить на сцену.

Кадо не знал, придет ли кому в голову выкупить его. Талига, возможно, не станет хлопотать. А сестре только выгодно, если муж ее напорется на вражеский кинжал.

Мучительно хотелось помочиться.

Глава 18

Казалось, целая вечность прошла с тех пор, как Насиф в сопровождении посланца Живых отправился в Дом Правительства. Аарона он на всякий случай оставил ждать дома. Теперь Аарон жалел, что послушался и не поступил, как хотел, – не пошел с ними. По крайней мере надо было попросить Насифа сказать генералу Кадо, чтоб семью его отпустили домой. От одиночества Аарон чувствовал себя совершенно разбитым.

Не кончится ли его роль в этой игре с возвращением Насифа? Не иссякнет ли интерес к нему генерала Кадо? Аарон надеялся на это, но со страхом осознавал, что надежды его скорее всего тщетны. Сильные мира сего не отпускают так легко тех, кто попался в их лапы.

В дверь постучали.

У Аарона замерло сердце, тело покрылось липким потом. Он подошел к двери, посмотрел в глазок.

На пороге стоял дартарин Йосех.

Аарон отпер.

– Да? – с улыбкой спросил он. Против своей воли Аарон симпатизировал этому парнишке.

– Фа'тад хочет поговорить с вами. Аарон не ответил. Он смотрел, что делается на улице. Уже почти стемнело. Ливень кончился, но дождь продолжал идти. Что называется, зарядил надолго. В сточных канавах бурлила вода. Когда небо прояснится, Кушмаррах будет не узнать – вонь наконец исчезнет, воздух очистится, и чистенький, свежевымытый город предстанет во всей красе.

– Господин, Фа'тад просил узнать, примете ли вы его. Господин? Что такое с парнишкой?

– Фа'тад ал-Акла?

– Да, господин. – Дартарин понимающе усмехнулся. – Я его тоже побаиваюсь.

Аарон насмешливо фыркнул, как и подобало человеку, чью храбрость подвергли сомнению.

– Пусть приходит. Если, конечно, не начнет трубить в рог и выкидывать прочие дартарские штучки.

– Он будет здесь через минуту. – Юноша заспешил прочь. “Что теперь?” – с недоумением подумал Аарон. Он остался стоять в дверях. На улице было пусто – все забились по углам, укрываясь от дартар. Нынче вечером – во всяком случае, в этом районе, – наемники расположились в открытую, не пытаясь сделать вид, что намерены убраться в свой лагерь.

Фа'тад появился в сопровождении Йосеха и его брата. Ногаха, кажется? Старый дартарин состроил самую что ни на есть вежливую мину. И юношей он захватил неспроста, а в расчете, что в присутствии хоть сколько-нибудь знакомых ему людей Аарон будет держаться свободнее.

– Сожалею, что не могу принять вас с должным почетом, – сказал Аарон, – но добро пожаловать в мой дом.

Фа'тад огляделся кругом, словно проверяя, правильно ли ему докладывали.

– Благодарю. Вы оказываете мне вполне достаточное гостеприимство.

– Чем обязан чести видеть вас у себя?

– Ха! – Фа'тад ухмыльнулся. – Да вы говорите почти как дартарин.

Аарон растерялся. Этот человек услышал в его словах что-то, чего он вовсе не имел в виду. Он просто старался быть вежливым.

– Я надеюсь получить сведения, которые помогут вернуть вашего сына. Если мы будем действовать без промедления.

Аарон не был настолько наивен и не воображал, что благополучие Арифа может что-нибудь значить для Фа'тада ал-Аклы. Старый бродяга хочет использовать его. Ну хорошо. Он готов принять и такие правила игры, если Фа'тад предложит что-нибудь стоящее.

– Расскажите мне все поподробнее. – Аарон рассчитывал, что сумеет отделить факты от вымысла. На сей раз он не позволит провести себя. Посмотрим, что рассказал дартарину бел-Сидек. – Пока я ничего не обещаю.

– Отлично сказано! Нельзя же покупать лошадь, не посмотрев ей зубы. Очень хорошо. Я готов вам все рассказать. Как же, скорее собака научится летать.

– Слушаю.

– Решив перейти на сторону геродиан, я заручился их обещанием наградить дартар сокровищами крепости. Для моего народа они были бы чрезвычайно существенной поддержкой. Прошло шесть лет, и до сих пор я не получил и крупицы этих несметных богатств. Генерал Кадо даже не пытался проникнуть в крепость. Несколько дней назад многочисленные похищения детей возбудили мое любопытство, я решил исследовать лабиринт Шу. От нескольких захваченных там бандитов я услышал легенду о тайном ходе в цитадель. Я стал искать его – и нашел. Но на ход этот наложены заклятия, такие же сильные, как на саму крепость. Я начал обдумывать обходные пути – нельзя ли прорыть туннель вокруг заколдованного места. Однако вскоре мы узнали, с какой целью похищали детей. Теперь ясно, что мой

способ не годится – не хватит времени. Понимаете, о чем я?

– Понимаю. – Аарон чуть улыбнулся. – Понимать-то я понимаю, но это не значит – верю. – Было неслыханной дерзостью говорить так с Фа'тадом ал-Акла.

На хищном лице Фа'тада появилась ответная улыбка, и – что удивительно – искренняя.

– А вы, оказывается, скептик. Молодец. В наше время всякий разумный мужчина должен быть отчасти скептиком. Итак… Прошлой ночью условия игры и ставки изменились. А сегодня днем изменились снова.

– Днем? Что случилось днем? – удивленно спросил Аарон.

– Исчез генерал Кадо. По слухам, его захватили в плен Живые. Полагаю, чтоб генерал не воспрепятствовал их попыткам воскресить Накара Отвратительного.

Вот это да! Аарон достаточно наслушался в Доме Правительства и теперь сразу представил, какая там начнется паника.

– Градоначальник Сулло постарается присвоить себе полномочия Кадо, – продолжал ал-Акла. – Это одно из обещаний, которое он дал людям, пославшим его сюда. Меня Сулло в качестве правителя Кушмарраха совершенно не устраивает. Он обещал также, захватив власть, отменить все заключенные Кадо договоры и начать разграбление богатств города – и в первую очередь крепости. О них ходят все более и более дикие слухи.

Аарон вдруг почувствовал страх за своих ближних. Они окажутся меж двух огней – между раздираемыми склоками Домом Правительства и Резиденцией.

– Почем вы знаете, что и кому обещал Сулло до того, как покинул Герод? – спросил он.

Фа'тад ответил почти что с издевкой:

– Можешь считать нас дикарями, плотник, но знай, что у дартар друзья в каждом уголке подлунного мира.

Аарон взволнованно заходил по комнате. Если хоть половина из того, что сказал старик, правда, надо срочно забрать семью из опасного места. А как быть с Арифом? Градоначальник Сулло отнюдь не произвел на Аарона впечатление человека, обеспокоенного судьбой кушмарраханских ребятишек.

– Чего вы хотите?

– Я хочу обойти Сулло. Хочу воспользоваться жадностью градоначальника и отвлечь его, пока я не найду генерала Кадо и не похищу ведьму Анналайю. Без нее он беспомощен, как младенец. А тебя я прошу сломя голову мчаться к Сулло и доложить, что через несколько часов дартары из лабиринта Шу проникнут в крепость. Я надеюсь, что он кинется за нами

вдогонку и потратит на поиски входа в крепость несколько дней. Мы не откроем ему, где находится ход.

Что-то тут не сходилось.

– А сами-то вы как попадете в крепость? – спросил Аарон. Фа'тад поколебался с минуту, точно решая, должен ли сказать больше.

– Гм… я намерен использовать эту маленькую колдунью. Она – единственный наш шанс успеть вовремя.

– Но…

– Довольно вопросов, довольно ответов. Вы уже знаете достаточно, чтобы погубить меня, если вдруг воспылаете симпатией к градоначальнику Сулло. Теперь я вернусь в переулок, а вас оставлю здесь – подумайте спокойно. Взвесьте все доводы. И имейте в виду – ворвавшись в крепость, мы прежде всего займемся поисками вашего сына. Вообще-то, если пожелаете, можете даже пойти на штурм вместе с нами. Ногах, Йосех, идемте.

Дартары ушли. Аарон задул зажженную ради гостей свечу и, усевшись в темноте, погрузился в размышления. Ариф, его мальчик, как будто незримо присутствовал в комнате.

Ночные кошмары стали явью.

* * *

– Вы действительно намерены первым делом найти его сына, командир? – спросил Йосех.

– Еще бы, черт побери. Если мальцу действительно не повезло и он унаследовал душу Накара Отвратительного – это для нас единственный ключ к спасению. Его необходимо убрать подальше от Чаровницы. Любой ценой.

Йосеху не понравился тон Фа'тада, но расспрашивать дальше у него не хватило храбрости.

Меджах услышал их шаги и вышел навстречу. Он что-что шепнул на ухо Фа'таду, Йосех не разобрал, что именно. Ал-Акла заспешил в переулок.

Там, в темноте, толпилось множество народу. Дартарские воины окружили чужака.

– Полковник бел-Сидек, – приветствовал Фа'тад, – а я боялся, что мы вас больше не увидим.

– Ну как же, я должен был прийти. Ведь скоро опустится туман. Впрочем, может, сегодня его не будет вовсе, – ответил вейдин. Казалось, он потешается над дартарами.

– Вы готовы дать мне то, о чем я просил? – спросил ал-Акла.

Йосеху показалось, что Орел с трудом сдерживает возбуждение.

– К сожалению, нет. Человек, о котором я подумал тогда, чертовски упрям. Он утверждает, что ему ничего не известно. Я начинаю сомневаться. Нельзя вовсе отвергать возможность, что он говорит правду.

Фа'тад немного помолчал. Молчали и окружившие их дартары.

– Отдайте его нам, – заговорил ал-Акла. – Через час мы будем знать правду.

– Не сомневаюсь. И еще до наступления утра моего человека найдут мертвым.

– Ну и что?

– Нет. Я и так настроил против себя половину организации. Моя жизнь вам порукой, что воскресение Накара не состоится. Но обострять дальше отношения с фанатиками я не желаю.

Дартары угрожающе заворчали.

– Поступайте как сочтете нужным, – продолжал кушмарраханин, – но если я не вернусь в ближайшее время, фанатики возьмут власть в Союзе. Солнце не успеет взойти – улицы города окрасятся кровью. И помните: некоторые не правильно информированные кушмарране будут проливать кровь дартар, а не геродиан.

Дартары снова сердито зашевелились, Фа'тад насупился.

– Возвращайтесь к своим людям, – сказал он. – И помните: время летит быстро. Любая проволочка может оказаться решающей, может оказаться именно той минутой, какой не хватило бы Накару. Ступайте.

Кушмарраханин, прихрамывая, удалился.

– Как могли вы отпустить его, командир? – спросил кто-то.

– Он сказал правду. А я не хочу, чтоб твое тело бросили на кушмарраханской улице на съедение псам и на поругание уличным мальчишкам.

Никто не возражал.

– Дартары не могут допустить мятежа. Не то у нас положение. Слишком многое поставлено на карту.

Йосех был озадачен. Но Фа'тад ничего не собирался объяснять. На то он и Фа'тад ал-Акла, чьи мысли не известны никому.

“Но почему он хотя бы не послал кого-нибудь следить за этим вейдин?” – недоумевал юноша.

* * *

Эйзел заставил себя оторваться от окна. Что он там выглядит? И что бы ни выглядел, сделать все равно ничего не сможет. Надо пройтись, размяться, ноги совсем затекли.

– Стар становлюсь, – проворчал он. Разве в молодые годы Эйзел-разрушитель обратил бы внимание на такие пустяковые раны?

В животе урчало. Он давно ничего не ел. Просто начисто позабыл об этом.

Эйзел проглотил обезболивающий порошок и спустился на кухню. Там он поел, что нашлось, не пеняя на качество. Припасов оказалось не так мало, как опасался Эйзел, хотя без свежих продуктов некоторое время придется обойтись.

Потом он проковылял в зал с телами Накара и Ала-эх-дин Бейха. Здесь ничего не изменилось. Разве что тьма еще немного сгустилась.

Эйзел долго стоял у алтаря. Тишина окружала, окутывала его, проникала в самое сердце. Он думал, насколько реален план Генерала. Накар всегда обладал обостренным чувством опасности.

Может, все же удастся это выяснить, если Чаровница вовремя придет в себя.

Да. План, безусловно, мог сработать.

– Вот ты где. То-то я слышал, ты бродишь вокруг. Эйзел вздрогнул, поднял глаза и увидел Торго.

– Ты застал меня врасплох, – огрызнулся он. – Как она, есть улучшение?

– Пока нет, – удрученно покачал головой евнух. – Никогда госпожа не погружалась в столь глубокий сон на такое длительное время.

– Ее предупреждали, она не желала слушать. – Эйзел направился к выходу из зала. – Но, возможно, положение не такое уж критическое. Я наблюдал за геродианами. Если они вправду вознамерились проникнуть в крепость, им придется изрядно повозиться, чтобы найти ход.

– Приятно слышать. – У Торго что-то было на уме, но он не торопился высказываться. – Я собираюсь поужинать. Не хочешь присоединиться?

Ого!

– Извини, – так же вежливо ответил Эйзел, – я только поел. Хочу вернуться к себе и посмотреть, что они там делают.

– Может быть, попозже?

– Конечно, спасибо.

Эйзел проводил евнуха взглядом. Чем черт не шутит, не окажется ли этот парень в конце концов достаточно

покладистым… План Генерала сперва нужно опробовать.

Убедившись, что Торго прошел на кухню, Эйзел проскользнул в спальню Чаровницы.

Крепкий сон – не самое выгодное состояние для любой женщины, но Чаровница выглядела даже хуже, чем он ожидал. С последней их встречи она постарела на добрый десяток лет.

Эйзел поспешно удалился, расстроенный, с болью в душе.

* * *

Полковник Бруда встретил посетителя весьма неприветливо.

– Не пытайтесь давить на меня, господин градоначальник. Я провел целый день под дождем, по уши в грязи. Если исчезновение генерала Кадо не ложная тревога, я отдам соответствующие распоряжения. Ситуация, когда власть переходит к гражданскому лицу, требует особого подхода.

Сулло улыбался, кивал и не произносил ни слова.

– Я вернулся с полчаса назад и до сих пор не имел возможности присесть передохнуть, почиститься и закусить хоть немного. Я в скверном настроении и не расположен играть в политические игры. И невзирая ни на что, намерен следовать собственному распорядку дня. Я ясно выражаюсь?

– Чрезвычайно ясно, полковник. Просто поразительно ясно. Я это запомню. Но не позволите ли изложить дело, которое привело меня сюда?

– Излагайте, градоначальник. Только, прошу вас, покороче. Я должен разобраться с этим предполагаемым исчезновением. – В соседней комнате ждал полковник бел-Абек.

– Разумеется, разумеется. Я пришел, чтоб заявить о своей готовности всячески поддержать вас, а также чтобы узнать, не содержатся ли в военной тюрьме заключенные, которых можно использовать для экспериментов с заколдованными воротами крепости.

Бруда смерил толстого человечка глазами, прикидывая, как бы половчее избавиться от него без помощи кинжала Розана. Нельзя же вытолкать градоначальника пинками… Но держать Кушмаррах в руках, не выпустить вожжи и без того нелегкая задача, не хватало только интриг и вмешательства Сулло.

– Я пошлю вам добровольцев. Когда они вам понадобятся?

– Анналайя рассчитывает начать около полуночи.

– Начинайте, – пробурчал Бруда, – а теперь прошу меня извинить…

– Пожалуйста, пожалуйста, полковник, – ухмыльнулся Сулло.

Бруда повернулся к нему спиной и направился в соседнюю комнату. Надо точно выяснить, что же произошло. Бел-Абек был в самом центре событий…

* * *

Бел-Сидек не успел даже переодеться в сухое, как явился Зенобел. Атаман остановился на пороге и уставился на бел-Сидека так, точно не решил, как следует себя вести – гневаться или же пойти на мировую.

– Что-нибудь случилось, атаман? – Бел-Сидек не мог не , завидовать этому человеку, Зенобел вернулся с войны целым и невредимым. Он был здоров, молод, полон сил, красив и энергичен, в семье его тоже царило полное благополучие.

– Много что случилось. Хотя я не уверен… Правда ли, что вы посадили Карзу под арест?

Уже разболтали! Как же заставить людей держать рот на замке?!

– Можно сказать и так. Он отказался выполнить мой приказ, и я сместил его с поста атамана округа Минисиа и намерен продержать здесь, пока не получу необходимые мне сведения.

Зенобел смерил его взглядом. Бел-Сидек остался спокоен.

– А в чем дело? Не могу ли я переговорить с ним? Бел-Сидек не пришел в восторг от этого предложения. Карза недолюбливал Зенобела. С другой стороны, оба они были фанатиками. Карза мог заручиться поддержкой Зенобела.

Бел-Сидек решил выспросить, как относится Зенобел к темным богам. Тот прервал его на полуслове.

– О чем это вы? Я же не религиознее репы!

– Карза замешан в планы обитателей крепости. Они хотят с помощью колдовства воскресить Накара.

Зенобел ошеломленно уставился на него. В конце концов бел-Сидек даже осведомился:

– Вы как, в порядке?

– Как такое взбрело Карзе в голову? Зачем?

– А разве возвращение Накара не освободит Кушмаррах от геродианского ярма?

– Черт побери. Дайте мне подумать. Не могли бы вы дать мне немного времени? Вдруг мне удастся вразумить его? Мы ведь говорим на одном языке.

Верно, подумал бел-Сидек. Почему бы не рискнуть? В худшем случае придется задержать и Зенобела, вот и все.

Он рассказал атаману, что знал сам.

Зенобел внимательно выслушал, но долго ничего не говорил.

– Посмотрим, что я смогу сделать, – сказал он наконец. – Мне нравится мысль заставить дартар и геродиан перегрызть друг другу глотки… Тогда по всему побережью начнется славная заварушка. Но не думаете ли вы, что устранение Кадо дает лишнее преимущество Фа'таду?

– О чем вы?

– Полно, не держите меня за дурачка. Весь город на ушах стоит. Живые захватили Кадо в плен. Это вторая причина моего прихода. Бруда поднял по тревоге все геродианские войска, разослал гонцов во все геродианские поселения в городе, чтобы предупредить подданных Герода о возможных волнениях. Стражи у Осенних ворот в три раза больше обычного. В дартарском лагере тоже извещены о готовящихся беспорядках.

– Это он! – вскричал бел-Сидек. – Вероломный старый предатель! Подлый кровожадный змей!

Ал-Акла схватил Кадо, а “слава” досталась Живым. Должно быть так. Другого объяснения нет. Впрочем, и это звучит не особо осмысленно.

– Что вы сказали?

– Ничего. Ступайте повидайте нашего заблудшего брата Карзу. Мне нужно подумать.

И бел-Сидек стал думать – но ни до чего не додумался. Он не знал, в каком направлении теперь двигаться. Не мог выбрать ни одно из стратегических решений, потому что представлял себе лишь явные, выставленные напоказ планы Фа'тада и геродиан, но понятия не имел об их тайных целях.

Единственное, что мог сделать бел-Сидек, – это принять кое-какие тактические меры. Так он и поступил: отправил дозорных следить, чтобы вокруг не было соглядатаев.

Одна мысль неотступно грызла его: а что, если Кадо похитил вовсе не ал-Акла? Не дело ли это рук кого-то из Живых, воспылавших сочувствием к обитателям крепости?

Вопросы, на которые не было ответов, одолевали незадачливого предводителя Союза Живых Сису бел-Сидека.

Глава 19

Аарон укрылся от пронизывающего ветра и дождя под портиком Резиденции. Ничего не выйдет. Придумают какую-нибудь отговорку и не примут его. Но сейчас Аарон чувствовал себя таким несчастным, что его это мало заботило. Если бы не близость крепости, а она была совсем близко, он даже чувствовал исходящую от нее зловещую силу, Аарон плюнул бы на все и вернулся домой.

Но она была здесь – безжалостное напоминание о томящемся в плену, отданном на милость злодеев Арифе. И Аарон не уходил, потому что больше ничего он не мог сделать для своего мальчика.

Человек, с которым он говорил раньше, наконец вернулся и, казалось, был немало удивлен, застав Аарона ждущим на том же месте.

– Градоначальник примет тебя, Хэбид. – Это, по-видимому, тоже удивляло его. – Ну, идешь ты или нет?

Он провел Аарона мимо ряда мортиан с бесстрастными, словно каменными, лицами. У Аарона по коже побежали мурашки. Он слышал, что мортиане питаются человеческим мясом.

Проводник его говорил по-кушмарраханси с ужасным акцентом. Но, не считая немногих служителей-кушмаррахан, на которых оккупанты обращали не больше внимания, чем на мебель, во всей Резиденции, похоже, вообще никто не говорил на этом языке.

Переводчик провел Аарона в полутемную комнату. Там градоначальник Сулло, не отрываясь, следил за своей ведьмой. Анналайя сидела за столом, склонившись над какой-то схемой, и что-то чертила на ней с помощью специальных инструментов. Чем именно она занимается, Аарон толком не разобрал.

Градоначальник приветствовал его вялым движением руки и неискренней улыбкой. Потом Сулло что-то быстро затараторил по-геродиански. Аарон уловил несколько слов, но недостаточно, чтобы понять смысл. Пришлось ждать перевода.

Тоном более любезным, чем у градоначальника, переводчик спросил, что ему нужно.

– Я сперва пошел в Дом Правительства, но мне сказали, что генерала Кадо нет, у полковника Бруды нет времени, а больше никто не уполномочен иметь со мной дело, поэтому я пришел сюда.

– Но чего ты хочешь?

– Хочу видеть своих домашних. Хочу забрать их.

Градоначальник слушал с едва скрываемым нетерпением.

– Да-да, понимаю. Мы позаботимся об этом. Ты хотел сообщить нам что-то о Фа'таде.

– О да, сэр. Не знаю, важно ли это…

– Будешь ты наконец говорить?! Ага, раздражение. Отлично.

– Да, сэр. Весь день и вечер Фа'тад со своими командирами крутились в Шу, особенно в нашей части улицы Чар. Сновали туда-сюда, в лабиринт и обратно. – Аарон выпалил это с легкостью, которой сам от себя не ожидал. Ни разу не запнулся. Разве что ведьма заметила фальшь. Анналайя странно взглянула на него. Но колдунья была слишком поглощена своим занятием и больше не проявляла интереса к их разговору. – Дартары были здорово возбуждены. Я послушал немножко, о чем они лопочут, и понял, что их так взбудоражило. Они нашли ход, который ведет из лабиринта в крепость. Когда я уходил, дикари толковали, что еще чуть-чуть – и они у цели, тогда их, мол, никто уже не удержит, заграбастают сокровища, и все тут. Они обсуждали друг с другом, как кто распорядится своей долей.

Не слишком ли быстро он скормил это все градоначальнику? Нет, из-за перевода получалось вовсе не быстро, и нетерпение Сулло с каждой фразой возрастало.

– Сколько, еще времени им нужно? – спросил градоначальник. По-видимому, он был хорошо знаком с распространяемым Фа'тадом мифом. – Через сколько часов они доберутся до подвалов крепости?

Аарон притворился, что пыл Сулло озадачил его. Редко какая рыбешка так быстро и охотно заглатывает наживку. Если только ведьма не выйдет из своей задумчивости…

– Как раз перед моим уходом один из них говорил что-то о пяти часах…

– Пять часов… – пробормотал Сулло. – Еще до рассвета. Проклятие! Слушай, плотник, сколько времени прошло с тех пор?

– Не знаю. – Аарон почесал в затылке. – Часа два это точно, да, пожалуй, не меньше. Я ведь сначала пошел в Дом Правительства. Потом сюда. Да еще не знаю сколько торчал под дождем, пытаясь уговорить кого-нибудь выслушать меня.

– Два часа? Проклятие! Мы можем не успеть. Поблагодарите и выпроводите его.

Переводчик попытался вывести Аарона, но тот запротестовал.

– А как же моя семья? – Он уперся и не желал уходить. Градоначальник Сулло выругался про себя, выхватил у ведьмы перо и бумагу. Она на секунду нахмурилась, но потом снова погрузилась в свои таинственные размышления и вычисления Сулло нацарапал что-то на листке, сложил записку и сунул ее

Аарону.

– Теперь ступай! Я занят. – Он повернулся спиной. Аарон спрятал записку поглубже в карман, чтоб она не отсырела, и только тогда позволил проводить себя к двери.

Из Резиденции он направился прямиком в Дом Правительства. По дороге в темноте с ним поравнялся какой-то человек.

– Ну как?

– Попался на крючок. Даже вопросов не стал задавать.

– Отлично. – Звук поспешно удаляющихся шагов. Аарон продолжил свой путь к Дому Правительства.

* * *

Сулло готов был плясать от радости.

– Судьба улыбается мне, – заявил он. – Сначала Кадо отсылает из города всех боевых офицеров, потом позволяет этим трогательным местным мятежникам сцапать себя. Моей полной власти над городом мешает лишь болван Бруда. А теперь это – мне словно на блюдечке преподносят неприступную цитадель. Надо только не дать дикарям опередить себя.

– У судьбы много ликов, и некоторые из них – лживые маски, – не поднимая глаз, предостерегла его Анналайя.

– Мне нужно убрать с дороги Бруду. Теперь Анналайя подняла к нему безобразное и непроницаемое юное лицо.

– Знаю, знаю. Ты никого не хочешь убивать. Так и не убивай. Сделай так, точно его удар хватил. Всего на денек. За день я успею прибрать Кушмаррах к рукам. И тогда Бруда, если захочет остаться полковником, будет смирно исполнять мои приказания.

Анналайя со вздохом оторвалась от чертежа на столе и направилась в угол, где были сложены ее колдовские инструменты.

Через полчаса она вернулась к Сулло.

– Сделано.

Градоначальник уже оделся для выхода под дождь и ждал ее. Анналайя отошла обратно к столу.

– Ты не пойдешь?

– Нет. Я продолжу свои изыскания – на всякий случай: вдруг чуда не произойдет.

– Что ты имеешь в виду?

– Только то, что говорю. Там я не нужна господину. Если я останусь здесь, мы, даже в случае неудачи, не потеряем зря времени.

Ответ ведьмы не удовлетворил Сулло, но не было времени лаской или силой вытрясти из нее правду. Градоначальник захватил своих оставшихся в живых мортиан и заставил себя выйти под дождь.

В Доме Правительства ему почти что обрадовались. День выдался на редкость несчастливый. После случившегося с Брудой припадка тяжесть управления городом легла на плечи лейтенантов, юнцов, еще не утративших свои шевелюры. Им вовсе не улыбалось брать на себя такую огромную ответственность.

Злая радость охватила Сулло. Желанный спаситель! Лучше некуда!

– Покажите мне, где размещаются войска, – велел он. – Расскажите, какие подразделения чем заняты на настоящий момент.

Ему показали и рассказали.

Во главу угла Бруда всегда ставил защиту жизни и имущества граждан Герода, на второе место – укрепление опорных точек. Полковник поднял по тревоге гарнизон, но основную массу солдат – из боязни спровоцировать волнения – держал в казармах, подальше от глаз кушмаррахан.

– Собрать гонцов, – приказал Сулло.

Когда гонцы явились, градоначальник разослал приказы, согласно которым в бараках не оставалось ни одного вооруженного солдата. Четыре тысячи человек он отправил в квартал Шу.

Солдаты были озадачены новыми распоряжениями. В ответ на недоуменные вопросы Сулло разъяснил им ситуацию следующим образом:

– Надежный агент сообщил мне, что ал-Акла столковался с мятежниками и готовится перейти на сторону врагов. Сейчас он в лабиринте Шу, пытается через потайной ход проникнуть в крепость. Если он преуспеет – а это может произойти еще до рассвета, – цитадель превратится в штаб-квартиру восставших кушмаррахан и предателей-дартар. Предполагалось, что геродиане узнают об измене, только когда над крепостью взовьется дартарский флаг. Это же будет сигналом к общему восстанию.

Благодаря моему агенту у нас есть шанс помешать заговору изменников. И – в качестве победителей – вытребовать себе часть сокровищ крепости.

Сулло не интересовало, поверили ему солдаты или нет. Главное, чтоб они повиновались приказам, остальное чепуха.

Час спустя он в начале улицы Чар под проливным дождем излагал расширенную версию истории полевым командирам.

Солдаты тем временем, поругивая погоду, окружали лабиринт Шу. Тут Сулло слушали еще с большим недоверием, чем в Доме Правительства. Однако последние события заставляли считаться с заявлениями градоначальника.

Сам Сулло не верил ни единому слову из своей истории. Он не мог вообразить, что кушмарраханские и дартарские дикари могут представлять серьезную угрозу.

* * *

Ногах вынырнул из темноты и доложил:

– Плотник сказал правду. Сулло проглотил наживку. Целиком. Он повсюду разослал гонцов, собирает войска. Похоже, он намерен привести сюда все силы, которые удастся наскрести.

– Замечательно. – Фа'тад одного за другим вызывал находящихся в переулке воинов, тоже поспешно рассылал гонцов. Йосех ни на что не обращал внимания. Никто, кроме самого Фа'тада, все равно не поймет, что у Орла на уме. Так зачем зря ломать голову? Остальные придерживались такого же мнения. Даже Ногах перестал задавать вопросы и просто исполнял что велели.

Йосех вообще ни на чем не мог сосредоточиться. Тамиса несколько минут назад вернулась домой, и юноша ни на секунду не забывал, что ее дверь всего в нескольких шагах вниз по улице. Глупости, конечно. Но он чувствовал, что дошел до крайней степени безумия и способен постучаться в дом плотника, спросить, нельзя ли ему увидеть девушку, узнать, как она…

Дартары деловито забирались на следующий над переулком уровень лабиринта или переходили улицу Чар и скрывались в ближайших улочках. Фа'тад заспешил наверх – “проверить работу каменщиков” – понимай как знаешь, что это значит. Вернувшись, ал-Акла подозвал Йосеха.

У юноши упало сердце. Ногах и Меджах тоже подошли поближе. Насколько Йосех сумел разглядеть, вид у них был мрачный. Все это не предвещало ничего хорошего.

– Ферренги скоро будут здесь, – сказал Фа'тад. – Когда они явятся, те из нас, что останутся на улице Чар, бросятся врассыпную, точно дартар застали врасплох. Для тебя, Йосех, в этом представлении есть отдельная роль.

Йосех тихонько застонал. Шум дождя и журчание струящихся по мостовой потоков воды заглушили звук.

– Все побегут, а ты начнешь метаться по улице, словно попавший в мышеловку мышонок. Ты очень молод, и в твою

растерянность легко поверить. Они ничего не заподозрят и схватят тебя.

Ногах и Меджах запротестовали. Фа'тад взмахом руки пресек возражения и изложил Йосеху историю, которую надлежит рассказать солдатам-ферренги.

– Стой на своем, не сопротивляйся, притворяйся, что перепуган до смерти, – и все будет хорошо.

Йосех подумал, что притворяться не придется, но вслух этого не сказал.

– Чтобы ты чувствовал себя немного увереннее… – добавил Фа'тад, – идем-ка.

Он зашагал прямиком к двери Тамисы.

Йосех плелся следом, согнувшись под дождем. Он вдруг осознал, какая масса людей шевелится кругом. Словно садок с перепуганными кроликами… Сколько тысяч человек собралось здесь? Сколько молитв возносится к небу?

Плотник посмотрел в глазок.

– Фа'тад, – сказал ал-Акла. Он никогда не называл себя Орлом. – На одно слово, будьте так любезны.

Вейдин отпер дверь, впустил их в дом.

Йосех сразу же увидел Тамису. Она переодевала Стафу. Ее сестра нянчилась со старухой. Взгляды Йосеха и Миш скрестились. Девушка смотрела на него, начисто позабыв о малыше.

Фа'тад говорил плотнику что-то о двери, чтоб ее не запирали на засов. Йосех, мол, тогда сможет найти в их доме убежище – после того как ферренги возьмут его в плен и допросят.

Йосех шагнул вперед. Он не сводил с девушки глаз, но обратился к старшей сестре:

– Как она себя чувствует?

– Ничего, поправляется.

– Это хорошо. – Последовала напряженная, неловкая пауза. – Мы скоро вызволим Арифа, обязательно вызволим.

Женщина подняла глаза; в них блестели слезы, но тон ее был холоден и сух:

– Спасибо.

– Йосех, пошли.

Он шагнул под дождь, надеясь, что не солгал этим людям.

– Ты слышал, о чем мы говорили?

– Да, командир.

– Постарайся не забыть. Ферренги идут. – Фа'тад растворился в темноте.

* * *

Грохот разбудил Эйзела.

Солдаты! Множество солдат! Такой шум могла издавать только масса торопящихся куда-то вооруженных людей в тяжелых металлических доспехах.

Он проковылял к окну. Каждый шаг мучительной болью отдавался во всем теле.

Дождь, темнота. Ничего не видно, кроме факелов, целые потоки огня движутся по направлению к Шу.

Что еще стряслось? Да там несколько тысяч человек!

Эйзел устроился поудобнее – насколько это было возможно. Теперь ему не скоро придется покинуть наблюдательный пост. Предстояло долгое и тревожное дежурство.

Насиф вернулся в Дом Правительства, выполнив трудоемкие и неприятные поручения полковника Бруды. В здании было тихо, как в склепе.

Бруда будет доволен. Осенние ворота в полном порядке. Охраняющие их солдаты готовы ко всему.

Что бы ни случилось, эти ворота будут иметь решающее значение. Их надо держать под контролем во что бы то ни стало.

По дороге в Дом Правительства Насиф горько пенял на судьбу. Сегодня он впервые вышел на улицу в геродианском облачении. Но как раз для дождливой погоды эта форма не годится совершенно. Только подойдя к покоям Бруды, полковник бел-Абек заподозрил неладное. Он схватил первого попавшегося лейтенантика и заставил его рассказать, что здесь происходит.

Такое Насифу не снилось в самых ужасных ночных кошмарах. Бруда низложен. Сулло у власти.

– Идиот! Проклятый болван! Полное безумие.

– Это же западня! Иначе и быть не может…

Но уже ничего не поправишь. Западня неизбежно захлопнется.

Остается одно – всеми силами постараться выжить.

* * *

Часовых, которым надлежало охранять стену к северу от Осенних ворот, не оказалось на месте. Они укрылись от дождя в сторожевых будках. Винить в этом следовало не столько солдат, сколько офицеров. Никто из них не позаботился сообщить часовым, что делается в Кушмаррахе.

Но стена не осталась без присмотра. Сотни молчаливых кочевников с помощью веревочных лестниц карабкались наверх и растекались по улицам города, многочисленные и деловитые, как

муравьи Странно, почти невероятно. Дартары никогда не являлись к месту возможной битвы пешком – обязательно верхом на лошадях или верблюдах. Это знали все, кто был мало-мальски знаком с жизнью и историей гор Хадатха.

Никто из геродиан не видел все прибывающих кочевников, но передвижения их не укрылись от глаз Живых.

Градоначальник Сулло двигался по улице Чар по направлению к командному посту Фа'тада ал-Аклы. Мортиане окружали его точно живой щит.

– Через все не запечатанные дартарами входы в лабиринт проникают наши войска, – доложил один из младших офицеров.

– А что дикари? Оказывают сопротивление?

– Ни малейшего. Разбегаются, словно испуганные мыши Поймали пока только одного. Совсем мальчишка. Не знал, куда кинуться, и угодил прямо в руки нашим людям. Он сразу в штаны наложил со страху. Не пройдет и пяти минут, как заговорит – Очень хорошо. У меня есть для него пара вопросов. Вы можете что-нибудь сделать с этими животными? – Улица Чар была запружена мечущимися в панике лошадьми и верблюдами.

– Разбегутся, когда проголодаются, сэр, – последовал равнодушный ответ.

Сулло искоса глянул на офицерика. Еще один из тех, кто намеренно тупо, хоть и добросовестно, выполняет его приказы, маскируя покорностью безграничное презрение к штатским властям.

Он выбьет это из них до того, как покинет Кушмаррах.

Кстати… Сулло начал прикидывать в уме, какие корабли из стоящих в гавани достаточно надежны. Как только погода улучшится, надо будет сформировать флот для вывоза сокровищ.

– Вот тут раньше был командный пост ал-Аклы. Поток солдат с фонарями в руках постепенно скрывался в переулке. Вид у них был весьма недовольный.

– Похоже, они знают дорогу.

– Все пути помечены веревками, а ложные повороты и тупики замурованы дартарами. Поэтому нам остается лишь идти по их следам – и дорожка приведет прямиком к стойбищу.

– Как мило с их стороны позаботиться о наших удобствах.

– О да, сэр.

– Это пленный? – Сулло ткнул пальцем в дартарина, стоявшего у стены без всякой охраны. Он, видимо, так перепугался, что не мог бежать.

– Да, сэр.

– Дайте-ка взглянуть на него.

Дикарь отпрянул, когда градоначальник приблизился к нему,

действительно зеленый юнец.

– Эй ты, – обратился к нему Сулло, – ты был с ал-Аклой? Парнишка смотрел на него пустыми глазами. Конечно. Он не понимает по-геродиански. Еще одно упущение Кадо. Генерал должен был заставить их выучить язык.

– Можешь допросить его?

– Да, сэр.

– Спроси, где ал-Акла.

Офицер перевел. Молодой дартарин судорожно сглотнул, оглянулся кругом в поисках помощи и, не найдя ее, быстро затараторил на своем наречии.

– Он говорит, ал-Акла в лабиринте. С ним большинство командиров. Фа'тад думает, что в крепости им придется столкнуться с очень, очень серьезными проблемами.

Сулло задавал вопросы. Юноша, трепеща, отвечал, по-видимому, совершенно чистосердечно. Впрочем, он не мог сказать почти ничего полезного. Только что Фа'тад ожидал серьезного сражения и потому взял с собой в лабиринт не меньше тысячи воинов.

– Этот парень – болван. Ал-Акла потащил с собой такую прорву народу не для штурма крепости. Люди нужны ему, чтобы занять и удержать ее.

Последние геродианские солдаты скрылись в переулке. Сулло, остановившись на углу улицы, заглянул в темный проход. Молодой офицер и мортиане стояли рядом. У градоначальника начинали замерзать ноги. Из переулка вытекал ручеек, вода поднималась все выше.

Сулло оглянулся через плечо.

– Куда подевался мальчишка?

Пленный исчез.

У градоначальника вдруг неприятно засосало под ложечкой. Что-то тут не так. Не может быть… Ему вспомнились таинственные намеки Анналайи на многочисленные лики судьбы.

Дождь стрел обрушился на них вместе с каплями воды. Стрелы шипели и свистели, точно растревоженное змеиное гнездо. Мортиане падали один за другим. Фонари их разбивались, и струйки горящего керосина разбегались по мокрым камням.

Сулло ухватился за единственный свой шанс. Он кинулся вперед, в переулок.

Жирная туша градоначальника скрылась в темноте.

* * *

Когда хлопнула дверь, Аарон как раз подносил зажженную свечу к угольку в камине. Пламя вспыхнуло снова. Аарон поднял свечу.

Юный дартарин стоял, прислонившись спиной к двери. Он был без маски и выглядел ужасно, точно только что заглянул в пасть огненную.

Аарон подошел к нему.

– Нет! Не выходите на улицу.

– Я хочу задвинуть засов.

Аарон взял молодого человека за руку, отвел к очагу, усадил.

Лейла и Миш не спали, напряженно смотрели на них.

– Приготовь чаю, – бросил Аарон Миш, а сам вернулся к двери и запер ее.

Миш опустилась на колени перед камином.

– Что с тобой, Йосех? Они так сильно напугали тебя? Они тебя ранили? – Она избегала смотреть в глаза юноше.

– Нет. Да. Я испугался. Но дело не в этом. Фа'тад… он сейчас убьет их.

Из-за двери доносились крики.

– Аарон, стена опять сырая. Пора бы тебе что-то сделать с этим, – окликнула мужа Лейла из дальнего угла.

Каждый раз во время сильного дождя на стене выступала вода. Аарон думал, что дело в прохудившейся крыше. Но все попытки исправить положение не приносили результата. Сейчас было явно не до того, и Аарон решил взглянуть, просто чтобы сохранить мир в семье.

На сей раз мокрой была нижняя часть стены. Вода выступала на поверхности, словно капельки пота, и скапливалась лужицами на полу.

* * *

Колдунья ферренги подняла глаза на вошедшего в комнату Фа'тада. Она не казалась удивленной.

– Итак, лик судьбы был обманчив. – Похоже, ничто уже не могло изумить маленькую колдунью.

– Что?

– Я предостерегала Сулло, чтоб он не обольщался своей удачей.

– Он был ничтожным человечком, раздувшимся от жадности. Не составило труда справиться с ним.

– Да. И что же? Вы убили его?

Фа'тад улыбнулся – чуть печально, чуть устало. Все же он был

очень стар, и бремя годов давало знать о себе. Несокрушимой оставалась лишь воля.

– Нет, он под землей, но еще не умер.

– Понимаю. И вы пришли ко мне, потому что вам нужна крепость.

– Да. – Не имело смысла скрывать правду.

– Из лабиринта в крепость нет и не было никакого тайного хода?

– Нет.

– Как намерены вы поступить с Накаром? Не принадлежите ли вы к тем, кто мечтает восстановить его власть? – Анналайя неожиданно вся напряглась, ожидая ответа.

Фа'тад ухмыльнулся.

– Если Накар воскреснет, я буду первой его жертвой. А я слишком высоко ценю этот старый мешок с костями, чтобы допустить это.

С минуту ведьма изучала старого воина, пытаясь понять, искренне ли он говорит.

– Тогда я помогу вам. Древний приговор должен быть приведен в исполнение. Накар должен быть уничтожен. И не важно, кто совершит это.

Ал-Акла нахмурился и слегка озадаченно посмотрел на нее.

– Надеюсь, что такая задача мне по плечу. – Орел не склонен был искушать рок, загадывая слишком далеко вперед. Он не спорил с судьбой, но смотрел ей прямо в лицо. – Как скоро сможете вы найти путь?

– Возможно, осталось ждать лишь час, а возможно – целую вечность. Это волшебство. Ни одни тайные ворота нельзя как следует узнать вот так, извне. Каждые из них уникальны. Каждые нужно изучать шаг за шагом. Исходя из имеющихся у нас сведений, я исключила неприменимые в данном случае способы. Но я достигла определенного движения. Двигаться дальше без опытного образца невозможно. Полковник Бруда обещал мне несколько заключенных для проведения экспериментов. Однако обещания его теперь немного стоят.

– Я кого-нибудь подыщу вам, – проворчал в ответ на намек Фа'тад.

Он велел своим людям позаботиться о нуждах колдуньи и тщательно охранять ее. Подчиненные поняли, что имеет в виду командир. Затем ал-Акла отправился в другую часть Резиденции. Он намерен был превратить ее в свою штаб-квартиру.

От командиров поступали многообещающие рапорты. Захваченные врасплох ферренги были побеждены повсеместно. Держались только Осенние ворота и Дом Правительства. Ворота

не волновали ал-Аклу. Эту проблему решит время. А вот упорное сопротивление жалких чиновников из Дома Правительства неприятно поразило его.

Фа'тад осведомился также, как дела у каменщиков, и узнал, что все оставшиеся входы в лабиринт замурованы.

Чудесно. Четыре тысячи ветеранов ферренги прихлопнуты без всякого труда одним ударом.

Однако на душе у Орла было неспокойно. Он все время чувствовал скрытое внимание Живых. Они никак не проявлялись, просто наблюдали и выжидали, невидимые и непредсказуемые. И чем дольше они бездействовали, тем опаснее становились.

* * *

Эйзел был не склонен к самокопаниям. Он не доискивался, что им движет, каковы цели и причины его поступков. Но такой уж выдался момент, что мысли все время возвращались к этим вопросам.

Но, заглянув в собственную душу, Эйзел отшатнулся. Ему почудилось, что она, душа Эйзела-истребителя, не так уж неуязвима. И он поспешил отступить, чтоб не шагнуть ненароком в эти топкие места. Он не допустит никакой слабости. Он – воплощенная сила. Он всегда действовал…

Снаружи до него донесся лязг и звон оружия. Эйзел выглянул в окно, но из-за темноты и пелены дождя почти ничего нельзя было рассмотреть. Не разобрать, кто, кого, где, зачем. Однако в Кушмаррахе определенно происходило нечто странное. Никто из вошедших в лабиринт Шу солдат не показывался больше Когда же достаточно рассвело и возможно стало различить детали, Эйзел обнаружил, что окружавших крепость геродиан сменили дартары. Несколько трупов геродианских солдат валялись на мостовой, точно узлы с одеждой, в спешке брошенные беженцами. Впрочем, Эйзелу взбрело на ум другое сравнение. Ему показалось, что они похожи на дохлых котят.

Дартары? Тысяча чертей!

Мир сошел с ума.

* * *

Фонари гасли один за другим – кончался керосин. И с каждым потухшим светильником подземелье становилось чуть темнее, чуть меньше и теснее, чуть ужаснее. Лязг металла и

стоны раненых разносились по лабиринту. Иногда солдаты натыкались на бессмысленно бродивших по подземелью людей, которые уже отчаялись выбраться на поверхность. Что же заставляло их брести все дальше и дальше?

Градоначальник Сулло от страха утратил способность соображать и наделал в штаны. Мортиане поддерживали его, а сами пытались найти выход. Они также старались не дать ему заговорить: гнев солдат, которые оказались в таком положении именно благодаря Сулло, в любой момент мог обрушиться на голову их самозваного командира.

Идти по подземелью вниз, к гавани, а не к центру лабиринта, оказалось неудачной идеей. Местами вода доходила до пояса. Местами же она была не только глубокой, но и неспокойной. Бурля, поток ее устремлялся им навстречу.

Неудивительно, что стаи крыс тоже стремились прочь отсюда. В глубоких местах они шли сплошными массами, невозможно было пробиться сквозь плотные ряды маленьких тел. Каменщики ал-Аклы устроили западню не только людям, но и прочим обитателям лабиринта.

Ужас Сулло все возрастал. У градоначальника подкашивались ноги, он чуть было не утонул.

Мортиане изменили курс и теперь поднимались вверх. Хрип и жалобы хозяина подстегивали их.

Погас последний фонарь.

У Сулло в горле стоял ком, он не мог говорить, только скулил тихонько:

– Не покидайте меня, пожалуйста, не покидайте…А затем крики огласили подземелье. Они многократным эхом отдавались от стен, и потому не сразу удалось уловить смысл.

Генерал Кадо был найден и освобожден.

До меркнущего сознания Сулло еще успели дойти радостные вопли, которые означали конец его короткого, бесславного и гибельного правления в Кушмаррахе.

Глава 20

Через глазок в двери Аарон наблюдал за безлюдной улицей Чар. Сегодня был Саабат, святой день, день отдыха, и дождь все продолжался, но не этим объяснялось полное отсутствие признаков жизни. Несмотря ни на что, здесь всегда толпился народ, люди находили, куда пойти и чем заняться. Всегда, но не сегодня.

У Аарона на душе точно кошки скребли. У него возникло ощущение, будто он отчасти виновен в этом запустении.

Он присоединился к остальным. Миш и Лейла заканчивали приготовления к скудному, на скорую руку сваганенному завтраку. С едой в ближайшие дни будет туговато.

Рынки не работали. Если дождь не прекратится, придется и завтра обойтись без свежих продуктов. В такую погоду никакие возможные прибыли не заставят крестьян месить грязь на дорогах.

Молодой дартарин почти ни к чему не прикоснулся – понимал, что запасов у хозяев немного. Славный мальчик, подумал Аарон. Во всяком случае, для дартарина. Хотя наблюдательность как раз отличительная черта кочевников.

Аарон принял из рук Лейлы миску с кашей и уселся рядом с тещей в безрадостном предвкушении многих подобных трапез – Как самочувствие? – спросил он у старухи.

Рахеб пробурчала в ответ нечто невразумительное. Она еще не смирилась с фактом, что обязана жизнью геродианской ведьме. Ее мирок был разодран в клочья, и требовалось время, чтобы подлатать его.

Миш с дартарином теперь совсем освоились друг с другом, хотя разговор по-прежнему приходилось поддерживать в основном девушке. Она тараторила без умолку. Аарон только головой качал, недоумевая, неужели же и он в ее годы был таким же пустоголовым простачком.

– Послушай, Йосех, когда ал-Акла намеревается начать штурм крепости?

Миш прикусила язычок. Они с Лейлой напряженно ждали ответа.

– Сегодня, не знаю только, в какое время. Чем скорее, тем больше шансов на успех. Ему придется поторопиться.

Да, похоже, юнец не намерен вновь присоединиться к своим братьям. Интересно, какие указания он получил относительно семейства Хэбид.

– После еды я предлагаю пойти взглянуть, что происходит.

Дартарин кивнул, но в восторг от этой идеи явно не пришел.

– Папа, Ариф вернется домой? – спросил Стафа.

– Надеюсь, что вернется – и очень скоро.

Стафа в отличие от взрослых почти все время сохранял жизнерадостность, кроме того момента ночью, когда малышу показалось, что злые дяди хотят его насильно увести от мамочки.

– Лейла, – обратился Аарон к жене, – если штурм не начнется, нам придется действовать самим.

– Знаю. – В голосе Лейлы звучала почти религиозная убежденность – с таким пылом и исступлением она возносила молитвы Араму Огненному. Она хотела еще что-то добавить, но помешал стук в дверь.

Аарон, прихватив нож, подошел к двери, посмотрел в “глазок”.

– Йосех, это твой брат.

* * *

Завидя входившего в комнату Ногаха, Йосех вспыхнул. Он не получил специальных указаний, что делать после того, как он скроется в доме плотника. Но, разумеется, не имелось в виду, что он будет сидеть тут, пока за ним не придут.

Ногах некоторое время молча смотрел на брата, потом укоризненно покачал головой:

– Ты что, переселился сюда, парень? Пошли. Работы полно.

Йосех не знал, куда глаза девать; Тамиса пришла ему на выручку. Она налила в чашку с отбитыми краями жидкого чая, который пила нынче семья плотника, и поднесла Ногаху с такой очаровательной ужимкой, что не принять ее угощение мог только законченный грубиян.

Улыбаясь уголками губ, она отошла в сторонку и подмигнула Йосеху. Девушка начинала чувствовать свою силу.

Йосех ждал брата, нервно переминаясь с ноги на ногу. Ногах, нахмурясь, прихлебывал чай, но ничего не говорил. Миш суетилась вокруг; плотник одевался, готовясь выйти под дождь. Йосех смущенно, но с вызовом выдерживал испытующие взгляды двух старших женщин.

Неизвестно почему, ему вдруг вспомнились родные горы. Интересно, издалека ли пришла эта туча? Если с юга, возможно, и их пустыням перепало немного влаги. Он представил, как хлопочут женщины и дети, стараясь не упустить ни единой капли. Он точно видел, как домоседы-старики роют и укрепляют канавы, чтобы потоки воды стекали в надежно укрытые от солнечных

лучей водоемы. Драгоценный, благословенный дождь…

Может, наконец наступили вожделенные перемены, которых дартары ждали столько, сколько Йосех помнил себя.

Стафа дернул Ногаха за рукав.

– Ты покатаешь меня на лошадке?

– В другой раз. Сегодня лошадки испугались дождя и попрятались в конюшнях.

Малыш надулся было, но вскоре отвлекся на что-то другое.

– Готовы? – спросил Йосех плотника.

– Готов.

Йосех судорожно припоминал цветистые речи, с которыми его отец обращался к хозяйкам, чтобы поблагодарить их за гостеприимство. Ногах со скучающим видом смотрел на него. Йосех открыл дверь, пропустил вперед плотника.

– Ладно, брат, поблагодари Тамису за чай и пошли, – сказал он Ногаху. Служба под началом Фа'тада ал-Аклы не позволяла упражняться в красноречии.

Верблюды и повозки исчезли с улицы. Фа'таду больше нечего было делать в квартале Шу, он оставил здесь лишь несколько человек, чтобы держать вейдин в страхе. Лабиринт тоже не волновал его. У запертых в западне людей не было ни малейшего шанса вырваться наружу через надежно заложенные кирпичами выходы.

– Куда мы идем? – спросил Йосех.

– В Резиденцию. Орел свил там гнездо, а наши парни сторожат ведьму-ферренги. Она вот-вот нащупает путь в крепость. Йосех нахмурился.

– Ведьма градоначальника Сулло? – спросил плотник. – Она заодно с вами?

– Ей все равно, кого провести в крепость, лишь бы он завершил начатое Ала-эх-дин Бейхом, – ответил Ногах. – Мне кажется, это личные счеты. Похоже, он не мог представить себе, что женщина может быть настолько покладиста без особой на то причины.

Они вошли в Резиденцию, отряхнули с одежды дождевые капли. Йосех недоумевал, как поступят с плотником. Фа'тад вряд ли захочет, чтоб он таскался за ними по пятам.

– Поднимитесь по лестнице, а потом по коридору налево, – сказал Ногах. – Я пойду доложу.

– Идемте поглядим на эту ведьму, – позвал Йосех Аарона. – Если нам предстоит караулить ее, значит, мы все время будем в гуще событий – как бы они ни развивались. – Нельзя сказать, что юноша был очень рад этому. К колдовству он, как и все дартары, относился с опаской.

Плотник шел следом за ним и таращил глаза на окружающую роскошь.

– Говорят, в крепости убранство еще в сотни раз богаче, – заметил Йосех.

– Слышал, – отозвался плотник. Великолепие обстановки повергло его в благоговейный ужас, он не в состоянии был поддерживать разговор.

Меджаха и других членов отряда они нашли в большой, скудно освещенной комнате. За столом, наморщив лоб, сидела скромная маленькая женщина. Она целиком ушла в свои размышления и, казалось, позабыла о присутствии дартар. Меджах, Махдах, Фарук и прочие окружили Йосеха, встретили его веселыми возгласами, шуточками и поддразниваниями. Они искренне радовались, что юноша цел и невредим.

На душе у него потеплело. Восторги братьев были бы еще более бурными, если б в комнате не было посторонних – других дартар, вейдин и ферренги.

Плотник напряженно улыбался. Женщина не обращала на них ровным счетом никакого внимания, как будто их здесь и вовсе не было. Вдруг она поднялась и провозгласила:

– Я готова приступить к экспериментам, – с таким сильным акцентом ферренги, что Йосех разобрал лишь слова о ее готовности к чему-то.

Меджах выдавил из себя несколько нескладных фраз. Они, мол, должны дождаться Ногаха. Ведьма осталась весьма недовольна этим. Как и остальные, она не спала ночь и хотела поскорее приступить к делу и покончить с ним.

Через минуту-другую появился Ногах.

– Фа'тад желает знать, сколько еще мы намерены торчать здесь, – провозгласил он и вручил плотнику боевой нож и меч. Тот принял их, но с таким видом, точно ему предложили подержать в руке парочку ядовитых змей.

– Твоя красотка ждет тебя не дождется, братец, и сердечко ее трепещет, – парировал Меджах. Ногах злобно покосился на него.

– Тогда пошли, – проворчал он.

С колдуньей Ногах общался исключительно с помощью жестов, хотя Йосех знал, что брат способен сносно объясняться на ломаном ферренги.

* * *

Эйзел начал разговаривать сам с собой. Он ужасно устал, раны ныли беспрестанно, от Торго не было никакой помощи.

Евнух только паниковал без толку, точно старая баба.

Драгоценное время уходит, а что делать – непонятно. В плохом положении нет хороших ходов.

Из-за дождя Эйзел мало что мог видеть, кроме суетящихся деловитых дартар. Довольно много воинов наблюдало за крепостью. Ал-Акла небось согнал сюда всех своих кочевников до единого. Что, Эйзел, похоже, пора собирать манатки и смываться, покуда геродиане не прислали подкрепление?

Фа'тад точно выбрал время. В уме проклятому верблюжатнику не откажешь. На побережье к западу от Кушмарраха царит хаос из-за набега турок. К востоку, за Кальдерой, угрожают нападением Хоркни, султан Аквира и его союзники. Такое положение сохранялось годами, но сейчас почти все войска были отозваны из города для подавления вспыхнувших повсеместно восстаний.

Эйзел услышал у себя за спиной, шарканье ног. Опять Торго притащился.

– Эйзел, мне кажется, что она очнулась от обморока и теперь спит нормальным сном.

– Превосходно. Когда ее можно разбудить?

– Ей надо бы хорошенько выспаться. Пусть проспит столько, сколько мы можем себе позволить. Устали не только тело и ум госпожи, душа ее тоже должна восстановить свои силы. Иначе, боюсь, она сделает промах в решающий момент и погубит нас всех.

– Ты знаешь, сколько времени займет воскрешение?

– Нет, но полагаю, что немало. Ведь дело далеко не пустяковое. Чем они там занимаются?

– Пока ничем. – Эйзел снова повернулся к окну. – Подожди-ка, они привели сюда ведьму.

Торго пристроился рядом. Эйзелу с трудом удавалось скрывать свое отвращение к евнуху.

– Я думал, она работает на геродиан, – сказал Торго. Сейчас колдунья была окружена дартарами, которые, казалось, готовы ко всему.

– Может, у них есть что-то, без чего ей не обойтись. – Эйзел сразу же пожалел о своем злом замечании, но Торго вроде бы пропустил его мимо ушей.

Эйзел передернул плечами и вновь сосредоточился на том, что происходило за окном. Внезапно он начал хохотать, захлебываться и давиться от хохота.

– В чем дело? – осведомился Торго. – Что это ты воешь, как гиена?

– Ты только посмотри! Да нам абсолютно некуда торопиться.

Она не нашла Черный ход Судьбы, она ломится в ложные ворота, которые Накар соорудил перед парадным входом. С ними можно возиться целую вечность – и ровным счетом никуда не попасть, потому что за ними ничего нет.

Торго выглянул в окно, усмехнулся.

Эйзел быстро прикинул ситуацию. Выходит, у Торго достаточно времени, чтобы прийти к определенному заключению и продумать план на тот случай, если он решит, что задача Накара – пинками прогнать из города геродиан, а потом тихонько убраться восвояси, чтобы никому здесь не мозолить глаза.

Эйзел ухмыльнулся. Пускай Торго позаботится о старине Накаре, а его уж дело вовремя известить Чаровницу, чтоб она застала евнуха на месте преступления. А кто, как не он, потом будет собирать обломки, утешать вдову и наводить порядок в Кушмаррахе?

Это, конечно, дело долгое. Но не настолько же, черт побери, долгое, каким оно было, когда Эйзел только вступил в игру.

Он опять высунулся наружу. На этот раз на глаза ему попался отец того самого мальчишки. Надо полагать, этот придурок убит горем.

Эйзел отошел к окна.

– Почему бы нам не спуститься вниз, не закусить и не выпить чего-нибудь, пока эти идиоты разбивают свои плешивые головы о каменную стену, которой на самом деле не существует в природе?

* * *

Заслышав чьи-то шаги, бел-Сидек отошел от края плоской крыши и угодил прямо в лужу. Проклятие, он и так уже мокрее рыбы. Показались Зенобел с Карзой. Последний все еще кипел от злости. Зенобел устало кивнул. По-видимому, ему наконец удалось достичь какого-то соглашения.

– Итак, все в сборе, – без всякой надобности констатировал бел-Сидек. Атаманы, прождавшие уже довольно длительное время, встретили его слова без тени энтузиазма. – Если не ошибаюсь, вы имеете что-то сообщить нам, Зенобел.

– Только следующее. Дартары захватили всю городскую стену, кроме участка у Осенних ворот. На это место они просто не обращают внимания. Их воины патрулируют весь город, не разрешают жителям выходить на улицы и растаскивают геродианское добро.

– И что же? – проворчал Король Дабдад.

– А то, – подхватил Зенобел, – что, если дартары в ближайшее

время не попадут в крепость, они постараются ухватить столько, сколько смогут унести, и к моменту возвращения Накара быть подальше отсюда.

– Но Накар не вернется. Мы этого не допустим.

– А Фа'таду и невдомек…

– Нет, он знает… – Бел-Сидек замялся. Он не знал, как расценивать действия ал-Аклы. Предположение, что дартары хотят обчистить Кушмаррах и скрыться от возмездия в родных горах, казалось чересчур простым и прямолинейным. – Я имею в виду – он знает, что я сделаю все возможное, чтобы не допустить этого.

Золото, серебро и драгоценные камни для Орла значат не меньше, чем для любого другого. Фа'тад говорил, что с помощью сокровищ крепости рассчитывает спасти свой народ от голода. Но если дартары ограбят Кушмаррах и восстановят против себя все побережье, где же они станут тратить свои богатства?

Атаманы выжидающе смотрели на бел-Сидека. Однако они вовсе не склонны были покорно выслушивать мудрые слова предводителя и кинуться выполнять его приказы. Нет, они ждали этих слов, чтобы наброситься на бел-Сидека и разнести в пух и прах все его доводы. Но бел-Сидек молчал. Пусть сами начинают неизбежный спор.

– Как же теперь быть? – не выдержал Салом Эджит. В тоне его ясно читалось недовольство тем, кто поставил их перед трудным выбором. И это тот самый Эджит, который несколько дней назад вообще не верил в цели движения.

– Пока что мы ничего не станем предпринимать.

– Что?! – Все атаманы удивленно, хоть и с разными оттенками этого выражения на лицах, воззрились на него. Карза – тот был просто в ярости.

– Какой смысл губить людей, пока Фа'тад занят исключительно геродианами? Если он нападет на нас, мы сумеем ответить. А тем временем, пока дартары наносят основной удар по Героду, мы можем потихоньку сосредоточить войска в местах, которые будут иметь решающее значение в будущем сражении – если придется принять его.

– Но честь… – запротестовал Зенобел.

– Ради Арама, при чем тут честь?! Ну хорошо. Предположим, мы решим расквитаться за Дак-эс-Суэтту. Наши бойцы плохо вооружены, плохо обучены, и многие из них вовсе не рвутся в бой. Победители или побежденные, мы понесем большие потери. Допустим, несмотря ни на что, мы разобьем Фа'тада. Остаткам армии Живых придется иметь дело с выжившими геродианами, а потом и с подкреплением, которое приведет Кадо, и с войсками,

которые Герод пошлет сюда для восстановления порядка.

– У вас мрачный взгляд на вещи, бел-Сидек.

– Разве он не соответствует действительности?

– Тысяча чертей, вы правы! Мне это глубоко противно, но я вынужден признать вашу правоту.

– Между тем с Накаром мы были бы избавлены от всех проблем, – вызывающе заметил Карза – Да я скорее поклянусь в верности Героду, – возразил Король.

Карза озадаченно посмотрел на него.

– Вы забыли, что делалось здесь при правлении Накара? – холодно спросил его бел-Сидек.

– Не забыл, – огрызнулся Карза. Он вынужден был сдерживать свой гнев.

Семья Карзы процветала при старых порядках. Кое-кто из тех, что готовы были приветствовать возвращение колдуна, не испытали на себе всех тягот жизни при прошлом его воплощении.

Бел-Сидеку почему-то вспомнился плотник Аарон и его пылкие обличения прежней правящей верхушки. А таких Ааронов в Кушмаррахе десятки. Вот еще одно неизвестное в сложном и без того уравнении борьбы за власть.

Лишь Накар Отвратительный обладал такой силой, что мог править, не утруждая себя заботой об одобрении подданных.

Атаманы Живых наскакивали друг на друга с пеной у рта. Бел-Сидек не принимал участия в споре. Доводы разума постепенно брали верх над страстями. Точка зрения Карзы не получила поддержки. Бел-Сидек тем временем наблюдал за действиями собравшихся у крепости дартар.

Тысяча чертей! Да это же плотник, да-да, плотник Аарон, в самой гуще событий! Но как же мог он не прийти к воротам, если в крепости томился его сын, которого намеревались принести в жертву? Черт возьми, этот человек не мог поступить иначе. Эх, будь проклята вся политика на свете! Бел-Сидек ни в коей мере не осуждал Аарона.

– Карза, подойдите взгляните на этих людей. Что они, по вашему мнению, делают?

Карза повиновался, но скорчил недовольную гримасу.

Что же за власть будет, если Живые прогонят геродиан и дартар? Ведь они не способны на элементарную вежливость даже по отношению друг к другу.

В голове бел-Сидека промелькнула неприятная мысль. После падения Герода и поражения Фа'тада неизбежно наступит время кровавого террора, который прекратится с приходом к власти сильного правителя. И вряд ли им станет Сису бел-Сидек. Его никто не поддержит. Лично он поставил бы на Зенобела.

Да, есть над чем подумать в свободное время. И товарищи его, надо полагать, не избежали подобных мыслей, хотя независимость Кушмарраха пока что под вопросом.

Карза фыркнул, потом негромко рассмеялся.

– Дурачье! Они избрали неверный путь. Через парадный вход в крепость не попасть.

Бел-Сидек вдруг почувствовал дурноту. Сейчас, в этот момент воскрешают Накара Отвратительного…

Он бы дорого дал, чтобы точно знать, что на самом деле происходит в крепости.

Нет, надо гнать подобные мысли. Слишком страшно от них становится. Предводитель Союза Живых в случае возвращения Накара заведомо осужден на страшную смерть вместе с дартарами и геродианами.

– Вы всегда были гениальным стратегом, бел-Сидек, – вкрадчиво обратился к нему Король Дабдад. – Генерал назначил вас своим преемником. Как бы вы поступили на месте Фа'тада – если бы захватили крепость?

Не в характере Короля задавать подобные провокационные вопросы. Впрочем, иметь о чем-нибудь собственное суждение – тоже не в его духе. Но, значит, на сей раз он повел себя необычно. Правда, не хотел высказываться яснее, опасаясь насмешек.

Фа'тад мог стремиться овладеть самой крепостью не меньше, чем хранящимися там сокровищами. Благодаря неприступным стенам цитадели он прибрал бы к рукам весь город, обчистил бы его до нитки, а потом с добычей вернулся бы в родные горы. Другой вариант – он мог стать правителем Кушмарраха и грабить его не торопясь и со вкусом. Мог избрать и третий путь – быть милосердным повелителем, суровым лишь с геродианами и теми, кто открыто объявит себя врагами дартар.

Кстати, тогда бы у ал-Аклы появилось и место, где тратить приобретенные богатства.

Наконец-то, казалось бел-Сидеку, он понял истинные устремления Фа'тада ал-Аклы. Устремления, которые могли воплотиться или не воплотиться в жизнь, в зависимости от того, успеет ли он взять цитадель до воскресения Накара.

– Вы правы, Король. Спасибо, что вразумили меня. Я подумаю над вашими словами.

Это означало, увы, что Живые должны постараться предотвратить катастрофу, а значит – не избежать новых потерь.

– Мы все обязательно должны торчать под дождем? – спросил Салом Эджит. – Я бы с удовольствием обсушился немного.

– Согласен, – подхватил Карза.

Бел-Сидек кивнул. Впрочем, кто-то все равно должен был

остаться следить за дартарами. Он спросил, нет ли добровольцев, и назначил Дабдада. Остальные атаманы укрылись в помещении и продолжали обсуждать ситуацию.

* * *

Отправившийся из Кушмарраха флот достиг дальнего берега залива Тун раньше, чем ожидалось. Погода здесь была значительно более благоприятной. Солдаты высадились на берег и приготовились еще до захода солнца достойно встретить турецких налетчиков. Что бы ни происходило в других местах – эта победа будет безусловным триумфом генерала Лентелло Кадо. Ни одна живая душа не видела высадки геродианских войск.

Зуки повсюду преследовал Арифа. Того пугал взгляд прежнего приятеля, злобный и безумный. Звериный взгляд.

Что ж это такое? Ариф детским своим умишком не мог ничего понять. Просто к прочим его страхам прибавился еще один.

В клетку снова вошел гигант, а с ним еще один человек. Ариф затрепетал. Что-то в этом коротышке напомнило ему… Зуки тоже испугался, хоть и не помнил ничего. Он убежал и спрятался в стае обезьян.

Мужчины смотрели на Арифа и о чем-то говорили так тихо, что малыш ничего не слышал, хоть и не сомневался, что речь идет о нем. Он хотел бежать, спрятаться, но ноги не повиновались ему. Приближаться к Зуки тоже не хотелось. А больше деваться было некуда.

Когда страшные дяди ушли, к Арифу подошла незнакомая девочка и молча уставилась на него. Это было неприятно.

– Папочка заберет меня отсюда, – вызывающе заявил Ариф. Он хотел верить, хотел убедить сам себя, что говорит правду. Вера помогала Арифу переносить весь этот кошмар.

Глава 21

С боевым ножом и мечом в руках Аарон чувствовал себя шутом. Он не мог избавиться от мысли, что спутники-дартары подсмеиваются над ним. Что он понимал в оружии? Он шесть лет не держал в руках меча, да и тогда ему приходилось лишь следить, чтоб лезвие было острым и не ржавело. Прошлой ночью у себя дома он впервые в жизни всерьез попытался убить человека.

Но потом Аарон пригляделся к дартарам поближе. Вряд ли многие из них были опытнее его. Они же совсем мальчишки! Ветеранов Фа'тад отправил в места вероятных сражений. У этих же ребят было лишь одно преимущество перед Аароном – они выросли в суровых условиях, с детства привыкли к жестокости.

Геродианская колдунья трещала без умолку. Даже Ногах не понимал ее и послал за переводчиком.

На зов его явился дартарин постарше. Молодые сразу занервничали и подтянулись. Мнение этого человека явно много значило для них.

– Мо'атабар, – пояснил Аарону Йосех, – сержант и друг нашего отца. Когда он здесь, дух отца словно заглядывает нам через плечо. – Мальчик сегодня определенно был в ударе.

Между тем ведьма продолжала тараторить, а Мо'атабар переводил. Сперва казалось, что слова ее лишены всякого смысла, что она думает вслух, говорит сама с собой. Но потом проскользнуло что-то о каких-то двух людях, следящих за ними. Для всех это было полной неожиданностью. Мо'атабару пришлось остановить ее, попросить повторить.

– Два человека смотрят на нас из крепости, с той башни. – Она кивком показала, откуда именно. – И еще с полдюжины с крыши красно-белого здания с балконами, вон там на площади…

Аарон взглянул в указанном ею направлении, стараясь не выдать своего беспокойства. Колдунья говорила о доме той безумной женщины, судовладелицы. Он заметил, как мелькнул на крыше дома чей-то силуэт. С такого расстояния и в полутьме опознать человека было невозможно.

– Живые, – констатировал Мо'атабар. – Сидят тихо, как мышки, а сами ни на секунду не оставляют нас без наблюдения. Эй, Фарук! – Мо'атабар шепнул что-то одному из младших дартар, и тот заспешил к Резиденции.

Ведьма теперь бормотала о чем-то другом, имеющем непосредственное отношение к ее работе.

– Что-то не так с этими воротами. Непохоже, что они ведут

куда-то. Когда же я получу людей для экспериментов?

– Скоро, – пообещал Мо'атабар, – я только что послал человека за ними.

Лжешь, подумал Аарон: он понял достаточно из слов колдуньи, чтобы уловить смысл ее вопроса. С каким бы поручением ни отправился в Резиденцию Фарук, касалось оно исключительно Живых. Никто здесь не говорит правды. Каждый врет, виляет, выкручивается и пытается манипулировать другими. Кто, например, сказал хоть слово о роли, которую играет здесь он, Аарон?

Он не понимал, чем еще может быть полезен. Дартары точно расквитались с ним, позволив вертеться поблизости. Если только он не был им нужен как знамя, как символ и доказательство благородства их целей.

Аарон старался не думать об Арифе. А что, если сын его совсем близко, камень можно докинуть до места, где его прячут… Нет, нельзя терять головы…

Мимо, в сторону Резиденции, промчался отряд конных дартар. Мо'атабар успел приветствовать их командира и узнать, что конница направляется в Шу, где запертым в ловушке геродианам удалось взломать один из выходов на третьем уровне. Теперь они отчаянно борются, пытаясь вырваться из лабиринта. Их необходимо загнать обратно, а брешь заделать. Как раз сейчас яростная схватка перешла на ярус, что непосредственно над домом Аарона.

Началась паника. Но способность спокойно соображать вскоре вернулась к собравшимся у крепости дартарам. Ведь основное кровопролитие будет не здесь, а в Шу: именно там находятся почти все геродианские солдаты.

– Йосех, я должен забрать оттуда семью. Они окажутся в самой гуще свалки.

Юноша взглянул на Аарона так, точно не понимал, чего же тот медлит.

– Я скажу Мо'атабару.

Мо'атабар подозвал Аарона и обвязал его левую руку у локтя обрывком яркой веревки.

– По этому знаку наши воины узнают, что ты – друг. Но не искушай судьбу.

– Я вернусь. – Аарон зашагал прочь, ожидая, что его остановят еще до того, как крепость скроется из виду. Он не бежал, но старался не терять зря времени.

Йосех проводил взглядом быстро удаляющегося плотника. Ты не должен волноваться о ней, твердил себе юноша. Жизнь Тамисы тебя не касается. Она так же далека от тебя, как была до вашего

знакомства.

– Куда это он? – спросил Ногах. Йосех объяснил.

– Умно, ничего не скажешь. Знаешь, мне сдается, что от нашей колдуньи толку не больше, чем от бычьего вымени. Она только и делает, что сама с собой разговаривает.

Черт побери! Да ведь Ногах сам не свой от страха! Он боится, что они не успеют вовремя попасть в крепость.

В каждом движении, в каждом взгляде Йосех различал тот же страх. И сильнее всего он был в глазах маленькой ведьмы. Обитатели крепости дали им время. Много времени. Зачем? Может, они играются с дартарами, как кошка с мышью, хотят всласть помучить непрошеных гостей?

Чем больше Йосех думал об этой смертельной гонке, тем тревожнее становилось у него на душе. Он удивлялся, как позволил уговорить себя завербоваться на службу в этот безумный город. Мо'атабар был прав. Это город свинца и золота. Только мечтаешь ты о золоте, а получаешь свинец.

Привели связанных веревкой, вымокших под дождем заключенных. Это были не захваченные в плен геродианские солдаты, которых ожидал увидеть Йосех, а несколько кушмарраханских преступников, судя по их жалкому виду – мелких воришек. Мо'атабар построил их в шеренгу – смехотворное подобие военного строя.

– Мы тут пытаемся проникнуть в эту вашу проклятую крепость, – начал он. – Ворота ее заколдованы. Но мы должны преодолеть это препятствие. Не скажу, что вам не грозит никакая опасность, но я вовсе не намерен необдуманно рисковать вашей жизнью. У вас есть шансы, и немалые шансы, благополучно пройти в ворота. А как только путь будет найден, вас немедленно отпустят на свободу.

Йосех знал, что, если б впереди светила лишь тюрьма, а затем цепи и геродианские галеры, лично он обязательно бы ухватился за такое предложение.

– У нас есть выбор? – спросил один из заключенных, на вид самый закоренелый.

– Конечно, никто вас не заставляет. Если кто против, пусть даст мне знать. Я быстренько перережу ему глотку, а потом мы вместе с оставшимися займемся делом.

– Так я и думал.

– Вот, все ваши, – обратился Мо'атабар к колдунье. – Скажите мне? что от них требуется.

Сначала Йосеху показалось, что ведьма занимается какой-то чепухой. Она выбрала одного заключенного, поставила его перед собой, а потом через Мо'атабара попросила его сделать четыре

шажка вперед и стоять не двигаясь, пока она займется с остальными. Второму надлежало повторить то же самое плюс еще пару шажков в сторону и три вперед.

Когда пятый заключенный проделал те же упражнения и остался невредим, оставшиеся вздохнули с облегчением и заметно расслабились. Между тем Йосех вдруг осознал, что нечто все же происходит.

Пятого человека словно заволокло марево, что в жару поднимается над вершинами Таков. Шестой, заняв указанное место, стал точно бесцветным, прозрачным; нормально он выглядел, лишь если смотреть не прямо, а искоса.

Седьмой исчез совсем – если бы не истошные крики, вообще невозможно было догадаться, что он когда-то существовал на свете.

* * *

Аарон решил, что разумнее всего перевести семью в дом Насифа. На улицах ни души, двери и окна крепко-накрепко закрыты – кушмаррахане, видно, не желают ни видеть, ни слышать творящихся кругом беспорядков. Поэтому никто из соседей Насифа не узнает, что в доме появились новые постояльцы.

Ему удалось незаметно доставить домашних к Насифу. Они захватили все, что смогли унести. Потом Лейла проводила мужа до двери. Она смотрела на него так, как в тот день, когда рота Аарона уходила в Башни. Оружие, с которым Аарон обращался весьма неуклюже, Лейла старалась не трогать.

– Будь осторожен, – проговорила она напоследок, и слова эти прозвучали не как обычное прощальное напутствие, а как горячая молитва.

Аарон поцеловал жену в лоб.

– Я буду очень осторожен, уж поверь. Я ведь совсем не герой.

– Не говори так. Ты настоящий герой.

На пороге Аарон обернулся и еще раз с каждым простился взглядом – особенно долго смотрел он на Стафу, – а затем вышел на улицу.

Наверное, вел его сам Арам. По дороге домой, на улице Чар, Аарон не встретил никого, хотя не сомневался, что наткнется на дартар, которые не примут во внимание, что на рукаве у него, видите ли, повязана цветная тесемка. Удача не изменила ему и на обратном пути.

Аарону и в голову не приходило поинтересоваться, куда

подевались все те спешившие на улицу Чар всадники, те, которым предположительно надлежало удерживать геродиан в лабиринте.

– Аарон…

От изумления Аарон чуть было не схватился за меч. Он огляделся – и у входа в переулок, на том самом месте, увидел бел-Сидека. Он встревоженно огляделся снова, испуганно и подозрительно.

– Я один, Аарон, – и безоружен.

– Чего вы хотите?

– Хочу кое-что передать твоим друзьям-дартарам.

– Что такое?

– Порой даже враги играют нам на руку. Мы – моя фракция в Союзе – не хотим возвращения Накара. Я говорил Фа'таду, что готов позволить дартарам обчистить крепость, если взамен они уберутся из Кушмарраха.

– Так что вы хотели передать? – Аарон и верил, и не верил одновременно. У каждой клики в этом треклятом Союзе своя правда. Возможно, некоторые не совсем утратили связь с реальностью.

– Это очень просто и очень важно, Аарон. Они пытаются проникнуть в крепость не тем путем. Парадные ворота – лишь видимость магическая западня. Настоящий вход – с южной стороны. Он создан два столетия назад, поэтому никто не знает о нем. Стена в том месте кажется неповрежденной. Мне сказали, что ход снабжен системой сигнализации, поэтому появление ваше не будет неожиданностью.

– Они и так знают, что мы делаем. За нами наблюдают с самого утра.

– В самом деле? Поторопись в таком случае. Вы дали им уже слишком много времени. – Бел-Сидек проверил, свободна ли дорога, и снова нырнул в переулок.

Аарон тоже огляделся, но не увидел ничего, кроме мрачных зданий и пелены дождя. Он пожал плечами и заспешил вверх, на холм.

Дартары встретили его удивленными взглядами. Аарон направился прямо к Мо'атабару и пересказал ему историю бел-Сидека.

Мо'атабар не склонен был верить словам плотника, но вмешался Ногах.

– Пусть решает она, ведьма. Она-то должна разбираться в подобных вещах. И она уверена, что таким манером ничего не добьется.

– Дело дохлое, – пояснил Аарону Йосех. – Она уже потеряла троих заключенных, а пути так и не обнаружила.

Мо'атабар нахмурился: яйца курицу не учат. Однако он передал сообщение Аарона Анналайе.

Геродианская колдунья просияла, бросила то, чем занималась, и заспешила к южному фасаду крепости. Там она потыкалась немного туда-сюда, а потом застыла и молча уставилась в пространство. Затем она разразилась речью более бурной, чем вся ее болтовня до сих пор.

– Ты был прав, плотник, – переводил Мо'атабар. – Она клянет себя, что не нашла его раньше. Но оправдывается тем, что ход так дьявольски искусно спрятан.

– Она спорит сама с собой?

– А что ты хочешь? У всех геродиан крыша набекрень.

* * *

Рейхе нечего было делать, и она почти обезумела от ужаса. Насифу пришлось таскать ее за собой во время бесконечных обходов баррикад. Он нашел для нее работу – чтобы занять ум и руки. Необходимо было переключить внимание Рейхи на выполнение простых практических поручений.

Сам Насиф был почти доволен, что геродиане очутились в столь отчаянном положении. Отражение нападений предателей-дартар не оставляло времени для размышлений о судьбе Зуки.

Впрочем, атаки их становились все более вялыми. Дартары, похоже, не особенно стремились захватить Дом Правительства, им довольно было держать его в осаде и не пускать туда никого больше.

Насиф проклинал невозможность узнать, что происходит в городе. Проклинал дождь. В хорошую погоду с крыши Дома Правительства был виден весь Кушмаррах. Осажденные могли бы получать и передавать информацию с помощью сигнальных огней.

Судя по всему, армия геродиан находилась в бедственном положении.

Ох уж этот идиот Сулло!

Прибежал молоденький лейтенантик. Совсем ребенок, не следовало бы ему находиться здесь, где жизнь его может оборваться, так и не начавшись по-настоящему.

– Сэр, врач говорит, что полковник Бруда приходит в себя.

– Отлично, я сейчас приду. – Насиф проверил еще один пост: специально задержался, чтобы взять себя в руки. – Итак, подходит к концу звездный час Насифа бар бел-Абека, – обратился он к Рейхе, – а между тем ни одно дело не завершено.

Рейха не ответила. Она говорила только по необходимости и последний раз добровольно открывала рот, чтобы в общих словах поблагодарить за исцеление Рахеб Сэйхед.

Нерадостным было пробуждение полковника Бруды. Когда Насиф вошел в комнату, полковник сидел за столом, поглощая обильный завтрак.

– Все действительно так плохо, как мне доложили? – обратился он к Насифу, жуя абрикос.

– Наверное, еще хуже. Я не знаю. Мы отрезаны от города. Полагаю, дартары полностью контролируют Кушмаррах. Никто не пытался освободить Дом Правительства, не пытался даже пробраться к нам с донесением. Я сделал все возможное, то есть пытался продержаться хоть как-то.

– Немало, учитывая, что в вашем распоряжении были лишь мальчишки и престарелые ветераны. Итак, начинайте с самого начала. Ничего, если что-то и повторите. Они наверняка перепутали все на свете.

Насиф рассказал, что знал.

– Чувствуется рука Фа'тада. Выбрал момент – лучше не придумаешь – и ударил стремительно, как молния. Судло-то как почувствовал сладость власти, вконец сдурел и начал городить глупость на глупости.

– Что же нам делать?

– А вот на этот счет существуют разные точки зрения. Одна – наша. А другая – тех старых пердунов из Герода. Если хоть кто-то из нас выберется отсюда живым, они предъявят претензию – почему не погибли все, до последнего человека. Ладно, вы с женой перекусите чего-нибудь, а я покамест обдумаю ситуацию.

Бруда размышлял минут пятнадцать.

– Беда в том, что мы не в курсе происходящего, – наконец заговорил он. – Возьмите белый флаг и ступайте к ал-Акле, выведайте, что у него на уме.

У Насифа упало сердце.

– Слушаюсь, сэр.

Полковник Бруда говорил по-геродиански, Рейха не понимала ни слова, пока Насиф не перевел ей.

* * *

Лабиринт казался одним из кругов ада, в котором томятся отвергнувшие безымянного геродианского Бога. Ужас и безумие правили в подземелье. Безумцы со дна преисподней не оставляли безнадежных попыток выбраться на поверхность, нападая на всех

попадающихся на пути. Геродианские солдаты, в свою очередь, в штыки встречали каждого встречного.

Вода все прибывала.

Несмотря ни на что, генералу Кадо удавалось поддерживать в ближайшем своем окружении относительный порядок. Он предполагал, что уже по крайней мере две тысячи его солдат были убиты, ранены или просто утонули в лабиринте.

Генерал готов был принести самую страшную клятву отомстить Фа'таду, как только вырвется на свободу. Удерживало его лишь сознание, что опрометчивость может оказаться самоубийственной. Ал-Акла воспользуется любым его необдуманным, совершенным под влиянием страстей поступком. И потом, кто знает, в каком состоянии застанет он город?

Не вышли ли из подполья Живые?

А может, Накар раздавил всех своей железной пятой? Через несколько часов, надеялся Кадо, он все узнает. Его люди вроде бы нашли выход – через один из водостоков третьего уровня. Но предстояло еще много работы. В качестве инструментов, чтобы расширить ход, солдатам приходилось использовать оружие и собственные тела, работать в полной темноте, под непрерывно льющейся сверху водой.

– Нашли градоначальника Сулло, сэр, – доложил один из офицеров.

– И?

– Он мертв, убит собственными телохранителями.

Кадо сердито заворчал. Еще одно политическое осложнение.

– Глупость – одно из тех преступлений, за которые нет прощения.

Не будет ли, однако, и сам он признан виновным и приговорен к высшей мере наказания?

* * *

Аарон настолько привык к дождю, что не пытался укрыться от него, только наклонял голову, чтобы капли не попадали в глаза.

– Мы здесь все перемрем от холода, – проворчал Йосех. Аарон согласно кивнул.

– По крайней мере на новом месте она чувствует себя получше.

За два часа проб колдунья не потеряла больше ни одного заключенного, и только дважды ее подопытные кролики подвергались явной опасности.

Аарона даже подташнивало от волнения. Ведьма шептала

какое-то длинное заклинание.

Вот Мо'атабар отозвал в сторону Фарука, чтобы дать ему какое-то поручение. Вот он похлопал Фарука по спине, и тот, обогнув крепость, затрусил прочь. Аарон сделал руку козырьком и еще раз оглядел зловещее здание. Он точно ощущал, что оно знает об их присутствии, ощущал и нечто иное – медленно пробуждающийся ото сна смертный ужас, угрозу. Аарон узнавал это чувство. С ним Кушмаррах жил всегда – кроме последних шести лет.

Он взглянул на Йосеха. Паренек ощущал то же самое. Как и все остальные.

На сердце Аарона лежала свинцовая тяжесть. Но он отказывался верить, что с Арифом что-то случилось. С его сыном все в порядке. Иначе и быть не может.

Из-за угла торопливыми шагами вышел брат Йосеха, Меджах.

– Слушай, Мо'табар, сюда идет странный тип. Вроде бы офицер ферренга, а в руках белый флаг.

Минутой позже появились Насиф с Рейхой. Насиф был разряжен по-геродиански. Он мельком глянул на Аарона и усмехнулся уголками губ, точно дивясь, что застал старого товарища в такой компании.

– Кто тут за главного? – спросил он.

Аарон указал на Мо'атабара.

Насиф подошел к дартарину. Тот с недоумением уставился на него: не часто встретишь геродиаиского офицера, как две капли воды похожего на кушмарраханина и с копной волос на голове.

Рейха остановилась в двух шагах от Аарона, опустив глаза на мокрую мостовую. Изредка она украдкой взглядывала на него, но тут же отворачивалась снова.

– Скоро мы проникнем в крепость, – сочувственно обратился к ней Аарон. – Мы нашли путь. Ждем только подкрепления.

– О… – Еле слышный шепот. Рейха покосилась на цитадель.

– Как ты?

– Прекрасно, – срывающимся голосом, тихим, как Мышиный писк.

– Ничего, Рейха. Тебе нечего стыдиться. Никто тебя не винит.

Она молча покачала головой, не отрывая глаз от земли.

– Я хочу остаться здесь, Аарон, – выговорила она чуть погодя. – Хочу забрать Зуки, когда мы попадем туда.

Аарон хотел возразить, что это невозможно, что женщине не место среди мужчин, штурмующих крепость, но вместо того сказал лишь:

– Здесь опасно.

Он понимал ее отчаяние, ее боль за сына, лучше, чем понимал тех немногих мужчин, которых называл своими друзьями.

– Знаю. Все равно я хочу остаться. Если… если с ним что-то не так… если что-то случится… Тогда опасность уже не имеет значения.

– Не нравится мне, как ты говоришь. Рейха.

– Я живу только ради Зуки, Аарон. Аарон не знал, что ответить, и потому промолчал. Мо'атабар тем временем что-то говорил Насифу о выводе геродианских войск из Кушмарраха.

Аарон впервые вдруг осознал, что, когда завтра утром взойдет солнце и начнется рабочая неделя, он, плотник Хэбид, скорее всего останется без места и лишится куска хлеба.

* * *

Позабыв про боль, Эйзел скатился по лестнице вниз.

– Торго! Торго! – орал он. – Где тебя черти носят, проклятый ублюдок, чтоб тебе голову вместе с яйцами оторвали! У нас нет ни секунды времени! – Не переставая кричать, он кинулся к комнатам Чаровницы.

Мертвенно-бледный, Торго распахнул дверь.

– Что случилось? Я думал…

– Не знаю, что случилось. Ты что, воображаешь, я могу читать их мысли?! Только вот невесть почему они занялись Черным ходом Судьбы. Мы не можем позволить вскрыть его. Надо действовать!

Беда, что они, хоть и говорили об этом, не выработали четкого плана, как вести себя в подобном случае. Решения оставались прерогативой Чаровницы. Даже Эйзелу казалось, что хватит времени все продумать и устроить после ее пробуждения.

– Займись госпожой. Подними ее. Я попытаюсь предпринять все возможное, чтобы задержать их.

Торго застыл на месте – рот разинут, лицо бледное, глаза тупые.

– Пошевеливайся, Торго! Иначе всем нам не сносить головы!

Торго, пошатываясь, побрел в спальню Чаровницы.

Эйзел, прихрамывая, спустился на первый этаж. Слуги собрались здесь, сбились в кучу. Они уже трепетали, перепуганные его ревом. Все это были уцелевшие приверженцы Горлоха – восемь мужчин и двенадцать женщин. Да уж, похвастаться нечем, силы невелики.

– Слушайте, парни, – обратился Эйзел к мужчинам. –

Раздобудьте себе какое-нибудь оружие. Враги пытаются прорваться через Черный ход Судьбы. Накар позаботился устроить там сотни всяких хитрых штук и ловушек. Подготовьте их, приведите в действие. Мы должны выиграть время, продержаться, пока госпожа не сможет прийти нам на помощь.

Слуги восприняли слова Эйзела довольно вяло.

– Эй! Подумайте хорошенько и зарубите себе на носу: стоит дартарам проникнуть в крепость, они никого не пощадят, никого не оставят в живых. Ни вас, ни меня, никого. – Он взглянул на женщин. Чем бы их занять? – Если кто из вас хочет помочь мужчинам, берите оружие и ступайте с ними. – К удивлению Эйзела, две служанки именно так и поступили. – Отлично. Остальные пусть поднимутся наверх и выполняют поручения Торго. – Злобная мысль мелькнула в голове Эйзела. – Подождите-ка. Ты и ты – присмотрите за ребятней. Будьте готовы по моей команде перевести их, в другое место.

Две последние женщины поспешно вышли из комнаты. Эйзел прихватил зажженную лампу и спустился еще ниже проведать Накара с Ала-эх-дин Бейхом. Но на этот раз он не обращал на колдунов ни малейшего внимания.

Он прошел мимо и лампой осветил темноту за идолом Горлоха. За пыльным черным занавесом находилась дверь, ведущая в покои, в которых пребывали жрецы до и после богослужений. Комнаты эти оставались нетронутыми с тех пор, как Накар в последний раз вышел из них – незадолго до появления Ала-эх-дин Бейха. Чаровница запретила касаться их.

Эйзел ничего не забыл. Он сделал несколько незначительных приготовлений, затем прошел в гардеробную, где по-прежнему висели священные облачения и хранилась храмовая утварь. Эйзел пробрался между жреческими мантиями к задней стене, достал нож.

Что-то щелкнуло.

Стена подалась, раздвинулась. Эйзел вступил в потайную каморку три на три метра. От своей лампы он зажег еще три и осмотрелся.

Все на месте, как в те времена, когда одной из его обязанностей было содержать в порядке убежище.

Отсюда можно было выйти тремя путями. Первый – узкий проход, извиваясь, шел через всю крепость и выходил наружу неподалеку от Черного хода Судьбы. Второй – вертикальная лестница – вел на самую высокую башню цитадели, высочайшую точку Кушмарраха, невидимую, однако, ниоткуда. Взобраться же на нее можно было лишь из этой комнатушки.

Третий ход – люк в полу – уходил глубоко под землю.

Эйзел остался удовлетворен осмотром. Пути к отступлению готовы. Он задул три лампы, одну оставил гореть. Если придется спасаться бегством, времени возиться с ней не будет. Теперь можно пойти взглянуть, как дела у Торго с Чаровницей.

Всю дорогу наверх Эйзел беспрестанно ворчал, проклиная свои раны.

* * *

Бел-Сидек почувствовал неладное, как только солдат впустил его в дом Мериэль. Что-то изменилось. Он не сразу ухватил суть, но…

Уходя, он поставил у входа одного из своих людей. А этот, который отпер сейчас дверь, не принадлежал к их числу.

Атаманы ждали в той же комнате, где он оставил их, наказав чтоб каждый – на случай возможных военных действий – ознакомил товарищей с ситуацией в своем округе. Хадрибел гневно посапывал. Салом Эджит прятал глаза. Король был красен от смущения. Карза, точно кот, ухмылялся в пышные усы.

Так-так.

Бел-Сидек взглянул на непроницаемого Зенобела.

– Однако я удивлен. Вы забегаете вперед.

– Что такое?

– Я полагал, что вы начнете игру несколько позже. Совсем забыл, что вы склонны несколько переоценивать свои силы.

Впрочем, сейчас Зенобел не казался уверенным в себе человеком.

– Мы проголосовали… – начал Король.

– Знаю. Четверо против одного за то, чтобы сбросить чересчур осторожного предводителя. Против был Хадрибел. Теперь он обижен, и потому бойцы округа Шу не станут принимать участия в восстании. Очень кстати – именно когда Живые и без того ослаблены потерей управления в Харе, который на данный момент тоже должен подчиняться атаману Шу. Итак, что же мы имеем? Вы позволите мне немного попророчествовать?

– Сделайте одолжение, – процедил Зенобел. Он уже утратил толику своего хладнокровия.

– Движение расколется на две фракции. Меньшая – члены Союза, оставшиеся верными преемнику Генерала, назначенному самим стариком. Большая – примкнувшие к его более удачливому сопернику. Когда же завоеватели покинут город, произойдет еще один раскол внутри фракции сторонников военных действий. Вам с Карзой захочется избавиться от досадной помехи, то есть от

Короля Дабдада и Салома Эджита. Возможно, нам предстоит пережить день, когда Живой прольет кровь Живого. И наконец, заключительный акт – Зенобел и Карза начнут борьбу за власть, за право решать участь Кушмарраха.

Конечно, ни у кого не будет времени подготовиться к обороне. Герод пошлет подкрепление, и полчища геродиан снова вступят в город.

Бел-Сидек заглянул в глаза каждому атаману. Содрогнулся даже Зенобел. Потом он решительными шагами направился к двери, где ждали его четверо солдат – людей нового предводителя Союза.

– Что ж, ведите меня, куда вам ведено, туда, где атаман Зенобел намерен держать под стражей полковника бел-Сидека.

Йосеху показалось, что плотник говорит с женщиной-вейдин о чем-то очень личном и что мешать их разговору неудобно. Тогда юноша покружил немного вокруг Мо'атабара и посланца геродиан. Тот хотел говорить на ферренги – чтобы обойтись без свидетелей. Мо'атабар не позволял.

Странный человек в геродианской форме сдался.

– Полковник Бруда поручил мне узнать требования Фа'тада.

– В таком случае ступайте в Резиденцию и переговорите с Фа'тадом.

– Я пробовал. Но ваша рота – единственные дартары, которых мне удалось найти.

– Неужто? – враждебно улыбнулся Мо'атабар. – Так и быть, я расскажу вам, чего хочет Фа'тад ал-Акла. Он хочет, чтобы все ферренги, военные и гражданские, а также вейдин, перешедшие на сторону ферренги, покинули город. Вы должны уйти пешком, взяв только самое необходимое из одежды и обуви и немного еды. Вы должны выйти через Осенние ворота и идти на восток. Крайний срок исполнения приказа – завтрашний рассвет. Ферренги, не выполнившие эти распоряжения, будут убиты или проданы в рабство.

Посланец Города хотел было спорить, но понял, что решение – окончательное.

– Я передам ваши слова полковнику Бруде.

– Передайте. Не сомневаюсь, что полковнику этого покажется мало и он захочет проверить, действительно ли ваше положение настолько безнадежно. Фа'тад разрешает полковнику Бруде разослать по улицам своих людей – при условии, что они будут одеты в форму, безоружны, будут передвигаться по одному и с красными повязками на левом рукаве.

Вейдин-ферренги с трудом сдерживал гнев.

Мо'атабар снова улыбнулся.

Посланец-ферренги отвернулся от него и, гордо вскинув голову, направился к своей жене. Мо'атабар знаком велел Йосеху держаться поблизости.

– Пошли отсюда! – прикрикнул на женщину предатель-вейдин.

Но жена его, тихая мышка, не послушалась.

– Я остаюсь здесь. Я пойду с ними, – огрызнулась она. Мужчина открыл было рот, чтоб обрушить на нее свой гнев, но вдруг осекся, оглянувшись на крепость.

– Я скоро вернусь и буду рядом с тобой, – сказал он и поспешно удалился.

– Его сын тоже там, – пояснил плотник.

– Я помню. – Йосех тоже взглянул на крепость. Тот похититель детей, наверное, скрывается внутри. Тот низенький коренастый разбойник, которому он показал Лик Смерти… Но кто знает об этом, кроме плотника Аарона? А тому неизвестно, что значит для дартарина снять маску…

Йосех трусил – и потому чувствовал себя виноватым, хотя братья его, если спросить, наверняка признаются, что боятся не меньше. Черт побери, юноша дорого бы дал, чтоб нога его никогда не ступала в Кушмаррах.

Мо'атабар и колдунья-ферренги шепотом обсуждали план штурма. Жестикуляция маленькой ведьмы становилось все более оживленной. Дартары были готовы начинать.

Отряд из двадцати отборных воинов-ветеранов войска Фа'тада спешил к ним от дальней стены крепости.

* * *

Она никак не могла прийти в себя. Ощущение такое, точно приняла слишком большую дозу наркотического зелья. Ничто не имело смысла. Торго умолял ее собраться с мыслями. Но она не могла, не могла вспомнить, почему так важно, чтобы она проснулась, хотя евнух повторил ей это несколько раз.

В спальню вломился Эйзел.

– Что за чертовщина?! Я велел тебе поднять ее и проводить вниз!

– Госпожа не спит. Она просто не в себе.

– Да какого дьявола ты тут сопли разводишь?! Будешь расшаркиваться, пока тебя не вздернут на виселицу?

Скрипучий голос Эйзела немного развеял туман в голове. Сидя на краю постели, Чаровница смотрела, как он стремительно приближается к ней, как поднимает руку… Она попыталась

пошевелиться, но тело не слушалось…

Эйзел ударил. Боль пронзила ее – и пробудила дремлющий где-то глубоко внутри гнев. Чаровница наконец вышла из забытья и смогла сосредоточиться на происходящем.

Торго кинулся на Эйзела. Тот отступил.

– Хватит, Торго! – остановила она евнуха. – Эйзел, я тебе этого не забуду.

– Надеюсь, что нет. Я ведь только что спас вам жизнь. Этот сладкоречивый болван рассусоливал бы тут, пока они не явились бы и не пустили бы вас собакам на мясо.

– Кто “они”? О чем ты?

– Проклятый ублюдок! – накинулся Эйзел на Торго. – Ты ничего ей не сказал?

– Я говорил, – обиженно возразил Торго.

– Он говорил, но я ничего не воспринимала. Будь так добр, успокойся и перейди к делу.

– Дела у нас, прямо скажем, неважные, женщина. Дартары ломятся в дверь. Они могут ворваться сюда в любую минуту. – На лице Эйзела появилась самодовольная гримаса “я-же-вам-говорил”.

У Чаровницы снова на секунду помутилось в голове.

– Как это могло произойти? – спросила она. – До сих пор никому не удавалось найти Черный ход Судьбы.

– У них есть собственная колдунья, она и разгадала эту загадку. Вы намерены действовать или будете сидеть сложа руки и пустите дело на самотек?

Волна страха захлестнула ее. Накар! Если не принять меры, она потеряет его – и все остальное. И именно сейчас, когда нужный мальчишка наконец-то найден.

Чаровница вскочила. Служанки, молча стоявшие вокруг постели, притихшие, беспомощные и растерянные, попытались задержать и одеть госпожу. Она оттолкнула их. Нет времени, ни на что нет времени. Ее возлюбленный в опасности. За одно лишь покушение на ее мечту дикарей следует разорвать на части, изничтожить.

Торго, Эйзел и служанки кинулись за ней. Мужчины переругивались на ходу. Но Чаровнице было не до их склок.

На лестнице она поинтересовалась, какие шаги уже предприняты. Эйзел доложил и внес несколько предложений. Торго, огромный, обидчивый ребенок, надулся еще пуще.

– Ты станешь во главе отряда и попытаешься отразить нападение, Эйзел. Сделай все возможное, чтобы выиграть время.

– Мне нужна ваша помощь. Так, чуть-чуть потрепите их, и проклятые дикари отступят.

Чаровница пропустила его слова мимо ушей.

– Торго, ты останешься со мной. Мне также нужны две женщины, чтобы зажечь светильники в храме. Остальные пойдут с Эйзелом.

Она заметила, как убийца с евнухом обменялись взглядами. Эйзел вновь разочаровался в ней и, похоже, почти отчаялся в успехе.

* * *

Завидя вбежавших в зал с клеткой людей, Ариф почувствовал – что-то уже случилось и что-то ужасное должно вот-вот произойти. Они направились прямо к клетке. Гигант открыл дверь. Все вошли следом за ним.

Выглядывавший из зарослей Зуки увидел женщину – очень красивую женщину – и заплакал. Арифу показалось, что вид у него ошарашенный, как будто он боится чего-то, а почему – не знает сам.

– Этого тоже, – ткнула пальцем женщина.

Ариф хотел убежать. Он подумал, что сможет спрятаться в зарослях, среди обезьян. Животные ненавидели гиганта. Но там был Зуки, и что-то мешало Арифу приблизиться к нему. Он колебался слишком долго. Один из взрослых отрезал его от зарослей и погнался за Зуки. Ариф бросился было в другую сторону, но гигант схватил его.

Удар грома потряс крепость.

– Торго! – закричала женщина. – Скорее!

Гигант ничего не ответил, поднял Арифа и поволок следом за красавицей. Сзади заверещал Зуки – его тоже поймали. Другие взрослые принялись сгонять в одно место оставшихся детей. Низкорослый широкоплечий человек подгонял их.

* * *

У Аарона начались колики. Геродианская колдунья собирала и строила свое войско. Как только она закончит раздавать указания, они приступят к действиям. Йосех стоял справа от Аарона и трясся от страха. Рейха, по левую руку от него, была до странности спокойна.

Мо'атабар вкратце пересказал им содержание речи колдуньи в свободном переводе с геродианского.

– Она говорит, что сразу за входом начнется прямой узкий

коридор метров двадцать пять длиной. Пока она больше ничего сказать о нем не может, но не сомневается, что это – труднейшая часть пути. Если мы преодолеем ее – можно считать, что крепость наша. Она говорит, что надо бежать очень быстро, ни в коем случае не останавливаться. Есть вопросы? Нет? Тогда давайте строиться.

Они пойдут гуськом, так что от каждого требуется лишь в точности повторять движения идущего впереди. Расставленных повсюду ловушек можно избежать, но обезвредить их можно, только находясь внутри здания.

Оставшиеся в живых заключенные тянули жребий. Троих счастливчиков тут же освободили. Четверо невезучих возглавят колонну. Удачливые ликовали, неудачливые лили слезы.

Аарон разглядывал снаряжение воинов из передового отряда. Тяжеленные щиты, шлемы, копья, пики, плюс еще многие тащили в руках или на спине мотки канатов, веревочные лестницы, связки запасных копий, луки и стрелы.

Отряд двинулся вперед.

Место Аарона было почти в самом хвосте, после Йосеха. Позади остались только Рейха, Мо'атабар и колдунья.

Он еще не увидел пролома в стене, а впереди уже раздавались крики. Аарон чуть в штаны не наделал, но дартары шли и шли вперед, и мысль об Арифе заставляла его идти вместе с ними.

* * *

Йосеха так и подмывало прикрикнуть на плотника, чтоб тот перестал наступать ему на пятки. Он и так торопился изо всех сил. Идти быстрее и одновременно, чтобы не сбиться с шага, следить за движениями Махдаха было просто невозможно.

Пот лился с Йосеха ручьями, смешиваясь с дождевыми каплями – потом небес. Никогда в жизни юноша еще не испытывал такого страха. Никогда в жизни состояние это не длилось столько времени. Он был близок к панике.

Крики раздались почти сразу же – и тут же засверкали молнии, вспышки пламени ярко-розового и ядовито-желтого цвета.

Когда дартары прошли через брешь в стене и ужасающая пасть поглотила их, шеренга на минуту сломалась – но лишь на минуту. Именно столько потребовалось, чтобы трое воинов Фа'тада сменили двух заключенных-вейдин во главе колонны.

Примерно в середине коридора они обнаружили нечто вроде

сторожки или будки часового, о которой ведьма не упоминала раньше. Рядом лежали тела двоих мужчин и женщины. Все вокруг было залито кровью. В тусклом свете лампы она напоминала блестящую черную краску. Один из убитых был выпотрошен, внутренности его валялись на земле. Йосех заткнул нос от вони.

– Не останавливайтесь! – закричал Мо'атабар. – Эта западня смертельно опасна.

Еще бы. Прежде чем они добрались до конца туннеля, Йосех споткнулся о еще пятерых мертвецов. Трое – из отрада дартар, один – заключенный-вейдин и женщина, из спины ее торчало копье.

Коридор привел их в просторное помещение, разделенное грубо обструганными досками на две похожие на кладовки части Розовые и желтые молнии то и дело вспыхивали и здесь. В углу горел огонь. Вопли не прекращались ни на минуту: дартары преследовали и поражали врагов.

Мо'атабар подозвал Ногаха.

– Уберите из коридора тела. Проверьте, нет ли живых. Поищите лампы, фонари, хотя бы факелы.

– Тела врагов тоже?

– Да, все.

Ногах взял с собой Йосеха, Махдаха, Фарука и еще двух воинов. Это была работенка не из приятных – да и не из легких. Правда, много времени она не заняла, и Йосех с радостью обнаружил, что двое дартар только ранены, а не убиты.

Мо'атабар отпустил на свободу уцелевшего заключенного. Ведьма-ферренги устроилась в сторожке и принялась за свои колдовские бормотания и заклинания: ей надо было обезопасить расставленные в воротах капканы.

Мо'атабар попытался убедить плотника и женщину-вейдин тоже остаться в сторожке. Они отказались. Они хотели принять участие в охоте.

Мо'атабар пожал плечами:

– Ваши жизни – ваш риск.

– Наши дети, – парировала женщина. От ее взгляда Йосеха передернуло. То был взгляд зверя. Битва за кладовую кончилась. Но победа досталась дартарам не дешево – ценой жизни еще пяти членов передового отряда. Мо'атабар был озабочен потерями, хотя старался не показать виду.

– Ногах, пусть твои подчиненные соберут оружие и снаряжение убитых.

Йосеху достался моток веревки, лук и стрелы. Интересно, что ему с этими причиндалами делать?

Огонь сам собой потух. За ним открылся выход – других в

комнате не было.

Плотнику предложили взять лук, он отказался.

– В лучшем случае я попаду себе в ногу. Если уж я обязательно должен вооружиться, давайте лучше копье. – Он согласился также на щит, сказал, что когда-то, в молодости; умел управляться с ними.

Женщина-вейдин тоже попросила копье. Но, получив, взяла осторожно и брезгливо, точно ядовитую змею.

Мо'табар собрал всех у места, где только что горел костер.

– Я спросил у ведьмы, что дальше, – объявил он, – и она ответила, что дальше – кухни и примыкающие к ним небольшие кладовки. Когда мы пройдем их, худшее останется позади.

– Так ты говорил и про коридор, – проворчал Ногах. Мо'табар нахмурился, но не стал препираться, велел только соблюдать осторожность, чтобы не попасться в западню и не налететь на засаду.

Йосех слушал его вполуха. Разве это война? Истинному дартарину подобает мчаться верхом на лихом скакуне по пустыне, сметая все и вся на своем пути. А эдак, нападать исподтишка, валандаться в тесных вонючих переходах… И с кем драться? Он взглянул на трупы защитников крепости. Что женщины, что мужчины – слишком стары для битв и сражений. Не моложе дряхлой матери Тамисы. Почему так? Йосех знал почему, и это ему очень и очень не нравилось.

Старики принесли себя в жертву. Хотя их попытки отстоять крепость не были особенно настойчивы и чудес храбрости они не проявляли. Это больше напоминало отчаянную попытку выиграть время. Значит, существует нечто, для чего необходимо выиграть время.

Накар Отвратительный. Йосеху становилось все страшнее. Он глянул на плотника и от души пожалел его. Мо'табар еще раз повторил свои указания и призвал всех действовать как можно быстрее.

– Готовы?

Как истинный дартарский вождь он занял место во главе отряда.

Какое-то неведомое препятствие отбросило его назад, на руки идущего следом воина.

– Заперто! – предположил кто-то.

– Но там ничего нет!

Мо'атабар выругался, выхватил у кого-то копье и ткнул в невидимую преграду.

– Заблокировано, – констатировал он. – Очередной мерзкий магический трюк. Видно, придется ломать стену. Сейчас я

притащу сюда нашу ведьму.

Дартары принялись распаковывать инструменты.

Чаровница приостановилась у входа в священную залу.

– Ступай помоги Эйзелу, – обратилась она к сопровождающей их служанке. – Ты, Торго, останешься со мной. Присматривай за детьми.

Удар грома вновь потряс крепость.

– Боюсь, они слишком близко друг от друга… – заметил евнух.

– Возможно. Зуки, пойди сюда.

Перепуганная служанка убежала. Чаровница втащила Зуки в храм.

– Закрой, Торго. Я наложу на двери заклятие – никто и никогда больше не откроет их. Так же поступим и с другими входами.

– Но… Эйзел…

– Эйзел выполнил свое предназначение. Я устала от него. Я дарую ему высокую честь умереть за своего господина.

Чаровница подвела Зуки к алтарю и взяла у евнуха второго мальчика.

– Ну же, давай, Торго. Займемся делом.

Торго послушно выполнял указания, но мысли его были заняты другим. Евнух не блистал ни сообразительностью, ни проницательностью, но сейчас он не сомневался – если Эйзелу предстоит умереть, это не будет смертью за Верховного Жреца. Эйзел был сложным человеком, так часто менял маски и опутал себя такой густой паутиной лжи, что уже и сам себя не знал хорошенько. Однако случалось и ему, среди заговорщицких перешептываний и язвительных замечаний, ненароком выдать свою тайну. В несокрушимой броне убийцы было-таки одно крошечное уязвимое местечко.

Торго задумчиво поджал губы. Его обуревали противоречивые чувства. За эту слабость Эйзела евнух ненавидел его еще больше, желал ему мучительной кончины. Но одновременно его томило предчувствие, что Эйзел может оказаться их единственной надеждой на спасение.

* * *

– Вот они! Они идут! – проревел Эйзел.

С помощью трюка с выходом из главной кладовой дартар удалось задержать примерно на час. Эйзел надеялся, что глупая женщина не теряла зря времени и устроила им еще серию

ловушек, наставила барьеров. Он отшвырнул с дороги узел со съестными припасами.

– Давайте впускайте их.

И женщины выгнали перепуганных ребятишек прямо в кухню, на поле боя. Они даже не разбежались, так и стояли на месте, захлебываясь от слез, пока взрослые забрасывали дартар дротиками и другими метательными снарядами.

Те не сразу пришли в себя, растерялись на минуту. Купились, ублюдки. Эйзел расхохотался.

Командир построил дартар, и, прикрываясь щитами, они стали медленно продвигаться вперед, к детям, точно черепаха. Лучники снова начали стрелять. “Черепахе” удалось оттеснить с полдюжины ребят в угол, заставить их спрятаться за печью.

Эйзел бросил в лучников фонарь, потом еще один. Стекло разбилось, вспыхнуло пламя. Эйзел воспользовался замешательством стрелков, схватил одну из служанок и, прикрываясь ею, как щитом, кинулся на врагов с огромным кухонным ножом. Ему удалось врезаться прямо в “морду” и заколоть по крайней мере трех проклятых верблюжатников. Только потом он отступил, по-прежнему злобно и весело скаля зубы.

Правда, раны от напряжения раскрылись и опять начали кровоточить.

Он мог бы задержать ублюдков здесь и перебить всех, пока они топтались в нерешительности, опасаясь поранить детей. Но прислуга тоже питала слабость к сопливой малышне. Женщины бросили присматривать за мальчишками и разбежались, предоставив Эйзелу и двоим мужчинам охранять четыре выхода из кухни.

Эйзел метнул нож в ненавистного юнца, показавшего ему Лик Смерти, но тот сумел увернуться. Тогда Эйзел подхватил узел с провизией и побежал к огромному залу, в котором стояла клетка. Жаль, что нет лука. Укрывшись в зарослях, он отправил бы в преисподнюю всех дартарских выродков.

Слуги отступили к покоям Чаровницы. Отлично – направили погоню по ложному пути, выиграли еще немного времени.

Эйзел снова засмеялся.

Он обманул их. Сказал, что Чаровница защитила свои комнаты особыми заклятиями, и там они будут в безопасности – стоит только закрыть за собой двери. Вот эти придурки и кинулись туда сломя голову, в полной уверенности, что нужно лишь запереться и спокойно ждать Накара.

А что, может, он и не солгал. Кто знает? Может, у нее хватило здравого смысла воздвигнуть несколько лишних преград. Почему

бы и нет?

Генерал Кадо вздохнул. Слишком много народу собралось здесь, в узком водостоке. Ничего не остается, придется попытаться пробиться этим путем. Он отдал приказ начинать.

Первого же человека поразила стрела. Он упал на руки товарищей.

Сидевшие в засаде и наблюдавшие за канализацией дартары выпустили в геродиан дюжину стрел и принялись закупоривать водосток всем, что подворачивалось под руку.

* * *

Примерно в трети пути от порта к вершине холма, в центре квартала Шу, ничем не примечательная жительница Кушмарраха заметила, что из стены ее дома, на уровне глаз, струйкой льется вода. Женщина застыла разинув рот. Никогда ничего подобного ей видеть не доводилось.

* * *

Насиф остановился так резко, что поскользнулся и растянулся на мокрой мостовой. Около входа в крепость собралось не меньше двухсот человек. Все вооружены. Нескольких он узнал, в том числе своего бывшего командира – Хадрибела.

Ага, Живые вышли из подполья!

Значит, ждут, пока захватчики-дартары сделают за них в крепости всю грязную работу, то есть перебьют кого следует.

Оставаться здесь было равносильно самоубийству. Надо сматываться.

Живые заметили Насифа, но поздно – задержать его они уже не смогли.

Глава 22

Аарон в отчаянии озирался вокруг и звал Арифа. Рядом с ним Рейха, стоя на коленях, утешала и баюкала маленькую девочку, пытаясь осторожно выспросить ее о Зуки. Но девочка не отвечала. Дартарский юноша, Йосех, остановился на пороге, не решаясь покинуть их.

– Ариф!

Но сыночек его не откликался. Его не было здесь, с другими детьми. И Зуки тоже не было.

Ужас Аарона все возрастал. Несколько детей были ранены в битве, несмотря на старания дартар уберечь их… Геродианская колдунья указала на него и что-то быстро затараторила. Она хотела, чтоб он шел с ними, дальше.

– Аарон, – поманил его Йосех, – пошли. Детей здесь нет. Чаровница забрала их.

– Откуда ты знаешь?

– Я расспросил других ребятишек. Она пришла и забрала их и увела куда-то.

Аарону показалось, что пол уходит у него из-под ног. Умерла последняя надежда.

* * *

Йосех вступил в огромную комнату, скорее залу, он таких в жизни не видывал. Юноша старался ни на секунду не терять бдительности: от нее зависела жизнь – и его собственная, и плотника, и женщины-вейдин. Он был наслышан об этом месте. И в реальности оно предстало перед дартарами не менее пугающе-завораживающем, чем в легендах. Но не было времени глазеть по сторонам. Обезьяны и оставшиеся в клетке дети визжали и метались по залу. Мо'атабар и другие воины пытались подняться наверх по лестнице в левом углу комнаты. Но путь преградила еще одна невидимая стена. Она не мешала стрелам и дротикам врагов поражать дартар, но не давала им подниматься. Мо'атабар рвал и метал.

И тут Йосех краем глаза заметил в зарослях своего заклятого врага, похитителя детей. Он издал победный клич, выпустил в заросли стрелу и кинулся вперед. Но нашел лишь злобно оскалившуюся обезьяну.

Колдунья-ферренги закричала, предупреждая об опасности, но никто не понял ее, кроме Мо'атабара.

Ослепительная вспышка – и удар, точно сотни кулаков замолотили по нему.

Йосех не знал, сколько времени пробыл без сознания. Очнувшись, он обнаружил, что наполовину ослеп и оглох. Он едва слышал, как Мо'атабар с ведьмой горячо препираются у подножия лестницы. Мо'атабар считал, что нужно атаковать второй этаж. Колдунья утверждала, что этот путь указан им специально, что это обман и двигаться нужно в другом направлении. По-видимому, она приводила веские доводы, потому что Мо'атабар явно растерялся.

Что теперь? Йосех сомневался, что сможет подняться на ноги и пойти поискать плотника.

* * *

Бел-Сидек стоял на балконе в доме Мериэль и прислушивался к чему-то.

– Чем ты, черт побери, занимаешься? – не вытерпела наконец Мериэль. Сразу по приходу домой она была арестована людьми Зенобела и заперта вместе с Сису.

– Я слушаю боевые кличи дартар.

– Что-что?

– Рано или поздно моему самозваному преемнику придется до дна испить чашу с горьким вином под названием Фа'тад ал-Акла.

* * *

Эйзел бесшумно скользил по темным пустым коридорам. Если б Эйзел был не Эйзелом, а другим человеком, можно было бы сказать, что на душе у него кошки скребут. Он не расправился с проклятыми дикарями, как хотел. Он надеялся на большее. Конечно, если б безумная женщина использовала выигранное время для чего-нибудь действительно полезного, а не ограничилась бы несколькими ничтожными препятствиями…

Но ему удалось обмануть верблюжатников. Теперь они помчались наверх и потеряют там еще сколько-то времени. Может, этого ему окажется достаточным, чтобы убедить Чаровницу отказаться от своей навязчивой идеи и дать захватчикам настоящее сражение. Она уже могла бы стереть этих жалких ублюдков в порошок. Но нет, госпожа занята…

Все Накар… Проклятый Накар… Но ничего, ему недолго

осталось. Впрочем, теперь главная роль принадлежит Торго. Если этот дурачина без яиц не спасует в решающий момент…

Он подошел к дверям храма.

Они были закрыты. Впервые на памяти Эйзела.

– Что за черт?

Он подергал дверь. Не поддается. В кончиках пальцев возникло странное колющее ощущение.

Странная гримаса исказила лицо.

Когда Эйзел убедился, что заблокирован и боковой вход, подозрение переросло в уверенность.

Неужели это от него заперлась госпожа?

Боль пронзила тело – и душу? – и сразу же ушла.

Наверное, у него было предчувствие, и потому он заранее позаботился приготовить все в храме.

Или Торго решился-таки наконец воткнуть ему нож в спину? Так мрачно не усмехался никогда даже Эйзел. Евнуху не долго ждать расплаты.

Были и другие входы в храм. Входы, о которых не знала даже жена Верховного Жреца. Но Эйзел-Разрушитель недаром исполнял самые секретные поручения Накара.

Через три минуты Эйзел проник в святая святых. Он занес узел с продуктами в потайную комнату, снова закрыл ее и скорчился за идолом Горлоха – так, чтобы видеть Чаровницу и Торго.

Мальчишка, из-за которого произошла первая стычка Эйзела с дартарами, связанный, сидел на стуле. Ребенок был спокоен, сосредоточен, серьезен. Эйзела поразил его вид. Малыш постарел на десятки лет.

Торго с Чаровницей ремнями привязывали к алтарю, совсем близко от Накара, второго мальчика. Тот верещал и брыкался. Чаровница оставила ребенка. Она пыталась войти в транс. Торго метался вокруг, словно суетливая старуха, пытаясь делать три дела сразу и одновременно удерживать мальчишку. Вот дерьмец! Перепуганный до полусмерти мальчик и не думал успокаиваться.

А может, он испуган вдвойне – боится не только их, но и того, другого?

Эйзел взглянул на сплетенные друг с другом тела Накара и Ала-эх-дин Бейха. Он торопливо вспоминал все, что узнал из вторых рук о тех событиях шестилетней давности. Вспоминал усвоенные на службе у Накара сведения. Эйзел ни в малейшей степени не обладал способностями к магии, но был знаком с теорией, видел кое-какие опыты.

Да ведь взбесившаяся сука весь мир перевернет вверх тормашками! Все полетит в тартарары!

– Стойте!

Они подскочили от неожиданности. Глаза Эйзела и Чаровницы встретились, и он вновь почувствовал жгучую боль. К черту, не до этого сейчас.

– Ты не посмеешь сделать это, женщина. Все что угодно, только не это. Не таким способом.

У Торго был такой вид, точно он вот-вот описается.

– Откуда ты взялся?

– Прошел сквозь стену. Не обо мне речь. Речь о катастрофе, которая произойдет, если вы будете продолжать начатое.

Чаровница повернулась спиной. Торго смотрел на него с любопытством. Но потом последовал примеру госпожи и, потупившись, продолжал приготовления.

Эйзел устало сплюнул.

– Вы забыли, почему ввели его в такое состояние? Потому что иначе Накар умер бы по-настоящему. Ничего не изменилось женщина, ничего. Если вы сейчас пробудите их к жизни, они немедленно продолжат, что начали. С того самого места.

Эйзел взглянул на Зуки. Мальчик не отвел глаз. Тысяча против одного, он понял каждое слово. Неужели душа Ала-эх-дии Бейха уже проснулась в детском теле?

Кто-то попытался открыть парадную дверь. Торго нахмурился.

– А вот и они, – сказал Эйзел. Торго недоверчиво взглянул на него.

– Да пойми, дурачина, не во мне дело. Спорим, что они нас нашли?

Проклятая женщина не прекращала своих приготовлений. Теперь она, войдя в транс, почти лежала на алтаре рядом с мальчишкой.

Торго взглянул на нее, на Эйзела – словно затравленная крыса.

– Что же мы можем сделать?

– Скорее всего ровным счетом ничего. Если только тебе не удастся воззвать к ее здравому смыслу.

– Вряд ли.

– Дерьмо ты собачье. Ладно, делай свое дело и уповай на милость Горлоха.

Эйзел вразвалочку направился к двери, как будто придумал, как достойно встретить ломящихся в нее дартар. Но, проходя мимо Зуки, он ударил мальчика, да так, что чуть было не сломал ему шею.

– Так немного лучше. Это обезвредит его на некоторое время.

Чаровница начала шептать заклинание. Насколько Эйзел мог

понять, на настоящий момент весь ее план заключался в том, чтобы оживить своего обожаемого супруга и спросить у него, как быть дальше. Глупая баба. Безмозглая курица. Нельзя никому давать такую власть над собой, власть, которая превращает тебя в раба чужой души, лишает даже чувства самосохранения.

И снова Эйзела что-то кольнуло. Снова на секунду вернулась знакомая уже боль. Он словно вдруг понял правду о себе. Как будто беспристрастный наблюдатель спросил его: а ты-то как угодил в эту мышеловку? Зачем? Ради кого?

Шум около главного входа в храм прекратился, зато теперь кто-то скребся в стену. До верблюжатников дошло, что дверей им не выбить, и они решили ломать стену.

– Сколько времени им потребуется? – спросил Торго, тоже оглянувшись на звук.

Эйзел пожал плечами, посмотрел на Чаровницу.

– Сколько времени потребуется тебе, женщина?

Малыш не прекращал сопротивления. Может выть, Накар не хотел возвращаться, может быть, его страшила месть Ала-эх-дин Бейха.

Эйзел не знал, что там на самом деле произошло. Накар никогда не рассказывал о своих врагах. Но одно не вызывало сомнений – когда-то, давным-давно, он страшно оскорбил кого-то, и – рано или поздно – возмездие неизбежно. Каждые несколько лет появлялся новый колдун-мститель, и с каждым разом все более и более искусный и могущественный. Может быть, сами боги ополчились на Накара. Что и говорить, он был один из немногих, кто действительно способен навлечь на себя гнев божий.

Эйзел переводил взгляд с окоченевшего трупа Накара на Чаровницу. Что она в нем нашла?

– Эй, Торго, ты подумал о том, о чем мы с тобой толковали? Евнух замялся, глянул на осаждаемую дартарами стену, на Эйзела, на прекрасную впавшую в транс женщину – и виновато кивнул.

– Ты согласен? Торго снова кивнул.

– Хорошо. Возможно, мы все же прибегнем к этому средству. – Если, конечно, этот чудак без яиц сумеет вонзить Накару нож в спину.

– Похоже, дело у нее идет на лад. Мальчишка пусть неохотно, но начинал подчиняться колдующей над ним женщине.

Камень откололся от стены, упал на пол, подняв столб пыли.

– Однако время на исходе, Торго. Ты можешь заставить ее очнуться и заняться ими?

Очевидно было, что на его призывы Чаровница не

откликнется.

– Не думаю. – Упал еще один камень. В дыру просунулась рука, зашарила по стене. – Но я попытаюсь.

– Так давай же! – Эйзел подкрался к стене и выхватил из руки нож.

Торго добросовестно пытался растормошить Чаровницу. Эйзел не мешал ему. Но женщина не поддавалась. Эйзел подозревал, что она просто не желает выйти из транса, не хочет вернуться к реальности и покинуть свое призрачное убежище.

Отверстие в стене расширялось. Эйзел хотел было пугнуть дартар копьем, но тут он увидел, что очнулся и зашевелился второй мальчик, Зуки. Блуждающий взгляд ребенка остановился на Чаровнице. Гром потряс крепость.

Эйзел стукнул мальчишку по голове.

– Все, Торго. Мы не можем насиловать госпожу. Давай бери ее на руки и иди за мной.

– Что? Куда?

– Спокойно, Торго, доверься старине Эйзелу. Ведь мы с Накаром были закадычными приятелями. Я знаю об этом месте то, чего не знает даже она. Тут есть тайники, которые Накар устроил, когда нас никого и на свете не было. Они в жизни не найдут их. – Сам Эйзел не очень-то верил в это, но не беда, если Торго поверит. – Мы захватим все необходимое, чтобы завершить начатое. – Он собрал колдовскую утварь Чаровницы.

Торго смотрел на Эйзела как приговоренный к смерти, которому пообещали отсрочку приговора.

В стену колотили не переставая. В дыру просунулась и быстро нырнула обратно чья-то голова.

Эйзел доковылял до гардеробной, опустил на пол пожитки, открыл тайник, забросил туда вещи и помог Торго занести в убежище Чаровницу.

– Теперь остальное. – Нога отчаянно болела. Эйзел потер ее – и испачкал руку в крови.

Они как раз скрылись за идолом Горлоха – и как раз в это время в щель в стене протиснулся худощавый молодой дартарин. Эйзел усмехнулся.

– Вовремя.

Торго удивленно покосился на него. Эйзел усмехнулся вновь. Парень и не подозревает, как скоро получит ответ на свой безмолвный вопрос.

– Ты сильнее. Тащи Накара, а я возьму ребенка. – Он разрезал ремни, которыми мальчик был привязан к алтарю.

Стройный дартарин замешкался у стены, помогая расширить отверстие.

Мальчишка открыл глаза. Лицо его изменилось, потемнело. Душа Накара пробудилась ото сна, он услышал призывы Чаровницы, но пока не хотел возвращаться в этот мир.

Прогремел гром.

Эйзел злобно засмеялся. Воистину нынче он любимчик адских сил. Он подошел ко второму мальчишке, замахнулся, намереваясь сломать проклятому сучонку шею. Оглянулся на дартар – уже четверо проникли в храм, вид у них был разъяренный. Дикари готовы ко всему, готовы кинуться на него и разорвать на части.

– Пока, полудурки. – Эйзел помахал им рукой. Торго как раз тужился, пытаясь поднять Накара. Пробегая, Эйзел ударил евнуха под коленки. Тот грузно осел на пол. Эйзел с ребенком на руках скрылся за идолом Горлоха, хихикнул опять. Дартары с ревом набросились на Торго, один из них вопил:

– Ариф! Ариф!

Фа'тад стоял у окна на втором этаже своей новой штаб-квартиры. Он посмотрел в щель между жалюзи. Бойцы Союза Живых вступили в крепость. Наконец-то разродились. Он уж думал, что они вечно будут топтаться у входа.

– Замечательно. Подавайте сигнал.

Вдали затрубили в рог. Черные фигуры, как стая мокрых ворон, налетели на крепость. Показались груженные кирпичами повозки.

В сети попались по крайней мере четверо из атаманов Живых. Фа'тад знал, где искать их предводителя. Вход в цитадель будет замурован, и Живые теперь лишь досадная помеха.

– Захватите полковника бел-Сидека, – приказал ал-Акла. Сам он не двигался с места, встревоженно всматриваясь вдаль. Мо'а-табару уже следовало бы достичь вершины той башни. Но сигнала до сих пор не было.

Где же он?

Или Накар все-таки взял свое?

* * *

Дартары лезли в дыру, точно стая обезумевших от запаха крови крыс. Аарон карабкался вместе с ними, залезал на плечи, наступал на головы людей, чувствовал, как отталкивают, больно пихают его чужие колени и локти, как… Он рухнул на пол и тут же вскочил, успев заметить Арифа. Сын его висел на плече убегавшего прочь похитителя.

– Ариф! – закричал он.

Дартары набросились на человека, который барахтался на полу, стараясь освободиться от навалившегося на него окоченевшего трупа. У Аарона ноги приросли к земле. Смертный ужас сковал его. Накар!

Человек освободился и поднялся во весь рост. Это был настоящий гигант. Он схватил труп и запустил им в дартар. Несколько воинов упало, остальные атаковали великана. Он выхватил у одного копье, у другого меч и разил направо и налево, словно львица, обороняющаяся от своры гончих. На какую-то минуту у Аарона возникло чувство, что он перебьет их всех.

Мо'атабар кусал губы и рычал от ярости. Люди его отступали Но стрелы и копья сделали свое дело Гигант упал. Он так и не издал ни звука. Вид у него был ошарашенный, точно человек этот так и не смог поверить в случившееся.

Рейха прошмыгнула мимо Аарона.

– Зуки! – Голова мальчика была как-то странно повернута и свисала на грудь.

Рейха упала на колени у стула, к которому был привязан ее сыночек. Йосех потянул Аарона за руку.

– Пошли! – Юноша устремился вперед, в темноту, едва взглянув на идола Горлоха.

Аарон поплелся следом, стараясь не замечать рыдающей Рейхи, отводя глаза от окровавленного трупа великана, от убитых им дартар, от отвратительного истукана, который до сих пор нес в Кушмаррах бесчисленные слезы и мучения. Он просто тупо шел за молодым дартарином. Надежда угасла в душе. Рейха начала причитать. Аарон не смог сдержать стона.

Геродианская колдунья наскакивала на Мо'атабара. Мо'атабар кричал на своих людей. Отряд Ногаха устремился за Йосехом и Аароном. У одного воина хватило соображения прихватить лампу.

Десять минут пролетели как одна, беспощадные, как взмахи крыльев стервятника. Ариф исчез без следа. Йосех и Ногах решили, что надо посоветоваться с Мо'атабаром. Аарон потащился за ними.

Командир дартар и колдунья препирались о чем-то. Казалось, они были ужасно злы друг на друга. Мо'атабар на секунду отвлекся и приказал заделать дыру в стене.

– Что происходит? – спросил Аарон.

– Ну, если все пойдет, как задумал Фа'тад, – пояснил Ногах, – скоро к нам сюда подвалят Живые, человек эдак сто. Очень великодушно со стороны Мо'атабара посвятить нас в этот блистательный план. Оказывается, предполагалось, что мы пойдем вовсе не вниз, а наверх. Говорят, осажденные в крепости

всегда спасаются наверху. Мы должны были подняться на самую высокую здешнюю башню, а потом с помощью веревок – для того-то их и тащили с собой – выбраться наружу. – Ногах выругался на дартарском наречии. – Все, Орел. Мы, видите ли, должны были запереть здесь командиров и отборных бойцов Союза так же, как заперли в лабиринте геродиан.

– Зачем? – спросил Аарон.

– А вот об этом спроси у Фа'тада, – передернул плечами Ногах. – Когда встретишься с ним – в Аду. Короче, план провалился. Мы пошли не вверх, а вниз. Мы предотвратили воскрешение Накара, но попались в собственную ловушку.

– Не хочется огорчать тебя, парень, – вмешался Мо'атабар, – но ничего мы не предотвратили. – Он пнул ногой труп Накара. – Ведьма говорит, они могут обойтись и без этого – если удастся пробудить душу Накара в теле мальчика.

Аарон застонал, на глазах выступили слезы. Он и не подозревал, насколько неустойчиво его показное спокойствие. Он подошел к Рейхе, стал рядом с ней – как будто два горя, объединившись, могли поддержать друг друга.

Геродианская колдунья внимательно посмотрела на них, опустилась на колени рядом с Зуки, долго молча изучала мальчика и наконец заговорила.

– Как, что?! – разом встрепенулись Аарон и Рейха.

Крики дартар смолкли. Эйзел заставил себя подняться и тихо выругался. Черт, как болит нога. Не гнется совсем, да еще и кровоточит, собака. Он достал нож. Пнул Чаровницу. Она никак не реагировала.

– Ну ты, сумасшедшая сука, чуть не погубила нас всех. – Проклятая баба. Впрочем, не стоит на нее злиться. Злиться надо на себя самого – что свалял дурака, позволил затянуть себя в эту трясину.

Мальчик был в сознании, но совершенно спокоен и безучастен. Он, похоже, застрял где-то между прошлым и настоящим. Накар явился, но сидел притаившись. Наверное, не хотел выдавать себя, пока оставались шансы на победу Ала-эх-дин Бейха. Прекрасно. Пусть в таком состоянии и остается. Это нужно еще обмозговать, придумать, как лучше использовать колдуна, не спуская его с привязи.

Эйзел с ножом наготове выскользнул из убежища. Эге, а дартарских выродков здесь не так уж много. А ему известны все тайные ходы и укрытия. Не перебить ли их, не заставить ли дикарей пожалеть, что вообще услышали о золотом городе Кушмаррхе?

Избавившись от них, можно будет целиком сосредоточиться

на Чаровнице и на том, что должно быть сделано.

Бедолага Торго, пришлось взвалить на него грязную работу. Парень сполна расплатился за собственную дурость. Да, победа достанется самому хитрому, самому предусмотрительному и изворотливому.

Укрывшись за идолом Горлоха, Эйзел прислушивался к разговорам дартар. Они были разочарованы и обескуражены словами колдуньи. Она сказала, что для воскрешения Накара тело его не нужно. Сама ведьма возилась со вторым мальчишкой. Несколько воинов заделывали дыру в стене. Еще несколько готовили дрова для костра. Это еще зачем?

Ага! Вот умора! Живые явятся сюда следом за ними. А дрова – чтобы сжечь тела Накара и Ала-эх-дин Бейха.

Эйзел злорадно ухмылялся. Тысяча проклятий! Гром и молния! Да ведь это просто замечательно! Если у Чаровницы не будет выбора, как только вернуть Накара в мир в обличье сопливого мальчишки… Открывается уйма возможностей. Накар-ребенок не сможет править городом, как правил бы взрослый человек. А задача Чаровницы значительно упрощается.

Черт с ними, с дартарами. Не станет он охотиться на них. Пускай сперва разберутся с Живыми. Пускай эти придурки разорвут друг друга на части. А он уж разделается с уцелевшими.

Эйзел вернулся в каморку.

Но ведь дартарам нужен мальчишка. Они не угомонятся, продолжат поиски. Эта ведьма… Она хоть и невзрачная, зато той же породы, что Ала-эх-дин Бейх. Она учует… стоит ей сосредоточиться – и она найдет комнату, несмотря на заклинания Накара. Хватило же у нее магической силы раскрыть тайну Черного хода Судьбы.

Эйзел ощупал ногу. Скверно – все еще кровоточит. Не наследил ли он? Нет, вроде порядок, следов не осталось. Кровь впиталась в одежду. Надо плюнуть на ногу и двигать отсюда. Не сейчас, чуть погодя. Эйзел перевязал ногу, туго затянул бинт. Это должно помочь.

Здесь опасно. Они как в капкане. Лучше подняться на башню. Колдунья ничего не сможет поделать, если они – и Чаровница, и он, и мальчишка – будут наверху. Он просто закроет люк, ляжет на него – и все. Им его нипочем не сдвинуть.

Он распаковал узел с вещами, достал обезболивающий порошок, запил его водой из небольшой фляжки. Во рту осталась горечь. Он расслабится минут на пять, лекарство подействует быстро… Эйзел задремал.

Он вздрогнул, заставил себя открыть глаза. Нет, не годится. Что, если его застанут врасплох?

Эйзел проверил пульс ребенка. Не повредил ли он ему что-нибудь? Все вроде бы в порядке.

Лучше сперва подняться. Поспать можно и потом.

Сначала он поднял на башню мальчика. Лестница показалась ему длиной в много километров. Боль в ноге стала просто убийственной. Порошок не помог. Эйзел вспомнил, как хотел бежать из Кушмарраха в какое-нибудь замечательное спокойное местечко. Почему он не прислушался к доводам разума? Они с безмозглым чурбаном Торго стоят друг друга.

Рана опять открылась. Надо бы отдохнуть – но нет ни минуты. Эйзел потуже затянул повязку.

Следующей он поднял Чаровницу. Тело ее безвольно обвисло – как дохлая холодная рыбина. Какого черта она не желает помочь ему хоть немножко? Что он цацкается с этой паршивой сучкой?! Стоит ли она того?

И еще один подъем, на этот раз с запасами провизии и причиндалами, которые нужны ей, чтобы завершить начатое. Эйзел опять потер ногу и опять напомнил себе, что полежать можно и потом.

Он думал, что этот последний подъем не кончится никогда. Ноги сводило судорогой. Плечи онемели. Кровь так и хлестала. Он разбередил и другие раны. Началось головокружение. Эйзел не сомневался, что каждое движение ухудшает его состояние. Но не мог остановиться. На то он и Эйзел-Разрушитель, неистовый и неугомонный.

И как всегда дух восторжествовал над плотью. Он добрался до площадки на вершине башни, сбросил груз, закрыл люк и на минуту подставил лицо под дождь. Ни мальчик, ни женщина не проснулись. Эйзел как мог лучше и бережнее прикрыл Чаровницу, хотя понимал, что это бесполезно. Прогремел гром.

Сначала он отдохнет, подождет, может, обезболивающее все же подействует, а потом уж разбудит женщину.

Эйзел взглянул на небо. Из-за дождя трудно что-нибудь сказать наверняка, однако, похоже, тучи опускаются все ниже и движутся все быстрее – особенно над башней.

Голова его свесилась на грудь. Десять минут отдыха – и он в полном порядке.

* * *

Зенобел задумчиво разглядывал огромную клетку. Он помнил крепость в прежние времена, до Дак-эс-Суэтты. Теперь цитадель пришла в упадок. Печальное зрелище. При Накаре, что ни говори,

слава кушмарраханской крепости гремела по всему миру.

К Зенобелу подбежал Дабдад. Его люди осаждали покои Чаровницы, где укрылись слуги.

– Они не сдаются, – встревоженно заговорил он. – Они даже разговаривать отказываются.

– Чаровница там?

– Неизвестно. На двери наложены заклятия. Мы начали ломать стены. Я потерял двух человек. Ее никто не видел. Но это не значит, что ее там нет.

– А дартары, черти бы их драли? Где они? Нашли хоть какие-нибудь следы их присутствия?

– Нашли – трупы. И все.

Зенобел с сомнением взглянул на оставшихся в клетке ребятишек. Способны ли они разумно отвечать на вопросы? В зал ворвался Карза.

– Мы нашли дартар. Они забаррикадировались в храме. Сломали стену, чтобы войти туда. Прикончить их?

– Вы что, хотите, чтобы Фа'тад прикончил нас?

– Гм…

Карза не знал, что сказать. Король тоже. И тут подоспели свежие новости.

– Они закладывают кирпичами вход в крепость. Теперь мы можем выйти только через окна. Кто не убьется при падении, того подстрелят лучники ал-Аклы.

Король побледнел. Карза растерялся.

– Итак, ал-Акла взялся за старое. На сей раз он предал и нас, и геродиан. Бел-Сидек был прав. Он нас предупреждал.

Карза насупился. Такой поворот был выше его понимания.

– На нас возложена священная миссия, Зенобел. Если это бремя вам не под силу, я готов принять командование.

– Сделайте одолжение. Давайте губите людей – сколько пожелаете. Мне все равно. Что бы мы ни сделали, от нас уже ничего не зависит.

* * *

Бел-Сидек не обернулся на звук шагов. Дикарь был чрезвычайно вежлив.

– Фа'тад просит вас к себе, господин. Сталь стыдливо прикрыта бархатом. Бел-Сидек взял Мериэль за руку.

– Если я должен умереть, прошу привести приговор в исполнение прямо здесь, в доме, где я провел счастливейшие часы своей жизни.

– У Фа'тада нет намерения убивать кого-нибудь, господин. Он только просил передать, что хочет поговорить с вами. Мериэль нежно сжала руку бел-Сидека.

– Ступай, Сису. Может, тебе еще суждено что-то совершить.

Бел-Сидек с сомнением пожал плечами, кивнул и покорно вышел следом за дартарином под дождь. Фа'тад прислал только одного воина. Не исключено, что старый змей на самом деле хочет лишь заключить какое-то новое соглашение.

Смеркалось. Низко над крепостью кружились в бешеном танце облака. Что ж, это был долгий день, слишком долгий. Теперь наконец-то забрезжил конец.

Кушмаррах вступает в новую эру. Она будет не такой, как представляли это они с Генералом.

– Послушай, воин, с Накаром уже покончено? Спутник его напряженно выпрямился.

– Не могу сказать, господин. Из крепости от наших людей вестей не поступало. – Он помолчал немного и добавил:

– От ваших тоже.

Вот оно что. Нехорошо. Бел-Сидек задрал голову кверху и смотрел на мчавшиеся по небу облака, пока вода не залила глаза. Последний час Накара пробил, когда шел проливной дождь и над крепостью также нависали тучи. Правда, с тех пор много воды утекло… Но неужели все повторяется? Неужели это предвещает воскресение Отвратительного?

Бел-Сидек и сопровождающий его дартарин поравнялись с группой перемазанных в грязи геродиан, которых под конвоем выводили из Шу. Фа'тад принял капитуляцию погребенных в подземелье солдат. Наверное, Орлу не хотелось устраивать кровопролития.

Среди пленных бел-Сидек заметил генерала Кадо. Ха. Теперь геродианин узнает, что испытывали побежденные после сражения при Дак-эс-Суэтте.

Взгляды их встретились. Кадо узнал бел-Сидека, бледная улыбка появилась на лице генерала. Он подмигнул – как заговорщик заговорщику. Бел-Сидек фыркнул. Заговорам конец. Они сами себя перехитрили. Повержены в прах. И попали в лапы мудреца с гор Хадатха.

Что ни говори, отвага Фа'тада заслуживает всяческого восхищения.

* * *

Йосех снова почувствовал страх. Они искали повсюду, снова

и снова, но не нашли ни Чаровницу, ни похитителя детей, ни Арифа, ни намека на потайной ход. Никаких следов. А между тем с каждой минутой опасность возрастала.

– Наша ведьма могла бы найти их, – заметил Ногах, – но она, видите ли, занята. С ней говорить что быка доить.

Анналайя действительно не отрываясь смотрела на поджариваемые на костре тела. Вонь от них была такая, что задохнулся бы и стервятник.

– Кто ее разберет, наверное, она знает, что делает, – возразил Йосех.

– Держи карман, знает она. Да она тычется туда-сюда, как слепой котенок, не лучше любого из нас. Куда, интересно, подевались проклятые вейдин? – Кушмаррахане даже не предприняли попытки прорваться в храм.

Мо'атабар периодически подходил к костру напомнить колдунье ее собственные слова – Чаровнице не нужно тело Накара, чтобы вызвать его дух. Ведьма едва слушала его. Йосех не терял надежды. Она должна знать, что делает.

– Вейдин идут сюда, – сообщил воин, стоявший на посту у заделанной бреши в стене.

Мо'атабар тоже прислушался.

– Прямо скажем, не очень-то они торопятся. Плотник немного успокоился, и Ногах решил, что хватит ему сидеть в немом и безучастном отчаянии рядом с женщиной-вейдин.

– Эй, Аарон! С чего бы ты начал, если тебе поручили бы сделать потайную дверь?

– Э-э…

– Ты же плотник. Значит, и мозги у тебя устроены как у плотника. А плотники обычно строят дома. Так что скажешь? Аарон задумался.

– Ну, вообще-то это столярная работа. Я бы сделал эту дверь в каком-нибудь укромном, незаметном уголке и вдобавок постарался бы получше замаскировать.

– Тамиса рассказывала, что вам случалось выполнять такие заказы, – вмешался Йосех. Плотник кивнул. Ногах нетерпеливо вскочил.

– Так давай же! Давай пораскинь мозгами по-вашему, по-столярному. Покажи нам, где в этой дыре другому плотнику могло прийти в голову устроить этот тайник. Ничего страшного, если придется все здесь слегка порушить.

Это оказалось делом нескольких минут.

– Должно быть, вон там, в гардеробной, – заявил Аарон, – лучше места не сыскать.

Меджах мигом ворвался в указанную плотником каморку и

разгромил ее. Ногах и Мо'атабар последовали за ним. Мо'атабар, перешагивая через обломки крушения, подошел к стене.

– Ага, действительно тут еще одна комната. Но там никого нет.

– Из нее наверняка есть выход, – возразил Аарон, – просто все тут специально устроено, чтоб выиграть время.

В дверях появилась колдунья. Они с Мо'атабаром обменялись несколькими словами.

– Она говорит – отсюда есть три выхода. Один в полу, здесь. – Мо'атабар топнул ногой. – Другой в той стене. – Удар кулаком в стену. – А третий вот в этой стене. Откройте-ка их.

Меджах снова попытался применить грубую силу, но на сей раз безуспешно.

– Позвольте мне, – сказал плотник.

Аарон взял себя в руки. Так долго не происходило ничего страшнее раскатов грома, что надежда возродилась в его душе. Может, способствовала этому и невозмутимая деловитость колдуньи.

Буквально через минуту ему удалось взломать потайные двери.

– Итак, – Мо'атабар осмотрел выходы, – Косут, ты пойдешь вниз. Тебе, Меджах, поручаю эту дверь. А тебе, Йосех, ту. Будьте осторожны, но зря время не теряйте. Живые начали ломиться в стену.

Колдунья что-то проворчала и отошла. Йосех надеялся, что она задержит вейдин. Хотя они не особенно волновали юношу. На крошечную дверцу он, однако, смотрел с опаской, не решаясь подойти ближе. Да и вообще протиснется ли он в нее? Но Мо'атабар говорил об этом задании как о самом обыкновенном, простеньком дельце, и юноше стало стыдно за свою нерешительность. Йосех набрал в легкие побольше воздуху и точно в холодную воду нырнул – пролез-таки в узкое отверстие.

Сразу за дверцей начиналась вертикальная лестница, она устремлялась прямо в небо – все выше, и выше, и выше, темная, точно сердце Накара.

Становилось страшнее и страшнее. Йосех поднялся уже на много пролетов и перестал считать их. Раскат грома потряс крепость. Юноша почувствовал, как содрогнулась и покачнулась лестница, и на минуту испугался, что башня рухнет вместе с ним.

Он стал подниматься медленнее, экономя силы. В ушах стоял звон. Сначала Йосех принимал его за игру воображения, но потом сообразил, что это шум дождя.

Он остановился, передохнул, призвал на помощь все оставшееся мужество и продолжал карабкаться наверх. Тремя

ступеньками выше рука его коснулась чего-то скользкого и липкого, на ощупь напоминающего кровь.

Потом он ударился головой обо что-то твердое и холодное. Йосех пошарил вокруг. Ржавое железо? По поверхности звучно барабанили капли дождя. Должно быть, это “что-то” – массивное, тяжелое.

Вот оно, испытание храбрости. Можно вернуться и доложить, никто и словом его не попрекнет. Но Йосеху давно хотелось проверить, кто же он на самом деле – дартарский воин или робкий мышонок-вейдин?

Он поднатужился, головой надавил на металлическую крышку люка. Не поддается. От напряжения глаза лезли на лоб. Еще сильнее; медленно, постепенно – крышка чуть приподнялась, и через щель, прямо на уровне глаз, Йосех увидел всего в паре шагов от себя чью-то голову.

Сдавленный крик вырвался из груди юноши. Похититель детей лежал под дождем. Он мертв или просто заснул? Но кому взбредет в голову спать под дождем?

Йосех подтянулся, по плечи высунулся из люка. Чаровница и Ариф тоже распростерлись на крыше, под дождем – тоже мертвые или погрузившиеся в глубокий сон.

Что теперь?

Йосех потянулся было за ножом – увериться в смерти похитителя детей, но раздумал и потянулся к ноге Арифа. Если бы удалось подтащить парнишку к себе, снести его…

Удар был настолько внезапен, что Йосех не понял, откуда он обрушился. Он упал на спину и покатился по лестнице вниз.

* * *

Чей-то сдавленный крик заставил Эйзела очнуться. Убийца был слаб, как младенец, и потому не пошевелился, ничем не выдал себя.

Чуть приподняв веки, он увидел сопля кадартарина из лабиринта Шу. Маленький ублюдок не дает ему покоя, преследует повсюду, как злой дух. Как он тут очутился? Только сейчас Эйзел заметил, что во время сна сполз с крышки люка.

Горлох и счастливая случайность подарили ему лишнюю минуту. И Эйзел не преминул воспользоваться ею. Он вложил в удар все оставшиеся силы. Дартарина отбросило назад, в руке у него остался ботинок мальчишки.

– Надеюсь, я разбил твою дурацкую башку, гаденыш.

Но сил встать уже не хватило. Вода вокруг Эйзела окрасилась

в красный цвет. В ней плавали сгустки крови. Проклятие! Это кровотечение убьет его. Какая злая насмешка судьбы! Эйзел перекатился на другой бок, потом сел на крышке люка. Слава богу, она захлопнулась сама, ему бы с этим не сладить.

Он возился с повязками, пока не удалось немного унять кровотечение. Еще одно усилие, он устроился поудобнее. Так, теперь его так просто не сдвинешь.

Теперь Чаровница.

– Проснись, женщина. – Никакого ответа. Шлеп! Эйзел отвесил ей пощечину, голова Чаровницы мотнулась в сторону. – Вставай, черт тебя побери! Зови своего Накара – иначе песенка твоя спета. Они знают, где мы, а больше деваться некуда. – Он снова ударил ее. На сей раз ресницы Чаровницы чуть дрогнули.

Все. Больше он не способен ни на что. Эта женщина и немного железа – единственная надежда. Эйзел всем телом навалился на крышку люка и потерял сознание.

Чаровница почувствовала первый удар Эйзела, но он не заставил ее очнуться. Второй причинил ей боль. Она приоткрыла глаза – только чуть-чуть, но достаточно, чтобы видеть мучителя.

Эйзел? Но как же так… Она промокла насквозь. Лежит в луже. Дождь поливает ее. Гремит гром. Холод пробирает до костей.

Холод и боль… Они и пробудили сознание Чаровницы. Рассудок возвращался к ней. Она пришла в себя в тот момент, когда Эйзел лишился чувств.

Чаровница приподнялась на руках, медленно повернула голову. Мысли путались, но, хоть и с трудом, она припоминала, что происходило вокруг, пока длилось то блаженное наркотическое забытье. Она поняла, где она, как и почему очутилась здесь, и какое-то мгновение была даже признательна Эйзелу за его упрямство и настойчивость.

Она проявила слабость, малодушие – и слишком пристрастилась к тому зелью… Чаровница ненавидела себя за это. Наверное, Эйзел прав. Она просто ополоумевшая бабенка, она недостойна вновь обрести Накара.

Тело отказывалось повиноваться. Чаровница расслабилась. Так славно было бы погрузиться в сон, забыть обо всем, убежать… Нет, час пробил. Эйзел сказал, они знают, где искать ее… Взгляд колдуньи упал на мальчика.

Спит? Или без сознания? Она чувствовала присутствие Накара. Он здесь и там одновременно, он не решается выйти из призрачных сумерек на свет.

Ала-эх-дин Бейх.

Конечно! И Эйзел толковал об этом, да так настойчиво…

Накар боится, потому что возвращение сулит ему неизбежное поражение. Ему суждено проиграть ту битву: И она, только она тому виной.

Но… расплывчато, смутно, как путаный и странный сон, припоминала она случившееся в храме. Эйзел ударил второго мальчишку, сломал ему шею. Ала-эх-дин Бейха больше нет в крепости. Враждебная возлюбленному душа вновь стала бесприютной странницей.

Итак, все, ради чего она жила и страдала, – здесь, рядом. Если она призовет на помощь всю свою волю и способности, преодолеет слабость и убедит душу любимого вернуться к ней…

Слезы покатились из глаз Чаровницы. Накар никогда больше не будет прежним, не будет ее мужчиной, которого она знала и любила. Тело его осталось там, внизу. Эта геродианская ведьма, шавка из своры Ала-эх-дин Бейха, конечно, не теряла зря времени и уничтожила труп.

Чаровница взглянула на ребенка и разразилась безумным смехом, представив, как будет нянчиться с новым, юным Накаром. Потом она разобрала вещи, которые захватил в башню Эйзел. Все на месте. Эйзел никогда ничего не упустит.

Она двигалась медленно, очень медленно, но приготовления были закончены, и вскоре она устремилась во тьму, призывая любимого вернуться на землю.

* * *

Кошмар длился уже целую вечность. Ариф никак не мог очнуться. Но сейчас он боялся меньше, чем вначале. Все было слишком уж необычно, Ариф не мог до конца поверить в реальность происходящего. Он точно слышал мамочкин голос: “Это только сон, Ариф, всего лишь сон”.

Во тьме рядом с ним все время был кто-то чужой, кто-то тоже испуганный и осторожный, но одновременно и огромный, и опасный, и терпеливый, как гигантская ядовитая змея, подстерегающая жертву. Этот чужой, это нечто почти не двигалось, а когда начинало шевелиться, Эйзел отгонял его. Малыш чувствовал себя все увереннее.

И тут – сначала издалека – послышался чей-то голос, женский голос.

– Мама? Это ты, мам?

А голос все звал и звал, убеждал и манил. Громче и громче. Ариф рванулся навстречу – и узнал голос красивой злой тети, которая похищала детей.

Он попытался остановиться – и не смог.

Неведомое существо во тьме зашевелилось, невидимые глаза уставились на него. Ариф почувствовал, как засасывает, захлестывает его непреодолимая чужая воля.

Он хотел закричать… а чудовище двигалось все быстрее, все вперед и вперед, выходило на свет…

* * *

Инстинкт заставлял Йосеха цепляться за ступеньки, чтобы замедлить падение. Сознание вернулось к нему, но не полностью. Рука его судорожно шарила вокруг в поисках опоры. Юноша почувствовал, что кожа на ладони ободрана, ногти сломаны. Он изо всех сил ухватился за ступеньку. Невыносимая боль пронзила тело. Йосех закричал, но успел переменить руки и не сорваться вниз. Так он и повис, дрожа и захлебываясь от слез, не смея пошевелиться.

Похититель детей не умер и не спит. Он продолжает свое черное дело.

Он должен немедленно сообщить об этом Ногаху, и Мо'атабару, и геродианской колдунье. А он не в силах, мышцы отказываются повиноваться. Слишком сильно он боится сорваться вниз.

Он даже кричать больше не мог. В горле пересохло, и оттуда вырывался лишь тихий сдавленный хрип.

Слезы текли из глаз юноши. Он трус. Он всегда подозревал это. И вот теперь, когда все зависит от его действий, – он позорно спасовал. Родной отец стыдился бы такого сына.

Глава 23

Аарон держал себя в руках. Со стороны он казался совершенно спокойным. Но было ли так на самом деле? В голове его, словно потревоженные шершни, теснились мысли.

Потайная каморка за гардеробной была набита сверх всякой меры. Люди стояли грудь к груди, плечо к плечу, дышали друг другу в лицо, вдыхая запах друг друга. Колдунья не смогла помешать Живым взломать стену храма: она была слишком занята Зуки. Аарон слышал, как бранятся за дверью гардеробной мятежники-кушмаррахане. Между тем, если повстанцы догадаются заглянуть в саму гардеробную, ничто не помешает им ворваться сюда – ведь Меджах выбил потайную дверцу.

В крошечной комнатенке было тихо, как в могиле. Дартары затаили дыхание. Не бездействовала лишь колдунья, и Аарон молился, чтоб она каким-то образом защитила их, воспрепятствовала планам Живых. Молча, в душе, он взывал к милосердию великого Арама.

Тем временем Косут и Меджах вернулись из разведки. Шепотом они сообщили, что удалось узнать. Ничего утешительного. Начавшийся в подполье ход вел все ниже и ниже, в залитое водой подземелье. Второй же кончался позади сторожки в коридоре за входом в крепость – тоже по эту сторону воздвигнутой Фа'тадом кирпичной стены.

– Лучше, чем ничего, – пробормотал Мо'атабар и ткнул пальцем в группу дартар. – Ты и ты, полезайте туда, спрячьтесь. Здесь слишком тесно.

Несмотря на тесноту, никому не хотелось лезть в эту крысиную нору. Аарон тоже не задумался ни на секунду. Даже если командир выберет его, он воспротивится. Там – тупик, оттуда уже не выбраться. Он этого не вынесет.

Каково, однако, приходится кочевникам-дартарам, выросшим под вольным небом пустыни, на широких просторах Таков и гор Хадатха?

Шлеп! Что-то ударилось о дверь третьего потайного хода. Аарон, стоявший ближе всех от него, зажатый между Ногахом и Меджахом, нагнулся посмотреть. Он сразу же узнал эту вещь и чуть было не завопил во весь голос.

– Ботиночек Арифа!

Ботинок так промок, что из него лилась вода.

– Его наверняка сбросили сверху, – прошептал Меджах, – он побывал под дождем. Должно быть, Йосех… Они, должно быть, на крыше башни. А мы прямо под ними.

Мо'атабар поспешил к ним, продираясь сквозь толпу. Аарон заметил, что в глазах теснимых им дартар загорелись гневные искорки. Эти люди с трудом сдерживали себя.

Бамц! Не успел Мо'атабар добраться до них, как к ногам Аарона с металлическим звоном шлепнулся второй предмет. На этот раз с трудом удержался от крика Ногах.

– Кольцо Йосеха, подарок отца.

– Он не может спуститься, – снова зашептал Меджах. – Он хочет, чтоб мы поднялись к нему.

Ногах поддакнул брату. Мо'атабар возразил. Ему это кажется очень подозрительным. Надо все хорошенько обдумать, а не действовать очертя голову.

Аарон не удержался. Ноги сами вынесли его на лестницу. Ногах и Меджах кинулись следом. Аарон не поднялся и на пятьдесят ступеней, а Мо'атабар с колдуньей уже препирались, кто пойдет первым.

Но вскоре все мышцы, все суставы Аарона взмолились о пощаде. Он ведь не обезьяна, не матрос, он не привык к подобной гимнастике. Но страх за Арифа гнал его вперед.

Он наткнулся на что-то. Нет, на кого-то! Вернее, услышал чей-то тихий стон.

– Йосех?

Он услышал лишь невнятное бормотание. Страх, боль, унижение звучали в нем.

– Это я, Аарон. Ты в порядке?

Неуместный вопрос – и опять еле слышное стенание в ответ.

Ногах подхватил юношу под мышки и потащил наверх, зажав между собой и Ааароном, так что упасть он никак не мог. Шаг за шагом они карабкались вверх по невидимым ступеням. Ногах пошептался с братишкой. Но ничего от него не добился. Йосеха сперва надо было успокоить и утешить.

Аарон лез и лез, каждую минуту ожидая, что силы окончательно изменят ему.

– Так что стряслось? – спросил через некоторое время Меджах.

– Он упал, – ответил Ногах. – И падая, уцепился за ступени. Ему было очень больно. Ничего, до свадьбы заживет. Я привяжу его к ступеням, а потом, когда все будет позади, мы вытащим его наружу.

– Тоже придумал… Мимо-то тогда черта с два протиснешься.

– Гм… А где Мо'атабар?

Аарон уловил смысл вопроса. Мо'атабар был крупным мужчиной. Уж он-то с Йосехом точно никак не разойдется. Что бы ни ждало их на крыше, придется обойтись без помощи Мо'атабара

и тех, кто идет следом за командиром.

– За мной Махдах, – ответил Меджах, – потом колдунья, потом Мо'атабар.

Мо'атабар снизу потребовал доложить, о чем спор. Никто ему не ответил.

Ногаху в конце концов удалось получить кое-какие сведения от Йосеха.

– Он говорит, там железный люк. Он открывается на крышу, она окружена парапетом. Чаровница и похититель детей там – и Ариф с ними. Парень подумал, они замерзли до смерти, но похититель детей вдруг набросился на него – Йосех как раз пытался за ногу подтянуть к себе Арифа – и столкнул вниз.

Ага, так вот откуда ботиночек, подумал Аарон.

– А теперь что они делают?

– Кто знает. Тот разбойник небось поджидает нас. Меджах недовольно прошелся насчет Йосеха, который не выяснил точно, в каком они состоянии, хоть и имел такую возможность.

– Все равно у нас нет выбора, – напряженным, неестественным голосом отозвался Ногах. – Мы должны покончить с этим Пошли.

Отродясь, даже когда был мальчишкой и любил воображать себя участником самых невероятных приключений, Аарон не думал, что попадет в такую передрягу. Никогда он не корчил из себя героя. И вдруг лезет прямо в лапы смерти, бросает вызов судьбе и темным богам… Всемилостивый Арам! Даруй нам спасительный огненный луч своей любви и благодати! Йосех продолжал стонать от боли. Аарон полз следом, по возможности поддерживая юношу.

Ногах остановился.

– Пришли. Люк. – Йосех свалился не с такой уж большой высоты: метров эдак пять-семь.

– Ну?

– Меджах? Ты мимо Йосеха пролезешь?

– Постараюсь.

– Аарон? – Голос Ногаха дрогнул. Воин был перепуган не меньше плотника. Он знал, как ничтожны их шансы на победу.

Аарон пытался разобраться в себе. Он трепетал от ужаса, но по-прежнему не терял самообладания. Ариф был там, может, всего в нескольких шагах от него.

– Я готов.

Хотя он безоружен и слаб. Аарон не мог вспомнить, куда подевалось его оружие.

– Меджах?

– Готов.

– Передай им, пусть подтягиваются за нами. И хорошо бы Мо'атабар, если понадобится, поднял бы Йосеха. Меджах передал вниз слова Ногаха.

– Начали! – приказал тот и изо всех сил нажал на люк плечом. Аарон буквально услышал, как затрещали его кости.

* * *

Эйзел почувствовал, как задвигалась под ним крышка люка. Но он ничего не мог поделать. Решительно ничего. Только лежать тут и таращить глаза, стараясь не заснуть.

Чаровница была на пути к осуществлению своей мечты. Несмотря ни на что, она добралась-таки до Накара и уговаривала его вернуться, звала и манила. Эйзел видел, как темнеет лицо ребенка. Наверное, Накар почувствовал, что Ала-эх-дин Бейха здесь больше нет. Хорошо, что он сломал второму мальчишке шею.

Говорить Эйзел не мог, только замычал, предостерегая ее. Чаровница была начеку и услыхала сигнал.

– Еще чуть-чуть, Эйзел. Одну минутку, не больше. Не пускай их.

Не пускай. Легко сказать. Тысяча чертей, как он может не пустить их? Он бессилен, кроме чистого веса, у него не осталось ничего. Дикари вот-вот стряхнут его с люка. Он шлепнется в лужу, точно дохлая лягушка, будет валяться там и смотреть, как они один за другим вылезают на крышу и нападают на госпожу.

Лицо мальчика быстро темнело. Сгущались тучи. Гремел гром.

Эйзел уже не сомневался, что Накар вернулся в мир. Теперь его волновало другое – что станется с ним, сыгравшим свою роль. Ведь в нынешнем своем состоянии он не сможет вовремя покончить с Отвратительным.

– Он идет, он идет, он приближается, – задыхалась Чаровница. – Мы сделали это, Эйзел. Мы сделали это.

* * *

Аарон с Ногахом вместе навалились на металлическую крышку. Она не поддавалась… еще… еще… наконец-то… есть!

Крышка чуть сдвинулась – и Ногах тут же одним мощным ударом отбросил ее и выскочил на крышу. Как будто и не уставал вовсе, как будто не было этого изнурительного подъема.

Ноги Ногаха еще не скрылись из виду, а Аарон уже последовал за ним.

Ногах бросился на свалившегося с люка похитителя детей. И тот достойно встретил врага.

Ну и силища у этого разбойника, подивился Аарон. Беспомощный, израненный, он нанес здоровенному дартарину молниеносный удар, отбросивший того на парапет.

Аарон потом не мог поверить, что оказался способен совершить такое и даже получить от этого некоторое удовольствие – что было силы он пнул бандита ногой в голову.

Потом, когда в люке показалась голова Меджаха, он повернулся к сыну и Чаровнице.

Ариф внимательно смотрел на отца. Но нет, то был не Ариф. То было таинственное, мрачное, опасное и злобное существо. Враг. Аарон окаменел, отказываясь верить своим глазам.

Меджах кинулся на Чаровницу с ножом. Она сделала едва уловимое движение. Нож в руке дартарина загорелся и зашипел под падавшими на него дождевыми каплями. Меджах вскрикнул, отбросил оружие и упал прямо на женщину, чуть не сбив ее с ног. В руке Чаровницы блеснул стальной клинок, но она успела нанести только один слабый удар. Аарон опомнился и случайно успел перехватить ее запястье. Выбравшийся из люка Махдах набросился на колдунью сзади. Теперь она была зажата в тисках между ним и Аароном.

Аарон оглянулся на Арифа. Темное существо по-прежнему владело его сыном, но какая-то неуверенность появилась в нем. Это невозможно было описать. Точно… точно настоящий маленький Ариф глядел из глаз чудовища и молил о помощи.

Геродианская колдунья Анналайя поднялась на крышу башни.

* * *

Фа'тад вместе со своими именитыми пленниками стоял на галерее Резиденции и смотрел на крепость. Наконец на крыше башни показались огоньки. В свете их он узнал плотника-вейдин.

– Сделано.

– Вы добились своего, – согласился генерал Кадо. Фа'тад усмехнулся:

– А ведь похоже на то. Фатиг, доставьте туда родных плотника. Они обязательно должны встретить его внизу.

– В Кушмаррахе есть поговорка – цыплят по осени считают. Фа'тад обернулся к бел-Сидеку:

– Сэр?

– Магические штучки. Двое против одной, и никто из ныне живущих колдунов не в силах тягаться с ними.

Раскаты грома, вспышки молнии во тьме, ливень были точно радостные, приветственные крики темных богов. Облака кружились в бешеном танце.

Улыбка на лице Фа'тада увяла.

* * *

Чаровница высвободилась, схватила мальчика и выставила его перед собой, как щит. С каждым ударом грома все гуще становилась тень на лице ребенка.

– Слишком поздно! – прокаркала Чаровница. – Ты опоздала, проклятая назойливая сучка. Ты уже не остановишь его. А у меня достанет силы задержать тебя до его прихода. – Она гордо откинула голову и закричала – молнии, небу, буре:

– Он пришел, Накар вернулся в мир! – Пусть все знают, весь Кушмаррах, весь свет. Час мести настал.

Геродианская колдунья опустилась на колени рядом с люком, нагнулась – и помогла подняться на крышу маленькому мальчику.

Тот, другой… Но разве Эйзел не сломал ему шею?

Чаровница зашаталась от ужаса.

* * *

Эйзел приоткрыл глаза. Он видел все как в тумане и слышал не лучше дряхлого столетнего старикашки. Но, преодолевая боль, он постарался оценить ситуацию. И тут как раз геродианская сучка втащила на крышу своего сучонка.

Эйзел не попался на удочку. Ни на минуту. Ведьма с помощью своего искусства подлечила мальчишку, но Ала-эх-дин Бейха не было в его теле. Иначе бы поднялась такая буря, что проклятая башня раскололась бы на мелкие кусочки. А Чаровница поверила – пусть лишь на одну минуту. Поверила и сдалась, поверила и решила, что такова воля судьбы, что она должна поплатиться за гибель мужа.

Проклятая глупая баба.

Но хорош и он. Лежит здесь еле живой – и ради кого все это? Ради нее? Сколько же дури оказалось в нем! С чего он вообразил, что когда-нибудь госпожа будет принадлежать ему?! Он был

просто кретином, глупее тех, кого дурачил всю свою жизнь. Он позволил идиотской мечте управлять собой…

Эйзел окинул взглядом всех их – женщин, мальчишек, плотника, дартар. Он не испытывал сожаления, не чувствовал угрызений совести. Но он был все еще жив. А пока Эйзел-Разрушитель жив, он принимает решения.

– Эй, полегче! – Плотник попытался перекричать бурю. – Что это вы вздумали? Стойте!

Глупая женщина, глупая до последнего. Не дает себе труда задуматься, пошевелить мозгами. Купилась на дешевый трюк жалкой заморской ведьмочки.

Вместо того чтобы бороться, заставить их поплатиться жизнью, ответить за все, она снова выбрала самый легкий путь.

Чаровница оттолкнула плотника, отступила, последний раз оглянулась на ненавистный город и бросилась с башни вниз.

Дурацкая смерть. Она сама подписала себе приговор. Предала себя.

Никто на него не смотрел. Адских усилий стоило ему поднять руку от пояса ко рту…

Он мог остановить ее, думал Эйзел, погружаясь во мрак. Мог закричать. Это стоило бы ему жизни, но он бы предупредил госпожу перед этим последним отчаянным шагом. Он мог отдать ее Накару… Последнее, что увидел Эйзел, был мальчик, Ариф. Накар смотрел из его невинных детских глаз – и Накар понял. Своим молчанием он погубил обоих – Чаровницу и колдуна.

Нечеловеческим усилием воли Эйзел заставил себя насмешливо улыбнуться и помахать на прощание рукой.

* * *

Аарон попытался удержать Чаровницу. В последний момент она передумала, хотела ухватиться за его протянутую руку, но расстояние между ними было слишком велико. Из темноты до стоявших на крыше дартар донеслось имя Накара и проклятие Кушмарраху.

* * *

Случайность? Или подействовало проклятие? Или то рыдали боги? В момент, когда тело Чаровницы разбилось о камни, земля содрогнулась. Толчок был еле заметен. Но его оказалось достаточно.

Зияющая трещина появилась в сочащейся водой стене дома ничем не замечательной жительницы округа Шу. Посыпалась штукатурка. Поток воды хлынул наружу.

Стена рухнула. Волны одно за другим погребали под собой встречавшиеся на пути здания.

Через несколько минут вся запертая в лабиринте вода вырвалась на свободу.

Из порта – если бы нашлись там сторонние наблюдатели – зрелище было ужасающим. Водяная лавина с ревом неслась к заливу, увлекая за собой обломки домов, булыжники, трупы людей и животных…

* * *

Йосеха вытащили на крышу. На ним вылезли Мо'атабар и остальные дартары. Приготовили веревки. Люди Фа'тада ждали внизу.

Первой спустили геродианскую колдунью, чтобы она смогла сразу же заняться Арифом и ранеными. Анналайя успела уже усыпить мальчика. Аарон же успел понять, что, проснувшись, сыночек его и не вспомнит так близко нависшую над ним угрозу. Конечно, какие-то воспоминания о днях плена останутся – но самое худшее изгладится без следа. Зато он никогда не забудет, как отец пришел ему на помощь.

После Йосеха настал черед Аарона. Едва коснувшись мостовой, он увидел Лейлу, и Миш, и Стафу. Даже старушка Рахеб ждала его. Правда, Миш смотрела не только на них с Арифом. Поглядывала она украдкой и на Йосеха. Колдунья почти исцелила его раны, и теперь юноша страдал не столько от боли, сколько от жестокого смущения. Братья же до небес превозносили его подвиги.

Лейла прижимала к себе Аарона и Арифа и рыдала Так, как не рыдала со дня возвращения мужа из геродианского плена. Весь страх и напряжение нашли выход в нескончаемом потоке слез.

* * *

– А как быть с этим? – спросил Меджах Махдаха, пиная ногой тело похитителя детей.

– А что с ним? Он подох наконец?

– Истек кровью, надо полагать.

– Так пускай валяется. Завтра Фа'тад пришлет сюда отряд

чистильщиков. Они этим и займутся. Я устал как собака. Об одном мечтаю – спуститься с проклятой башни и завалиться спать.

Меджах пожал плечами, потыкал в труп носком сапога.

– А он был крепким парнем. Для вейдин.

– Замечательная эпитафия, братишка. Слова истинного дартарина. Твоя очередь. Давай спускайся по-быстрому.

* * *

Люди, которым поручено было вывести из крепости пленных, вынести сокровища, а заодно и тела погибших, не обнаружили трупа на крыше башни. Исчезновение его признали весьма загадочным, но ни у кого не было охоты долго ломать голову над этой загадкой.

* * *

Аарон утверждает, что больше рассказывать нечего. Однако он не совсем прав. Ведь История – это целая буханка, а не один ломоть, поток, увлекающий за собой жизни людей. История Аарона Хэбида – лишь частичка общей истории, результат одних и причина других событий.

ЭПИЛОГ ПЕРВЫЙ
БЛИЖАЙШИЕ СОБЫТИЯ

Через шесть дней после падения кушмарраханской крепости произошло сражение войска Кретиуса Марко с ордой налетчиков-турок. Геродиане перебили или взяли в плен почти всех дикарей. Уцелела лишь жалкая горсточка. В тот же день, в сотнях километрах от Марко, на востоке, Диро Лусилло получил известие о событиях в Кушмаррахе. Гнев генерала обратился на сопутствующих ему наемников-дартар. Однако Джоаб сумел увести своих людей и бежал с ними дальше на восток, захватывая по дороге все мосты. Через четыре дня его отряд одним внезапным ударом овладел Семью Башнями. С запада же Кушмаррах был неприступен.

Чуть раньше геродианские корабли вошли в кушмарраханский порт и сдались без боя.

Прошло восемь дней с захвата крепости Накара Отвратительного, и Фа'тад ал-Акла, после долгих и жарких споров с полковником Сису бел-Сидеком, объявил Кушмаррах Дартарским королевством. Бел-Сидек до конца дней своих оставался его первым визирем.

Другие атаманы Союза Живых не дожили до основания нового государства.

Фа'тад послал в горы Хадатха за оставшимися там дартарами. Таким образом он спас свое племя от вечного страха перед безжалостной засухой.

Через восемнадцать дней, ободренный неудачами Герода на западе, в войну вступил Хоркни, султан Аквира. Он и его союзники выиграли несколько сражений, но одно оказалось лишним: они захватили в плен главнокомандующего геродианской армией. Его сменил беженец Лентелло Кадо, который положил конец посягательствам Аквира на Альгедо. Союзники покинули Хоркни, а сам султан с сыновьями остались на поле боя.

ЭПИЛОГ ВТОРОЙ
ДАЛЕКОЕ БУДУЩЕЕ

Кушмаррах пережил правление пяти дартарских королей. Фа'тад правил восемнадцать лет. Джоаб – шесть месяцев. Моамар продержался три года. Фарук – восемь лет. И наконец, Джуба. Джуба был у власти двадцать девять лет, из них двадцать восемь война не прекращалась ни на минуту.

* * *

Аарон Хэбид до конца жизни строил корабли. С его верфи выходили отличные галеры, доставлявшие массу неприятностей геродианскому флоту. Сын его Ариф пошел по стопам отца. Но второй сын – Стафа – стал отважным капитаном. Одним из тех неустрашимых морских волков, которые до того донимали геродиан, что Сенат Империи объявил Третью Кушмарраханскую войну. Свояченица Аарона – Тамиса – посвятила себя богу Араму и умерла бездетной.

* * *

Насиф бар бел-Абек занял солидное положение в геродианской империи. Он достиг ранга проконсула и управлял последовательно тремя различными восточными провинциями. После отставки Насиф удалился на виллу в Карении. Сын его Зуки (Сукко) был знаменитым юристом и философом. Благодаря же внуку, Пробио, семья поднялась еще на одну ступень. Пробио стал сенатором.

* * *

Печально сложилась судьба Лентелло Кадо. Он умер в изгнании, угрюмым, разочаровавшимся во всех и вся стариком. Никакими блестящими победами, одержанными во славу Герода, он не смог заслужить прощения своих недоброжелателей в столице Империи.

* * *

Братья Ногах, Меджах и Йосех приняли знамя из рук неистового Фа'тада ал-Аклы. На суше и на море они преследовали и изничтожали геродиан.

На четвертом году Третьей Кушмарраханской войны Йосех привел флот в гавань Утиум, порт Герода. Он сжег город и геродианские корабли, а затем разорил окрестности самого Герода, хотя взять столицу Империи не смог.

На одиннадцатом году войны войска братьев высадились в Эдрии, к северу от Герода, и удерживали ее четырнадцать лет, несмотря на многочисленные попытки геродиан отбить город. Закрепившись в Эдрии, дартарские братья дважды осаждали столицу. Отвага их не знала границ, но каждый раз несгибаемое упорство и лучшая оснащенность геродианской армии не позволяли одержать окончательную победу.

Третья Кушмарраханская война продолжалась двадцать восемь лет. Кушмаррах выиграл все основные сражения, кроме последнего – у стен города.

Легионы Герода не оставили от Кушмарраха камня на камне. Два столетия спустя император Петиа Магна основал на том же месте новый город. Он носил имя Кушмаррах, но был геродианским до мозга костей.

Кушмаррах пал на семьдесят четвертом году жизни Йосеха. Он стал пиратом, прожил еще тринадцать лет и погиб от шальной стрелы, выпущенной безвестным геродианским морячком.

Старый отшельник в одной небольшой, тихой и мирной стране прожил почти столько же. Он охотился, ловил рыбу и время от времени наведывался в ближайшую деревеньку – узнать свежие новости и посмеяться про себя над заблуждениями и глупостью мира. Он никогда не вспоминал прошлое и не жалел ни о чем.